

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ
МАРКСИЗМА
В РОССИИ

1883-1893 гг.

Don't know

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Р.В.Филиппов

ПИОНЕРЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ

1883-1893 гг.

Историкографический
очерк

Для Писанова
М 89-3748/6

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

Научный редактор — доктор исторических наук,
профессор В. П. НАУМОВ

Рецензент — доктор исторических наук,
профессор А. А. ЧЕРНОБАЕВ

Литературный редактор — О. Н. ЛЕЖНЕВА

Филиппов Р. В.

Ф53 Пионеры марксизма в России (1883—1893 гг.);
Историко-гр. очерк. — М.: Политиздат, 1989. — 367 с.
ISBN 5—250—00387—7

В Очерке доктора исторических наук, профессора Р. В. Филиппова на основе ленинской концепции генезиса РСДРП рассматривается советская историография узловых проблем возникновения марксизма в России (предпосылки русской социал-демократии, переход революционной мысли страны к научному мировоззрению, творческая разработка марксистской теории применительно к отечественным условиям и др.). Показана связь исследования этих проблем с общественно-политической борьбой переходного периода, выявлены особенности и противоречивый характер историографического процесса.

Очерки предназначены для научных работников, преподавателей истории СССР и истории КПСС, аспирантов и студентов исторических факультетов.

Ф 0502000000—030 142—89
079(02)—89

ББК 66.61(2)251

ISBN 5—250—00387—7

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не только результат исследования,
но и ведущий к нему путь должен
быть истинным.

К. Маркс

Сюжет предлагаемых очерков — история изучения советскими исследователями первого («утробного») периода российской революционной социал-демократии. Этот период охватывает около 10 лет: 1883—1893 гг. С тех пор прошло целое столетие, и на всем его протяжении никогда не ослабевал интерес — и в нашей стране, и за рубежом — к идейной жизни указанного десятилетия. Это понятно: речь идет об истоках и первых шагах движения, которое привело к созданию Коммунистической партии, — того «рычага», с помощью которого большевики «перевернули» Россию.

За 100 лет интересующая нас необычайно сложная проблема «обросла» огромным кругом разнообразной литературы, отразившей всю шкалу направлений отечественной исторической науки. Историографическая разработка этой литературы в полном объеме, в конкретно-историческом контексте движения общественно-политической мысли — дело будущих коллективных усилий обществоведов. Автор же предлагает лишь историографический очерк, ограничивая сферу своих интересов хронологическими, содержательными и собственно историографическими параметрами.

Хронологически исследование ограничивается строго определенными рамками: рассматривается литература, вышедшая в период от Великого Октября до середины 30-х гг. Это, на наш взгляд, цельный, внутренне законченный цикл движения исторической мысли в разработке данной проблемы, — движения, являвшегося органической частью историографического процесса в условиях трудного, противоречивого и драматичного переходного периода в истории нашей страны. Историография — особый вид научной ретроспекции, без которой немисливо поступательное движение самой исторической науки. Без деталь-

ной проработки истории изучения отдельных проблем невозможно создание полноценной общей историографии истории КПСС. Поэтому изучение истории исследования первого периода существования российской социал-демократии в указанных хронологических рамках не только вполне правомерно, но и необходимо. Это особенно важно сейчас, когда процесс революционной перестройки нашего общества делает неизбежным частичный или полный пересмотр тех точек зрения, которые все еще довлеют над общественным сознанием, хотя далеко не всегда отражают историческую правду во всей ее полноте.

В жизнедеятельности российской социал-демократии 1883—1893 гг. «преобладающее место занимали вопросы теоретические»¹. Естественно, что в нашем очерке основное внимание уделено работам, позволяющим воссоздать процесс изучения идеологического перелома, обозначившего возникновение в стране марксистского направления общественной мысли, а также программных и тактических исканий пионеров российского марксизма — деятелей социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. При этом автор стремился из всего многообразия точек зрения по различным вопросам темы вычлениить и рассмотреть концептуальные построения, оказывавшие влияние на весь исследовательский процесс. Принцип проблемного изложения, положенный в основу «организации» историографического материала, в какой-то мере ограничивал это стремление, обязывая, в частности, неоднократно возвращаться ко взглядам тех авторов, чьи труды охватывали многие вопросы столь обширной темы. Но это — необходимые издержки, которые в конечном счете не помешали выяснению основных тенденций в ее разработке.

Располагая объемом в 20 печатных листов, автор сознательно опустил некоторые обязательные элементы историографического анализа (биографические сведения об авторах, обстоятельства создания их трудов и т. п., не говоря уже о проблематике, давно ставшей предметом специального изучения). Читатель не найдет в предлагаемом очерке и специального раздела об исторических источниках, лежащих в основе конкретно-исторического изучения социал-демократического движения. В историографическом исследовании такой раздел представляется излишеством: во-первых, он по необходимости может представлять

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 465.

лишь выборочный перечень (а не анализ) источников, а во-вторых, — и это главное — речь должна идти об исторической базе не проблемы в целом, что естественно для конкретно-исторического исследования, а тех историографических фактов, которые в данном случае и являются основным объектом рассмотрения.

Читатель, несомненно, заметит, что центральное место в очерке занимает процесс изучения идеологии и деятельности группы «Освобождение труда». Это связано не с какими бы то ни было субъективными предпочтениями, а лишь с состоянием источников, с тем объективным фактом, что именно эта группа, которая шла в авангарде российской марксистской мысли в 1883—1893 гг., естественно привлекала наиболее пристальное внимание историков партии. Необходимо было определить ее роль в становлении и развитии российского социал-демократического движения, а для этого — научно оценить созданный ею мировоззренческий комплекс, названный В. И. Лениным «доктриной русского марксизма»¹, соотнести его не только с предшествующей общественно-политической мыслью России и Западной Европы, но и с большевизмом. Перед историками во весь рост встали две тесно связанные и взаимопроницающие проблемы: «Плеханов и марксизм», «Ленин и Плеханов». В решении этих проблем историко-партийная мысль 20 — первой половины 30-х гг. обнаружила громадную амплитуду колебаний; она могла бы показаться совершенно невероятной, если бы мы не ощущали этих колебаний и по сей день.

В самом деле, каждый, кто следит за нашей научной литературой по данной проблеме, постоянно сталкивается с удивительным разнообразием во взглядах на соотношение теоретической мысли Плеханова-марксиста с учением самого Маркса, с одной стороны, и с учением Ленина — с другой. Конечно, сейчас только по недоразумению могут еще появляться работы, в которых революционный социал-демократизм Плеханова вообще выводится за пределы «настоящего» марксизма, а ему самому отказывается в общепризнанной заслуге основателя «русского марксизма»². Но и в трудах серьезных ученых, пытающихся осмыслить роль Плеханова в истории марксистской мысли, с трудом преодолевается все еще сохраняющееся (в тех

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 352.

² См.: Дожской М. В. Правда истории против лжи: Ленинское учение о партии и его буржуазные фальсификаторы. М., 1986. С. 25—26.

или иных вариантах) представление о «неполноценности» марксизма Плеханова.

В качестве примера можно указать на книгу М. А. Лифшица. С одной стороны, он отмечает, что в 80-е гг. Плеханов «стал пророком русского рабочего класса», что его «многосторонняя деятельность сыграла большую роль в процессе идейной подготовки Октябрьской эпохи», с другой — говорит о «плехановской версии марксизма» как лишь о близкой к идеям Маркса и Энгельса «азбуке революционной теории», от союза с которой никогда не отказывался Ленин. Автор дает понять, что этот союз еще не исчерпал себя. «Не исключено, — пишет он, — что некоторые черты современной истории, например, громадное расширение массы ее участников, изменение состава рабочего класса, особая роль национального подъема и тяжкий гнет Big Government, «большой власти», способствуют возрождению исторического идеализма, с которым боролся Плеханов на исходе прошлого века. Вот почему очень может быть, что время Плеханова еще впереди»¹.

Одновременно мы встречаемся, как это справедливо отмечалось в литературе, с прямыми отступлениями от исторической правды, «когда авторы идут по легкому пути, опускают целые периоды в жизни Плеханова, не раскрывают противоречивости, сложности, порой трагичности, присущей жизнедеятельности и творчеству Плеханова»². С этой точки зрения характерны суждения Г. И. Куницына. Он утверждает: «Большая беда всего вообще русского революционного движения то, что оно слишком долго находилось под сильным влиянием Плеханова. В том числе и Ленин». И далее: Плеханов и его группа «Освобождение труда», «принесли несомненную пользу в пропаганде чисто теоретического марксизма, принесли все-таки... много отрицательного и прежде всего тем, что долгое время держала под своим влиянием Ленина. И как раз в той мере, в какой он от них освобождался, в той мере, в какой он уходил от них, в той только мере он подходил все ближе к тем взглядам, которые у него сложились к моменту Октябрьской революции»³. Плеханов, человек «гениальный по самой натуре», «от единственного человека

потерпел поражение, и то не столько в споре, сколько в истории — от Ленина».

Так представляется Г. И. Куницыну «силовое поле плехановских заблуждений». Пусть читатель вдумается в эти суждения, и он найдет в них очень мало правды. Во-первых: Плеханов отнюдь не ограничивался пропагандой «чисто теоретического марксизма». Он сумел творчески подойти к задаче применения теории Маркса к условиям России «со всеми практическими выводами»⁴, нашедшими воплощение в программных документах группы «Освобождение труда». Во-вторых: до определенного времени Плеханов обладал могучим «силовым полем» — не «заблуждений», а марксистской истины. Он развернул эту истину в ряде работ, на которых воспитывалось целое поколение русских марксистов. Не потому ли до определенного времени Ленин видел в Плеханове «любимого человека», признавал его «теоретическую правоту», был его «ярким поклонником»?⁵ Чтобы увидеть во всем этом «большую беду всего вообще русского революционного движения», надо обладать такой логикой, которая остается для нас непостижимой. В-третьих: Ленину не было необходимости «освободиться» от «плехановских заблуждений»: он просто никогда их не разделял. И если он иногда в чем-то ошибался («...не ошибается только тот, кто ничего не делает»⁶), то это были ошибки, к которым Плеханов не имел никакого отношения. В-четвертых: Ленин одержал полную победу над Плехановым именно «в споре», что и позволило ему увлечь за собой революционное крыло РСДРП, убедить в своей правоте большинство трудящихся масс и только в силу этого победить и «в истории». Ленин не был бы гением революционной теории и революционного действия, если бы вплоть до «момента Октябрьской революции» был обременен хотя бы ничтожной долей «плехановских заблуждений».

Этот маленький экскурс в современность мы сделали не для того, чтобы лишний раз показать, к каким безнадёжным тупикам приводит отступление от принципа историзма, а чтобы читатель мог вочию убедиться в огромной живучести сложившихся некогда и завладевших общественным сознанием стереотипов. Они пришли к нам из глубин историографического процесса. Тем интереснее за-

¹ Лифшиц Мих. Г. В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов. М., 1983. С. 4, 138—140.

² Новик М. Т. Идеино-философская деятельность Г. В. Плеханова в группе «Освобождение труда» // Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л., 1985. С. 58.

³ Литературная учеба. 1987. № 5. С. 9.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 96.

⁵ См. там же. Т. 4. С. 344, 345, 347.

⁶ Там же. Т. 45. С. 30.

глянуть в эти глубины для того, чтобы обнажить исторические корни этих стереотипов, рассмотреть их происхождение в свете марксистской методологии, сквозь призму ленинских взглядов на первый период истории российской социал-демократии и в связи с этим на различные аспекты деятельности Плеханова и группы «Освобождение труда».

Автор отдает себе полный отчет в трудностях этого рассмотрения. Ведь историография по необходимости включает критический подход к авторскому исследованию, предполагает установление соотношения между декларируемыми тем или иным историком идейно-теоретическими принципами и уровнем реализации их в исследовательской практике. К сожалению, в изучаемый период очень часто возникала «вилка», игнорирование которой весьма удобно для тех, кому историография истории партии представляется в виде совершенно бесконфликтного и обязательно поступательного (для любого отрезка времени и применительно к любой теме) движения. Между тем очевидно, что только с учетом указанного соотношения можно говорить об уровне изучения той или иной проблемы в тот или иной период.

Многие исследования 20 — первой половины 30-х гг. в силу ряда обстоятельств содержат подчеркнута критическое отношение к теоретическому наследию группы «Освобождение труда». Но, как говорил Плеханов, «для того, чтобы критиковать того или другого автора, нужно глубже, нежели он, проникнуть в смысл тех явлений, которые он изучал или объяснял»¹. Поскольку зачастую приходится сталкиваться с какой-то фатальной неспособностью отдельных авторов к аутентичному истолкованию тех или иных теоретических или практически-политических суждений марксистов 80-х гг., постольку остро встает вопрос о профессиональных возможностях этих авторов, что тоже никак нельзя игнорировать.

Большие трудности перед историком советской исторической науки встают в связи с крайне слабой разработанностью методологии историографии истории КПСС как науки. Первые поиски историков партии в этом направлении оказались в непримиримом противоречии с культом личности Сталина. Связанное с его именем заведомо субъективистское истолкование многих исторических событий и фактов неотделимо от той далеко не новой в истории общественных наук тенденции, которую в свое время под-

¹ Плеханов Г. В. Сочинения: В 24 т. М.; Л. [1925]. Т. 14. С. 327.

верг убийственной критике Карл Маркс, а именно: стремление «приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована *чуждыми* науке, *внешними* для нее интересами...»².

По нашему глубокому убеждению, нельзя закрывать глаза на отражение этой тенденции в посвященных первому периоду истории российской социал-демократии историко-партийных исследованиях 20 — 30-х гг. Действительно трудная задача состоит как раз в том, чтобы найти грани, отделяющие указанную тенденцию (а в связи с нею и ложное понимание принципа партийности) от подлинно научных поисков. Эти две линии не только противостояли друг другу, не только противоборствовали друг с другом, но и порой тесно переплетались. И уже только этот факт не оставляет места для однозначных оценок, для антиисторического приукрашивания и «спрямления» путей исторического познания.

«Надо говорить правду...»³ Так неизменно ставил вопрос Ленин применительно к политике и ее научному обоснованию. С ленинской точки зрения, правда — и есть подлинная партийность, и лишь в этом качестве последняя не только не противостоит объективности, но, напротив, диалектически сливается с ней. Сталкиваясь с такими явлениями в исторических исследованиях, когда допускался разрыв этой диалектической связи, автор не считал возможным уклоняться от их принципиальных оценок, хотя его критика и затрагивает весьма деликатный и болезненный вопрос о нравственной позиции того или иного историка.

Считаем, однако, необходимым со всей решительностью подчеркнуть, что мы бесконечно далеки от того, чтобы рассматривать эти оценки как единственно возможные и, стало быть, единственно правильные: установка на истину в последней инстанции — худший вид доктринерства, догматизма и ограниченности.

Опыт познания прошлого еще древним позволил сделать вывод, сформулированный панегиристом императора Траяна Плинием Младшим: «...история не должна переступать пределов истины...»⁴ На исходе XVIII в. Ф. Шиллер пришел к заключению, что «истории не подобает быть пане-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 125.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 385.

⁴ Письма Плиния Младшего: Письма I—X. 2-е изд. М., 1984. С. 137.

гирком»¹. Еще меньше, по нашему мнению, это подобает историографии. Ведь взгляд историографа на свои источники не может не быть сугубо критическим: фактически он рассматривает сквозь призму новейшей общественно-политической практики заложенные в них идеи, точнее, историю идей, а «история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»². В развитии историко-партийной науки это и есть та живая и достойная самого тщательного изучения нить, которая связывает историю и современность с тем уроком правды, который дал XXVII съезд КПСС.

В наше время любое историческое исследование, выполненное в рамках научного учреждения, в определенном смысле является результатом коллективного труда. Поэтому автор считает своим долгом выразить глубокую признательность докторам исторических наук Н. В. Блинову, С. С. Волку, В. П. Наумову, В. В. Шелохаеву и А. А. Чернобаеву, чьи ценные замечания, советы и пожелания были с благодарностью приняты и учтены в той мере, в какой это позволило ему завершить свою книгу.

Часть I

ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 5. С. 445.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГЕНЕЗИСА РСДРП

...Я сохраняю за собой полную свободу войны
по поводу искажения истории партии.

В. И. Ленин

В знаменитой статье «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин высказал мысль, ставшую крылатой: «Учение Маркса все-таки верно, потому что оно верно». Эта мысль отразила высший принцип всей его жизни — верность учению Маркса и Энгельса. Но, как известно, он всегда решительно выступал против догматизации Марксовой теории. Своё отношение к ней он выразил с предельной четкостью: «Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях»¹. И далее, выясняя принципиальную разницу между творческим развитием марксизма и ревизионистским извращением его в духе Бернштейна и его последователей, Ленин подчеркивал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»².

Никто не сделал в этом отношении больше, чем сам Ленин. Творчески развивая критическую и революционную по существу своему теорию Маркса в исторических условиях новой эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, он опирался на диалектико-материалистиче-

ский анализ истории и современности. Поэтому теоретическое наследие Ленина наполнено не только богатейшим теоретико-методологическим, но и громадным по объему и разносторонности конкретно-историческим материалом. В совокупности оно представляет собой фундаментально разработанную концепцию всемирной и отечественной истории, без которой было бы невозможно дальнейшее творческое развитие марксизма.

В этой концепции, вызванной к жизни необходимостью решения кардинальных проблем стратегии и тактики партии рабочего класса в революционном преобразовании современного мира, большое место занимает комплекс сложных проблем предыстории и истории социал-демократического движения в России. Рассматривая это движение не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего, Ленин вскрыл основные закономерности развития социалистической мысли и рабочего движения в России на путях их слияния в единое социал-демократическое движение и, следовательно, выработки его высшей формы — самостоятельной рабочей социал-демократической партии.

Поэтому мы имеем все основания говорить о ленинской концепции истории раннего социал-демократического движения как органической части его учения о партии нового типа. Этот ранний период охватывает двадцатилетний промежуток времени — от возникновения группы «Освобождение труда» до II съезда РСДРП. В соответствии с темой и задачами нашей работы основной акцент мы, естественно, делаем на том периоде в истории русской социал-демократии, когда она как политическая партия переживала «процесс утробного развития». Ленинская концепция, следовательно, охватывает процесс развития «не только большевизма, но и *всего* русского марксизма *вообще...*»³, хотя ее сердцевину составляет, несомненно, генезис большевизма: свою высшую форму — партию нового типа — российское рабочее движение выработывало под идейным и практическим руководством Ленина. С его именем неразрывно связано зарождение в России рабочего движения в его «новейшей, массовой и освещенной светом марксистского учения форме»⁴, рождение социал-демократии как массового движения⁵, начало нового — ленинского — этапа в развитии марксизма. Лишь с учетом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 405.

² Там же. Т. 22. С. 72.

³ См. там же. Т. 21. С. 13.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 182.

² Там же. С. 184.

осуществленного Лениным творческого, глубоко новаторского развития марксистской теории и практики революционной социал-демократии возможен и научный анализ его взглядов на генезис РСДРП.

В. И. Ленина глубоко интересовали все аспекты теории и практики революционно-освободительного движения, поскольку необходимо было на строго научной основе «показать, как вековая история демократических движений в России привела к образованию самостоятельного движения рабочей демократии под идейным знаменем марксизма...»¹.

В соответствии с этим в ряде работ («Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России» и др.) Ленин на строго научной основе установил главные этапы освободительного движения XIX — XX вв. в России, их хронологические рамки, социальный состав участников и классовую базу, его глубинную демократическую первооснову, сильные и слабые стороны, а также критерии, позволяющие судить о его поступательном, восходящем развитии. В этом ленинском анализе освободительное движение допролетарского периода предстает перед нами как диалектический процесс, органично и цельно включающий в себя единство и преемственность революционных поколений и заложенных ими революционных традиций, страстных теоретических и программно-тактических исканий на тернистом пути к марксизму.

Из всей проблематики, связанной с предысторией возникновения социал-демократии в России, Ленин особо выделял вопрос о «наследстве», оставленном предшествующим революционным движением. Этот вопрос уже в 90-х гг. приобрел острое политическое звучание. В развернувшейся полемике Ленин научно обосновал отношение русских марксистов к идейному наследию и прогрессивным традициям русской общественной мысли и революционной практики.

На роль преемников освободительной борьбы 60—70-х гг. претендовали, с одной стороны, представители либеральной буржуазии, подвигавшиеся к созданию своей политической партии, а с другой — либеральные народники, политическая программа которых, в отличие от старого «социально-революционного народничества» 70-х гг., представляла уже культурнический оппортунизм, сли-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 102.

вающийся с либерализмом и выражающий только интересы мелкой буржуазии¹. Это не мешало им обвинять марксистов в том, что они будто бы «отказываются от идейного наследия предыдущих поколений русских борцов за идеалы»², что они обрывают «демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли»³.

В. И. Ленин тогда же, т. е. в 90-х гг., решительно отверг неосновательные претензии и облыжные обвинения и тех и других. Говоря о буржуазных либералах как о людях, дрожавших больше всего за свою шкуру и не оказавших в решительный момент (в период революционной ситуации 1879—1881 гг.) поддержки героям, наносившим удары самодержавию⁴, он подчеркнул, что они менее всех других могут претендовать на роль наследников революционных традиций, ибо никогда не вели революционной борьбы с самодержавием, что «подводить, хотя бы и косвенно, мирную легальную деятельность под понятие борьбы с самодержавием»⁵ — значит содействовать тому массовому политическому развращению населения, которое проводилось самодержавием повсюду и постоянно. Ленин показал, что буржуазные либералы, вставшие на путь измены демократическому движению еще в период первой революционной ситуации (1859—1861 гг.), в начале XX в. пришли к полнейшему политическому разрыву с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями⁶. Этот факт Ленин подтвердил блестящим анализом известного кадетского сборника «Вехи» — этой, по его определению, энциклопедии либерального ренегатства.

Что же касается либеральных народников из журнала «Русское богатство», то еще в 1894 г. В. И. Ленин показал, что их претензии на роль хранителей «идеалов отцов», революционных социалистов 60—70-х гг., представляют собою «уже совсем безобразные, которое было бы глубоко возмутительно и обидно, если бы «Русское богатство» не было слишком забавно», если бы эти претензии не вызывали только гомерического смеха. «Да, вы пачкаете эти идеа-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 283.

² Ольминский М. Статьи о Шедрине, 1907—1929. М., Л., 1930. С. 149.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 550.

⁴ См. там же. Т. 4. С. 266—267.

⁵ Там же. Т. 5. С. 58.

⁶ См. там же. Т. 19. С. 168.

ды!»¹ — писал Ленин, неопровержимо доказав тот факт, что либеральные народники с Н. К. Михайловским во главе порвали с идеалами первых русских социалистов, скатились к проповеди мелких реформ в рамках существующего строя. «Топыряются же подобные слизняки, — восклицал он, — толковать о безыдеальности социал-демократов!»²

Особое внимание Ленин уделил разоблачению вздорной выдумки, «будто бесповоротный разрыв «учеников» (т. е. русских марксистов. — Р. Ф.) с народничеством знаменует разрыв с лучшими традициями лучшей части русского общества». «Не наоборот ли, господа? — спрашивал он. — Не знаменует ли такой разрыв *очищение* этих лучших традиций от народничества?»³

Это, конечно, не означало, что Ленин тем самым отбрасывал «заветы старого русского народничества, ценные для марксизма»⁴. Напротив, в вопросе о преемственности революционных поколений и революционных традиций он на первое место ставил как раз никогда не прерывавшуюся «демократическую нить», которая вне зависимости от тех или других идейных сдвигов и специфически-народнических напластований определяла сущность освободительного движения на протяжении всего XIX в. Развитие и прочность этой нити — от Радищева и декабристов до деятелей пролетарского этапа — имели свое историческое мерило — связь неуклонно расширяющегося круга революционных борцов с народом. В знаменитой статье «Памяти Герцена» (1912) Ленин, говоря о трех поколениях, трех классах, действовавших в русской революции, подчеркнул в широком философско-социологическом смысле именно эту сторону восхождения России к социальным революциям XX в.

Эта сторона революционного процесса исключительно важна для понимания соотношения социал-демократии с буржуазной демократией, которая в условиях России так или иначе была окрашена в народнические тона. В указанной статье это соотношение выражено с предельной ясностью: вождь вызревавшей на протяжении десятилетий народной революции стал организованный в социалисти-

ческую партию рабочий класс, который поднялся во главе масс и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян¹. Закономерность освободительного движения состояла в том, что не народничество, а именно революционная социал-демократия взяла в свои руки знамя общенародной борьбы за свободу, подняла на небывалую высоту демократические традиции своих предшественников. Своим признанием великой исторической роли рабочего класса, отмечал Ленин, русские марксисты как раз и подхватывали «демократическую нить», выпускаемую из рук индифферентным «обществом», требовали ее развития, укрепления, приближения к жизни².

Непосредственными предшественниками русской социал-демократии Ленин считал Герцена, Белинского, Чернышевского и блестящую плеяду революционеров 70-х гг.³ Он говорил об этом, обосновывая великое значение революционной теории в тот момент, когда оппортунисты в Западной Европе и в России всячески пытались принизить ее значение. Указывая на предшественников, Ленин подчеркнул не только огромное значение, которое они придавали теоретическому обоснованию своего движения, но и тот факт, что сумели развернуть его, опираясь на передовую, прогрессивную для своего времени теорию. Это давало ему полное основание называть «революционеров 61-го года» «великими деятелями» своей эпохи⁴, а движение революционеров-семидесятников — авангардом международного революционного движения.

Столь высокая оценка уровня движения тех, кого он прямо называл «нашими предшественниками», была дана в прямой связи с предстоящим решением ближайшей задачи, которая была «наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны», — уничтожения самодержавия⁵. Тем самым Ленин выделит главную линию преемственности русского революционного социал-демократизма с движением предшественников. Эта линия — борьба за политическую свободу, за демократию, за уничтожение самодержавия.

Именно в этой плоскости лежит все то, что есть общего у революционного народничества и марксизма, — бескомпромиссная борьба с самодержавием, «защита демо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 271.

² Там же. С. 242. В. И. Ленин отмечал, что у «друзей народа» и следа не заметно пожеланий какого бы то ни было коренного изменения современных порядков (см. там же. С. 252).

³ Там же. Т. 2. С. 550.

⁴ Там же. Т. 1. С. 411.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.

² См. там же. Т. 1. С. 443.

³ См. там же. Т. 6. С. 25.

⁴ См. там же. Т. 20. С. 179.

⁵ См. там же. Т. 6. С. 28.

кратии путем обращения к массам»¹. В «Манифесте» I съезда РСДРП (1898) говорилось: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главной своей ближайшей задачей партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»². В. И. Ленин полностью солидаризировался с этим положением как составной частью принципов, имеющих «громадную важность для русской социал-демократии»³. При этом он исходил из того, что революционная социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие (т. е. решить эту временную и преходящую задачу, игнорирование которой было, однако, равносильно измене социализму), не взяв в свои руки руководство общедемократическим движением.

Вопрос о лучших традициях предшественников у Ленина с самого начала приобретал характер действенного орудия в борьбе за создание самостоятельной политической партии рабочего класса. «Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России, — писал он в 1899 г., — требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники»⁴. Он открыто признавал, что в этом отношении социал-демократы отстали от старых русских революционных партий, и ставил задачу приложить все усилия, чтобы догнать и перегнать их.

Революционная пролетарская партия, по мысли Ленина, должна была соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим⁵. Естественно, что из революционного опыта предшественников он особо выделял организационные принципы и достижения в области конспиративной техники. Ничуть не страшась обвинений в «народо-

вольчестве», считая их, напротив, лестными для каждого врага «экономизма»¹, он без колебаний призывал «учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники»², призывал «создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров»³.

Вместе с тем, исходя из признания, что русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России⁴, Ленин указывал на необходимость критически относиться к опыту тех, кого он называл корифеями 70-х гг., и самостоятельно выработать свою организацию⁵. Он всегда придавал важное значение выявлению в предшествующем движении не только положительного, но и отрицательного опыта, т. е. того, чему не следует подражать.

Как положительный, так и отрицательный опыт домарксистского революционного движения Ленин рассматривал с точки зрения его действительного значения для подготовки русской социал-демократии. Именно поэтому он тщательно изучал опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России, именно поэтому он брал на себя огромную исследовательскую работу, имевшую целью показать, какой сложный и трудный путь прошла она на пути к марксизму.

Разумеется, народничество, столь полно отразившее тернистый путь поисков правильной революционной теории, интересовало Ленина прежде всего как идеология крестьянской (буржуазной) демократии в России с ее громадным, еще не исчерпанным запасом сил⁶, как представительство интересов и идей русского мелкого производителя⁷, т. е. громадного большинства населения России. Исходя из этих всесторонне обоснованных им непреложных истин, указывающих на буржуазно-демократическую сущность народничества⁸, Ленин глубоко проследил диалектику развития и исторических судеб крестьянской демократии в стране — от середины XIX в. до кратковременного блока большевиков с левыми эсерами в 1917—

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 172.

² Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 176.

³ См. там же. С. 175.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ См. там же. С. 365.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 134, 136.

² Там же. Т. 4. С. 190.

³ Там же. Т. 6. С. 135.

⁴ См. там же. Т. 4. С. 190.

⁵ См. там же. Т. 6. С. 106, 107.

⁶ См. там же. Т. 22. С. 304—305; Т. 25. С. 328.

⁷ См. там же. Т. 1. С. 422, 529.

⁸ См. там же. Т. 9. С. 275.

1918 гг., научно обосновал отношение рабочего класса и его партии к крестьянству, к программным требованиям идеологов мелкой буржуазии, к их теориям и политике в целом. Но мы увидим далее, что вопрос о «наследстве» предшественников революционной социал-демократии остро встал перед историко-партийной мыслью в связи с изучением ее генезиса и мировоззренческих основ.

Взгляды Ленина на общий характер и важнейшие закономерности раннего социал-демократического движения вполне отстоялись к 1902 г. и получили концептуальное выражение в работе «Что делать?». Они были подготовлены всей совокупностью ленинских работ середины 90 — начала 900-х гг. В дальнейшем, уже на базе нового исторического опыта и потребностей идейно-политической практики большевизма, Ленин развивал и дополнял различные стороны своей концепции.

По своему внутреннему содержанию концепция Ленина представляет собой систему целого ряда взаимосвязанных проблем, каждая из которых в его трудах получила характер глубоких теоретических и конкретно-исторических обобщений. Но ключевое положение занимает в ней, безусловно, творчески развитое учение Маркса и Энгельса о закономерностях процесса соединения научного социализма с рабочим движением, в котором Ленин видел «единственный залог прочного и действительно революционного движения...»¹. Это — стержень всего ленинского учения о партии как политическом вожде пролетариата, ставящем перед собой задачу организации его массовой борьбы и руководства этой борьбой. Выделение пролетарски-демократической струи из общедемократического потока, начало пролетарского этапа в освободительном движении, соединение социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу пролетариата, конкретные пути внесения социалистического сознания в рабочее движение — все это единый комплекс сложных теоретических, политических, тактических и организационных проблем, которые Ленин решал в глубоком единстве, развивая марксистское учение об активной и преобразующей роли субъективного фактора в развитии революционного движения.

Целостное решение проблемы соотношения стихийности и сознательности в рабочем движении, вопроса о роли социал-демократии по отношению к стихийному мас-

совому движению позволило В. И. Ленину раскрыть основные закономерности и особенности возникновения и развития самостоятельной политической партии рабочего класса как высшей формы соединения социализма с рабочим движением, дать научный анализ истории раннего социал-демократического движения в России.

К начальному периоду марксизма и социал-демократического движения в России Ленин всегда проявлял большой интерес. Это объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых: решение исторических задач, которые объективно вставали перед русскими марксистами в середине 90 — начале 900-х гг., требовало всестороннего изучения предшествующей истории социал-демократии и социальной базы ее деятельности — рабочего движения. Это было совершенно необходимо для научного обоснования политики, выработки стратегии и тактики революционной социал-демократии на новом — пролетарском — этапе освободительного движения. В этом отношении Ленин всегда опирался на «действительно исторический анализ», составным элементом которого является строгий учет «предыдущих шагов и этапов движения»¹. Во-вторых: Ленин ясно сознавал огромное значение теоретического наследия группы «Освобождение труда», и прежде всего «основателя русского марксизма»² — Г. В. Плеханова. В его наследии 1883—1903 гг. он видел прочное приобретение социал-демократии всей России³. В своей борьбе с оппортунизмом (в том числе и с оппортунистическим извращением истории русской революционной социал-демократии) Ленин постоянно обращался к идейным завоеваниям и традициям группы «Освобождение труда». В-третьих: обращение Ленина к урокам и опыту социал-демократизма 1883—1893 гг. стоит в прямой связи с тем огромным значением, которое он придавал преемственности — идейной, политической и организационной — в социал-демократическом движении. Он, в частности, сурово осуждал «экономистов» за их нежелание «знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории»⁴.

Ко всему сказанному следует добавить, что обращение Ленина к истории первого десятилетия существования российской социал-демократии неизменно носило глубоко

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 70.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 312.

² См. там же. Т. 27. С. 376.

³ См. там же. Т. 14. С. 226.

⁴ Там же. Т. 6. С. 125; Т. 5. С. 367.

действенный характер: вся совокупность идейно-политического и организационного опыта этого периода была подчинена решительной борьбе за «полное отделение революционно-социал-демократических пролетарских элементов от мелкобуржуазно-оппортунистических»¹ как необходимого условия создания подлинно революционной пролетарской партии.

С появлением марксизма в России в освободительном движении возникли разногласия принципиально нового характера, разделявшие «целые гигантские полосы русской общественной и русской социалистической мысли...»². Одна из них отражала идеологию демократической буржуазии, другая — идеологию пролетариата. Ожесточенная и непримиримая борьба между народничеством, этой неясной, полной социалистических мечтаний идеологией демократической буржуазии, и марксизмом, идеологией пролетариата³, была совершенно необходима для того, чтобы обеспечить соединение марксизма с освободительным движением, утвердить самостоятельную классовую линию пролетариата. В горниле этой борьбы зарождалось, росло и закалялось российское социал-демократическое движение, шел процесс становления РСДРП.

Исходным пунктом этого процесса Ленин считал теоретическое основание «русского марксизма», поскольку в России, как и в Западной Европе, «теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»⁴. Это принципиальное положение Ленин обосновал конкретно-историческим анализом развития революционного движения и общественно-политической мысли России в реакционную эпоху 80-х гг. Выдвинув положение о революционной роли реакционных периодов, имеющее общеметодологическое значение, он показал, что победа реакции привела лишь к изменению формы общественного движения и не остановила ни быстрого революционирования способов производства, ни усиленной работы передовой общественной мысли⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 264.

² Там же. Т. 9. С. 275.

³ См. там же.

⁴ Там же. Т. 6. С. 31.

⁵ См. там же. Т. 12. С. 331.

Русские социалисты-народники в течение длительного периода — в силу отсталости социально-экономических отношений в России и слабости рабочего движения, которое «оставалось еще в совершенно зачаточной форме»¹, — не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к российским условиям. Но очередное поражение революционных сил в период революционной ситуации 1879—1881 гг., крушение политических планов народо-вольцев, очевидные сдвиги в развитии экономики страны по пути капиталистического развития — все это заставило лучших представителей русской социалистической мысли подвести итоги прошлому, обратиться к новым теориям, к новым методам исследования окружающей действительности. Именно в эпоху Александра III, подчеркивал Ленин, «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания»².

Создание этих основ В. И. Ленин неизменно связывал с деятельностью Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда». Разъясняя важнейший вопрос об отношении социализма к рабочему движению, он писал, что «русские социалисты не остановились на своей неразвитой, ошибочной теории. Они пошли вперед, восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских социал-демократов. Основание русской социал-демократии — главная заслуга группы «Освобождение труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей»³. Благодаря этому в истории русской общественно-политической мысли и революционного движения возникло «особое социально-революционное направление»⁴, которое впервые выступило как представительство самостоятельных интересов пролетариата — единственного действительно революционного класса современного общества.

Развитие этого направления представляет собой ряд неразрывно связанных друг с другом периодов, каждый из которых отразил определенную ступень в сложном процессе формирования идейного и организационного единства партии. Для правильного понимания соотношения интересующего нас первого периода с последующими необходимо обратиться к той строго научной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

² Там же. Т. 12. С. 331.

³ Там же. Т. 4. С. 245.

⁴ Там же. Т. 2. С. 446.

периодизации раннего социал-демократического движения (от его возникновения до начала XX в.), которую Ленин обосновал в книге «Что делать?».

Как известно, он выделил здесь три периода и обозначил их хронологические рамки. Приведем их в ленинской формулировке: «Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг.». «Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг.». «Третий период подготавливается... в 1897 году и окончательно выступает на смену второму периоду в 1898 году (1898 — ?)»¹. Как видим, Ленин не предвещал вопроса о конце третьего периода, хотя здесь же наметил четвертый период, предвещаемый уже многими признаками. Этот период, связанный с борьбой «Искры» против «экономизма», был для Ленина в 1902 г. областью «настоящего, отчасти будущего»² и, как известно, замкнулся в 1903 г. II съездом РСДРП.

Установление внешних и внутренних хронологических рамок раннего социал-демократического движения Ленин базировал на строго научном анализе всех четырех периодов его развития. Мастерское применение диалектико-материалистического метода в подходе к любым общественным явлениям позволило ему установить, что каждый из этих периодов представляет собой определенный цикл закономерного процесса, в ходе которого вырабатывалась «высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая социал-демократическая партия»³.

В партии Ленин видел социальный организм — живой, функционирующий и развивающийся⁴. Отсюда — ключевые оценки в интересующей нас периодизации: 1884—1894 гг. — период «утробного развития»; 1894—1898 гг. — период «детства и отрочества»; 1898 — ? — период «болезни роста», «разброда, распада, шатания»⁵. Последний период был кризисной полосой, связанной с появлением в России таких карикатур на марксизм, как струвизм и «экономизм». «...Русский марксизм окреп и вырос в борьбе с этой болезнью роста, болезнью расширения сферы своего влияния»⁶. Партия и в

этот период не перестала существовать, а только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву¹.

Эти качественные ступени восхождения партии к действительному возмужанию и зрелости могли быть выделены лишь с учетом истинной роли русской социал-демократии в применении к России общей для «всемирной социал-демократии» программы. А суть ее Ленин, как и Маркс, видел «в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой...»². Именно это, по нашему убеждению, и есть тот критерий, который, будучи выражением сущности социал-демократизма, позволил В. И. Ленину дать единственно правильную периодизацию развития социал-демократии как *политической партии*:

— первый период: социал-демократия как политическая партия существует в качестве идейного течения, не связанного с массовым рабочим движением³;

— второй период: социал-демократия выступает как политическая партия⁴ в собственном смысле этого слова, т. е. «как организация, связанная с массовым рабочим движением...»⁵, руководящая этим движением, придающая ему политический характер⁶;

— третий период: партия переживает кризисную полосу в связи с временным засильем «экономизма», что вело к принижению роли социал-демократии в руководстве классовой борьбой пролетариата; социал-демократизм прикипал до тред-юнионизма⁷.

Восстановление направляющей и руководящей роли партии в рабочем движении составило основное содержание «четвертого периода» истории русской революционной социал-демократии, всецело связанного с победоносной борьбой ленинской «Искры» против «экономизма» и его главной теоретической опоры — струвизма.

Все это позволяет говорить о цельности и законченности периодизации, обоснованной Лениным в книге «Что делать?». Подтверждением может служить тот факт,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180—181.

² См. там же. С. 182.

³ Там же. Т. 4. С. 244.

⁴ В 1905 г. Ленин писал, например, о «живой и развивающейся партии...» (Полн. собр. соч. Т. 12. С. 86).

⁵ См. там же. Т. 6. С. 180—181.

⁶ Там же. Т. 17. С. 405.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 187; Т. 6. С. 104.

² Там же. Т. 4. С. 184.

³ См. там же. Т. 26. С. 343.

⁴ См. там же. Т. 6. С. 180.

⁵ Там же. Т. 26. С. 264.

⁶ См. там же. Т. 4. С. 247; Т. 9. С. 251.

⁷ См. там же. Т. 6. С. 181.

что очерченные в ней хронологические рамки раннего социал-демократического движения Ленин сохранял и гораздо позднее, когда характеризовал, например, историю раскола в РСДРП¹ (1915 г.) или обозревал пройденный партией путь с вершин, на которые она поднялась к весне 1921 г. В заключительном слове по докладу о продовольственном налоге на X Всероссийской конференции РКП(б), образно сравнивая «всю работу коммунистической партии с четырехлетним курсом высших наук», Ленин говорил: «Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х годов прошлого столетия до 1903 года, первоначальный вступительный период от народничества, социал-демократии и II Интернационала к большевизму»².

Если учесть, что в зачаточном виде пролетарски-демократическая (а для Ленина это понятие было синонимом понятия «социал-демократическая») струя в общем потоке народничества проявилась именно в 70-х гг.³, то станет понятным, почему начало «первого курса» он отнес к этим, а не к 80-м гг., когда возникла русская социал-демократия как идейное течение. Понятно и указание на народничество: именно в борьбе с ним «идейно определилось направление русского марксизма...»⁴, началось выделение пролетарски-демократической струи из общедемократического (буржуазно-демократического) движения. Что же касается указания Ленина на социал-демократию и II Интернационал, то оно может быть осмыслено лишь в связи с генезисом большевизма.

Прочитываемую замечательно глубокую ленинскую формулу следует, на наш взгляд, рассматривать как самое лапидарное выражение процесса поступательного движения русской революционной социал-демократии к теоретическим, политическим и организационным основам партии нового типа.

В свете ленинских взглядов можно считать, что весь период, охватывающий 1883—1903 гг., в историко-партийной науке справедливо рассматривается как время зарождения и становления пролетарской партии в России, как годы борьбы за подготовку и образование РСДРП. Для России это была эпоха, уже пройденная несколько ранее в наиболее развитых странах Западной Европы и давшая

богатейший опыт «выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики»¹. По сути дела, весь рассматриваемый период был заполнен напряженной и неуклонно расширяющейся деятельностью социал-демократии по идейному объединению пролетариата принципами марксизма и первыми попытками закрепить его материальным единством организации, т. е. созданием самостоятельной политической партии рабочего класса.

Путь к высшему уровню соединения научного социализма с рабочим движением, необычайно трудный вообще, в условиях России осложнялся особенностями ее исторического развития. Именно они определили своеобразие исторического момента создания в ней социал-демократии, специфические черты первого («утробного») периода ее истории.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что возникновение русской социал-демократии Ленин рассматривал в органическом контексте всего международного революционного движения, национальной и мировой духовной культуры, высшим достижением которой в XIX в. явилось учение Маркса и Энгельса. Поэтому для него первостепенное значение приобретал тот факт, что общественно-политическая мысль России ценой напряженных и длительных исканий «выстрадала» марксизм и, по справедливым словам Плеханова, «вошла... в общее русло научной мысли XIX века»². Подчеркивая интернациональную сущность теории Маркса и Энгельса как обобщения широкого коллективного опыта человечества, Ленин указывал, что «социал-демократия в России складывается, целиком опираясь на опыт старших стран, т. е. Европы, и на теоретическом выражении этого опыта, именно марксизме»³. Вывод Маркса и Энгельса о необходимости создания самостоятельной пролетарской партии, сделанный на основе опыта революции 1848 г., Ленин рассматривал как давнее и прочное приобретение полувекового опыта международной социал-демократии, — «приобретение, с которого мы начинали организацию Российской социал-демократической рабочей партии»⁴.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 343.

² Там же. Т. 43. С. 331.

³ См. там же. Т. 25. С. 93—94.

⁴ Там же. С. 94.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

² См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 458.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 223.

⁴ Там же. Т. 11. С. 129.

Эти положения относятся, безусловно, и к социал-демократическим организациям 80 — начала 90-х гг., и к последующему развитию революционной социал-демократии в России: только опора на теорию революционного марксизма, на «практический опыт пролетариев соседних стран»¹ могла дать твердую гарантию в успешном решении исторических задач, стоявших перед освободительным движением.

Естественно, что историю первого периода существования русской социал-демократии Ленин рассматривал как движение русской общественной мысли к теории Маркса и Энгельса². Это движение заключало в себе, с одной стороны, теоретическую и практически-политическую деятельность группы «Освобождение труда» за границей, а с другой — возникшее независимо от нее, но развившееся под ее влиянием социал-демократическое направление в самой России. По сути дела, это были единые направления, с самого начала обнаружившие тенденцию к неуклонному сближению друг с другом. В своих воспоминаниях о Н. Е. Федосееве В. И. Ленин охарактеризовал эту тенденцию в следующих словах: вскоре после 1889 г. «марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение труда»³.

В решении вопроса об идейной базе социал-демократического движения в России Ленин не ограничивался указанием на восприятие учения Маркса, хотя, несомненно, придавал этому фактору определяющее значение: с ним он связывал само возникновение марксистского направления «в виде идейного течения 1883—1894 гг.»⁴. Как истинный диалектик, Ленин рассматривал это течение в неразрывном единстве с глубинными традициями демократической и социалистической мысли России, с исторически сложившимися здесь особыми условиями его возникновения и развития. «Своеобразие нашей страны и своеобразие исторического момента создания в ней социал-демократии, — писал он в 1913 г., — состоит в том, во-1-х, что у нас — в отличие от Европы — социал-демократия начала складываться до буржуазной револю-

ции и продолжает складываться во время ее. Во-2-х, у нас неизбежная борьба за выделение пролетарской демократии из общепролетарской и мелкобуржуазной, — борьба, в основе одинаковая с той, которую пережили все страны, — идет при условиях полной теоретической победы марксизма на Западе и у нас. Поэтому форма этой борьбы — не столько борьба за марксизм, сколько борьба за или против мелкобуржуазных теорий, прикрываемых «почти марксистской» фразой»¹.

Первая сторона отмеченного В. И. Лениным своеобразия наложила свою печать на все основные аспекты развития марксистской мысли и практики социал-демократического движения в стране. Незавершенность буржуазного преобразования России ставила перед русской социал-демократией такие задачи, «каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире»², страшно затрудняла развитие организационных форм социал-демократического движения, разработку его программно-тактических основ.

Вторая сторона указанного Лениным своеобразия формирования социал-демократии в России не может быть распространена на период 1883—1893 гг. Тогда борьба за выделение пролетарского движения из общепролетарской и мелкобуржуазной шла в условиях, когда теоретическая победа марксизма в стране еще не была обеспечена. В связи с этим иной была и форма борьбы. Она шла именно за марксизм, против его противников, прежде всего социалистов других направлений и несоциалистов, не разделявших взглядов социал-демократии³. Эта борьба, отражающая сложный процесс размежевания демократической и социалистической тенденций, заполняет весь «утробный» период развития русской социал-демократии.

Историческое своеобразие периода 1883—1893 гг. определяется тем фактом, что он целиком «укладывается» в рамки буржуазно-демократического (разночинского) этапа освободительного движения, когда господствующее положение в нем занимала идеология и практика народничества. Пролетарски-демократическая струя заявила о своем возникновении первыми самостоятельными рабочими организациями еще в 70-х гг. и была связана

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 103.

² См. там же. Т. 4. С. 247.

³ Там же. Т. 45. С. 324.

⁴ См. там же. Т. 26. С. 264.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 223—224.

² Там же. Т. 6. С. 25.

³ См. там же. Т. 4. С. 213—215; Т. 2. С. 445—446.

с именами П. Алексеева, С. Халтурина, В. Обнорского и других выдающихся деятелей рабочей демократии. Но в то время она еще не могла выделиться из общего потока народничества. Это «стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)»¹.

Выделение пролетарской демократии из различного рода мелкобуржуазных узостей и извращений подготавливалось как объективным процессом капиталистического развития, порождающего материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения², так и деятельностью революционеров-марксистов, направленной на первых порах главным образом «к пробуждению политически-бессознательных масс»³. Для Ленина изучение этого процесса имело особое значение: речь шла о движении рабочего класса к самопознанию, к превращению в «класс для себя», к объективно обусловленной роли гегемона общедемократического движения и демократической революции. Это было крайне важно, с одной стороны, в связи с насущной задачей теоретического преодоления одного из типичных заблуждений домарксистского (в том числе и народнического) социализма, что будто бы не пролетариат, а все «трудящиеся» одинаково способны уничтожить классовое общество⁴, а с другой — в связи с необходимостью опровержения метафизических построений меньшевиков, которые в решении вопроса о классе-гегемоне в русской буржуазно-демократической революции фактически издевались над методом Маркса⁵.

На основе глубочайшего анализа общественного движения и идейно-политической борьбы в России со времени падения крепостного права Ленин установил главные вехи выделения «самостоятельной пролетарской демократии из мелкобуржуазной мешанины...»⁶. Из этого анализа явствует, что растущие силы демократии и социализма на протяжении 80-х гг. оставались еще смешанными воедино «в утопической идеологии и в интел-

лигентской борьбе народовольцев и революционных народников...»¹. Возникновение группы «Освобождение труда» все же не меняло общей картины, поскольку воздействие идей социализма еще не распространилось на массы пролетариата; для этого пока не было объективных условий.

С этой точки зрения группа «Освобождение труда» — первая веха, положившая лишь начало выделению пролетарско-демократической струи из общедемократического потока, наметившая, благодаря теоретической разработке марксизма применительно к русским условиям, путь к слиянию социализма с российским рабочим движением и сделавшая первый шаг навстречу этому движению. Эта веха обозначила начало процесса размежевания демократической и социалистической тенденций.

С 1883 г. первые русские марксисты повели напряженную борьбу с народнической идеологией. Эта борьба, в основе которой лежало «коренное расхождение интересов и точки зрения двух разных классов, пролетариата и крестьянства»², была идеологическим выражением процесса выделения пролетарского классового движения из «общедемократического», т. е. буржуазно-демократического, движения. Только в процессе преодоления идеологического альянса буржуазной демократии пролетариат обрел реальную возможность организовать и выступить «отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии»³, только на этом пути могло сложиться марксистское, социал-демократическое рабочее движение в России.

По точному определению Ленина лишь с 90-х гг. XIX в. силы демократии и социализма начали расходиться «по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов»⁴. Именно с середины 90-х гг. началось практическое соединение сил пробуждающегося пролетариата со всеми силами русских революционеров-марксистов, чем и был положен конец раздельному существованию социализма и рабочего движения в России. Применительно ко второму периоду истории русской социал-демократии Ленин уже говорил о социалистическом (или

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

² См. там же. Т. 4. С. 217.

³ Там же. Т. 9. С. 302.

⁴ См. там же. Т. 39. С. 15.

⁵ См. там же. Т. 15. С. 235.

⁶ Там же. Т. 25. С. 101.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 176.

² Там же. Т. 25. С. 188.

³ Там же. Т. 20. С. 177.

⁴ Там же. С. 176.

социал-демократическом) рабочем движении, подчеркивая тем самым, что только соединение рабочего движения с марксистской теорией создает социалистический (или социал-демократический) пролетариат, т. е. пролетариат, «сознавший свои классовые задачи»¹. Он решительно осуждал «экономистов», стремившихся «искусственно про- вести какое-то разделение между рабочим движением и социал-демократией в России...»²

Поэтому в качестве следующей вехи выделения пролетарски-демократической струи из общедемократического потока Ленин неизменно указывал на 1895—1896 гг. С этого времени вступают в действие новые факторы, определившие и начало нового, пролетарского этапа в освободительном движении, и начало нового периода в развитии русской социал-демократии: «...открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии»³. Подчеркнутое в этой емкой формулировке органическое единство массового рабочего и социал-демократического движения лежит в основе ленинского анализа последующего «действительно народного революционного движения...»⁴.

В первые месяцы революции 1905—1907 гг. в статье «Новые задачи и новые силы» Ленин писал: «Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к непосредственной революционной борьбе, к вооруженному народному восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»⁵.

Из всего вышесказанного следует, что «первый пе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 118.

² Там же. Т. 4. С. 246.

³ Там же. Т. 20. С. 176.

⁴ Там же. Т. 9. С. 332.

⁵ Там же. С. 294.

риод» истории русской социал-демократии надо рассматривать преимущественно как *подготовительный* к указанному В. И. Лениным «первому переходу», поднявшему все революционное движение «на новую, высшую ступень»¹. Начавшиеся в 1895 г. непрерывные массовые стачки Ленин считал «началом полосы подготовки народной революции»². Это положение стоит, несомненно, в прямой связи с тем фактом, что петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» впервые начал осуществлять сознательное и планомерное социал-демократическое руководство рабочим движением, сообщив ему тем самым «гигантский размах и значение» по сравнению с морозовской стачкой 1885 г.³

Это был действительно глубокий перелом, смысл которого сводился к участию организованной социал-демократии в *политическом* руководстве *массовым* движением рабочего класса⁴; с этого времени оно стало «главной осью всего революционного движения...»⁵. Поэтому-то Ленин именно к данному времени и относил начало социал-демократического движения⁶ в истинном смысле этого слова.

Естественно, что с событиями середины 90-х гг. он связывал начало создания РСДРП⁷, сопряженное с началом борьбы революционного и оппортунистического течений внутри социал-демократии, с преодолением различных оппортунистических теорий. В процессе своего роста, все больше и больше сосредоточивая в своих руках функцию «настоящего *политического* руководства» движением своего класса, партия постепенно перемещала центр тяжести своей деятельности с пробуждения политически-бессознательных масс на борьбу с влиянием на рабочих буржуазной демократии. «...Социал-демократам придется теперь, — писал Ленин в начале 1905 г., — все больше и больше внимания уделять борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно социал-демократического содержания, чем прежняя наша деятельность, направленная, главным образом,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 294.

² Там же. Т. 20. С. 74.

³ См. там же. Т. 9. С. 251.

⁴ См. там же. С. 250—252, 301.

⁵ Там же. С. 137.

⁶ См. там же. Т. 6. С. 87.

⁷ См. там же. Т. 20. С. 81.

89-3748/6

к пробуждению политически-бессознательных масс»¹.

Ясно, что социал-демократическое движение как первого, так и последующих периодов его истории Ленин рассматривал в русле сложного процесса выделения пролетарской струи из общедемократического потока. Связывая саму возможность этого выделения с возникновением группы «Освобождение труда» и деятельностью русских социал-демократов середины 90-х гг., он оттенял историческую *преемственность* первого и второго периодов истории русской социал-демократии на путях решения важнейшей задачи — высвобождения пролетариата из-под влияния буржуазной демократии, без чего было бы невозможно создание самостоятельной марксистской партии рабочего класса.

В. И. Ленин показал, что именно такая партия играет решающую роль в процессе внесения социалистического сознания в рабочий класс. Но это вовсе не значит, как порой утверждается в нашей литературе², что созданием пролетарской партии нового типа завершается процесс соединения научной теории социализма с пролетарским движением. Напротив, создание партии нового типа на II съезде РСДРП явилось еще одной качественной вехой в развитии этого процесса; партия как авангард рабочего класса сливалась с его массой в огне революции 1905—1907 гг., что, впрочем, и далее не снимало всей остроты вопроса о борьбе с влиянием буржуазной демократии на пролетариат.

Для понимания особенностей первого периода истории русской социал-демократии, когда она как политическая партия еще не вышла из «зародышевого состояния», первостепенное значение имеет ленинское Предисловие ко второму изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов» (август 1902 г.). Здесь В. И. Ленин, возвращаясь к своей периодизации истории русской социал-демократии в книге «Что делать?», выделял некоторые очень важные отличительные черты второго периода (1894—1898 гг.) по отношению к «особому», третьему периоду, связанному с господством «экономизма». В этом периоде, в отличие от третьего, не было антагонизма

между теорией и практикой социал-демократов, не было разногласий в их среде. Главное внимание они устремляли не на выяснение и решение тех или иных внутрипартийных вопросов, а на идейную борьбу с противниками социал-демократии и на развитие практической партийной работы. «Социал-демократия, — писал Ленин, — была тогда единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также единства практического, организационного (образование Российской социал-демократической рабочей партии)»¹.

На первый взгляд может показаться, что эта оценка периода 1894—1898 гг. стоит в противоречии с другими положениями Ленина. Ведь он не раз подчеркивал тот факт, что как только в России возникло массовое рабочее движение (1895—1896 гг.) с участием социал-демократии, так немедленно появляется в ней разделение на марксистское и оппортунистическое направления². Более того, в работе «Социализм и война» Ленин писал, что с этого же времени начинается раскол социал-демократии на «экономистов» и «искровцев»³. Первый раздел IV главы этой работы — «Экономисты» и старая «Искра» — заключен в четкие хронологические рамки: 1894—1903 гг. Напомним и еще одну ленинскую мысль: «Большевизм вырос из борьбы с оппортунизмом в 1894—1914 гг.»⁴.

В действительности никакого противоречия здесь нет. «Экономизм», как *особое направление* в русской социал-демократии, заявил о себе уже после основания РСДРП (1898 г.), т. е. после события, которое Ленин оценивал как «крупнейший шаг русского рабочего движения в его слиянии с русским революционным движением»⁵. Он подтверждал это тем фактом, что основание РСДРП в 1898 г. положили «все русские социал-демократические организации»⁶, что все русские социал-демократы, действовавшие в России, держались именно той программы, «которую выработали основатели русской социал-демократии...»⁷. Все они признавали два основных положения: «1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 438.

² См. там же. Т. 25. С. 97.

³ См. там же. Т. 26. С. 343.

⁴ Ленинский сб. XIV. С. 317.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 243.

⁶ Там же. С. 265.

⁷ Там же. С. 265, 240.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 301—302.

² См.: Воллин Я. Р. Введение // Историкография петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Пермь, 1974. С. 10. См. также: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 124.

власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим; 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы»¹.

Признание этих положений и было основой идейного единства, о котором говорил Ленин в 1897 г. Разумеется, проявления узкого понимания рабочего социализма, выявившиеся в самом начале перехода от пропаганды к массовой политической агитации уже в 1894—1895 гг., несли в себе зародыши оппортунизма, что и давало Ленину полное основание именно этим временем датировать разделение русской социал-демократии на два направления — марксистское и оппортунистическое. В спорах местных деятелей рабочего движения, указывал он позднее, в 1914 г., это последнее — оппортунистическое — направление обрисовалось уже в 1894—1895 гг.² Но в 1897 г. зародышевые проявления «экономизма» действительно не составляли еще затруднения в сочетании политической и экономической борьбы, которую вели социал-демократы России, подвигаясь к единству не только идейному, но и организационному.

В. И. Ленин считал, что возникновение «экономизма» одними личными качествами редакторов «Рабочей мысли», одним влиянием бернштейнства объяснить нельзя. Он писал, что дело объясняется главным образом «особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, которая породила — и временно должна была породить — узкое понимание рабочего социализма»³. Разъясняя эту особенность, В. И. Ленин и высказал ряд мыслей, имеющих важнейшее значение для понимания, с одной стороны, органической связи первого и второго периодов истории русской социал-демократии, а с другой — их основного различия.

Суть этих мыслей сводится к следующему. В 80-х и начале 90-х гг., когда «начинали практически работать в России социал-демократы», они видели перед собой в качестве идейно-политических противников, во-первых, народолюбцев, во-вторых, — буржуазных либералов. И те и другие обвиняли социал-демократов в политическом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 273.

² См. там же. Т. 25. С. 97.

³ Там же. Т. 4. С. 266.

индифферентизме, причем последние — явно лицемерно, так как жаждали возрождения террористической партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. «Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата. Узкий характер этой работы вначале был неизбежен, отражаясь и в узких заявлениях некоторых социал-демократов. Эта узость не пугала, однако, и тех социал-демократов, которые несколько не забывали широких исторических целей русского рабочего движения. Что за беда, если узки иногда слова социал-демократов: зато широко их дело... С каждым шагом расширения социал-демократической пропаганды, думали они, эта узость будет сама собой отпадать»¹. В значительной степени, указывал далее Ленин, так и вышло на самом деле. От пропаганды стали переходить к широкой агитации, которая, естественно, стала выделять все большее число сознательных передовых рабочих; стали образовываться революционные организации — «Союзы борьбы». Эти организации соединились и положили основание РСДРП².

Но узкая постановка задач социал-демократической работы не была преодолена. Расширение агитационной деятельности привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата, вовлечение которых в борьбу требовало от агитаторов приспособления к их уровню, «приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы»³. В условиях раздробленного, кустарного характера социал-демократической работы, крайне слабых связей между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами это приводило в сознании отдельных лиц к безмерному преувеличению указанной (хотя и совершенно необходимой) стороны социал-демократической работы и забвению остальных сторон. «Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы, — писал Ленин, — и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 267.

² См. там же.

³ Там же. С. 267—268.

Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «понятное направление в русской социал-демократии»¹.

Из ленинского анализа особенностей исторического развития русской социал-демократии вытекает, что обусловленное объективными обстоятельствами уклонение к узкому пониманию задач рабочего социализма вплоть до 1897 г. не разрушало идейного единства, не создавало антагонизма между теорией и практикой движения. Опортунистические по своей сути тенденции, проявившиеся в постановке отдельными лицами ближайших задач рабочего движения и с самого начала встретившие глубоко принципиальную критику со стороны Ленина, тогда еще не оформились в особое направление, и люди, прикнувшие затем к «экономизму», пока еще исполнили «полезную работу приготовительного класса...»². Абсолютное большинство социал-демократов, воспитанных на борьбе с народофильским и либерально-народническим течениями, «шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия»³.

Как видим, в ленинской концепции выделены некоторые общие черты, определяющие органическую связь первого и второго периодов в истории русской социал-демократии: 1) идейное единство, основанное на признании *основных положений* русской и международной социал-демократии, «точно сформулированных в программе группы «Освобождение труда» и выраженных в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии»...⁴; 2) определенное соответствие между социал-демократической теорией, программой, тактическими задачами и практикой движения; 3) борьба с несоциал-демократическими направлениями за утверждение и упрочение теории и программы русской социал-демократии на основе творческого развития марксизма; 4) борьба со всей народнической идеологией как системой взглядов крестьянской демократии в России.

Вместе с тем Ленин, несомненно, исходит из того,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4, С. 268. См. также С. 372—373.

² Там же. С. 273.

³ Там же. Т. 6, С. 181.

⁴ Там же. Т. 4, С. 273.

что второй период социал-демократического движения заключал в себе и черты принципиальных отличий от первого. Эти черты (рождение социал-демократии как общественного движения, как подъема народных масс, как политической партии) являются выражением начала исторически подготовленного всем предшествующим развитием социал-демократизма слияния рабочего движения с научным социализмом.

Начало пролетарского этапа в освободительном движении поставило перед русской социал-демократией новые задачи теоретического и практического порядка. Решение этих задач Лениным с самого начала (т. е. на рубеже первого и второго периодов истории социал-демократического движения) столкнуло его с необходимостью борьбы против зарождающегося ревизионистско-опортунистического направления. И хотя это направление, обрисовавшееся в 1894—1895 гг., но еще не заявившее о себе в качестве такового, в течение 3—4 лет второго периода (1894—1898) еще не разрушало идейного единства социал-демократии, Ленин неизменно включал этот период в историю борьбы «двух направлений в русском марксизме и русской (вернее: российской) социал-демократии»¹ — пролетарски-революционного и мелкобуржуазно-опортунистического.

Но столь же неизменно первый период истории русской социал-демократии В. И. Ленин выносил за пределы своего анализа борьбы между этими направлениями², подчеркивая и оттеняя тем самым две важнейшие его особенности: 1) отсутствие связи с массовым рабочим движением и 2) идейное единство, отсутствие внутрипартийной борьбы. Это понятно: возникновение массового рабочего движения Ленин относил к 1895—1896 гг. и именно с этим новым движением в истории России связывал, во-первых, рождение социал-демократии как массового движения и, во-вторых, разделение ее на марксистское и оппортунистическое направления, — «разделение, которое меняет форму, обличье и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год»³.

«Утробный» период В. И. Ленин, следовательно, рассматривал как определенную, отмеченную рядом особенностей ступень теоретического и практического развития российской социал-демократии, ступень, когда появил-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, С. 97.

² См. там же. Т. 24, С. 224; Т. 25, С. 96; Т. 26, С. 264, 343.

³ Там же. Т. 25, С. 96—97.

шаяся на русской почве марксистская теория и соответствующая ей практика выступали в глубоком единстве, подготавливая следующую ступень, ознаменовавшуюся рождением социал-демократии как массового движения, началом соединения социализма и рабочего движения в единое социал-демократическое движение.

В этом соединении Ленин видел сложный, длительный и противоречивый процесс. Подчеркивая, что социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, он писал в 1900 г.: «Но в каждой стране это соединение... вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно, — но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс...»¹

Основываясь на этой ленинской точке зрения, можно утверждать, что возникновение марксистских групп и кружков в 80-х гг. еще не означало появления социал-демократического движения в подлинном значении этого понятия (т. е. как социал-демократического рабочего движения). Постепенное расширение числа сторонников марксистского мировоззрения² из среды социалистической интеллигенции и передовых рабочих создавало лишь определенное, социал-демократическое, идейное течение, существовавшее без связи с массовым рабочим движением³. Составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-х гг.⁴, и, следовательно, только с этого времени можно говорить о возникновении социал-демократического рабочего движения. С возникновением этого движения марксизм как идейное течение становится течением русской общественной мысли.

Все эти качественные сдвиги в социал-демократическом движении Ленин рассматривал в прямой связи с тем мо-

ментом, когда объединенная «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» петербургская социал-демократия своим сознательным и планомерным руководством «вмешательством» в стихийное движение пролетариата положила начало внесению в его массы социалистического сознания¹. Только с этого времени и возникает массовое, единое и непобедимое социал-демократическое рабочее движение². Только с этого времени социал-демократия становится общественным движением и приобретает крупное политическое значение, становится активной политической силой, неразрывно связанной с экономической и политической борьбой рабочего класса³.

В историческую подготовку соединения социализма с рабочим движением в соответствии с условиями места («полуазиатская, крепостническая, русская монархия Романовых»⁴) и времени (разнузданная, невероятно бессмысленная и зверская реакция⁵ 80-х гг.) революционная социал-демократия 1883—1893 гг. внесла свой определенный вклад. Как политическая партия, переживающая процесс «утробного» развития, она действительно существовала вне связи с массовым рабочим движением и по необходимости ограничивалась пропагандой марксизма в узком кругу передовых рабочих, в узких рабочих кружках. Но это не значит, что она существовала без рабочих. Ленин не раз указывал, что рабочий класс инстинктивно, стихийно социал-демократичен⁶.

Естественно, что уже в это время в русле марксистского идейного течения втягивались как раз те передовики рабочего класса, которые в своем инстинктивном стремлении к социализму вступали в тесные контакты с первыми русскими марксистами, становились деятельными участниками создаваемых ими кружков. Постепенно этот процесс вел к преодолению оторванности социализма и рабочего движения друг от друга, способствовал выделению пролетарски-демократической струи из социал-демократического потока, непосредственно предшествовал возникновению массового социал-демократического рабочего движения.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 251.

² См. там же. Т. 4. С. 244; Т. 17. С. 405; Т. 34. С. 111.

³ См. там же. Т. 26. С. 343.

⁴ Там же. Т. 20. С. 326.

⁵ См. там же. Т. 1. С. 295.

⁶ См. там же. Т. 12. С. 86; Т. 2. С. 465.

Поэтому-то социал-демократическое движение 1883—1893 гг. невозможно квалифицировать как «теоретическое интеллигентское движение»: оно заключало в себе те единственно возможные первоначальные формы практической (прежде всего, пропагандистской и организационной) работы, которые были необходимым этапом на пути создания партии. Движение этого периода представляется соединением сил лучшей части революционной интеллигенции, вставшей на позиции рабочего класса, и передовых рабочих («рабочей интеллигенции»). Понятно, что в идейном отношении оно отражало не какие бы то ни было интеллигентские настроения, а настроения борющегося пролетариата. Необходимо также признать, что социал-демократическое движение «утробного периода» наполнялось не только теоретическим, но и большим для своего времени практически-политическим содержанием: действовавшие в России марксисты впервые пошли к рабочим с программой, которая отвечала их классовым интересам, и начали тем самым громадной важности работу — воспитание контингента убежденных социал-демократов из среды рабочих, без чего был бы невозможен переход революционного движения на новую, более высокую ступень.

По сути дела, все, что было осуществлено русской революционной социал-демократией в течение первого десятилетия ее существования, было лишь первым шагом навстречу рабочему движению, прелюдией к тому историческому моменту, когда в 90-х гг. «встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии»¹. Этой встречей было положено начало неразрывной связи революционной социал-демократии с классовой борьбой пролетариата, т. е. практическому соединению научного социализма с рабочим движением.

Бросая ретроспективный взгляд на соотношение теоретической и практической деятельности русской

¹ Так расценивал его В. В. Воронский еще в 1907 г. (Воронский В. В. Соч. М., 1933. Т. 2. С. 84). Эта оценка некритически воспринимается порой и некоторыми современными историками. См., например: Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России // Вопросы истории. 1969. № 4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 247.

социал-демократии, Ленин в конце 1897 г. писал: «Русская социал-демократия еще очень молода. Она только-только выходит из того зародышевого состояния, когда преобладающее место занимали вопросы теоретические. Она только начинает развивать свою практическую деятельность»¹. Понятно, что на эту — теоретическую — сторону дела он обращал преимущественное внимание, говоря об «утробном» периоде истории партии. Именно в то время теоретическая сторона социал-демократизма переживала «наиболее острый период упорного непонимания противников, усиленных стремлений подавить новое направление при самом его появлении, с одной стороны, и горячей защиты оснований социал-демократизма, с другой»².

В эпицентре этого идейного противоборства на протяжении 1883—1893 гг. находилась группа «Освобождение труда». Хотя ее деятельность (главным образом благодаря Г. В. Плеханову) за короткий промежуток времени стала крупным фактором не только русского, но и международного социалистического рабочего движения, вопрос о ее действительной роли в становлении и развитии русской социал-демократии, в создании РСДРП до сих пор остается предметом острых споров в среде историков. Поэтому необходимо более подробно остановиться на ленинской оценке группы, которая впервые восприняла марксизм в целостном виде и доказала применимость его к условиям России.

Вся сумма многочисленных высказываний и обобщений Ленина о группе «Освобождение труда» не оставляет сомнения в том, что в ней он видел *исходный пункт* истории русской революционной социал-демократии как *политической партии*, переживающей процесс «утробного развития». Среди других марксистских образований 80 — начала 90-х гг. эта группа занимала особое положение: она являлась родоначальницей русской социал-демократии. «Русский марксизм, — писал Ленин в 1909 г., — родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)»³.

Ленинскую характеристику первого («утробного») периода истории русской социал-демократии исследова-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 465.

² Там же. С. 445—446.

³ Там же. Т. 17. С. 405.

тели вполне правомерно распространяют на группу «Освобождение труда». Однако этой оценкой место, а тем более ее роль в истории подготовки и создания марксистской партии в России не исчерпывается: она действовала на протяжении трех последующих периодов социал-демократического движения, увенчавшегося II съездом РСДРП, созданием большевистской партии. В ленинской концепции нашел глубокое научное истолкование весь двадцатилетний период ее деятельности в тесной связи с решением тех исторических задач, которые поставил перед российской социал-демократией объективный ход социально-экономического развития России к началу XX в.

В. И. Ленин всегда исходил из признания широкого, общепартийного значения деятельности группы «Освобождение труда». «...Вопрос о роли группы «Освобождение труда» в русской социал-демократии, — писал он в августе 1900 г., — никогда не был, никогда не будет и никогда не может быть частным делом»¹. Признание общепартийной роли плехановской группы определило, по сути дела, ее исключительно большое место в концепции Ленина. Это связано, несомненно, не только с тем, что она положила начало марксистскому направлению в освободительном движении в России, заложила основы теории и программы социал-демократической партии, но и с общей оценкой ее вклада в борьбу за идейное и организационное сплочение российской революционной социал-демократии, в создание РСДРП.

С деятельностью группы «Освобождение труда» Ленин связывал перелом «в историческом развитии социализма в России»² — переход «от крестьянского и заговорщического социализма к социализму рабочему»³. Этот переход невозможно представить в виде эволюционного процесса постепенного внедрения марксистских идей в сознание российской революционной среды, постепенного «накопления» в домарксистской утопически-социалистической, демократической мысли, в трудах идеологов мелкобуржуазного крестьянства различных элементов марксистского мировоззрения. Переход на позиции научного коммунизма небольшой группы недавних народников-чернопердельцев обозначил глубокий, революционный

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 35—36.

² Там же. Т. 17. С. 405.

³ Там же. Т. 4. С. 247.

по своей сути идейный перелом, в результате которого в освободительном движении России возникло принципиально новое направление, которому принадлежало будущее.

В течение всего первого десятилетия своего существования группа «Освобождение труда» занимала положение ведущей теоретической силы нового для России идейного течения, стояла в авангарде движения русской общественной мысли к учению социал-демократии. Переводы, издание и распространение важнейших произведений основоположников научного коммунизма, напряженная борьба против идеологии и тактики народничества, разработка программы российской социал-демократии на основе учения Маркса и Энгельса — все это способствовало тому, что теоретическое учение социал-демократии к середине 90-х гг. завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России¹.

В ленинской концепции содержится ясный ответ и на вопрос о характере и уровне созданной пионерами марксизма в России (прежде всего, конечно, Г. В. Плехановым) «теории русских социал-демократов». Здесь необходимо прежде всего подчеркнуть, что сама «выработка в приложении к России» теории научного социализма носила самостоятельный, творческий характер. Плеханов выступил как «ортодоксальный» марксист — в том понимании, которое Ленин противопоставлял эклектическим воззрениям так называемых «критиков» Маркса. Предупреждая, что это выражение дано последними в полемике с последовательными марксистами, Ленин пояснял, что под «ортодоксией» он понимает «не простое истолкование» Маркса, а творческое развитие основных положений марксизма сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран, дальнейшую разработку теории диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса². В прямой связи с этим в 1900 г. Ленин назвал Плеханова представителем последовательного и целостного развития марксизма в отличие от всевозможных его извратителей-эклектиков — от Зомбарта и Штаммлера до Бернштейна³.

Последовательное и целостное развитие марксизма

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 31.

² См. там же. Т. 3. С. 634—635.

³ См. там же. С. 635.

Плехановым (в области философии, политической экономии, истории и политики) обусловило высокий для своего времени уровень теории русских социал-демократов. Не случайно уже в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) он противопоставил извращению Н. К. Михайловским взглядов русских «учеников Маркса» подлинный марксизм группы «Освобождение труда» — Плеханова и его кружка¹.

Осветив состояние вопроса о теоретическом социализме к тому времени, когда «народились русские марксисты», В. И. Ленин выделил, в противовес народническому субъективизму и метафизике, самую сильную сторону теоретических взглядов Плеханова — его марксистский материалистический метод. Пользуясь им, он сумел научно доказать капиталистическую организацию общественного хозяйства страны, выявить классовые антагонизмы, вырастающие на этой почве, и, исходя из этого, выработать практическую программу, которая повелительно требовала примкнуть к борьбе пролетариата с буржуазией, обеспечить развитие его классового самосознания, направить «всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат»².

В. И. Ленин решительно опровергал попытки Михайловского представить русских марксистов в качестве догматиков, распространяющих на Россию некую общеобязательную «абстрактную историческую схему» своего учителя. При этом он апеллировал к высказываниям Плеханова для доказательства того, что марксисты заимствуют из теории Маркса лишь драгоценные приемы, «без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»³.

Указание Ленина на эту сторону теоретической деятельности Плеханова стоит в прямой связи с признанием необходимости самостоятельной, творческой разработки марксистской теории применительно к условиям России.

Поэтому-то он говорил не о простом, догматическом восприятии первыми русскими социал-демократами теории Маркса, но о выработке ими в приложении к России теории рабочего социализма, о систематическом изложении ими идей марксизма «со всеми практическими выводами...»¹. Между тем до сих пор приходится встречаться с исследованиями, в которых, вопреки фактам, проводится мысль об обычном (?) для Плеханова неумении «применить общие положения политико-экономической теории марксизма к условиям России»².

Г. В. Плеханов впервые после Маркса и Энгельса взглянул на общественные отношения в России с точки зрения последовательного и целостного марксизма, что и позволило его «кружку» в течение целого десятилетия оставаться главным выразителем того прогресса в русском революционном движении, который состоял, как однажды заметил Ленин, «не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий»³. В работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901) Ленин очертил как раз тот круг иллюзий и ложных представлений, который был разорван теоретической деятельностью Плеханова и его группы: «Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием героической интеллигенции»⁴.

В этом отношении значение деятельности группы «Освобождение труда» трудно переоценить: она совершила настоящий общественно-политический и научный подвиг, который во многом предрешил исход борьбы «старого русского социализма и марксизма...»⁵. Вполне понятно, что именно процесс освобождения русской общественной мысли от вредных иллюзий был вместе с тем процессом наиболее интенсивной разработки теоретических основ политической программы русской социал-демократии.

Анализ программного творчества Плеханова занимает

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 95; Т. 26. С. 343.

² Пустарнаков В. Ф. «Капитал» К. Маркса и философская мысль в России. М., 1974. С. 359.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 71.

⁴ Там же. С. 71—72.

⁵ Там же. Т. 7. С. 47.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 196, 201.

² Там же. С. 194.

³ Там же. С. 197.

в ленинской концепции очень важное место. Этой стороне теоретической деятельности лидера группы «Освобождение труда» Ленин придавал особое значение: с нею прямо и непосредственно связано появление российской социал-демократии «в качестве особого социально-революционного направления...»¹. Но это — лишь одна сторона дела. Другая — несравненно более важная для Ленина сторона — состояла в том, что после 1898 г., когда ряд социал-демократических организаций страны провозгласил создание РСДРП, во весь рост встала задача разработки ее программы. Признанный теоретик и политический вожь нового поколения революционных марксистов с самого начала представлял себе организацию всех подлинно социал-демократических сил страны как самостоятельную пролетарскую партию нового типа. В соответствии с этим он, как известно, и развернул напряженную работу по обоснованию идейно-теоретических, программных и организационных принципов именно такой партии. В этой деятельности, сопряженной с острой борьбой против международного и российского оппортунизма, Ленин во многом опирался на достижения Плеханова и его группы в самостоятельной разработке руководящих положений теории Маркса и Энгельса применительно к условиям России.

Наиболее пристальное внимание Ленина привлек «Проект программы русских социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда» в 1885 г. Этот проект он рассматривал как программу группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. Теперь, т. е. на рубеже XIX—XX вв., речь шла «уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских социал-демократических организаций»². Доказав настоятельную необходимость выработки такого документа как основы идейного и организационного сплочения партии, Ленин в своем «Проекте программы нашей партии» (конец 1899 г.) изложил принципиальные соображения по всем основным моментам будущей Программы РСДРП и выразил надежду, что в ее окончательной формулировке «нам придет на помощь

и все теоретики партии (во главе их члены группы «Освобождение труда»), и все практически работающие в России социаллисты... и все сознательные рабочие»³.

Эта надежда Ленина на помощь со стороны теоретиков группы «Освобождение труда» была вполне естественна, так как он считал, что русские социал-демократы «могут и должны... положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии» именно ее проект 1885 г., — «проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях». Столь почетное место этому проекту Ленин отводил, исходя из признания, что он, будучи изданным почти 15 лет тому назад, «в общем и целом вполне удовлетворительно... разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории», что выставленные им тезисы «с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения»⁴.

В. И. Ленин подробно изложил все те элементы программы группы «Освобождение труда», которые, по его мнению, были «совершенно необходимы» в Программе РСДРП⁵. Не останавливаясь на этом, выделим лишь принципиальные оценки Ленина, касающиеся постановки аграрного вопроса в программе группы «Освобождение труда», вызывавшего наиболее острые разногласия в советской историографии.

Как известно, Ленин решительно отметал утверждения эсеров о том, что ортодоксальные марксисты игнорировали крестьянский вопрос. В 1905 г. он обвинил их в круглом невежестве, подчеркнув, что «все главные произведения русских марксистов, начиная с Плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос»⁶. С другой стороны, Ленин не раз отмечал серьезные трудности в теоретическом решении этого вопроса ввиду запутанности и сложности социально-экономических отношений в пореформенной деревне.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 446.

² Там же. Т. 4. С. 217.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 239.

⁴ Там же. С. 216—217.

⁵ См. там же. С. 217.

⁶ Там же. Т. 12. С. 42.

В конце 1907 г., рассматривая ошибки аграрных программ русских социал-демократов 1885, 1903 и 1906 гг., Ленин по поводу первой из них писал: «Ошибка этой программы состоит не в том, чтобы в ней были ошибочные принципы или ошибочные частные требования. Нет. Принципы ее верны... Ошибочность этой программы — ее абстрактность, отсутствие всякого конкретного взгляда на предмет. Это, собственно, не программа, а самое общее марксистское заявление»¹. Отметим, что было бы нелепо ставить эту ошибку в вину Плеханову и его группе, впервые излагавшим принципы аграрной программы задолго до образования РСДРП, Ленин писал: «Напротив, надо особенно подчеркнуть, что в этой программе за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы»².

Историческое и теоретическое значение плехановской постановки крестьянского вопроса Ленин глубоко раскрыл еще в марте 1906 г. в брошюре «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». Обращение к программным документам группы «Освобождение труда» позволило ему утверждать, что русская социал-демократия с самого своего возникновения «признавала громадную важность аграрного и специального крестьянского вопроса в России, включая самостоятельный анализ этого вопроса во все свои программные построения»³. Эту мысль Ленин аргументировал указанием на первый проект программы группы «Освобождение труда» (1884 г.), где стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений» и ликвидации всех крепостнических отношений в деревне, а также на журнал «Социал-демократ» (1888 г.) и статьи Плеханова 1891—1892 гг. («Всероссийское разорение», «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России»). Здесь Плеханов «неоднократно и в самых решительных выражениях подчеркивал громадную важность крестьянского вопроса в России, указывая даже на то, что возможен и «черный передел» при предстоящем демократическом перевороте и что социал-демократия отнюдь не страшится и не чурается этой перспективы». Вскрыв далее буржуазно-демократический смысл «черного передела», Ленин писал: «Это указание Плеханова на «черный передел» имеет для нас особую историческую важность. Оно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 232.

² Там же.

³ Там же. Т. 12. С. 241.

показывает наглядно, что социал-демократы сразу дали именно ту теоретическую постановку аграрного вопроса в России, на которой они неуклонно стоят и по сей час»⁴.

Важно, однако, иметь в виду, что Ленин еще в «Проекте программы нашей партии» (т. е. в конце 1899 г.) правильное с теоретической точки зрения требование «радикального пересмотра аграрных отношений», выставленное группой «Освобождение труда», находил «неотчетливым». «...Оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, — писал он, — но вряд ли можно удовлетвориться им теперь...»⁵ Речь, следовательно, должна была идти о развитии программы группы «Освобождение труда». Оно должно было заключаться «теоретически — в выяснении того, каковы экономические основы нашей аграрной программы, на что может и должно опираться требование радикального пересмотра в отличие от не-радикального, реформаторского, и, наконец, в конкретном определении содержания этого пересмотра с точки зрения пролетариата (отличной по самому существу ее от точки зрения радикальной вообще). Практически — развитие программы должно было учесть опыт крестьянского движения»⁶. Этим указанием В. И. Ленина вполне объясняется абстрактный, «неотчетливый» характер аграрной части проекта программы группы «Освобождение труда».

Г. В. Плеханов ни к моменту ее составления, ни позже не дал теоретической разработки отмеченных Лениным проблем. Что же касается опыта массового, общенационального крестьянского движения, то им социал-демократия еще не располагала и в 1903 г., принимая первую аграрную программу РСДРП. Тогда оставалось неизвестным, насколько именно способно развиваться движение крестьянства против остатков крепостничества, движение, заслуживающее поддержки пролетариата. Отсюда — сдержанность социал-демократов при выработке аграрной программы, отсюда — ее основная ошибка: «...отсутствие точного представления о том, из-за чего может и должна развернуться аграрная борьба в процессе буржуазной российской революции, — каковы те типы капиталистической аграрной эволюции, которые объективно возможны при победе тех или иных общественных сил в этой борьбе»⁷. Но программа 1903 г. делала

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 242.

⁵ Там же. Т. 4. С. 229.

⁶ Там же. Т. 16. С. 232.

⁷ Там же. С. 234.

попытку конкретного определения содержания и условий «радикального пересмотра аграрных отношений», о котором социал-демократы в 1885 г. «говорили в общей форме», ставила «вопрос, не поставленный еще в 1885 году, именно: вопрос о борьбе крестьянских и помещичьих интересов»¹ в момент этого пересмотра.

Как постановка, так и всестороннее теоретическое обоснование этого вопроса принадлежат В. И. Ленину. В «Проекте программы нашей партии», формулируя ее основные требования по аграрному вопросу, он выдвинул в качестве их исходного принципа мысль о том, что РСДРП будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия как класс, наиболее страдающий от несправедливости русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе. И здесь же, как бы в предвидении упрека в том, что это положение стоит в противоречии с программой группы «Освобождение труда», В. И. Ленин затронул и разъяснил очень важный вопрос, касающийся взглядов Плеханова на историческую роль крестьянства в русской буржуазно-демократической революции. Положение о том, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с самодержавием, писал Ленин, «исключается, по-видимому, следующим положением проекта группы «Освобождение труда»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»².

Опираясь на характеристику, данную Марксом французскому крестьянству начала 50-х гг. XIX в. в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», В. И. Ленин разъяснил, что в данном случае перед нами «противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами»³: консервативными, с одной стороны,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 233.

² Там же. Т. 4. С. 231. Историкам, которые усматривают в этом положении Плеханова некий «криминал», напомним, что Ф. Энгельс в 1894 г. писал об алатии широкой массы крестьянства, являющейся «сильнейшей опорой» «русского деспотизма» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 503). В. И. Ленин также отмечал, что государственный строй России искони держался «на пассивной поддержке миллионов крестьянства...» (Полн. собр. соч. Т. 6. С. 279).

³ Там же. Т. 4. С. 231.

и революционными — с другой. Не останавливаясь специально на доказательстве этого факта, Ленин выяснил далее, что Плеханов отнюдь не игнорировал ни революционные потенции крестьянства, ни, следовательно, необходимости социал-демократической работы в его среде: программа группы «Освобождение труда» отразила способность ее создателей выдвинуть из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее. Прочитывая соответствующее место этой программы, Ленин отметил, что 15 лет тому назад, когда живы были еще традиции революционного народничества, достаточно было общих заявлений о необходимости «радикального пересмотра аграрных отношений» и о готовности социал-демократов «согласиться... в основных принципах и приемах своей деятельности» с теми людьми, которые находятся в непосредственном соприкосновении с крестьянством¹.

Таким образом, для Ленина в программном творчестве группы «Освобождение труда» особенно важным представлялся тот факт, что оно вооружило революционную социал-демократию правильной и для своего времени достаточной теоретической постановкой аграрного вопроса в России. Следует особо подчеркнуть этот установленный Лениным факт: ведь до сих пор приходится встречаться с ошибочным положением о том, что в оценке крестьянского вопроса Плеханов «никогда не был последовательным марксистом»². Г. В. Плеханов и его группа со времени перехода на марксистские позиции исходили из признания трех положений, остававшихся неизменными для революционных социал-демократов и в начале XX в.: «Первое. Аграрный переворот неизбежно составит часть демократического переворота в России. Избавление деревни от крепостническо-кабальных отношений будет содержанием этого переворота. Второе. Предстоящий аграрный переворот по своему общественно-экономическому значению будет буржуазно-демократическим переворотом; он не ослабит, а усилит развитие капитализма и капиталистических классовых противоречий. Третье. Социал-демократия имеет все основания самым решительным образом поддерживать этот переворот, намечая при этом те или иные ближайшие задачи, но не связывая себе рук и не отказываясь нисколько от поддержки даже и «черного передела».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 232.

² Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 3-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 66.

Кто не знает этих трех положений, кто не вычитал их во *всей* социал-демократической литературе по аграрному вопросу в России, тот либо не знает дела, либо обходит существо дела...»¹.

Методологическое значение этого указания В. И. Ленина огромно: оно заключает в себе исходную позицию научной разработки истории развития взглядов русской социал-демократии на аграрно-крестьянский вопрос. Впервые в марксистской историографии со всей объективной полнотой было выявлено не только историческое значение теоретической деятельности группы «Освобождение труда» в этой области, но и выявлены основания и прослежены главные вехи дальнейшего развития аграрной программы РСДРП в связи с изменениями социально-классовой и политической конъюнктуры в стране.

Не останавливаясь более подробно на этом вопросе, подчеркнем только следующее: высоко оценивая программные документы группы «Освобождение труда», В. И. Ленин никогда не считал, что она дала законченную разработку теоретических, политических и организационных основ для создания пролетарской партии, какая была необходима российскому рабочему классу для победы над самодержавием и капитализмом. Глубоко изучив российскую действительность с позиций творческого марксизма, он уже в 90-е гг. доказал, что углубление классовых антагонизмов, выросших на почве капиталистического развития страны, существенно изменило условия деятельности и задачи революционной социал-демократии.

Ленин хорошо сознавал, что в силу ряда объективных и субъективных причин члены группы «Освобождение труда» не смогли дать всеобъемлющий анализ новых явлений в экономической и социально-политической жизни страны, в развитии социалистического и демократического движения на новом этапе борьбы, без чего невозможно было четко сформулировать конкретные задачи российской социал-демократии. Великой заслугой Ленина в 90-е гг. явилось теоретическое обоснование (в тесной связи с практикой социал-демократического движения) новых задач по идейному, политическому и организационному руководству классовой борьбой пролетариата. Поэтому-то, строжайше проводя принцип конкретно-исторического подхода к анализу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 242—243.

программных документов группы «Освобождение труда», он не только всесторонне выявил их сильные и слабые стороны, но и предложил внести в них ряд важных изменений и дополнений, значение которых было огромно: они закладывали *принципиальные основы* новой общепартийной программы, которая должна была твердо установить воззрения на характер, цели и задачи социал-демократического движения, стать знаменем борющейся партии.

Слабые стороны программных документов группы «Освобождение труда» не могут служить предлогом для приращения ее роли в теоретическом основании русской социал-демократии. В. И. Ленин с полным правом называл ее членов «основателями и передовыми борцами»¹ русской социал-демократии, а Плеханова — одним из ее вождей². Эти ленинские оценки, относящиеся к 1899 г., могут быть по-настоящему осмыслены лишь в том случае, если не упускать из виду, что в то время вся революционная социал-демократия России еще руководствовалась «старой» плехановской программой, признавала общее идейное руководство группы «Освобождение труда».

С другой стороны, было бы, на наш взгляд, неверно искать в программном творчестве Плеханова 80 — начала 90-х гг. гносеологические корни его последующего меньшевистского оппортунизма. При наличии таковых Ленин вряд ли отнес бы его к числу представителей последовательного и целостного развития марксизма. Все то, что некоторые исследователи принимают за некие «зародыши» будущих меньшевистских взглядов Плеханова, на деле было лишь выражением недостаточной глубины, порой неизбежной априорности, абстрактности, известного схематизма, а порой и противоречивости его анализа, легко объяснимого (если не покидать конкретно-историческую точку зрения) состоянием социально-экономического развития и уровнем классовой борьбы в стране.

Требовать от Плеханова и его группы безошибочных решений в то время, когда налично были неразвитость экономики и «неразвитость классовых противоречий»³, когда в стране не было сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения⁴, а крестьянская

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 165.

² См. там же. С. 183.

³ См. там же. Т. 11. С. 284.

⁴ См. там же. Т. 4. С. 217.

масса в политическом отношении еще спала глубоким сном¹, — не значит ли допускать явное прегрешение против основных принципов марксистско-ленинской методологии исторического исследования? Не следует забывать, что только революция 1905—1907 гг. дала окончательные ответы на ряд важнейших вопросов, которые ставила группа «Освобождение труда» еще в 80-х гг.

Бесспорно, что в трактовке отдельных положений марксистской теории (во всех ее областях) Плеханов допускал ошибочные или недостаточно проработанные (порой нечетко или слишком осторожно выраженные) суждения. В. И. Ленин отметил некоторые серьезные пробелы и недостатки в его пропаганде марксистских идей, в критике бернштейнства. Так, например, в брошюре «Анархизм и социализм» (1894) в трактовке темы об отношении анархизма к социализму Плеханов совершенно обошел самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма — «отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще!»². Ленин показал, что уклончивость теоретиков II Интернационала по этому вопросу была выгодна для оппортунизма и питала его. Более того, из нее в процессе постепенного роста оппортунизма «проникло извращение марксизма и полное опошление его»³.

Но в то время это еще не мешало Плеханову решительно выступать в защиту целостности марксизма, единства его составных частей, отстаивать и развивать революционные принципы научного социализма, вести решительную борьбу против различных проявлений оппортунизма, что, впрочем, не снимает вопроса об исторически обусловленной ограниченности воззрений руководителя группы «Освобождение труда».

Эта ограниченность с большей или меньшей — скорее большей, нежели меньшей — отчетливостью проявилась во втором периоде деятельности группы «Освобождение труда», который совпал с зарождением социал-демократии как массового движения и, стало быть, с новым этапом в развитии теории и практики социал-демократизма, марксизма. Крупнейшим политическим проявлением этого факта явилось создание Лениным петербургского

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 333.

² Там же. Т. 33. С. 103.

³ Там же. См. также с. 52.

«Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Как воплощение единства теории и практики революционной борьбы пролетариата, он стал зачатком революционной партии¹ и уже в силу этого наиболее полно отразил падающий на середину 90-х гг. переломный момент как в истории освободительного движения, так и в истории РСДРП. В. И. Ленин впервые в общественной науке показал не только общероссийское, но и международное значение этого перелома, поставив его в прямую связь с развитием мировой системы империализма и перемещением центра мирового революционного движения в Россию. Исходя из этого, он подошел к разработке основ пролетарской тактики и политики с позиций творческого марксизма, с позиций большевизма как применения революционного марксизма к особым условиям эпохи.

С середины 90-х гг. именно большевизм стал самым последовательным выражением теории и практики российской революционной социал-демократии, в рядах которой активно продолжала действовать и группа «Освобождение труда». Но с этого времени она постепенно утрачивала главенствующую роль в идейно-теоретическом руководстве социал-демократическим движением в России. Эта роль переходила в руки нового поколения русских последователей Маркса во главе с Лениным, который несравненно глубже, чем кто бы то ни было, сумел понять и выразить назревшие потребности новой эпохи, эпохи революционных бурь и социальных потрясений. Его громадная по размаху теоретическая и организационно-практическая деятельность по созданию партии блестяще подтвердила его собственную мысль о том, что правильная революционная теория не является догмой и окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения².

Следует, однако, подчеркнуть, что и в этот период группа «Освобождение труда» оставалась на позициях революционного марксизма, сохраняя за собой значение крупной теоретической силы, деятельно разрабатывавшей различные вопросы научного материалистического мировоззрения, теории и практики социал-демократического движения.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 460.

² См. там же. Т. 41. С. 7.

В практически-политическом отношении второй период деятельности группы «Освобождение труда» ознаменовался установлением более регулярных и прочных связей с социал-демократическим движением в самой России. Этим важным для всей социал-демократии обстоятельством группа во многом обязана В. И. Ленину: его приезд в Швейцарию в мае 1895 г. открыл для нее возможность более целеустремленных действий в прямом контакте с теми, кто в труднейших условиях подполья, тюрем и ссылки отдавал все свои силы «организации рабочего движения в революционную политическую партию...»¹. Вполне понятно, что это стало возможно лишь благодаря признанию ее принципиальных идейных позиций абсолютным большинством действовавших в стране марксистов. Социал-демократические организации, представленные на I съезде РСДРП (1898), придерживались программы, выработанной группой «Освобождение труда»². Ее идейно-политический и моральный авторитет в глазах революционного крыла российской социал-демократии был еще очень высок. Не случайно Ленин весной 1901 г. от имени созданной им Литературной группы, готовившей создание «Искры», заявлял, что она не решилась бы взяться за поставленные ею в высшей степени широкие и всеобъемлющие задачи, если бы не заручилась поддержкой «со стороны группы «Освобождение труда», которая основала русскую социал-демократию и всегда стояла во главе ее теоретиков и ее литературных представителей...»³. Возглавляемая Лениным группа, сохраняя полнейшую самостоятельность, тем не менее не считала возможным «вести дело без таких сил, как Плеханов и группа «Освобождение труда»⁴, охотно признавала тогда ее общее идейное руководство⁵ и шла на соглашение с нею, исходя из «солидарности основных взглядов и тождества практических задач...»⁶.

Это был союз двух самостоятельных социал-демократических групп, стоявших на позициях революционного марксизма, что только и могло обеспечить их совместную работу в «Искре», развернувшей принци-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 332.

² См. там же. С. 240, 265.

³ Там же. С. 332—333.

⁴ Там же. Т. 46. С. 42.

⁵ См. там же. Т. 4. С. 342.

⁶ Там же. С. 353.

пальную борьбу за победу революционно-марксистского направления в российской социал-демократии, за идейное и организационное сплочение партии. Но важно отметить, что с середины 90-х гг. группа «Освобождение труда» в своей идейно-политической работе испытывала сильное влияние со стороны В. И. Ленина — подлинного вождя революционной социал-демократии, впервые обеспечившего соединение революционной теории с революционной политикой.

Но, как известно, «солидарность основных взглядов и тождество практических задач», соединивших усилия двух социал-демократических групп в единой редакции «Искры», не исключили острых разногласий между Лениным, с одной стороны, и членами группы «Освобождение труда» — с другой. Эти разногласия касались ряда важных экономических и социально-политических проблем, которые замыкались на решении кардинальных вопросов о движущих силах надвигающейся буржуазно-демократической революции, о роли пролетариата и крестьянства в этой революции, т. е. вопросов, предопределивших стратегический и тактический курс партии. В нашей литературе справедливо отмечалось, что разногласия в редакции «Искры» восходили в конечном счете к различному пониманию характера революционного процесса, который развертывался в России в начале XX в.¹, что полемика между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым в 1902 г. явилась выражением начала тех расхождений, которые в последующем далеко развели их в разные стороны².

Вопрос состоит в том, как оценить эти расхождения с точки зрения их политической сущности, если учесть, что еще осенью 1899 г. Ленин называл группу «Освобождение труда» основательницей, представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»³ (т. е. революционно-марксистского течения в России), если вспомнить, с какой энергией он настаивал на необходимости отстаивать «старое направление» перед лицом распространения «экономизма», если и в декабре 1901 г. он признавал, что плехановская группа давала движению «столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый

¹ См.: Гартковский К. Н. 24 декабря 1900. М., 1977. С. 223.

² См.: Митин М. Б. Историческая роль Г. В. Плеханова в русском и международном рабочем движении. М., 1957. С. 12.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 180.

революционный опыт»¹. Напомним и еще один эпизод. В марте 1902 г. в связи с предстоящей конференцией комитетов и организаций РСДРП (она состоялась в конце марта в Белостоке) В. И. Ленин от имени редакции «Искры» написал специальный доклад, в котором предлагалось, в частности, обсудить и вопрос о Центральном Органе. В докладе было сказано, что к обсуждению по этому вопросу необходимо было бы «привлечь группу «Освобождение труда», без участия и руководства которой мы не можем представить себе правильной постановки принципиально выдержанного и удовлетворяющего вообще всем нуждам движения политического органа»². Не следует игнорировать и то обстоятельство, что в итоге острых и напряженных прений вокруг проекта Программы партии был достигнут тот уровень единства взглядов, который позволил Плеханову и членам его группы отдать за этот проект свои голоса на II съезде РСДРП.

Антиисторический подход к рассматриваемому вопросу породил давнюю, но вновь и вновь проявляющуюся в литературе тенденцию, смысл которой сводится к тому, что «разногласия вокруг проекта Программы были проявлением борьбы двух различных направлений в международной и русской социал-демократии»³ — революционного, марксистского, и оппортунистического, реформистского. Плеханов, таким образом, с самого начала отбрасывается в лагерь оппортунизма, хотя общезвестно, что он вел решительную, страстную, исполненную полемического блеска борьбу с ним на страницах «Искры» и «Зари» совместно с Лениным. Это крайне упрощенное и ложное в самой основе объяснение эволюции воззрений столь крупной фигуры, какой был Плеханов, базируется на смешении «старого Плеханова» (т. е. Плеханова-марксиста) с Плехановым-оппортунистом, против чего предупреждал еще в 1908 г. В. И. Ленин⁴. Оно не дает сколько-нибудь надежного ориентира для установления соотношения ошибок Плеханова-марксиста с ошибками, которыми отмечен меньшевистский период его деятельности.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 368.

² Там же. Т. 6. С. 299.

³ Воллин Я. Р. Ленинская «Искра» и подготовка второго съезда РСДРП // Второй съезд РСДРП и местные партийные организации. Пермь, 1973. С. 53—54.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 138.

Подлинно научный критерий для установления этого соотношения дал Ленин: он неизменно связывал ошибочные политические и тактические установки Плеханова-меньшевика с принципиальными отступлениями от марксизма, с ревизией «старых организационных и тактических принципов революционной социал-демократии...»¹. Как носитель идей большевизма, Ленин превосходно видел ошибки Плеханова, допускавшиеся им в период разработки искровского проекта Программы партии, вскрывал их в острой идейной борьбе. Но он не считал, что его позиции являются ревизией учения Маркса и основополагающих принципов русской революционной социал-демократии. Ленин видел, что в старой «Искре» Плеханов еще «оставался верен себе»², был марксистом³, революционным социал-демократом. Даже после II съезда РСДРП (по крайней мере до конца октября 1903 г.) Плеханов «еще не помышлял о новом курсе знаменитой уступчивости по отношению к оппортунизму»⁴.

Еще меньше он мог «помышлять» об этом в период работы в «Искре» и «Заре». В статье «На пороге XX века», опубликованной в «Искре» (февраль 1902 г.), Плеханов, выражая твердую уверенность в конечной победе пролетариата, предупреждал, что на пути к ней социал-демократов ожидает много частных поражений и тяжелых разочарований. «Не мало в течение этого пути, — писал он, — разойдется между собой людей, казалось бы тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями. — Р. Ф.) назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической «Жирондой»⁵.

По иронии истории эти слова оказались своеобразным пророчеством: на II съезде РСДРП этот разрыв вполне определился, и сам Плеханов очень скоро оказался одним из вождей социал-демократической «Жиронды» — оппортунистического крыла РСДРП.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 142.

² См. там же. Т. 19. С. 299.

³ См. там же. Т. 27. С. 44.

⁴ Там же. Т. 9. С. 277.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. М.: Л. [1924]. Т. 12. С. 64—65.

Сразу же после окончания работы II съезда Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (26—31 октября 1903 г.) он избрал именно курс уступчивости по отношению к оппортунистам, и этот курс увлек его в трясину мелкобуржуазного оппортунизма, а позднее — социал-шовинизма.

Вполне понятно, что этот поворот Плеханова (а еще раньше — Аксельрода и Засулич, уже в ходе II съезда партии возглавивших, наряду с Мартовым, «меньшинство») не мог совершиться внезапно и вряд ли может быть объяснен какой-то однозначной формулой.

Как мы уже могли убедиться, верный методологический ориентир для решения этого сложного вопроса дают произведения В. И. Ленина, а также постановление ЦК КПСС от 16 августа 1956 г. «О 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова», в котором говорится: «Ошибочные политические позиции Плеханова после II съезда РСДРП явились прежде всего результатом непонимания им характера новой эпохи, как эпохи империализма и пролетарских революций, непонимания значения союза пролетариата с крестьянством и руководящей роли пролетариата как в буржуазно-демократической, так и в социалистической революции. Слабой стороной в деятельности Плеханова было неумение творчески применить марксизм в новых исторических условиях»¹.

С этой точки зрения в разногласиях Ленина и Плеханова в 1900—1903 гг. (до II съезда РСДРП) нашло свое выражение столкновение «старых решений марксизма» эпохи II Интернационала с идеями большевизма как высшей ступени в творческом развитии марксизма применительно к условиям новой эпохи. К концу XIX — началу XX в. Плеханов, которому нельзя отказать в творческом «приложении» общих марксистских идей к российской действительности, остановился (прежде всего, в области социал-демократической политики и тактики) на тех достижениях, которые были сделаны им преимущественно в первое десятилетие существования группы «Освобождение труда». Недаром и в период первой русской революции, и после нее он старался выдать идейно-политическую платформу группы за ту вершину «ортодоксального» марксизма, с которой следовало обозреть общественно-политическую ситуацию и крупнейшие революционные события начала XX в. в России. Об этом ясно свидетельствуют его собственные признания

¹ Вопросы идеологической работы. М., 1961. С. 99—100.

(в частности, письмо Н. А. Рубакину от 12 октября 1910 г.)¹.

В новых исторических условиях применение «материалистической теории политики»², которую вслед за Марксом и Энгельсом развивал и углублял Ленин, оказалось не по плечу Плеханову: он не сумел объективно-исторически проанализировать и оценить обозначившиеся на рубеже двух веков новые явления экономической и социально-политической жизни страны, без чего невозможно было четко сформулировать программные задачи российской революционной социал-демократии, выработать выдержанную и последовательную тактику, соответствующую изменившимся условиям и потребностям нарастающей классовой борьбы пролетариата.

Конечно, в период старой «Искры» Плеханов делал серьезные уступки идеям большевизма³: он принял большую часть положений, выдвинутых Лениным в процессе выработки проекта Программы партии. Но это были уступки по таким вопросам, которые внутренне он не мог «переварить», оставаясь в плену старых решений, созревших в условиях определенной исторической эпохи (не следует также сбрасывать со счета его оторванность от практики рабочего движения в России, влияние западноевропейской социал-демократии, «заглядевшейся» на одну — легальную, парламентскую — форму борьбы, некоторые личные его качества и т. д.). Нам важно подчеркнуть, что большевизм как цельное, базирующееся на гранитном фундаменте марксизма течение политической мысли Плеханов не сумел понять и, следовательно, принять.

Не сумев подняться над своим временем, Плеханов не сумел и понять, что вся сумма идей большевизма свидетельствовала не о создании особого направления в социализме, а лишь о том, чтобы, говоря словами Ленина, «применить к новым условиям нашей революции

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1926. Т. 13. С. 227. См. также: Исторический архив. 1956. № 6. С. 19.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 223.

³ В. И. Ленин в 1914 г., говоря о колебаниях Плеханова по вопросам тактики и организации, отметил, что в августе 1903 г. он был большевиком (Полн. собр. соч. Т. 25. С. 222). Здесь, по нашему мнению, он имел в виду тот факт, что во время работы II съезда РСДРП Плеханов входил в состав твердых искровцев, «большинства», разделяя тем самым тактические и организационные идеи последнего. Принципиальная позиция Ленина в подходе к анализу воззрений Плеханова неизменно состояла в признании того, что в течение 20 лет (1883—1903 гг.) он «не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 299).

основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии...»¹. А это и позволило ему взять курс на уступки оппортунистам-меньшевикам, начать (со статьи «Чего не делать») под разными, порой наивными, а порой и далекими от истины предложениями² отмежевание от идей большевизма. Заявив, что интересы «ортодоксального марксизма» «требуют, чтобы мы не отталкивали от себя ни бывших экономистов, ни нынешнее... «меньшинство», превратив это «меньшинство» в «ортодоксов чистой воды», третируя идею демократического централизма как «бонапартизм» и «преступное покушение на жизнь РСДРП»³, Плеханов встал на скользкий путь принципиальных отступлений от того «ортодоксального марксизма», приверженность к которому он теперь без устали подчеркивал, на путь ревизии основных принципов революционной социал-демократии.

Последовавшие затем попытки обвинить Ленина в «отклонении от марксизма» и даже «измене» ему на основе превратного истолкования его учения о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении⁴ со всей очевидностью обнаружили отход Плеханова от марксистской диалектики к доктринерству и софистике. Содержание его статей 1904 г. («Централизм или бонапартизм», «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» и др.) сейчас кажется просто невероятным: не потому, что он попытался использовать свой дар полемиста против идей Ленина (здесь он явно был мимо цели), а потому, что вертелся, как напроказивший школьник, отрекаясь от взглядов,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 48.

² В частности, Плеханов пытался объяснить «натянутость» своих взаимоотношений с В. И. Лениным во время выработки проекта программы РСДРП несогласием с некоторыми идеями книги «Что делать?» (Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 137). В. И. Ленин доказал, что это — «совершенная неправда», что «охлаждение отношений» было не из-за «Что делать?», а «из-за деления шестерки пополам при спорах о программе...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 355).

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 84—85, 90—91.

⁴ См. там же. С. 127, 139 и др. В. И. Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» показал, что провозглашенное Плехановым «принципиальное развогласие» с ним и его критика по вопросу о стихийности и сознательности носила явный характер пустой придирки, основывались на вырванных из связи фразах, причем игнорировалось общее содержание и весь дух книги «Что делать?». При этом Ленин подчеркнул, что в опубликованном проекте партийной Программы «отношение стихийного к сознательному» было сформулировано по общему согласию редакции «Искры» (см.: Полн. собр. соч. Т. 16. С. 106).

которые еще совсем недавно признавал и даже публично защищал¹.

И в это время, и позднее Плеханов не устал повторять, что «ортодокс» должен мыслить диалектически, а диалектика исключает «машинный», раз навсегда заученный ход мыслей². Это верно. Но столь же верно, что ортодоксия, понимаемая в смысле верности тому или иному учению, неизбежно перерастает в эпитимство, если его носители не учитывают новых явлений жизни, застывают на уровне первоначальных, соответствующих условиям уже прошедшего времени представлений и выводов. В. И. Ленин указывал, что не обращать внимания на изменившиеся условия, «отстаивать старые решения марксизма — значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации»³.

Эту исключительно важную с методологической точки зрения мысль, высказанную Лениным в другой связи, с полным основанием можно отнести к Плеханову и другим членам его группы. Эта мысль точно и ясно вскрывает истоки их постепенного сползания на позиции «буржуазного течения в социализме»⁴, что имело своим итогом полный разрыв с марксизмом.

Разработанная В. И. Лениным концепция раннего социал-демократического движения впервые в общественной науке воплотила подлинно марксистское представление о становлении и динамике развития Российской социал-демократической рабочей партии — высшей формы социалистического рабочего движения. В этой концепции партия предстает перед нами как результат закономерного и длительного процесса слияния научного социализма и стихийного экономического движения рабочего класса в единое социал-демократическое движение.

Опираясь на учение Маркса и Энгельса, указавшее путь к этому слиянию, исходя из собственной дальнейшей теоретической разработки проблемы соотношения стихийности и сознательности в рабочем движении, Ленин дал безукоризненно точный анализ, с одной стороны,

¹ См., например: Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 136 и след.

² См. там же. С. 51.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 237.

⁴ См. там же. Т. 26. С. 5.

исторически обусловленного и, следовательно, неизбежного движения российского рабочего класса навстречу марксизму — единственному учению, выражающему его действительные интересы, а с другой — зарождения и формирования марксистской пролетарской идеологии в России. Сила и убедительность этого анализа как раз и состояла в том, что обе эти стороны Ленин рассматривал в диалектическом единстве взаимосвязанных предпосылок и условий для создания партии нового типа.

Ленинский теоретико-исторический анализ генезиса РСДРП, всецело подчиненный решению многоаспектных программных, тактических и организационных задач развития и упрочения социал-демократического рабочего движения, базировался, во-первых, на теории революционного марксизма, на обобщении и творческом овладении громадным опытом международного демократического и социалистического движения, всего русского освободительного движения; во-вторых, на фундаментальной разработке проблемы развития российского капитализма, его роли в создании не только материальных предпосылок, но и субъективных факторов грядущей пролетарской революции; в-третьих, на строжайшем учете особенностей и изменяющихся условий русского исторического процесса и связанного с ним национального своеобразия развития передовой общественной мысли; в-четвертых, на объективной оценке роли России в мировом революционном процессе.

Благодаря этому всеобъемлющему подходу Ленин впервые научно обосновал тот факт, что возникновение марксизма и социал-демократического движения в России является частью мирового революционного процесса. Исходя из этого, он сформулировал задачи российской революционной социал-демократии с позиций большевизма как применения революционного марксизма к особым условиям эпохи.

С этих же позиций Ленин дал непревзойденный по своей объективности, подлинной партийности и мастерству анализ исторической и идейной базы зарождения марксизма в России, глубоко обосновал мысль о состоявшемся в 80-х гг. переломе в исторических судьбах социалистического учения в стране, выдвинул и предельно четко очертил внутренне цельный период возникновения и упрочения теории и программы русской социал-демократии. Этот период в ленинской концепции выступает как

органическая составная часть истории РСДРП, той социал-демократической «работы десятилетий, которая подготовила и направила революционное настроение русского пролетариата и ценой многих жертв создала единую Рабочую социал-демократическую партию»¹.

В прямой связи с общей оценкой первого периода истории российской социал-демократии Ленин осветил сложный вопрос о месте и реальном историческом значении группы «Освобождение труда» в подготовке и создании РСДРП. Исходя из признания общепартийного значения плехановской группы как основательницы русской социал-демократии, много сделавшей для ее теоретического и практического развития², Ленин указал на крупные заслуги Г. В. Плеханова как ее идейного лидера перед российским и международным рабочим движением. Важно подчеркнуть, что общественно-политическую и научную деятельность Плеханова он рассматривал в контексте высших достижений мировой культуры XIX в.

Вместе с тем на основе «действительно исторического анализа» В. И. Ленин выявил исторически обусловленную ограниченность воззрений Плеханова и членов его группы, вскрыл главные причины, определившие их отступление от основополагающих принципов революционного марксизма, переход на оппортунистические позиции. Ленинская концепция начального периода истории РСДРП, создававшаяся в ожесточенных схватках с оппортунистическими извращениями марксистской теории и практики социал-демократического движения, являлась важнейшим идейно-политическим фактором утверждения революционного марксизма, борьбы российских коммунистов за партию нового типа.

Методологическое и теоретическое значение обобщений В. И. Ленина, по всем рассматриваемым проблемам поистине неопределимо: неизменно сопряженные с творческим развитием марксистской теории, с научным обоснованием задач и перспектив социалистического движения не только российского, но и международного пролетариата, они представляют единственно верный подход к изучению стержневых вопросов генезиса РСДРП, передовой общественной мысли и революционного движения в России во второй половине XIX — начале XX в.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 339.

² См. там же. Т. 4. С. 215.

РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1883—1893 гг. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

...В обозрение всегда входит критика...

В. Г. Белинский

Историографические работы, посвященные изучению литературы по многогранной проблематике российского социал-демократического движения 1883—1893 гг., до сих пор не являлись предметом специального рассмотрения. Мы не можем назвать ни одной монографии или даже статьи, в которой был бы обобщен накопленный к настоящему времени историографический материал, относящийся к этой проблематике. Между тем очевидно, что при всей количественной незначительности этого материала обобщение и оценка его совершенно необходимы, если мы хотим целостно представить пути становления и современное состояние историографии «утробного периода» российской социал-демократии.

§ 1. ИЗУЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

В процессе историографического обобщения накопленных советской наукой знаний о социал-демократическом движении 1883—1893 гг. центральное место занимает изучение и утверждение в исследовательской практике научной концепции начального периода истории РСДРП, созданной Лениным. Рассмотрение работ советских историков, специально занимавшихся изучением и пропагандой этой концепции, имеет для нас двойное значение: во-первых, оно позволяет представить процесс утверждения ленинских методологических принципов историко-партийного исследования в самой историографии как науке и, во-вторых, дает возможность проследить динамику освоения советскими историками ленинской концепции истории русской социал-демократии как теоретической основы конкретно-исторических исследований.

Изучение теоретического историко-партийного наследия В. И. Ленина в 20-х гг., когда углубленная конкретно-

историческая разработка основных проблем истории русской социал-демократии (в том числе и ее «утробного периода») только еще начиналась, приобрело важнейшее значение: необходимо было овладеть ленинским диалектико-материалистическим исследовательским методом, как необходимой предпосылкой развития самой истории партии как науки. Виднейшие историки-большевики, включившиеся в эту работу, отдавали себе полный отчет в том, что это потребует длительного времени и больших творческих усилий. В 1925 г. видный деятель большевистской партии, ученый-марксист В. А. Быстрянский не без основания сетовал на то, что наши обществоведы недостаточно знают Ленина-теоретика. «Изучение его теоретического наследия, — писал он, — потребует громадной работы. Нет области марксистской теории, куда Ленин не внес бы драгоценнейших вкладов: философия и социология, политическая экономия и историография оплодотворены его великим умом. Поэтому теоретики всех видов оружия будут трудиться над систематизацией его теоретического учения»¹. И позднее, в 1930—1931 гг., М. Н. Покровский, указывая на то, что всякая будущая история России, заслуживающая имени марксистской, должна руководствоваться ленинским пониманием русской истории², подчеркивал особую важность задачи обобщения колоссального опыта научных изысканий Ленина в области истории³.

Постепенное творческое овладение ленинским историческим наследием, ленинским методом исторического исследования составило главное содержание всего процесса становления и развития советской историко-партийной науки⁴. В 20 — начале 30-х гг. в этот процесс органически «вписалась» и нашедшая столь широкое отражение в работах Ленина проблематика социал-демократического движения «утробного периода» во всех ее теоретических, методологических и конкретно-исторических аспектах. Ленинский подход к этой проблематике, классические ленинские оценки и их методологическое значение привлекли внимание целого ряда видных ученых —

¹ Быстрянский В. Ленин как материалист-диалектик. Л., 1925. С. 3.

² См.: Покровский М. Н. Ленин и история // Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 289.

³ См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. XIII.

⁴ См.: Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1969. С. 10—11.

М. Н. Покровского, В. В. Адоратского, Г. Л. Лелевича, В. И. Невского, М. С. Волина и др.

В этом отношении необходимо отметить значение ряда работ В. В. Адоратского, которого В. И. Ленин характеризовал как хорошо образованного, «знающего марксиста»¹. С самого начала 20-х гг. Адоратский неустанно изучал и пропагандировал выдающуюся роль Ленина в творческом развитии диалектического и исторического материализма Маркса и Энгельса. В произведениях Ленина он видел «непревзойденные образцы материалистического разрешения общественных вопросов, последовательный материализм в понимании истории и в исторической деятельности»². Историк-большевик последовательно и настойчиво проводил мысль о том, что произведения Ленина чрезвычайно важны и для научного исследования, и для действия, для теории и практики. Ленин, подчеркивал он, «дает для исторических исследований больше ценнейших указаний, чем кто бы то ни было, потому что отражает необычайно верно и точно каждый момент исторического развития и дает все в перспективе, вполне отвечающей действительности»³.

Эту мысль Адоратский подкреплял конкретным анализом произведений Ленина, которые, по его убеждению, синтезировали в себе его гений теоретика-марксиста, историка и политика⁴. В этом ключе он рассмотрел многие вопросы теории и политики революционной социал-демократии, что имело важное значение для уяснения ленинской концепции истории партии. В этой связи следует отметить, что Адоратский внес определенный вклад в решение вопроса о принципах ленинской периодизации истории партии⁵, в характеристику исторических условий развития марксизма в России и т. д. Обосновывая, в част-

ности, мысль о том, что «теоретическое сознание русских революционеров-марксистов было выше, чем где бы то ни было в других капиталистических странах»¹, он ссылался на борьбу Плеханова против кантианства, начиная с 90-х гг. Плеханова он считал одним из наиболее выдающихся теоретиков эпохи II Интернационала, который, в отличие от Ленина, не был свободен «от буржуазных влияний» в вопросах о классах и классовой борьбе, о государстве, о революции и т. д.² Этих слабых сторон в мировоззрении основателя русской социал-демократии Адоратский касался главным образом в связи с характеристикой меньшевистского периода его деятельности³.

Для истории первых шагов изучения ленинской концепции социал-демократического движения в России известное значение имеют работы Г. Лелевича, который одним из первых обратил внимание на глубокий историзм диалектико-материалистического метода исторического анализа и исторических обобщений⁴. В качестве блестящих образцов марксистского анализа исторического процесса он указал, в частности, на ленинскую периодизацию освободительного движения в России, его взгляды на эволюцию народничества, соотношение идеологии последнего с буржуазно-демократическим просветительством 60-х гг. и марксизмом.

Отметив, что с легкой руки М. Н. Покровского стало общепризнанным деление революционного движения XIX—XX вв. в России на три периода, Лелевич подчеркнул приоритет Ленина в разработке этого вопроса, сославшись на статью «Памяти Герцена». Автор справедливо увидел здесь умение Ленина «схватить классовый смысл событий, несмотря на разные идеологические оболочки, и умение, опираясь на этот классовый анализ, выпукло выявить основные этапы исторического процесса, ярко подчеркнув главные особенности каждого из этапов, и умение правильно оценить историческое значение тех общественных течений, которые ко времени деятельности В. И. Ленина уже давно отжили свое время и, диалектически превратившись в свою противоположность, стали

¹ См.: Ленинский сб. XXIV. С. 101, 469. О В. В. Адоратском см.: Кожина Р. Владимир Викторович Адоратский: (Биографический очерк) // Адоратский В. В. Избранные произведения. М., 1961.

² Адоратский В. В. Избранные произведения. С. 495.

³ Адоратский В. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина // Пролетарская революция. 1930. № 2—3 (97—98). С. 9.

⁴ См.: Адоратский В. В. Избранные произведения. С. 443. Это особенно важно отметить, поскольку в то время сама мысль о Ленине-историке некоторые авторы находили смешной на том ложном основании, что вождь пролетарской революции будто бы не написал «ни одной, даже мимолетной собственно-исторической работы.» (см. рец. А. Дитлаковского на кн.: Быстровский В. Ленин-историк. Историзм и ленинизм // Печать и революция. 1926. № 1. С. 145).

⁵ См.: Адоратский В. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина. С. 14—20.

¹ Адоратский В. В. Избранные произведения. С. 476.

² См. там же. С. 495.

³ См. там же. С. 427, 557—558 и др.

⁴ См.: Лелевич Г. Ленин как историк // Пролетарская революция. 1924. № 4 (27). С. 6—8. Несколько позднее эта статья, дополненная автором, вышла отдельной брошюрой: Лелевич Г. Ленин как историк партии и революции. М., 6 г.

реакционными». В связи с этим Лелевич сделал ряд ценных обобщений, касающихся ленинского подхода к изучению предшественников русской социал-демократии. Он особо выделил тот факт, что Ленин даже в момент наибольшего обострения борьбы марксистов с народническими эпигонами «ни на мгновение не потерял исторической перспективы и не поддавался соблазну, из-за грехов народников 90-х годов, недооценивать историческую роль революционного народничества 70—80-х годов»¹.

Изучение ленинских приемов анализа идеологии предшественников революционной социал-демократии имело важное значение: оно прокладывало путь к правильной постановке всей проблемы зарождения марксизма в России. Выделив вызвавшую в свое время взрыв возмущения со стороны оппортунистов разных сортов ленинскую теорию зарождения социал-демократии «как соединения несоциалистического рабочего движения с социализмом, зарождавшимся вне пролетарской борьбы», Г. Лелевич оценил ее как «блестящую формулу зарождения социал-демократии» и подчеркнул ее огромную историческую ценность. «Она позволяет, — писал он, — рассматривать историческое развитие социал-демократии в правильной исторической перспективе, она равно спасает от двух опасностей искажения этой перспективы: от попыток превратить в наших предшественников любого либерального красноречивого любой эпохи, с одной стороны, и от попыток отрицать преемственность и разыгрывать «Иванов-непомнящих» — с другой».

Г. Лелевич исходил из признания единой для всей истории социал-демократии периодизации — вплоть до Октября 1917 г. Ее основу он видел в двух работах В. И. Ленина — «Что делать?» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Знаменитое Заключение книги «Что делать?» он назвал классическим образцом «истпартовской работы» и указывал, что при освещении «подготовительного этапа российской социал-демократии следует исходить из классической схемы Владимира Ильича»². Историк справедливо писал, что ленинские характеристики этапов развития российской социал-демократии дают несравненные уроки правильного применения метода исторического материализма.

Над выяснением некоторых важнейших сторон ленинской методологии исторического исследования успешно

¹ Лелевич Г. Ленин как историк. С. 8—9.

² Там же. С. 15—17.

работал В. А. Быстрицкий¹. Подчеркивая историзм учения Маркса и Энгельса и выделяя ряд принадлежащих им блестящих исторических работ как шедевров материалистической историографии, автор справедливо указывал, что «историзм Марксова учения, исторический подход к процессу общественной жизни, умение подводить итоги историческому опыту — полностью перешли в ленинизм...»². Хотя Быстрицкий и ошибался, утверждая, что Ленин не писал исторических работ в стиле известных работ Маркса и Энгельса («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Крестьянская война в Германии») ³, он тем не менее особо акцентировал внимание читателей на историчности его мысли и огромном значении его сочинений для историков, которые «будут черпать в них руководящую нить для понимания истории нашего времени...»⁴.

Особо Быстрицкий подчеркивал значение литературного наследия Ленина для историко-партийной науки: «Историю партии будущей исследователь станет писать по Ленину, у него он возьмет схему, периодизацию, — и общие контуры, нарисованные Лениным, будут заполняться новым фактическим материалом. Мысли Ленина о ходе развития нашей партии будут служить руководящей нитью для грядущих историков, — явятся лейтмотивом их работы»⁵. В этой связи автор указал на некоторые важнейшие наблюдения В. И. Ленина, касающиеся того периода, который, по его мнению, «можно было бы назвать предисторией (Vorgeschichte) большевизма», т. е. истории партии до 1903 г., до возникновения большевизма как особого политического течения⁶. В ретроспективе эта предистория, судя по смыслу статьи Быстрицкого, не уходит глубже 1894 г.

¹ О В. А. Быстрицком см.: Корчаговский Н. В. А. Быстрицкий // Историк-марксист. 1941. № 1 (89). С. 155—157. Общей характеристике Быстрицкого как революционера, ученого и пропагандиста марксизма-ленинизма отдельная глава посвящена в кн.: Каршиц В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 290—314. См. также: Иванова Л. В. Историк-марксист В. А. Быстрицкий (Ватин) // Историк и историк: 1974. М., 1976.

² Быстрицкий В. Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925. С. 6.

³ На эту ошибку Быстрицкого еще в 1929 г. указал М. С. Волгин (см.: Летопись революции. 1929. № 2 (35). С. 8).

⁴ Быстрицкий В. Ленин-историк. Историзм в ленинизме. С. 8.

⁵ Быстрицкий В. Ленин и история РКП(б) // Красная летопись. 1924. № 2 (11). С. 6.

⁶ См. там же. С. 10.

Рассматривая «специфически исторический подход Ленина к проблемам политики», автор иллюстрировал его примерами, имеющими прямое отношение к истории формирования русской социал-демократии и оценке теоретической деятельности Г. В. Плеханова. Он указал, в частности, на положение Ленина о значении марксизма как теоретического выражения опыта стран Западной Европы для складывания социал-демократии в России¹, на выясненное им своеобразие исторических судеб учения Маркса в России², его высокую оценку философских работ Плеханова, несмотря на коренные политические разногласия с ним. «Высокой оценке Плеханова-мыслителя, — писал Быстрянский, — Ленин оставался верен и в последние годы своей жизни»³.

В целом же работы В. А. Быстрянского в то время, когда еще приходилось доказывать, что Ленин-теоретик не менее велик, чем Ленин-практик, имели существенное значение для привлечения внимания историков к тому, что называли тогда «систематизацией учения Ленина», как необходимого условия совершенствования методологических основ историко-партийной науки.

На систематизации исторических взглядов Ленина и дальнейшей разработке «ленинской схемы российского исторического процесса» как важной задаче советских историков настаивал в одной из своих статей и М. С. Волин⁴, давший здесь же развернутую постановку некоторых сложных вопросов ленинской концепции истории партии.

Выделив ряд важнейших положений, составляющих методологию ленинского подхода к анализу историко-партийных проблем, Волин подчеркнул, что для Ленина история партии — это не история течений в РСДРП, а история большевизма, история борьбы большевизма с оппортунистическими течениями. «История партии — история большевизма»⁵, — писал он, выделяя в качестве особой проблемы изучение исторических причин и факторов, обусловивших появление большевизма, который имел свою предысторию, связанную с предшествующим развитием русской социал-демократии.

¹ См.: Быстрянский В. Ленин и история РКП (б). С. 6. См. также: Быстрянский В. Ленин как материалист-диалектик. Л., 1925. С. 33—34.

² См.: Быстрянский В. Ленин как материалист-диалектик. С. 35.

³ Там же. С. 104—105.

⁴ См.: Волин М. Ленин — историк партии // *Летопись революции*. 1929. № 2 (35).

⁵ Там же. С. 11.

Эту предысторию автор, как и В. Быстрянский, практически «укладывал» в период 1894—1903 гг. и связывал ее с теоретической и практической деятельностью В. И. Ленина¹, с началом борьбы революционных марксистов против оппортунистических течений. Вместе с тем в статье отмечалось, что Ленин, рассматривая историческое подготавливание большевизма, устанавливал его диалектическую связь с историей революционного движения в России в XIX в. Но автору, видимо, была еще не вполне ясна преемственная связь большевизма с идеологией и практикой социал-демократического движения 1883—1893 гг., хотя он последовательно (правда, в общих чертах) рассмотрел взгляды Ленина на особенности (в отличие от Западной Европы) складывания социал-демократии в России, а также разработанные им варианты периодизации истории партии.

К сожалению, тогда это не стало для автора поводом для выделения своеобразия исторических условий «возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии» в России, ее роли в том процессе, который он называл «историческим приготовлением большевизма». Впрочем, это естественно: М. С. Волин рассматривал прежде всего методологические вопросы ленинского подхода к разработке истории партии, хотя столь же интересовавшая его проблема генезиса большевизма не могла быть разрешена без установления как определенных черт единства, так и принципиальных отличий «утробного периода» истории русской социал-демократии от последующих периодов ее истории. Суждения автора говорят о том, что к концу 20-х гг. глубочайшие обобщения, сделанные Лениным в заключительном слове о продналоге 27 мая 1921 г., еще не были осмыслены в той мере, которая позволила бы преодолеть противопоставление революционной социал-демократии 80 — начала 90-х гг. большевизму.

Но статья М. С. Волина для своего времени была ценна именно такой постановкой важнейших проблем истории партии, которая стимулировала изучение исто-

¹ Об этом свидетельствует и рецензия М. С. Волина на 1-й том сочинений В. И. Ленина, издававшихся на украинском языке. Тот факт, что в этот том входили ленинские произведения 1893—1896 гг., позволил автору рецензии назвать его «предысторией большевизма». В работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа»?» Волин находил «все основные элементы большевизма» (см.: *Летопись революции*. 1921. № 1 (34). С. 266—267).

рин раннего социал-демократического движения в стране на основе дальнейшего, более углубленного изучения ленинской концепции, требовавшей установления четкой разграничительной линии между революционной социал-демократией и ее предшественниками.

В 1929 г. В. И. Невский предпринял специальную попытку проанализировать взгляды В. И. Ленина (на основе работ 90 — начала 900-х гг.) на соотношение народничества 60—70-х гг. с тем общественным течением, которое вошло в историю под названием либерального (легального) народничества¹. Указав на ленинскую характеристику социально-экономической сущности народничества 60—70-х гг., на основания, позволяющие отличать «старое и современное» народничество, автор главное место уделит сложному вопросу эволюции народнических взглядов в 80 — 90-е гг. При этом он опирался на известную мысль Ленина о расколе деревни, а вместе с ней и «старого русского крестьянского социализма», с одной стороны, уступившего место рабочему социализму, а с другой — выродившегося в пошлый мелкобуржуазный радикализм².

Эту мысль Невский понял односторонне и слишком прямолинейно. Без всяких оговорок он утверждал, что эволюция революционного народничества пошла по двум путям: от крестьянского утопического социализма к рабочему социализму и от него же — к либерализму³. Без достаточной аргументации автор приписывал Ленину мысль, что «именно в недрах старого революционного народничества были элементы, развитие которых сулило успех в борьбе за истинно-революционные требования трудящихся, несмотря на утопические основы народничества». Ленин действительно исходил из признания революционно-демократического ядра в идеологии народничества 60—70-х гг., но из этого вовсе не следует, как пишет автор, что «революционная линия старого народничества логически приводила и привела к рабочему социализму...»⁴.

Односторонне рассматривал Невский и процесс эволюции народников 70-х гг. в сторону буржуазного либерализма. При этом он совершенно неосновательно созда-

вал преувеличенное представление о славянофильских тенденциях в идеологии революционного народничества¹. Как известно, В. И. Ленин решительно отметал попытку П. Струве подойти к анализу народничества с такими категориями, как славянофильство и западничество. Тем не менее статья Невского представляет определенный историографический интерес как ступень в овладении теоретическим и методологическим богатством исторического наследия Ленина.

В этом отношении особый интерес для нас представляет другая статья В. И. Невского², посвященная анализу взглядов Ленина на деятельность группы «Освобождение труда». Исходная позиция автора сводилась к признанию двух основных моментов: 1) что в первый, доленнинский период развития русской социал-демократии группа «Освобождение труда» сыграла важную роль в деле пропаганды революционного марксизма в России; 2) что в период 1895—1903 гг. она еще удерживалась на позициях революционного марксизма. «...В годы, предшествовавшие II съезду РСДРП, — говорилось в статье, — группа «Освобождение труда» еще находится в лагере революционного марксизма. Плеханов этих лет — еще один из активных и блестящих борцов под знаменем социал-демократической Горы». Изучение высказываний и оценок В. И. Ленина привело Невского к выводу, что «величайший вождь и теоретик пролетариата признавал огромное историческое значение группы «Освобождение труда» и указывал, в чем именно заключается это значение».

Статья В. И. Невского в известной мере отразила итоговые для первого периода развития советской историко-партийной науки достижения в деле освоения взглядов Ленина на действительную роль и историческое значение группы «Освобождение труда». Было признано, что ее образование знаменовало принципиальный разрыв с народничеством. Абсолютно бесспорным признавалось огромное идейное влияние группы на революционное движение того времени и столь же бесспорным то, что оно не дополнялось влиянием организационным. В. И. Невский подчеркнул, что деятельность группы оставалась в сущности чисто литературным предприятием, до конца прошлого века очень слабо связанным с поднимающимся

¹ См.: Невский В. И. В. И. Ленин как историк революционного движения в своих ранних работах // Печать и революция. 1929. № 1.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 272.

³ См.: Невский В. И. В. И. Ленин как историк революционного движения в своих ранних работах. С. 9.

⁴ Там же. С. 11—12.

стихийно рабочим движением в России. «Слияние массового стихийного рабочего движения с социализмом, — писал он, — происходит только во второй половине 90-х годов, когда на арену русской истории выдвинулась уже могучая фигура Ленина»¹.

Большая часть статьи Невского посвящена характеристике политической и идейной эволюции Плеханова после II съезда РСДРП. Этот сюжет выходит за рамки нашей темы. Отметим, однако, один существенно важный методологический аспект: Плеханов рассматривается как характерный представитель II Интернационала и рабочей партии «старого типа». Поэтому, писал автор, группа «Освобождение труда» не могла явиться базисом для построения партии нового типа, а ее деятели «не могли явиться вождями этой новой партии. Эта новая, большевистская партия была создана Лениным»².

К рассматриваемой статье непосредственно примыкает Предисловие Невского к библиографическому указателю по группе «Освобождение труда», изданному в 1934 г.³ В этом Предисловии он повторил, а в известном смысле и заострил отмеченные суждения на основе высказываний Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Оценивая идейно-политические позиции группы «Освобождение труда» в период 1883—1903 гг., историк подчеркнул ее заслуги как «первого борца за торжество марксизма в России, подготовившего почву для возникновения большевистской партии, для нашей борьбы за грядущую мировую пролетарскую революцию»⁴.

Таким образом, на протяжении 20-х и начала 30-х гг. в историко-партийной науке шел постепенный процесс изучения и освоения ленинской концепции российского социал-демократического движения. Правда, работы историков-марксистов этих лет о Ленине как историке не содержат в себе систематизированного изложения этой концепции. Но это не снижает их ценности: они ориентировали научную мысль на творческое изучение громадного исторического наследия вождя пролетарской революции; способствовали утверждению взглядов Ленина в советской историографии; помогали молодым историкам овладеть его методологией историко-партийных исследований. Со-

¹ Невский В. Ленин о группе «Освобождение труда». С. 26—27.

² Там же. С. 27—28.

³ См.: Невский В. И. Группа «Освобождение труда»: (Библиография за 50 лет). М., 1934.

⁴ Там же. С. 10.

ратники Ленина оставили много ценных наблюдений и выводов, сохраняющих свое научное значение и по сей день. Содержание их исследований, колоритно отразивших целенаправленные поиски концептуальных основ историко-партийной науки, отвергает представление о том, что ленинское идейно-теоретическое наследие в области истории КПСС стало будто бы объектом специального изучения лишь в 60-е гг.¹ Напротив, именно историки-марксисты 20 — начала 30-х гг., активно изучая и утверждая ленинские взгляды, заложили надежную основу как для теоретического осмысления всей выдвинутой Лениным проблематики социал-демократического движения 1883—1893 гг., так и для ее изучения в конкретно-историческом аспекте.

К сожалению, с середины 30-х гг. эта основа подверглась весьма серьезной трансформации в связи с утверждением культа личности Сталина. Его отрицательные последствия с особой наглядностью проявились в трактовке первого периода истории партии, из которого фактически исключались проблемы предшественников российской социал-демократии, перехода от народничества к марксизму, начала ленинского этапа в развитии марксизма. Специальное изучение ленинского исторического наследия, касающегося «утробного периода», было полностью прекращено, а многое из достигнутого в этой области предано забвению².

Новую крупную веху в изучении и творческом применении ленинской концепции истории партии обозначили постановления ЦК КПСС от 22 июня 1960 г. и от 3 мая 1962 г. о создании многотомного историко-партийного труда по истории Коммунистической партии Советского Союза³ на основе марксистско-ленинского научного метода, ленинских идей и их дальнейшего развития в решениях партийных съездов. Авторскому коллективу ИМЛ при ЦК КПСС, осуществившему подготовку первого тома этого труда⁴, в основном удалось воплотить ленинскую

¹ См.: Зевелев А. И. Из истории освоения ленинской концепции истории КПСС (20-е — середина 30-х гг.) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 378.

² Ценные труды целого ряда советских историков, подвергшихся незаконным репрессиям (А. С. Бубнов, В. И. Невский, В. Г. Сорин и др.), были изъяты из научного оборота.

³ См.: Справочник партийного работника. М., 1961. Вып. 3. С. 545—546. См. также: Правда. 1962. 22 и 24 июня.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964. Т. 1.

концепцию истории создания пролетарской марксистской партии в конкретно-историческом аспекте.

Практически это выразилось в следующем: 1) решен ряд сложных проблем предьстории образования РСДРП, ее предшественников (в частности, установлена преемственность революционных традиций между тремя главными этапами освободительного движения в России, преодолена искусственно созданный в 30—50-х гг. барьер между революционными разночинцами 60-х и 70-х гг. XIX в.); 2) восстановлена ленинская периодизация истории КПСС, нарушенная в «Кратком курсе истории ВКП(б)»; 3) определены основные этапы начального периода истории партии, всего пути борьбы за ее создание как партии нового типа — законной преемницы лучших революционных традиций прошлого; 4) дана научная постановка вопроса о начале ленинского этапа в развитии марксизма, о роли В. И. Ленина в социал-демократическом движении 90 — начала 900-х гг. Все это было необходимым условием научной постановки вопроса о сущности и историческом значении первого («утробного») периода в истории образования РСДРП, действительной роли группы «Освобождение труда» и других первых социал-демократических объединений России в многогранном процессе формирования самостоятельной пролетарской партии.

Опубликование первого тома многотомной истории КПСС стимулировало разработку в историографическом плане ленинской историко-партийной концепции, проблемы ее освоения историко-партийной наукой. В исследованиях целого ряда историков были поставлены многие (в том числе методологические) вопросы, имеющие важное значение в научном осмыслении роли ленинской концепции для решения таких проблем, как соотношение основных периодов раннего социал-демократического движения, исторических особенностей его развития, возникновение большевизма, и многих других.

Концептуальные стороны ленинских взглядов на историю создания РСДРП были рассмотрены в ряде работ А. Ф. Костина¹. Автор сосредоточил внимание на методо-

¹ Костин А. Ф. К вопросу о периодизации истории КПСС // Коммунист. 1956. № 19; *Его же: Ленинская концепция истории КПСС начального периода и ее воплощение: (К выходу в свет первого тома многотомной «Истории КПСС»)* // Вопросы истории КПСС. 1964. № 7; *Его же: К вопросу о методе изучения истории КПСС и критериях ее периодизации* // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9; *Его же: Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики*. М., 1973.

логических и теоретических аспектах ленинского подхода к истории создания партии как сложного процесса, преемственно и органично связанного с освободительным движением в стране, с длительными поисками правильной революционной теории, с усвоением и творческой переработкой опыта демократического и социалистического движения в Западной Европе. Признание всех этих ленинских положений в качестве основополагающих исследовательских начал возвращало мысль историков партии к тому расширительному пониманию ее проблематики, которое было свойственно лучшим историко-партийным трудам 20 — начала 30-х гг.

Отмечая, что обращение к ленинской концепции истории партии позволило «решительно преодолеть сектантско-догматический подход к освещению фактов и событий прошлого, раздвинуть горизонты истории партии как науки...»¹, А. Ф. Костин подчеркивал историзм и партийность ленинских оценок Плеханова и группы «Освобождение труда». На некоторых примерах он показал, что отступление от конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений совершенно неправомерно, что «ухудшение истории, равно как и ее идеализация, одинаково противопоказано марксистско-ленинской теории познания и питается одним и тем же источником — субъективизмом и волюнтаризмом»².

Важное место в работах А. Ф. Костина уделялось анализу ленинских принципов и критериев периодизации истории партии. В этой связи автор выдвинул оригинальную интерпретацию того взгляда на историю Коммунистической партии, который был высказан Лениным в его заключительной речи на X Всероссийской конференции РКП(б) в мае 1921 г. Полагая, что Ленин под «первым курсом» деятельности партии (с 70-х гг. прошлого столетия) подразумевал генезис большевизма, автор сделал попытку поставить этот «курс» в связь с развитием всего мирового революционно-освободительного движения второй половины XIX в. Он отметил, что исходная и конечная даты выступают здесь в качестве поворотных пунктов единого процесса формирования марксистской партии русского пролетариата, преодолевшего на своем пути

¹ Костин А. Ф. Ленинская концепция истории КПСС начального периода и ее воплощение. С. 14.

² Костин А. Ф. К вопросу о методе изучения истории КПСС и критериях ее периодизации. С. 57—58.

влияние народничества, социал-демократии и приведшего к большевизму¹.

Конкретизируя эту мысль, автор, к сожалению, не дал четкого представления о соотношении революционного социал-демократизма доленнинского периода с большевизмом, хотя это, безусловно, имеет принципиальное значение для научной оценки теории и практики российского социал-демократического движения на протяжении «утробного периода». Выделенный Лениным «первый курс» истории Коммунистической партии (с 70-х гг. до 1903 г.) он рассматривает как «первый курс» истории большевизма, совпадающий «в основном с хронологическими рамками второго этапа мирового революционного процесса со времени появления марксизма»² (т. е. от Парижской коммуны до первой русской революции). В этом случае вся история русской революционной социал-демократии 1883—1893 гг. перекрывается историей возникновения большевизма: для группы «Освобождение труда» и других социал-демократических групп этого периода, явившихся выражением распространения революционного марксизма на русской почве, фактически не остается места. При этом укажем на один характерный штрих: ссылаясь на статью «Две утопии», А. Ф. Костин утверждал, что Ленин «отмечал наличие некоторых тенденций, родственных большевизму, еще в период «утробного» существования российской социал-демократии (речь идет «об особой постановке крестьянского вопроса» в марксистской литературе 80-х годов)³.

На наш взгляд, понятием «первого курса» у Ленина охватывается не генезис большевизма, а развитие всей русской революционной социал-демократии, так как о зарождении большевизма и, следовательно, его генезиса мы можем говорить лишь со времени появления первых ленинских трудов. Кстати говоря, А. Ф. Костин и сам, не замечая, видимо, противоречий в своих суждениях, здесь же писал, что «зарождение большевистского направления в российской социал-демократии связано с началом

¹ См.: Костин А. Ф. Ленинская концепция истории создания РСДРП и ее буржуазные критики. С. 12.

² Костин А. Ф. В. И. Ленин и возникновение большевизма: (К вопросу о ленинской концепции генезиса большевизма как течения политической мысли и как политической партии) // Великий путь борьбы и побед. М., 1974. С. 97.

³ Там же. С. 98.

революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге»⁴.

Но если это так, то искать в творчестве Плеханова 80-х гг. некоторые тенденции большевизма еще менее логично, нежели элементы меньшевизма. Суть дела, на наш взгляд, состоит в том, что революционный социал-демократизм Плеханова 80 — начала 90-х гг. был в целом родствен большевизму в той мере, в какой он выступал выражением «последовательного и целостного, а не эклектического развития марксизма»⁵. Большевизм как течение политической мысли органично вобрал в себя все то ценное, что давали оригинальные марксистские произведения членов группы «Освобождение труда» (прежде всего, конечно, Плеханова) с точки зрения развития марксистской теории применительно к условиям России домонополистического периода. Ничего специфически большевистского в этих произведениях не было.

Существенный интерес представляет статья М. С. Волина «В. И. Ленин и первые шаги советских историков»⁶. Рассматривая конкретный процесс проникновения в науку ленинских исторических взглядов, автор установил, что уже к 1924 г. в советской исторической науке налицо были известные достижения в освоении ленинской концепции революционного движения (в частности, стала традиционной периодизация истории партии, приведенная в книге «Что делать?») ⁷. Утвердилось понимание историографического значения трудов Ленина для исследования революционного прошлого России. М. С. Волин отметил как своего рода закономерность, что от выдвинутой Лениным периодизации историки шли к освоению ленинской историографической концепции как необходимому этапу осознания историографического значения его трудов⁸. Все это автор подтвердил фактами использования ленинских оценок различных периодов истории создания партии (в том числе и «утробного») В. И. Невским, А. В. Шестаковым, А. С. Бубновым и другими историками-коммунистами.

В связи с выяснением взглядов В. И. Ленина на историю революционного движения в России интересующие нас вопросы затронула М. В. Нечкина. Выдвинув спорное

⁴ Костин А. Ф. В. И. Ленин и возникновение большевизма... С. 98.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 635.

⁶ См. в кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971.

⁷ См. там же. С. 383, 386.

⁸ См. там же. С. 382—383.

положение о периоде примерно с 1900 по 1914 г. как времени «особо интенсивной разработки и основного завершения В. И. Лениным своей концепции революционной борьбы XIX в.», она попыталась сопоставить его выводы с состоянием разработки этой темы в тогдашней исторической науке. Но, как это ни странно, она ограничилась сопоставлением взглядов Ленина только с уровнем представлений буржуазных и буржуазно-либеральных историков, оставив в стороне тот факт, что не только к 1900 г., но и к середине 90-х гг., когда появились первые крупные ленинские работы, уже существовала марксистская историография революционного движения в стране. Это позволило М. В. Нечкиной высказать как некое откровение мысль о том, что возникновение группы «Освобождение труда» «не может быть исторически понято без предшествовавшей ей (всего за три года!) революционной ситуации 1879—1880 гг.»¹. Между тем еще сам Плеханов рассматривал проблемы перехода от народничества к марксизму именно в прямой связи с поражением революционных сил в 1879—1881 гг., с идейным туником, в котором оказалось революционное движение².

Исследуя роль Ленина в становлении и развитии историко-партийной науки, краткие экскурсы в историю изучения его исторического наследия (в частности, по проблеме периодизации истории партии) сделал Н. Н. Маслов³. Эти экскурсы, наряду с рассмотренными здесь вопросами ленинской методологии исторического анализа, его концепции истории большевизма, борьбы вождя большевистской партии против оппортунистических извращений истории КПСС, имеют, несомненно, определенное значение для постановки и изучения некоторых важных вопросов историографии зарождения марксизма и социал-демократического движения в России. В равной мере это относится и к суждениям Н. Н. Маслова об основных этапах и некоторых тенденциях развития советской историко-партийной науки⁴.

¹ Нечкина М. В. Ленин — историк революционного движения в России // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 56.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1923. Т. 2. С. 103; 1927. Т. 24. С. 79 и др.

³ Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1969.

⁴ См.: Маслов Н. Н. Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советской историко-партийной науки // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып. 1. Изд. Ленингр. ун-та, 1971. Его же: Некоторые тенденции развития советской историко-партийной

Следует, однако, отметить, что автор сосредоточил свое внимание на ленинской концепции истории большевизма и, по сути дела, игнорировал «утробный период» истории русской социал-демократии. В указанной книге он даже не поставил вопрос о соотношении этого периода с историей большевизма. «Начиная с 1902 года, — пишет Н. Н. Маслов, — складывается ленинская концепция дооктябрьского периода истории партии как истории большевизма»¹. Но в 1902 г. (в работе «Что делать?») Ленин выдвинул концептуальное обоснование не истории большевизма, а истории РСДРП как политической партии в целом; концепция же эта начала складываться гораздо раньше, в 1894 г., на что справедливо указывал, споря с Ф. Кротовым, Ю. З. Полевой². Нельзя согласиться с безоговорочным утверждением Н. Н. Маслова о том, что Ленин был «первым в России... кто применил разработанное К. Марксом материалистическое понимание истории к изучению прошлого нашей страны»³.

Известный интерес представляют и некоторые другие работы, посвященные освоению ленинской концепции истории КПСС в исследовании различных историко-партийных проблем, косвенно затрагивающих и нашу тему⁴. В частности, серьезным вкладом в историографическую литературу являются работы, специально посвященные анализу взглядов В. И. Ленина на проблему распространения марксизма в России.

Среди них следует выделить статью Ю. З. Полевого⁵, предпринявшего попытку выявить методологию ленинского подхода к возникновению русской социал-де-

науки в 20-е годы // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып. 2. Изд. Ленингр. ун-та, 1973.

¹ Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. С. 42.

² См.: Полевой Ю. З. Ленин как историк возникновения русской социал-демократии // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С. 182.

³ Маслов Н. Н. Ленин как историк партии. С. 66.

⁴ Зевелев А. Н. Из истории освоения ленинской концепции истории КПСС (20-е — середина 30-х годов) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975; Его же: Ленинская концепция истории КПСС и ее освоение историко-партийной историографией. М., 1975; Укаченко И. В. Ленинская концепция истории КПСС в историографии 1921—1925 гг. // Вестн. Ленингр. ун-та. История, язык, литература, 1969. Вып. 3; Его же: Из истории борьбы с меньшевистско-троцкистской фальсификацией истории партии в 20-е годы // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Изд. Ленингр. ун-та, 1973. Вып. 2; Кузнецов Л. С. Советская историография борьбы В. И. Ленина за создание партии нового типа. Изд. Сарат. ун-та, 1976.

⁵ Полевой Ю. З. Ленин как историк возникновения русской социал-демократии // В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.

мократии в связи с теми новыми условиями идейно-политической борьбы, которая развернулась в России с середины 90-х гг. Кратко обозначив эти условия, объективно требовавшие более глубокого и разностороннего подхода к изучаемому вопросу, автор выделил в ленинском анализе такие проблемы, как закономерность развития русской революционной мысли от крестьянского утопического социализма к научному социализму; объективные факторы, способствовавшие возникновению русской социал-демократии; оценка идейного наследства группы «Освобождение труда». Все эти проблемы рассматриваются с учетом ленинских высказываний о предшественниках русской социал-демократии, о значении интернациональных связей революционной России для поисков правильной революционной теории, о влиянии на русскую революционную мысль произведений Маркса и Энгельса и опыта западноевропейского рабочего движения. Автор справедливо подчеркнул, что возникновение русской социал-демократии как идейного течения Ленин рассматривал в неразрывной связи с предшествующим развитием революционной мысли, революционного движения в России и международным рабочим социалистическим движением.

Подход Ю. З. Полевого к анализу работ В. И. Ленина в огромной мере определялся отчетливо сознаваемой им необходимостью преодоления «общей недооценки роли Г. В. Плеханова в развитии общественной науки в России и, в частности, его роли в возникновении русской социал-демократии»¹. Подвергая в связи с этим критике позиции ряда историков (Н. Л. Сергиевского, С. И. Черномордика) и особенно резко выступая против субъективистского антиисторического третирования идейного наследства Плеханова как полуменьшевистского, полународнического (Ф. Д. Кретовым), автор с полнейшим основанием выделил из высказываний Ленина ту сторону, которая подчеркивала творческий характер русской марксистской мысли с самого начала ее возникновения и значение марксистских работ Плеханова 80—90-х гг. в борьбе за революционный марксизм, их близость к большевизму.

Опираясь на обоснованный Лениным методологический подход к оценке исторических деятелей, Ю. З. Полевой обратил особое внимание на преемственность взглядов нового поколения революционных марксистов 90-х гг. и

¹ Полевой Ю. З. Ленин как историк возникновения русской социал-демократии. С. 176, 181.

взглядов Плеханова периода 1883—1903 гг. «по многим принципиальным вопросам марксистской теории и практики»; это было вполне естественно, поскольку группа «Освобождение труда», как указывал Ленин, провозгласила основные принципы русской социал-демократии. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что из всех марксистских организаций 90-х и начала 900-х гг. в борьбе с экономизмом и международным ревизионизмом ближе других к В. И. Ленину находилась группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым¹.

Заслугой автора следует признать более объективный подход к характеристике взглядов Ленина на чрезвычайно важную проблему предшественников русской революционной социал-демократии, преемственность демократической нити в российском революционном движении. Восстанавливая ленинскую оценку «кружка корифеев» 70-х гг., Ю. З. Полевой подчеркнул значение относящейся к этому периоду борьбы рабочего класса, выдвинувшего из своей среды носителей идеологии рабочей демократии, которую следует строго отличать от идеологии демократии крестьянской².

Таким образом, автор выделил из наследия В. И. Ленина ряд принципиально важных для научной постановки проблемы распространения марксизма в России вопросов. К сожалению, в рамках небольшой статьи они не получили всестороннего раскрытия, хотя сама по себе их постановка приближала историческую мысль к углубленному изучению ленинской концепции начального периода истории РСДРП.

По основной проблематике статья Ю. З. Полевого в известной мере перекликается с появившейся в том же году статьей В. Д. Мочалова³. С методологической точки зрения эта статья интересна прежде всего тем, что своим содержанием отрицает утвердившееся в литературе 30—начала 50-х гг. догматическое противопоставление революционной социал-демократии и большевизма. Содержащиеся в произведениях В. И. Ленина мысли, замечания и фактические сведения по истории марксизма в России автор рассматривает как единый комплекс, охватывающий всю историю русской социал-демократии.

¹ См.: Полевой Ю. З. Ленин как историк возникновения русской социал-демократии. С. 181—183.

² См. там же. С. 178—179.

³ Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России // Вопросы истории. 1969. № 4.

всю историю большевизма. Он особо подчеркнул неоднократные указания В. И. Ленина на непосредственную связь того, что в XX в. получило название большевизма, с ранним этапом развития русской социал-демократии¹.

Автор исходил из признания того, что деятельность группы «Освобождение труда» неотделима от имени ее основателя — Г. В. Плеханова. Выделив на основе работ В. И. Ленина важнейшие стороны в его теоретическом творчестве и политической деятельности в 1883—1903 гг., В. Д. Мочалов отметил, что забвение какой-либо одной из них привело бы к искажению идейно-политического облика основателя русской социал-демократии и помешало бы правильному определению его места в истории марксистской мысли в России. Судя по контексту статьи, это сполна относится и к группе «Освобождение труда» в целом, поскольку она, как и ее идейный руководитель, в течение 1883—1903 гг. стояла на позициях революционного марксизма.

В статье В. Д. Мочалова ленинские взгляды на возникновение марксизма в России (в том числе и ленинская периодизация истории РСДРП) рассматриваются в тесной связи с генезисом большевизма. Это позволило автору заключить, что 1893—1895 годы имеют более общее значение, чем грань между первым и вторым периодом истории русской социал-демократии. С этого времени, по словам автора, начинается история марксизма и рабочего движения в России как единого и слитного целого «в своей новейшей, массовой и освещенной светом марксистского учения форме»². Одновременно это — и начало нового, ленинского этапа в развитии марксизма.

В. Д. Мочалов справедливо отверг имевшиеся в литературе ошибочные представления об особенностях победы марксизма в России над непролетарскими, мелкобуржуазными течениями в социализме по сравнению с более развитыми капиталистическими странами Западной Европы. Он решительно оспорил тенденцию видеть своеобразие развития марксизма в России в том, что он якобы появился в ней до того, как окончательно сложился и упрочился в стране промышленный капитализм и развернулось массовое рабочее движение³, поскольку то же самое

имело место, например, и в Германии. Точно так же, по мнению автора, неверно считать особенностью России и то, что революционному марксизму пришлось здесь вести длительную и упорную борьбу с народничеством: на Западе марксизм тоже не был сразу признан и десятилетиями вел борьбу с различными разновидностями непролетарского, утопического социализма. Эти наблюдения В. Д. Мочалова важны для правильного решения вопросов интернациональной природы и национальной специфики развития социал-демократического движения.

Важно отметить, что вопрос о распространении марксизма в России В. Д. Мочалов связал с идеями Ленина о выделении пролетарской демократии из общепролетарской и мелкобуржуазной. Выделение в этом процессе двух этапов (до полной теоретической победы марксизма на Западе и у нас и после нее) имеет существенное значение для характеристики действительных особенностей развития русской социал-демократии в 1883—1903 гг. Трудно, однако, согласиться с мыслью автора о том, что возникновение русской социал-демократии (в отличие от Западной Европы) до, а не после буржуазно-демократической революции «позволило русскому рабочему классу встретить ее более сплоченно и организованно...»⁴. В. И. Ленин не раз говорил о том, что в условиях политической свободы рабочий класс имеет несравненно большие возможности для организации и сплочения. Он, в частности, указывал, что «при самодержавии рабочий класс не может широко развить своей борьбы, не может завоевать себе никаких прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не может создать прочных, массовых организаций...»⁵. Это, разумеется, не исключало того отмеченного Лениным факта, что в условиях отсталости страны и тяжести гнета царизма классовая борьба «особенно быстро созревала...»⁶.

Совершенно неправомочно В. Д. Мочалов, по сути дела, отказал домарксистскому социалистическому движению в России в какой бы то ни было оригинальности и самостоятельности: оно, по мнению автора, успело лишь «перенять и перепробовать все разновидности западноевропейского социализма»⁷, хватаясь «за устарелые,

¹ См.: Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России. С. 22.

² Там же. С. 31. В кавычках — слова В. И. Ленина (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 22. С. 72).

³ См.: Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России. С. 34.

⁴ Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России. С. 36.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 252—253.

⁶ Там же. Т. 41. С. 8.

⁷ Здесь В. Д. Мочалов буквально повторяет — без ссылки на источник — мысль Г. В. Плеханова (*Плеханов Г. В. Соч.* Т. 2. С. 72).

эклектические, мелкобуржуазные социалистические учения Запада: прудонизм, бланкизм, анархизм, дюрингианство, лассальянство и т. п.»¹. Такой подход оставляет за пределами мировой истории демократической и социалистической мысли плеяду «революционеров 61-го года» и находится в полном противоречии со взглядами Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Столь же неосновательно В. Д. Мочалов отнес исключительно к России мысль Ленина о том, что анархизм «имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса»².

В целом же следует сказать, что из анализа ленинских характеристик основных периодов истории русской социал-демократии В. Д. Мочалов сделал ряд интересных наблюдений и обобщений. Можно лишь сожалеть, что они совершенно не затронули вопрос о роли группы «Освобождение труда» в развитии социал-демократического движения с середины 90-х гг. до 1903 г. Следуя традиционным постановкам 30 — начала 50-х гг., автор ограничил ее деятельность «утробным периодом» истории русской социал-демократии.

Статьи Ю. З. Полевого и В. Д. Мочалова отразили дальнейшее развитие того масштабного исследования ленинской концепции истории создания и генезиса РСДРП, которое было предпринято нашими историками в связи с подготовкой в 60-е гг. многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза».

Важные стороны ленинских оценок деятельности группы «Освобождение труда» и роли Плеханова в истории русского революционного движения были рассмотрены во II разделе IV главы коллективной работы «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в.»³. Автор этого раздела А. Н. Цамутали справедливо отметил, что высказывания В. И. Ленина о группе «Освобождение труда» и Плеханове периода 1883—1903 гг. имеют исключительное значение для

¹ Мочалов В. Д. В. И. Ленин и возникновение марксизма в России. С. 35.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, С. 15. Одностороннее понимание этого ленинского положения влекло за собой неточное, а подчас и неверное освещение некоторых важных сторон предистории социал-демократического движения. Подробнее см.: Филиппов Р. В. По поводу одной историографической тенденции // Вопросы истории КПСС. 1984. № 6.

³ В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969.

правильного понимания начального этапа в развитии русской социал-демократии⁴. Связывая с этим этапом зарождение исключительного по своему значению процесса в политической жизни страны — складывания революционной партии пролетариата⁵, Цамутали дал краткую характеристику основных моментов деятельности группы «Освобождение труда» в свете оценок Ленина, особо выделяя при этом литературную деятельность группы, прежде всего марксистские работы Плеханова.

Наиболее подробно автор рассмотрел отношение Ленина к программным документам группы «Освобождение труда», уделив главное внимание крестьянскому вопросу, по которому, как он пишет, Ленин «подверг проекты группы наиболее обстоятельной критике»⁶. Стремясь преодолеть имевшие место в советской историографии крайности в оценке подхода деятелей группы «Освобождение труда» к решению крестьянского вопроса, Цамутали привел не только негативные, но и позитивные высказывания Ленина по данному вопросу. Но это не помогло ему избежать несколько противоречивой постановки вопроса о соотношении содержания аграрной части проектов группы с теми положениями, которые выдвигал В. И. Ленин в конце 1899 г. в «Проекте программы нашей партии». Отчасти это связано с общей установкой автора, сводившейся к тому, что предложенные Лениным дополнения по крестьянскому вопросу принципиально отличались от взглядов Плеханова и членов его группы⁷. Убедительно аргументировать эту установку он, однако, не смог: ведь именно при характеристике аграрной программы плехановского проекта 1885 г. Ленин подчеркивал, что принципы ее верны⁸. А. Н. Цамутали в этом вопросе явно отдавал дань той историографической традиции, которая преувеличивала теоретические ошибки Плеханова, хотя в целом достаточно объективно рассмотрел общую ленинскую оценку деятельности группы «Освобождение труда».

Указанная традиция давала знать о себе и в историографических работах последующих лет. Так, например, Н. И. Герасимова в своей попытке выяснить методоло-

⁴ См.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. С. 249.

⁵ См. там же. С. 246.

⁶ Там же. С. 248—249.

⁷ См. там же. С. 262.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 232.

гические основы ленинских оценок теоретического творчества и деятельности Плеханова фактически сливала воедино марксистский и оппортунистический периоды идейно-политического развития последнего: истоки позднейших ошибок Плеханова-меньшевика исследовательница усматривала уже в первых его марксистских работах¹. Естественно, что такой подход не мог дать правильного решения поставленной задачи, что и обуславливало необходимость вновь и вновь возвращаться к анализу ленинских оценок теоретического творчества Плеханова, группы «Освобождение труда»².

Отмечавшееся в 1983 г. столетие со дня основания группы «Освобождение труда» вновь привлекло пристальное внимание исследователей к ленинской историко-партийной концепции как образцовому воплощению принципов историзма и партийности в анализе важнейших явлений раннего социал-демократического движения. Это диктовалось потребностями дальнейшего углубленного изучения проблемы, необходимостью полного преодоления отступлений от марксистско-ленинской методологии в историко-партийных исследованиях. Эти отступления наглядно проявлялись (и порой проявляются до сих пор) в процессе изучения идеологии группы «Освобождение труда», марксистское мировоззрение которой нередко рассматривается без учета конкретно-исторической обстановки его формирования, вне связи достигнутого ею теоретического уровня с конкретным опытом истории³.

Естественно, что в новейших работах советских историков особый акцент делается на методологическом значении ленинских положений и характеристик, их концептуальном характере. С этих позиций рассматривались

¹ См.: Герасимова Н. И. К ленинской оценке Г. В. Плеханова как мыслителя и революционера // Познание общественных явлений и общественно-историческая практика: Сб. статей. М., 1972. С. 161—162.

² См.: Ряскин И. Д. Об оценке В. И. Лениным программных документов группы «Освобождение труда» // XXX Герценовские чтения (ЛГПИ им. А. И. Герцена). История КПСС. Научные доклады. Л., 1977. С. 21—25; Филиппов Р. В. Группа «Освобождение труда» в ленинской концепции истории создания партии: (К 100-летию со дня основания) // Вопросы истории КПСС. 1983. № 4.

³ Особенно наглядно это проявилось, например, в книге Л. И. Комиссаровой и Е. Р. Ольховского «У истоков марксистской исторической мысли в России» (М., 1986), в которой фактически возродается ингилистическое отношение к теоретическому наследию Плеханова и других деятелей группы «Освобождение труда». Подробно об этом см.: Филиппов Р. В. Не уходим ли от исторической правды? // Вопросы истории КПСС. 1987. № 6.

взгляды В. И. Ленина на роль Г. В. Плеханова в переходе русской революционной мысли от народничества к марксизму, в утверждении научно-материалистического мировоззрения среди российских социал-демократов, в создании РСДРП, а также ленинские оценки отдельных сторон деятельности группы «Освобождение труда», ее позиций в аграрно-крестьянском и ряде других вопросов⁴. По сути дела, на новом исследовательском уровне разрабатывается вся сумма проблем, теоретико-методологическое обоснование которых занимает главное место в ленинской концепции раннего социал-демократического движения в России.

§ 2. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

В потоке историко-партийной литературы послеоктябрьского периода одно из важных мест заняла литература по проблеме борьбы революционной социал-демократии России за подготовку и создание РСДРП. Расширение масштабов разработки этой проблематики, органично включившей и период 1883—1893 гг., вызывало у историков партии насущную потребность в подведении итогов достигнутого в этом вопросе, наметить диктуемые практикой идеологической борьбы актуальные задачи, выявить ошибки и различные отклонения от марксистско-ленинской теории и методологии. Естественно, что историографию, как и всю общественную науку в целом, захватила идейная борьба, которую под руководством партии развернули историки-марксисты против всевозможных буржуазных и мелкобуржуазных извращений ее истории.

Вместе с тем историографическая литература отразила трудный, противоречивый и прерывистый процесс изучения первого периода истории российской социал-демократии. Вплоть до середины 60-х гг., когда появились первые обобщающие очерки развития историко-партийных знаний, исследования по этому периоду крайне бедно освещались лишь в 20-е гг., да и то преимущественно в общих обзорах юбилейного характера.

Первую попытку рассмотрения историко-партийной литературы, затрагивающей и период 1883—1893 гг., предпринял В. И. Невский в своих «Очерках», вышедших

⁴ См.: Группа «Освобождение труда» и общественно-политическая борьба в России. М., 1984; Распространение марксизма в России и группа «Освобождение труда», 1883—1903 гг. Л., 1985.

в свет в 1924 г. В специальном разделе («Замечания, источники, литература») он суммировал методологические основы своего труда и в этой связи подверг критическому анализу переизданные к тому времени дооктябрьские труды по истории партии М. Н. Лядова и Н. Н. Батуркина, а также работы А. С. Бубнова, Г. Е. Зиновьева, К. И. Шелавина и некоторых других авторов¹. С историографической точки зрения этот анализ был ценен той постановкой проблематики «утробного периода» истории партии, которая нацеливала историков на углубленное изучение ленинской концепции раннего социал-демократического движения.

Из литературы, имеющей прямое отношение к нашей теме, тогда же историографическому (и отчасти источниковедческому) рассмотрению подверглись публикации о Г. В. Плеханове. Мы имеем в виду обзоры литературы о нем за 1922—1924 гг., предпринятые С. Я. Вольфсоном². Следует сразу сказать, что сделанный им обзор наиболее значительных, с его точки зрения, публикаций о Плеханове в идейно-теоретическом отношении был порочен: автор, отдавая дань меньшевистской апологетике Плеханова, выводил его за пределы меньшевизма. «...Плеханов,— писал он,— отнюдь не может быть отнесен к типичным идеологам меньшевизма. Момент «якобинства» был силен в Плеханове, и от меньшевистской идеологии он был чрезвычайно далек»³. Вполне понятно, что оценка «плехановской литературы» с позиций этой антинаучной методологической установки давала о ней сугубо превратное представление: действительные достоинства тех или иных работ превращались в недостатки, а в корне ошибочные суждения — в достоинства.

Так, например, оспаривая вывод М. Н. Покровского о том, что Плеханов после 1905 г. стал идеологом технической интеллигенции, Вольфсон обрушил на него свою критику отнюдь не по существу этого действительно ошибочного суждения. «Жестокую ошибку» Покровского

¹ См.: *Новский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Пг., 1924. Ч. 1. С. 518—519, 540—544.

² См.: *Вольфсон С. Я.* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1922 год). Минск, 1923; *Его же:* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1923 год) // Группа «Освобождение труда». М., 6. т. Сб. № 1; *Его же:* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1924 год) // Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926. Сб. № 5.

³ *Вольфсон С. Я.* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1923 год). С. 291.

он усмотрел в том, что последний тем самым отказывал Плеханову в представительстве интересов рабочего класса, говорил о нем как о *бывшем* идеологе пролетариата. Иначе говоря, Вольфсон отвергал ту общеметодологическую постановку Покровского, в которой он был, безусловно, прав⁴. Атака на Покровского с этой стороны была для Вольфсона совершенно естественной: судя по его замечаниям на воспоминания О. В. Аптекмана, он открыто заявил о себе как сторонник положения, что Плеханов на протяжении всей своей деятельности (даже после перехода на позиции социал-шовинизма!) оставался «великим идеологом русского рабочего класса»⁵.

Можно с полным основанием сказать, что обзоры Вольфсона с точки зрения историографических обобщений могли играть только отрицательную роль; в политическом отношении они были просто вредны.

К числу ранних общих марксистских историографических обзоров, посвященных достижениям советской исторической науки, следует отнести статьи М. Н. Покровского, М. В. Нечкиной, В. И. Невского⁶, где затронуты и вопросы, связанные с изучением социал-демократического движения в России.

Статья М. Н. Покровского представляет несомненный интерес с точки зрения характеристики идейно-политической борьбы между молодой марксистской общественно-ведческой мыслью и старой буржуазной исторической наукой. Исходя из положения о том, что «обществоведение есть не что иное, как классовая борьба, отраженная в научных формах»⁷, Покровский попытался выявить закономерности развития, размежевания и нарастающего противоборства в идеологической области с конца XIX в. В этой связи он дал своеобразную, но глубоко ошибочную постановку вопроса о месте Г. В. Плеханова в едином, как он считал, идеологическом «фронте промышленного капитализма против феодализма». Выделив из

⁴ См.: *Вольфсон С. Я.* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1923 год). С. 293—294.

⁵ См.: *Вольфсон С. Я.* Вокруг Плеханова: (Плехановская литература за 1924 год). С. 280, 286.

⁶ *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXVI (2); *Нечкина М. В.* Наука русской истории // Общественные науки в СССР, 1917—1927. М., 1928; *Новский В. И.* Что сделали по истории революционного движения за десять лет (1917—1927 годы) // Печать и революция. 1927. Кн. 8.

⁷ *Покровский М. Н.* Общественные науки в СССР за 10 лет. С. 18.

этого «фронта» в виде исключения Ленина как носителя чисто пролетарской идеологии, с одной стороны, Победоносцева как типичного представителя идеологии феодальной — с другой, Покровский между этими крайностями усматривал единый антифеодальный фронт, который «своем своим концом упирался в Плеханова, а правым в «Вестник Европы».

В то время (т. е. в 90-е гг.) Плеханов, по мнению Покровского, был не очень далек от «легальных марксистов». При всех оговорках относительно марксистских и немарксистских теоретических положений Плеханова Покровский фактически отнес основателя русской социал-демократии к единому буржуазно-либеральному «фронту». «...Я беру, — писал он, — основную идеологию того времени, и в этой идеологии я не вижу резкого прыжка от Плеханова до довольно правостоящих буржуазных групп»¹. Лишь революция 1905—1907 гг. отколола от этого единого фронта «глыбу слева», которая была довольно однородна в смысле своего классового состава (преобладали мелкобуржуазные элементы), но крайне пестра по партийному содержанию: тут были меньшевики, эсеры, «некоторые большевики»².

Понятно, что, по мысли Покровского, далеко не сразу «получилась чисто пролетарская идеология, чисто пролетарское, то есть действительно последовательное марксистское течение, которое мы встречаем во время Октябрьской революции». Лишь после революции 1905—1907 гг. начинается процесс постепенного «выкристаллизовывания» из этой глыбы, где преобладала мелкая буржуазия, «действительно пролетарского идеологического ядра». Покровский связывает этот процесс с именем В. И. Ленина, с его работами 1908—1910 гг. и последующих лет.

Совершенно очевидно, что созданная Покровским «история нашего обществоведческого мышления» представляет собой грубо и наспех сколоченную схему, которая стоит в полном противоречии с фактами и, как это ни парадоксально, в некотором отношении сближается с меньшевистскими писаниями периода столыпинской реакции. Автор, по сути дела, абстрагируется от анализа идейной борьбы в рабочем движении, сваливает в одну кучу пролетарскую и мелкобуржуазную демократию, усматривая в идейном развитии последней движение к

¹ Покровский М. И. *Общественные науки в СССР за 10 лет*. С. 6—7.
² См. там же. С. 8.

марксизму. «Левый сектор», по его мнению, дал ряд «живых работ» (в том числе известный меньшевистский многотомник «Общественное движение в России в начале XX века»), которые, «не будучи на 100 или даже на 50% марксистскими, не были уже и буржуазными хотя бы на 50%»¹. Что же касается Плеханова, то он, по мнению Покровского, и в 90-х гг. оказывается в одном ряду «со всеми остальными представителями антифеодальной идеологии»².

Вряд ли нужно доказывать, что в данном случае Покровский в своем анализе противоборствующих в обществоведении тенденций не сумел выявить их классовую сущность, связать с представительством тех трех основных классов и, соответственно, трех главных идейно-политических направлений, которые всегда имел в виду В. И. Ленин: либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического и пролетарско-революционного³. Попытка Покровского выделить никогда не существовавший в действительности «единый антифеодальный фронт» дала искаженную картину идейно-политической борьбы и ее отражение в «обществоведческом мышлении»: Ленин и Плеханов оказались по разные стороны баррикад и для того времени, когда последний «был марксистом и революционером»⁴. На этой основе научная постановка проблемы развития «всего русского марксизма»⁵ была, конечно, невозможна.

Данный обзор Покровского показывает, насколько еще слабо даже в конце 20-х гг. были освоены им ленинские взгляды на общественно-политическую историю России периода империализма, как далек он был от осознания действительного значения теоретического наследия В. И. Ленина для развития исторической науки.

М. В. Нецкина в упомянутой статье не без основания отмечала, что «Ленин как историк почти не изучен». Подчеркнув его огромную роль в познании новой проблематики всего процесса русской истории в целом («...нет ни одной области русской истории, где Ленин не сказал бы своего слова»), она — как это ни странно для теперешнего читателя — утверждала, что «грандиозная зада-

¹ Покровский М. И. *Общественные науки в СССР за 10 лет*. С. 10.

² Там же. С. 7.

³ См.: Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 41. С. 9.

⁴ См. там же. С. 16.

⁵ См. там же. Т. 17. С. 405.

ча создания новой концепции русского исторического процесса» была выполнена... М. Н. Покровским¹.

Сделав краткий обзор документальных публикаций по истории партии (в том числе и по группе «Освобождение труда»), М. В. Нечкина совершенно не затронула накопившуюся к тому времени довольно значительную и разношерстную по своим идейно-теоретическим установкам литературу, посвященную Г. В. Плеханову, группе «Освобождение труда» и другим социал-демократическим организациям 1883—1893 гг.²

Незначительный историографический материал содержит и уже названная статья В. И. Невского. Отметив несколько наиболее крупных публикаций документов по истории рабочего и социал-демократического движения 80-х гг., автор почти полностью обошел исследовательскую литературу. Из работ по истории первых социал-демократических организаций он выделил лишь одну статью Н. Л. Сергиевского («Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки») и собственные «Очерки по истории РКП(б)». В ряду других итоговых достижений рассматриваемого периода В. И. Невский отметил тот факт, что были собраны документы по истории группы «Освобождение труда» и «представлена в новом свете история социал-демократии 90-х годов...»³.

Историографические обобщения последующих лет (30 — первой половины 50-х гг.) в полной мере свидетельствовали о тяжелых потерях, которые понесла историко-партийная наука в результате преступных сталинских репрессий, жертвами которых оказались многие виднейшие историки. Никто из тех, кто в эти годы брал на себя нелегкий труд подведения итогов развития советской исторической науки, — ни А. М. Панкратова, ни Б. Д. Греков, ни Е. В. Тарле⁴ — не назвали их имен и трудов. Все то, что было сделано в изучении зарождения марксизма и социал-демократического движения, было фактически перечеркнуто и предано забвению. Лишь в 1955 г. на

¹ См.: Нечкина М. В. Наука русской истории. С. 133.

² См. там же. С. 151—152, 159.

³ Невский В. И. Что сделано по истории революционного движения за десять лет (1917—1927 годы). С. 66—69.

⁴ Панкратова А. М. Советская историческая наука за 25 лет и ее задачи в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.: Л., 1942; Греков Б. Д. Развитие исторических наук в СССР за 25 лет // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 1—2; Тарле Е. В. О советской историографии // Вестник Академии наук СССР. 1943. № 1—2.

Х Международном конгрессе историков в Риме А. Л. Сидоров¹, говоря о проблемах, привлекавших внимание советских обществоведов в первое послевоенное десятилетие, упомянул среди них распространение марксизма в России и начало революционной деятельности В. И. Ленина, но опять-таки без указания авторов и их трудов. Но и это упоминание заслуживает быть отмеченным: оно ознаменовало первые шаги историков на пути возвращения к искусственно прерванному процессу изучения ранней истории РСДРП.

К историографическим обобщениям литературы по нашей теме историки возвратились лишь в 60-х гг. В четвертом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» развития советской историографии группы «Освобождение труда» и других ранних марксистских организаций за период с 1917 г. до середины 30-х гг. коснулась М. В. Нечкина. Она отметила, что в изучении группы «Освобождение труда» в 20-х гг. наметились два направления. Первое из них исследовательница связала с первым томом «Очерков» В. И. Невского как «основным историографическим памятником» концепции, определявшей группу «Освобождение труда» как «родоначальницу революционного марксизма в России, первичную ступень в истории партии». Второе направление, наметившееся, по мнению автора, к 45-летию юбилею группы (1928 г.), было представлено историками (В. Рахметов, Ф. Быстрых и др.), сосредоточившими преимущественное внимание на «критике группы в ее меньшевистских тенденциях». Это «несколько (?! — Р. Ф.) одностороннее направление», умалявшее значение группы «Освобождение труда», получило на некоторое время господствующее значение. К 50-летию юбилею группы (1933 г.) наметилось «более углубленное понимание темы, основной чертой которого стало изучение ленинского наследия». Этот «сдвиг» связывается ею со статьей В. И. Невского «Ленин о группе «Освобождение труда»².

Такой анализ, искусственно привязанный к юбилеям группы «Освобождение труда», не отражает действительной логики историографического процесса. Кроме того, он весьма односторонен как по отбору историографических

¹ Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г.: Доклады советской делегации. М., 1956. См. также: Сидоров А. Л. Основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки. М., 1956.

² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 366.

источников, так и по характеристике содержательной стороны сталкивавшихся в то время основных исследовательских направлений. Достаточно сказать, что за пределами внимания автора остались имена А. С. Бубнова, Е. М. Ярославского, С. И. Черномордика и ряда других авторов.

Невразумительно сказано и об изучении идейного наследия Г. В. Плеханова; не отмечена, в частности, борьба историков-марксистов против попыток возрождения меньшевистской апологетики идейного лидера группы «Освобождение труда». В разделе говорится, что «усиление атмосферы культа личности Сталина не благоприятствовало исследованию темы о Плеханове, и ее разработка к началу 30-х годов стала замирать»¹. Но это справедливое замечание находится в противоречии с утверждением о положительных сдвигах в изучении деятельности группы «Освобождение труда» к 1933 г., как и с констатацией несомненного «замирания» к этому времени изучения других ранних социал-демократических организаций России. В целом же следует сказать, что М. В. Нечкина осветила процесс изучения социал-демократического движения (как, впрочем, и предшествовавшего ему народнического движения 70-х гг.) гораздо слабее, нежели историю разработки освободительной борьбы в первой половине и середине XIX в. Итоги работы целой плеяды наших исследователей за первые 20 лет Советской власти не получили четкой характеристики, а сильные и слабые стороны — четкой научной квалификации. Кроме того, общий авторский анализ процесса изучения социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг. стоит вне всякой связи с процессом разработки концептуальных основ истории становления РСДРП.

Эта сторона историографических исследований нашла более удачное освещение на страницах того же IV тома «Очерков истории исторической науки в СССР» в специальной главе («История Коммунистической партии в советской историографии»), принадлежащей М. С. Волину. Автор сумел показать взаимосвязанность разработки общих теоретико-методологических основ истории партии и ее отдельных крупных проблем, без правильного решения которых невозможно было дать и научную постановку вопроса об историческом месте группы «Освобождение труда» и ее действительном вкладе в создание

РСДРП. Из статьи М. С. Волина, четко обозначившей суть споров о периодизации истории партии, о возникновении большевизма, следует, что к концу 20-х гг. «серьезный шаг к созданию научной истории партии» стал возможен благодаря деятельному изучению взглядов Ленина, который никогда не противопоставлял революционную социал-демократию большевизму. Естественно, что большинство историков отвергло как принижение первой марксистской организации России, так и стремление представить Плеханова основоположником коренных идей большевизма, справедливо усматривая в группе «Освобождение труда» исходный пункт истории марксистской партии¹.

Глава М. С. Волина, как первая попытка создания цельного очерка развития советской историографии истории партии, имела важное значение для дальнейшей разработки истории изучения российской социал-демократии 1883—1893 гг., поскольку она воссоздавала правдивую общую картину как самого научного процесса, так и сложной общественно-политической ситуации, в которой этот процесс происходил.

В 1970 г. вышел в свет коллективный историографический очерк «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России». В нем имеется раздел (автор — И. Д. Ковальченко), в котором в связи с анализом советской историографии по проблемам крестьянства и рабочего класса сделан беглый обзор литературы 20 — 60-х гг. по проблематике предшественников русской социал-демократии и первых марксистских организаций и групп в России. Выделив ряд спорных вопросов, явившихся предметом неоднократных дискуссий, автор пришел к заключению, что будто бы уже «к середине 30-х годов в советской историографии в целом утвердился марксистско-ленинский подход к истории марксизма в пореформенной России»².

Применительно к периоду 30 — середины 50-х гг. И. Д. Ковальченко справедливо отметил, что «освещение истории первых в России марксистских групп и кружков было ограниченным. В оценке группы «Освобождение труда» и Г. В. Плеханова проявился модернистский подход, когда его меньшевистские взгляды относили еще к 80-м годам». Но автор упустил из виду, что подобный

¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 544.

² В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970. С. 110.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 367.

антиисторический подход обнаружился гораздо раньше и вполне утвердился к середине 30-х гг., о чем свидетельствует, например, работа о группе «Освобождение труда» С. И. Черномордика (П. Ларионова).

Что же касается историографического процесса последующего времени (с середины 50-х гг.), то автор отметил в качестве его характерной черты быстрое расширение исследований (в том числе по истории марксистских организаций и групп, идейного наследия Г. В. Плеханова). В разработку этой проблематики, по его оценке, советские историки внесли значительный вклад (Ю. З. Полевой, В. А. Фомина, Ф. Я. Полянский, Г. С. Жуйков, В. А. Паукова, С. Овсянникова, Р. А. Казакевич, О. П. Калекина и др.). И. Д. Ковальченко признал вполне назревшей задачу создания фундаментальных обобщающих трудов, характеризующих отдельные стороны истории русской социал-демократии¹.

Определенный интерес для нас представляет сборник статей, в котором были подведены итоги развития советской исторической науки за вторую половину 50-х гг.² В статье М. В. Нечкиной, Ю. А. Полякова и Л. В. Черепнина содержится беглый обзор развития советской исторической науки за весь период ее существования. Выдвинутая здесь периодизация пути, пройденного ею с 1917 г., устарела, хотя мысль о том, что крупные периоды истории советской исторической науки в основном соответствуют главным общенациональным этапам развития советского общества, сохраняет свое значение. Статьи В. Е. Илларионова, Б. С. Итенберга, Л. М. Иванова имеют определенное значение для историографии предшественников русской социал-демократии и некоторых вопросов истории КПСС.

В другом сборнике³, продолжившем традицию выше-названного, в специальной главе («Историография революционного движения в России XIX в.») авторы лишь констатировали появление ряда содержательных работ (Г. С. Жуйкова, А. М. Орехова, Б. А. Чагина, И. Н. Курбатовой, Р. И. Нафигова), посвященных связям группы «Освобождение труда» с революционным подпольем России, первым марксистским кружкам, борьбе марксистов

с либеральными народниками. Отмечено также продолжение изучения раннего периода революционной деятельности В. И. Ленина и его окружения⁴, а также международных связей русского революционного движения.

Обзорная статья И. Д. Ковальченко («Изучение истории России периода капитализма (XIX — начало XX в.)»)⁵ отразила тот факт, что за период 1975—1979 гг. раннее социал-демократическое движение изучалось слабо; автор назвал несколько работ, имеющих отношение лишь к его предьстории (Н. А. Троицкого, З. В. Першиной, Р. П. Конюшей и др.). Очень краткие данные об изучении социал-демократического движения содержатся в общих историографических обзорах о развитии исторической науки в отдельных союзных республиках⁶, а также в работе Л. М. Спирина и Р. М. Савицкой⁷.

Малозначительный вклад в историографию темы внесли и авторы пятого тома «Очерков истории исторической науки в СССР». Как это ни странно, в специальной главе, посвященной развитию историко-партийной науки в период с середины 30 — до конца 60-х гг., лишь упомянуто об изучении группы «Освобождение труда» и распространения марксизма в некоторых национальных районах⁸. Лишь в разделе об изучении революционного движения и общественной мысли Е. Л. Рудницкая и Б. С. Итенберг дали анализ литературы о предшественниках революционной социал-демократии и отметили ряд работ, посвященных проникновению и преломлению идей научного социализма в русской общественной мысли 60—80-х гг. XIX в., истории отдельных социал-демократических организаций, участию русских марксистов в международном социалистическом движении. Здесь же содержится и краткая характеристика первой обобщающей работы по истории социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг. в России — монографии Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России» (М., 1957)⁹.

¹ См.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: дооктябрьский период. Вып. 2. С. 149—150.

² См. в кн.: Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980.

³ См., например: Дядиченко В. В., Лось Ф. Е., Сарбей В. Г. Развитие исторической науки в Украинской ССР. Киев, 1970; Достижения исторической науки в БССР за 60 лет. Минск, 1979.

⁴ Спирина Л. М., Савицкая Р. М. Публикации и исследования по истории Коммунистической партии Советского Союза за 1965—1970 годы. М., 1970. С. 21.

⁵ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. Т. 5. С. 384.

⁶ См. там же. С. 292—294.

¹ См.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. С. 111—113.

² Советская историческая наука от XX до XXII съезда КПСС: История СССР: Сб. статей. М., 1962.

³ Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: дооктябрьский период. М., 1978. Вып. 2.

Некоторые историографические обобщения содержат в себе вузовские лекционные курсы по общей историографии истории КПСС и истории СССР. Среди них следует отметить «Очерки источниковедения и историографии истории КПСС» (Л., 1974). В историографической части этих очерков (автор — Н. Н. Маслов) намечены основные периоды развития марксистской историко-партийной историографии. Первый период автор связывает с деятельностью В. И. Ленина и его соратников — историков-большевиков. По мнению автора, историография истории КПСС на втором периоде (20-е — начало 30-х гг.) еще не дифференцировалась в самостоятельную область исторических исследований и разрабатывалась главным образом как часть общей историографии истории СССР и истории трех революций в России. Что же касается третьего периода (середина 30 — середина 50-х гг.), то он «отличается почти полным прекращением историографических исследований в области истории партии, в том числе и разработки вопроса о Ленине как историке партии». Четвертый период (с середины 50-х гг.) характеризуется «неуклонным выделением» историографии истории КПСС в самостоятельную отрасль исторической науки¹.

Рассматривая утверждение ленинской концепции большевизма в советской историко-партийной науке, Н. Н. Маслов дал общую оценку наиболее значительных (в том числе коллективных) работ — так или иначе касавшихся раннего социал-демократического движения — В. И. Невского, Н. Н. Попова, Е. М. Ярославского, А. С. Бубнова, В. Г. Сорина. В связи с характеристикой работ последнего затронута и «злосудная» для 20 — начала 30-х гг. проблема идейно-политической эволюции Г. В. Плеханова. Указав на единодушное осуждение историками-большевиками апологетических оценок Плеханова В. Ваганяном, автор отметил, что некоторые историки партии не удержались на объективных позициях, впали в другую крайность — умаление его заслуг (Н. Л. Сергиевский, П. Н. Лелешинский). Эти крайности, по мнению Н. Н. Маслова, сумел преодолеть В. Г. Сорин, давший правильную оценку роли Плеханова, что имело принципиальное значение для характеристики начального этапа российской социал-демократии². Но Н. Н. Маслов совершенно неправомерно сблизил позиции В. И. Невского

¹ См.: Очерки источниковедения и историографии истории КПСС. Л., 1974. С. 8.

² Там же. С. 68.

и С. И. Черномордика¹. Если позиция Невского и в 1934 г. противостояла нигилистическому отношению к деятельности и теоретическому наследию Г. В. Плеханова, то книга С. И. Черномордика, наоборот, лишь закрепляла это отношение.

Говоря об основных тенденциях развития научной истории партии в послевоенные годы, Н. Н. Маслов справедливо отметил, что среди исследований, посвященных социал-демократическому движению 80—90-х гг., «совсем не было трудов, анализирующих деятельность группы «Освобождение труда» и ее руководителя — Г. В. Плеханова»². Автор назвал лишь научно-популярные работы, посвященные первым социал-демократическим организациям, действовавшим в самой России.

В обзоре современной историографии истории КПСС (автор довел ее до 1972 г.) изучение социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг. даже не упоминается, хотя именно в это время в историографии проблемы произошли крупные позитивные сдвиги.

Краткая и очень поверхностная характеристика разработки проблематики социал-демократического движения в советской литературе 1917—1934 гг. содержится в курсе лекций по историографии истории СССР В. Н. Котова³. В нем автор упрощал историографический процесс, уклонялся от определения методологических оснований сложившихся в 20-е гг. направлений, допускал, видимо, мысль о «меньшевизме в марксистских работах» Плеханова, ставил на одну доску позиции Невского и Рязанова. В работе Котова имеется немало различных лягушков. Достаточно указать на его заявление о том, что в плехановской «Истории русской общественной мысли» нашла свое выражение «меньшевистско-троцкистская концепция истории развития России»⁴.

Первый специальный историографический обзор советской литературы о социал-демократическом движении 80 — начала 90-х гг. XIX в. был сделан в 1967 г. в статье В. В. Мицурова и Ю. М. Критского⁵.

¹ См.: Очерки источниковедения и историографии истории КПСС. С. 75.

² Там же. С. 84.

³ Котов В. Н. Историография истории СССР (1917—1934 гг.). Изд. Киевского ун-та, 1966.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Мицуров В. В., Критский Ю. М. Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х — начала 90-х годов XIX в. в советской историографической литературе // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1.

Отметив интенсивность изучения истории русской социал-демократии в 20 — 30-е гг., авторы коснулись преимущественно общей оценки и отдельных сторон деятельности группы «Освобождение труда» и других социал-демократических групп 80-х гг. М. Н. Покровским, Н. Н. Батуриным, В. И. Невским, Н. Л. Сергиевским и некоторыми другими историками. В обзоре отмечены как определенные достижения, так и серьезные недостатки в исследовании вопросов связи между рабочим движением и возникновением марксизма в России, исторической роли первых социал-демократических организаций, соотношения их мировоззрения с народнической идеологией и т. д.

Относительно состояния изучения группы «Освобождение труда» В. В. Мицуров и Ю. М. Критский сделали несколько одностороннее заключение, что к началу 30-х гг. в советской историографии отстоялось в целом объективное, основанное на конкретном изучении материала отношение к ней. При этом авторы сослались на ряд работ, содержание которых не дает достаточных оснований для приведения их к столь общему знаменателю.

В статье выявлены и проанализированы наиболее важные историографические факты, связанные с изучением в 20 — начале 30-х гг. социал-демократических групп Благоева, Точисского, Бруснева, Федосеева, московских социал-демократических кружков, а также такой организации переходного типа, как «Общество переводчиков и издателей». Важно отметить, что авторы статьи выделяли в качестве особой проблемы начавшееся с середины 20-х гг. изучение раннего периода революционной деятельности В. И. Ленина, указав основные публикации документов и первые исследовательские статьи (М. К. Корбута, И. С. Зильберштейна, В. Г. Сорина). Но почему-то ими даже не упомянут В. В. Адоратский, которому принадлежит серьезный вклад в методологию и методику разработки научной биографии В. И. Ленина.

Поверхностно в статье объяснено плачевное состояние разработки темы во второй половине 30 — начале 50-х гг. Из краткого анализа литературы этого периода при всей эластичности авторских формулировок становится очевидным, что научная разработка истории группы «Освобождение труда» и других социал-демократических организаций 80 — начала 90-х гг. фактически не велась; не уделялось должного внимания и изучению формирования взглядов и революционной деятельности В. И. Лени-

на. Лишь с серьезными оговорками можно принять утверждение авторов, что в этот период некоторые историки (С. Сутоцкий, М. Москалев, С. Батищев) все-таки «исходили из ленинской оценки деятельности Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда»¹.

Начало современного периода в развитии историографии социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг. В. В. Мицуров и Ю. М. Критский связали с решениями XX съезда КПСС, а в вышедшем в 1959 г. учебнике «История Коммунистической партии Советского Союза» (под ред. Б. Н. Пономарева) усмотрели возрождение ленинской оценки первых шагов русской социал-демократии². При этом авторы не обратили внимание, что учебник не раскрывал действительное значение теоретического основания русской социал-демократии для последующего развития партии, ее Программы. Как «значительное достижение советской науки», а до известной степени и «итог изучения отдельных тем и проблем» авторы оценили первый том «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (1964 г.). Но изложенная в нем общая концепция истории раннего социал-демократического движения в России не получила в статье необходимой оценки.

Авторы верно отметили, что в изучение деятельности Плеханова и отдельных социал-демократических групп 80 — начала 90-х гг. советские ученые, работавшие в период от середины 50-х до середины 60-х гг., внесли значительный вклад (Ю. З. Полевой, Г. С. Жуйков, Р. А. Казакевич и др.). В частности, «была восстановлена ленинская оценка деятельности группы «Освобождение труда»³. К сожалению, за пределами своего анализа В. В. Мицуров и Ю. М. Критский оставили методологические аспекты, что в данном случае имеет особое значение, поскольку речь шла не просто о дальнейшем углублении исследовательской работы над темой и не просто о восстановлении тех или иных ленинских оценок, а о возвращении к творческой разработке ленинской концепции создания РСДРП, о воплощении ее в конкретно-историческом исследовании многоаспектной проблематики «утробного периода» истории русской социал-демократии.

Развитие исследовательского процесса в это время

¹ Мицуров В. В., Критский Ю. М. Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х — начала 90-х годов XIX в. в советской историографической литературе. С. 191—192.

² См. там же. С. 194.

³ Там же. С. 201.

было очень сложным: над умами ученых еще зачастую довлели рассудочные конструкции прошлых лет, шаблонные формулы и категорические суждения. Так, например, книга Г. С. Жуйкова¹ не давала никакого повода для зачисления ее в круг исследований, в которых восстанавливалась ленинская оценка группы «Освобождение труда». Г. С. Жуйков находился еще в плену тех утвердившихся в 30 — 40-х гг. субъективистских схем и формул, которые стоят в непримиримом противоречии со взглядами В. И. Ленина. В. В. Мицуров и Ю. М. Критский не заметили, что в работе Г. С. Жуйкова, в отличие от монографии Ю. З. Полевого и первого тома многотомной «Истории КПСС», ленинские положения, даже в тех случаях, когда они обильно цитируются, еще не являются теоретико-методологическим инструментом конкретно-исторического исследования явлений, о которых идет речь.

В целом же статья Мицурава и Критского дала полезный, хотя по необходимости крайне сжатый обзор основных тенденций развития советской историографии социал-демократического движения до середины 60-х гг. Рассмотрение литературы конца 50-х и 60-х гг. позволило авторам сделать вывод о повышении теоретического уровня большинства работ, расширении тематики исследований, об обращении историков к изучению не рассматривавшихся ранее проблем.

Наиболее значительной попыткой подведения итогов изучения советскими историками группы «Освобождение труда» до сих пор остается опубликованная в 1971 г. статья Г. С. Жуйкова², в которой предметом специального рассмотрения избраны лишь две темы: оценка различными исследователями исторической роли группы в русском революционном и социал-демократическом движении и освещение ими позиций Г. В. Плеханова по аграрно-крестьянскому вопросу. По мнению автора, эти две темы «позволяют достаточно четко и рельефно обрисовать суть концепции любого историка, исследующего деятельность Плеханова»³.

Всю литературу по этим темам Г. С. Жуйков условно подразделил на три группы. К первой он отнес работы, в которых «правильно решены научные проблемы»; ко второй — исследования, «резко отрицательно» оцениваю-

¹ Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда». М., 1962.

² Жуйков Г. С. Освещение деятельности группы «Освобождение труда» в советской исторической литературе // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л., 1971. Вып. 1.

³ Там же. С. 19.

щие воззрения Плеханова, «в особенности по крестьянскому вопросу и почти не признающие его революционных заслуг»; к третьей — работы друзей Плеханова и эмигрантов из меньшевистского лагеря. Кроме указанных групп, добавляет Г. С. Жуйков, «некоторые авторы занимают промежуточные позиции между этими тремя направлениями»³.

На наш взгляд, такой подход к группировке материалов едва ли можно признать научным: он недооценивает классовую основу тех историографических направлений, в рамках которых развертывалось изучение истории группы «Освобождение труда», не «обнимает» все эти направления и может вести к упрощению той идейно-политической борьбы, в ходе которой оттачивались марксистско-ленинские взгляды на всю проблематику раннего социал-демократического движения в России. Не случайно, что и сам Г. С. Жуйков в своем анализе, по сути дела, не придерживается предложенной им схемы, а выделяет вполне определившиеся задолго до Великого Октября историографические направления. Этот подход автора к разработке темы понятен: советскую историографию 20 — начала 30-х гг. (в том числе и историографию начального периода истории РСДРП) нельзя представить себе без острой борьбы историков-марксистов против попыток представителей различных буржуазных и мелкобуржуазных направлений отстоять или воскресить враждебные ленинизму концепции.

Анализируя развитие историографии группы «Освобождение труда» в этот период, Г. С. Жуйков дал критическую оценку основным трудам В. И. Невского, Н. Л. Сергеевского, Е. М. Ярославского, М. Н. Покровского, С. И. Черномордика и некоторых других историков. В своем стремлении выявить сильные и слабые стороны работ этих авторов он сделал весьма трудную для рамок небольшой статьи попытку показать эволюцию их взглядов. Это выгодно отличает его статью от упоминавшихся выше историографических обзоров. Автор хорошо сознавал, что в основе противоречий и колебаний историков-марксистов в оценке Плеханова и его группы лежали крупные методологические просчеты, связанные с отступлениями в сторону субъективистского решения крупных историко-партийных проблем. К сожалению, Г. С. Жуйков не выяснил природу и характер этих отступлений,

³ Жуйков Г. С. Освещение деятельности группы «Освобождение труда» в советской исторической литературе. С. 18.

приводивших порой к полному разрыву с ленинскими взглядами на роль и значение группы «Освобождение труда» в истории создания РСДРП.

Автор удачно проследил развитие той историографической тенденции, которая исходила из признания наличия меньшевистских идей (или, по крайней мере, их теоретических корней) в работах Плеханова 80—90-х гг. В статье сделан правильный вывод о том, что выход в свет учебника «История ВКП(б). Краткий курс» (1938) лишь официально закрепил вытекающую из указанной тенденции «ингибирующую оценку деятельности группы «Освобождение труда». «В последующие годы,— говорится в статье,— разработка проблемы по существу прекратилась, так как стала утрачивать свою научность»¹.

С этой точки зрения Г. С. Жуйков оценивает литературу 40—начала 50-х гг., допуская при этом непоследовательность и противоречивость в своих суждениях. С одной стороны, работы этих лет, по его словам, сводились к иллюстрации положений «Краткого курса», что и являлось свидетельством утраты ими «научности»; с другой — «они отражали определенный уровень развития исторической науки и имели положительную сторону»². Эти суждения, разумеется, невозможно примирить. Автор, видимо, сознавал, что работы 40—начала 50-х гг., касающиеся деятельности группы «Освобождение труда» и мировоззрения Г. В. Плеханова, по своему научному уровню не могут идти в сравнение с известными достижениями, например, в работах В. И. Невского, А. С. Бубнова и некоторых других историков. Он справедливо указывал, что в литературе этих лет Плеханов «только противопоставлялся В. И. Ленину и совершенно игнорировалось то, что оба они были марксистами». Но, с другой стороны, он считал, что «правильно и нужно подчеркивать качественное отличие их взглядов на те или иные проблемы...»³. Надо полагать, что постановка вопроса о качественных различиях во взглядах выдающихся мыслителей, стоявших до определенного момента на одних и тех же мировоззренческих позициях, требовала серьезного научного разъяснения: с этим связана оценка методологических позиций историков, касавшихся сложных вопросов идейно-политической эволюции членов группы «Освобождение труда».

Заслуживает внимания тот факт, что современный пе-

¹ Жуйков Г. С. Освещение деятельности группы «Освобождение труда» в советской исторической литературе. С. 32—33.

² Там же.

³ Там же. С. 33.

риод в развитии историографии раннего социал-демократического движения Г. С. Жуйков поставил в прямую связь с реализацией ряда важнейших постановлений ЦК КПСС, нацеленных на преодоление последствий культа личности в историко-партийной науке, на объективное и широкое изучение основных проблем возникновения в России партии нового типа. Но связанные с этим реальные сдвиги в поступательном развитии историографии темы намечены в статье слишком беглыми штрихами: выделены плодотворные усилия исследователей в изучении философского наследия Г. В. Плеханова (Б. А. Чагин, М. Т. Иовчук, М. И. Сидоров, В. А. Фомина и др.), зарождения и распространения марксизма в России (Ю. З. Полевой, Р. А. Казакевич), развития международных связей группы «Освобождение труда» (А. М. Шнитман, В. А. Паукова, И. М. Кривогуз, Т. Ю. Бурмистрова, Н. Ф. Шитов). Автор пришел к выводу, что вся эта большая и плодотворная работа создала реальную возможность для итоговых обобщений о деятельности группы «Освобождение труда» в первом томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза»⁴. К сожалению, автор не показал действительное историографическое значение этого коллективного труда как заметной вехи на пути утверждения научного подхода к истории марксистской мысли и социал-демократического движения в России.

Следует отметить наблюдения А. Н. Цамутали, бегло очертившего процесс изучения истории группы «Освобождение труда» и взглядов Г. В. Плеханова по крестьянскому вопросу на основе немногих работ историков 20—60-х гг.⁵, а также краткие, но весьма содержательные суждения В. И. Клушина о методологических аспектах в исследованиях Рожкова, Покровского, Невского и Быстрицкого⁶.

Нельзя не упомянуть ценные историографические курсы Б. А. Чагина в историю разработки философско-социологического наследия Г. В. Плеханова в 20—60-х гг. На широком фоне развития социологической мысли в нашей стране автор проследил отношение различных авторов к философскому наследию Плеханова — от

⁴ См.: Жуйков Г. С. Освещение деятельности группы «Освобождение труда» в советской исторической литературе. С. 36—37.

⁵ См.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX—начала XX в. Л., 1969. С. 249—251, 266.

⁶ См.: Клушин В. И. Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 133—218, 290—314.

попыток «канонизации» в 20-х гг. до полнейшего нигилизма в первой половине 30-х гг. и последовавшего затем сложного и крайне противоречивого процесса восстановления объективных оценок философских и социологических воззрений пионера марксизма в России¹.

За годы Советской власти, и особенно в последние 15—20 лет, появилось немало исследовательских материалов по истории социал-демократического движения в отдельных регионах страны, в союзных и автономных республиках. К сожалению, историографическое обобщение их остается, за редкими исключениями, почти нетронутой «целной». К числу такого рода исключений следует отнести работы казанского историка А. Г. Циунчука, посвященные изучению дооктябрьской большевистской, а также советской историко-партийной литературы о социал-демократическом движении в Поволжье, вышедшей в свет до середины 30-х гг.²

Центральное место в этих работах занимает анализ наиболее значительных марксистских исследований, посвященных тем кружковым социал-демократическим объединениям, которые в 80—начале 90-х гг. возникали и действовали под руководством В. И. Ленина, Н. Е. Федосеева, Н. Э. Баумана и других социал-демократов. Хорошее знание конкретно-исторического материала позволило автору дать в целом правильную, достаточно аргументированную оценку работ историков, трудами которых было положено начало изучению социал-демократических кружков Поволжья.

Особо автор выделил как время весьма интенсивного изучения социал-демократического движения в Поволжье в 1880—1890-е гг. период с середины 1920-х до середины 1930-х гг., когда исследования развивались по двум направлениям, близким друг к другу: во-первых, изучение революционной деятельности В. И. Ленина, а также Н. Е. Федосеева и Н. Э. Баумана (в Казани и Самаре) и, во-вторых, исследование истории зарождения и деятельности (в 1890-х гг.) социал-демократических кружков Н. Новгорода, Самары, Сызрани и других городов По-

¹ См.: Чаян Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР, 1917—1969. Л., 1971. С. 139—140, 161—163, 181—182 и др.

² Циунчук А. Г. Историкография социал-демократических кружков Поволжья, 1890-е — середина 30-х годов: Автореферат дис. — канд. ист. наук. М., 1966; Его же: К историографии социал-демократических кружков Поволжья, 1920-е — середина 1930-х годов // Из истории Казанского революционного подполья 80-х годов XIX века. Изд. Казанского ун-та, 1970.

волжья³. Определенные успехи в этом отношении А. Г. Циунчук связал с именами целого ряда историков и публицистов, усилиями которых в течение 20—половины 30-х гг. были созданы необходимые условия для дальнейшей углубленной разработки истории социал-демократического движения в Поволжье⁴. Вместе с тем автор справедливо отметил, что многие направления исследований, начатых в это время, не были продолжены в последующие годы и вновь стали выдвигаться в историко-партийных работах лишь в 60-х гг.

Этот вывод вполне подтверждается статьей В. К. Скворцова⁵, в которой проанализирована советская историческая литература 50—60-х гг., посвященная по преимуществу марксистским кружкам Н. Е. Федосеева. Ценно, что в этой связи рассматривается (правда, очень бегло) и освещение вопроса о революционной деятельности В. И. Ленина в Казани. Автор сумел выделить наиболее значительные работы, которые как бы продолжили заложенные еще в 20-х гг. основные направления по исследованию социал-демократического движения в крае (Ю. З. Полевой, Г. С. Жуйков, Ф. М. Аржанов, В. Н. Смирнова, А. М. Валеев, Б. М. Волни, М. Ф. Владимирский, А. Бланк, Р. И. Нафигов и др.). Но при этом, выясняя те или иные ошибки частного характера у отдельных авторов, В. К. Скворцов полностью обошел вопрос о все еще проявлявшемся влиянии догматических положений краткого курса «Истории ВКП(б)» на постановку и решение ряда важных историко-партийных проблем в литературе изучаемого периода.

До сих пор нет обобщающих историографических работ, посвященных другим социал-демократическим организациям 80—начала 90-х гг. Можно отметить лишь статью В. П. Груздевой⁶, в которой сделана попытка охарактеризовать основные направления и результаты, достигнутые советскими историками в изучении деятельности Д. Благоева. Фактически же автор рассматривает процесс изучения «Партии русских социал-демократов»,

³ См.: Циунчук А. Г. К историографии социал-демократических кружков Поволжья. — С. 42.

⁴ См. там же. С. 48—49.

⁵ Скворцов В. К. Вопросы истории федосеевских марксистских кружков в советской литературе послевоенных лет: (Некоторые замечания) // Из истории Казанского революционного подполья 80-х годов XIX века. Изд. Казанского ун-та, 1970. С. 50—61.

⁶ Груздева В. П. Д. Благоев в советской историографии // Дмитрий Благоев — выдающийся теоретик и революционер. М., 1977.

выделив такие проблемы, как оценка ее идеологии, разработка программы, взаимоотношения с группой «Освобождение труда».

Историографии петербургского «Рабочего союза» (группа М. И. Бруснева) и русско-польских революционных связей второй половины 80 — начала 90-х гг. посвящено несколько страниц в ценных исследованиях А. М. Орехова¹.

Важные историографические наблюдения содержатся в различных по своему характеру работах об отдельных историках, в творчестве которых преимущественное или, во всяком случае, значительное место занимала проблематика раннего социал-демократического движения.

Как известно, эта проблематика занимала существенное место в работах М. Н. Покровского. Но его взгляды на этот счет до сих пор не получили полноценного научного освещения. После печально знаменитого «разоблачения» общенациональной концепции Покровского к объективному исследованию его воззрений историки приступили лишь в начале 60-х гг.² Но в работах этого, как, впрочем, и более позднего, времени мы находим лишь отдельные штрихи, касающиеся нашей темы. Так, Л. В. Черепнин коснулся взглядов Покровского на предшественников русской социал-демократии, отметил эволюцию его представлений по вопросу об отношении большевизма к предшествующему революционному движению³.

Более широкий круг вопросов затронул О. Д. Соколов. Он указал на модернизаторские увлечения Покровского в решении проблемы соотношения программно-тактических идей народнических организаций 60—70-х гг. с большевизмом. Что же касается оценок деятельности группы «Освобождение труда», то автор ограничился констатацией отдельных суждений Покровского, уклонившись от рассмотрения их по существу. В частности, для читателя осталось неясным отношение О. Д. Соколова к попыткам

Покровского выявить корни меньшевизма в проектах программы группы «Освобождение труда», к его оценке ее места в истории социал-демократического движения⁴.

Необходимо отметить ряд статей, посвященных творчеству Н. Н. Батурина⁵, В. И. Невского⁶, Н. Л. Сергиевского⁷, А. И. Ульяновой-Елизаровой⁸, Е. М. Ярославского⁹. Некоторые детали историографического характера, связанные с нашей темой, содержатся в биографических (преимущественно юбилейных) очерках и статьях о других видных историках партии¹⁰.

¹ См.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 142, 170, 184.

² Ким Д. Н. Н. Батурин как историк партии // Историк-марксист. 1927. № 6; Его же: Историк-большевик: (Об Н. Н. Батурине) // Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). См. также ред. П. Н. Лепешинского на собрание его Сочинений, изданных в 1930 г. (История пролетариата СССР. М., 1930. Т. 2. С. 264—267); Ртищева Ю. И. Н. Н. Батурин о предшественниках русской социал-демократии // Сборник работ аспирантов/Воронежский гос. ун-т. 1965. Вып. 1; Черкасов С. П. Н. Н. Батурин (Заметки): Революционная, научно-историческая и публицистическая деятельность: Дис. — канд. ист. наук. Л., 1972; Богданова В. А. История революционного рабочего движения в публицистике Н. Н. Батурина // Вестн. ЛГУ. 1978. № 2.

³ Васильев А. И. Владимир Иванович Невский: (К 90-летию со дня рождения) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 5; Чеснаков В. И. В. И. Невский как историк русского революционного движения // История и историк. Историография истории СССР: Сб. статей. М., 1965; Его же: В. И. Невский — солдат революции в историческом фронте // Труды / Воронежский гос. ун-т. 1969. Т. 85.

⁴ Пугачевский Б. По поводу книги тов. Н. Л. Сергиевского «Партия русских социал-демократов. Группа Благова» // Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92); Иванов Б. Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» // Катерга и смыслка. 1931. № 1.

⁵ Савицкая Р. М. А. И. Ульянова-Елизарова — историк ленинской партии // Вопросы истории КПСС. 1987. № 8.

⁶ Илларицкая Н. В. Историко-партийное творчество Е. М. Ярославского // Вопросы истории КПСС. 1987. № 11.

⁷ См., например: Амиантов Ю. И., Острождова К. А. Сопратник Ленина, публицист, историк: (К 100-летию со дня рождения М. С. Ольминского) // Вопросы истории КПСС. 1963. № 10; Биневич А., Сербрянский Э. Андрей Бубнов. М., 1964; Кучкин А. П. Владимир Гордеевич Сорин // Вопросы истории КПСС. 1965. № 1; Мамз Н. И. Революционер, ученый, пропагандист ленинизма: (К 100-летию со дня рождения Ем. Ярославского) // Коммунист. 1978. № 5; Савельев С. Н. Ем. Ярославский: (К 100-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978; Мешков О. В., Диброва С. С. Партийный деятель, ученый-историк: (К 90-летию со дня рождения Н. Н. Попова) // Украинский исторический журнал (Киев). 1981. № 1; Гусаревич С. Видный революционер и историк-публицист: (К 100-летию со дня рождения А. С. Бубнова) // Военно-исторический журнал. 1984. № 3; Галочкова Э. Н., Каравалева Е. П. Из поколения ленинцев первого призыва: (К 120-летию со дня рождения П. Н. Лепешинского) // Вопросы истории КПСС. 1988. № 3.

¹ Орехов А. М. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры, 1887—1893 гг. М., 1973; Его же: Первые марксисты в России: петербургский «Рабочий союз» 1887—1893 гг. М., 1979.

² Дубровский С. М. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3; Пайденко М. Е. М. Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3; Соколов О. Д. Об исторических взглядах М. Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4.

³ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. С. 190—191.

В заключение отметим, что проблематика социал-демократического движения 1883—1893 гг. может быть поставлена на твердую научную почву лишь в строго выверенном соотношении с началом ленинского этапа в развитии марксизма, генезисом большевизма, борьбой В. И. Ленина за создание пролетарской партии нового типа. Естественно, что для нас немаловажное значение имеет многочисленная литература о возникновении большевизма, о петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», I съезде РСДРП, ленинской «Искре» и II съезде партии. Основная литература, посвященная этим крупнейшим событиям в истории КПСС, к настоящему времени подвергнута более или менее обстоятельному историографическому анализу, вполне доступному для всех, кто интересуется развитием историко-партийной науки¹.

* * *

Краткий обзор историографической литературы позволяет нам сказать, что она дает возможность составить лишь самое общее представление о процессе изучения истории российского социал-демократического движения 1883—1893 гг. Эта литература, разноплановая по своим целям и задачам, во многом фрагментарная, редко поднимается до развернутых обобщений и критики на теоретико-методологическом уровне. Те немногие общие историографические обзоры развития советской исторической литературы за тот или иной период, которые мы имеем, почти не затрагивают исследования по нашей теме, в то время как специальные обзоры порой сбиваются на изложение, характерное для аннотированных библиографических указателей. Поэтому по ним трудно составить целост-

¹ Отметим лишь некоторые из историографических работ: Кулаков А. А. Советская историография образования марксистской партии в России (1894—1903 гг.) // Советская историография классовых борьбы и революционного движения. М., 1967. Ч. 2; Ело ж. Начальный этап истории большевизма в новейшей советской историографии // Вопросы истории. 1973. № 7; Зеленин А. И., Кузнецов Л. С. Историография петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Пермь, 1974; Шейнблат И. М. Из историографии I съезда РСДРП // Вопросы историографии и истории СССР. Воронеж, 1969; Суляев М. Г. Советская историография ленинской «Искры» // Ленинская «Искра» и местные партийные организации России. Пермь, 1971; Кулаков А. А. Советская историография II съезда РСДРП // Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России. Пермь, 1973; Злобин В. И. Второй съезд РСДРП: Историография. М., 1980.

ную картину развития научной мысли в области сложной проблематики зарождения и развития российской социал-демократии как идейного течения.

До сих пор историографическими обобщениями почти не затронута даже литература, посвященная анализу ленинской концепции раннего социал-демократического движения, что, несомненно, выступает сдерживающим фактором дальнейшей разработки как отдельных ее аспектов, так и конкретно-исторического изучения проблемы генезиса марксизма в России. Процесс утверждения ленинской концепции, происходивший в острых дискуссиях между историками-марксистами и в их совместной борьбе с различными буржуазными и мелкобуржуазными направлениями, в историографических работах отражен в общих чертах, порой бегло и декларативно. Правда, и сами историографические факты не всегда дают для этого необходимый материал: связь — прямая или опосредованная — между разработкой раннего социал-демократического движения и идеологической борьбой в тот или иной момент устанавливается лишь в немногих исследованиях. Но в любом случае в историографических работах эта сторона дела должна получать необходимую оценку, если они хотят сохранять за собой значение аккумулятора накопленного опыта утверждения в историко-партийной науке марксистско-ленинской методологии.

Ее утверждение было сложным и далеко не бесконфликтным. В историографическом анализе литературы по нашей теме этот опыт, к сожалению, вываливается очень слабо: недостатки методологического характера в тех или иных работах либо замалчиваются, либо не получают, за редкими исключениями, ясной научной оценки. Тем самым снимается, собственно, вопрос об истоках и сущности такого рода недостатков, чреватых, как это показал историографический опыт, отступлениями в сторону субъективизма и догматизма. Из сферы исследования фактически выпадает связанный с этими явлениями анализ противоречий и трудностей в научной разработке истории первого периода российской социал-демократии. В силу этого большинство рассмотренных историографических работ не дает четкого представления о характере движения научной мысли в области занимающей нас проблематики. Это оттеняется недостаточным вниманием их авторов к концептуальным построениям тех или иных историков, не говоря уже об эволюции их взглядов и факторах, которые ее определяли.

К сожалению, до сих пор историографические обобщения почти не коснулись широкого круга литературы, посвященной началу революционной деятельности В. И. Ленина. Нет специальных историографических работ по наиболее значительным марксистским группам 80 — начала 90-х гг., социал-демократических кружков отдельных регионов страны, без чего сейчас трудно составить представление о масштабах и интенсивности изучения темы на различных этапах развития советской исторической науки, о ходе накопления знаний и преемственности научно-исследовательских традиций, иначе говоря, о той базе, на которую по логике вещей должно опираться дальнейшее изучение всей проблемы возникновения марксизма в России.

Часть II

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1917– СЕРЕДИНЫ 1930-х гг.

...Правда не должна зависеть от того,
кому она должна служить.

В. И. Ленин

Советская историческая наука — детище Октябрьской революции, победа которой явилась триумфом пролетарской демократии — первооснова социального и духовного прогресса всей страны. Тем самым историческая наука получила, используя выражение М. Н. Покровского, «полную и абсолютную свободу научного исследования»¹ и, стало быть, неограниченные возможности для своего развития.

Эти возможности стали реальностью благодаря деятельности Коммунистической партии и ее вождя — В. И. Ленина, заложившего принципиально новые, признанные глубоким демократизмом основы политики Советского государства во всех областях науки и культуры. Исходя из признания большого политического значения исторической науки, ее роли в решении задач идеологической работы, партия разработала и осуществила — вопреки немалым и необъятным трудностям — дерзновенную по своему размаху программу, обеспечивавшую создание разветвленной сети крупных научных и учебных центров в области общественных наук, концентрацию вокруг исследования важнейших историко-партийных проблем своих лучших теоретических и пропагандистских сил, привлечение на службу советской науки наиболее компетентных ученых различных дореволюционных исторических школ, подготовку новых кадров историков-марксистов².

В процессе становления советской исторической науки

¹ Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 493.

² Различным аспектам партийного и государственного руководства исторической наукой в СССР посвящен ряд ценных исследований М. С. Воляна, Е. Н. Городецкого, Г. Д. Алексеевой, Л. В. Ивановой, Г. И. Желтовой, Н. С. Комарова, М. С. Бастратовой, Е. А. Белышева, Л. С. Леоновой, Н. Р. Андрулова и других авторов.

окончательно оформилась и ее составная часть — история КПСС. Предмет и метод истории КПСС, ее специфические особенности как науки еще задолго до Октябрьской революции были разработаны в трудах В. И. Ленина и замечательной плеяды его соратников — блестящих партийных литераторов, публицистов и историков. Будучи людьми широкими и разносторонними знаниями, высокой методологической культуры, они возглавили идеологический фронт Советской республики, всю идейно-теоретическую перестройку исторической науки, дальнейшее развитие партийной историографии. Их деятельность олицетворяла прямую преемственность большевистской дооктябрьской и советской историко-партийной науки по кардинальной линии ее связи с социальной практикой: внесения социалистической идеологии в сознание трудящихся масс.

В новых условиях, созданных Октябрьской революцией, указанная связь стала несравненно более масштабной и глубокой. С одной стороны, историко-партийная наука органично и целенно включилась в идеологическое обеспечение практической деятельности Коммунистической партии по созданию основ социалистического общества, с другой — в решительную борьбу с буржуазной идеологией и буржуазной историографией как ее составной частью.

Ареной этой борьбы стала вся общественная наука. Контрреволюционный лагерь, делавший ставку на идеологический и политический реванш, стянул в свои ряды многих представителей буржуазной науки в широком политическом диапазоне — от бывших «веховцев» до меньшевистско-эсеровских теоретиков и публицистов. Конечно, их судорожные попытки удержаться на авансцене исторического движения были обречены на провал. Но, по крайней мере в первое десятилетие Советской власти, идеологический натиск буржуазно-помещичьей реакции представлял еще серьезную опасность. Во всех сферах гуманитарного знания — от философии до эстетики — наступление на идеологию революционного пролетариата вели идеалисты различных мастей, проводники «грубейших и гнуснейших реакционных взглядов»¹. Книжный рынок и периодика страны наводнили произведения идеологов мелкой буржуазии. Потерпев «полный идейный крах»², они выступали с озлобленными нападками на то-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 31.

² Там же. Т. 35. С. 188.

сударство диктатуры пролетариата, беззастенчиво и грубо фальсифицировали историю рабочего движения, революционной социал-демократии, большевизма.

На идеологический и политический вызов этого весьма агрессивного конгломерата антисоциалистических сил марксистское обществоведение ответило постепенно нарастающими ударами по всем направлениям: от коренных проблем философии и методологии истории до важнейших вопросов создания, идейно-теоретического оформления и деятельности большевистской партии. В обеспечении победы над различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в сфере обществоведения молодая историко-партийная мысль, тесно связанная с общественной практикой, сыграла значительную роль.

Это была составная часть той гигантской борьбы с капитализмом, в которой не было места «средним решениям», полумерам, компромиссам. «Вопрос в том — победить или быть побежденным»¹ — так формулировал неутомимую историческую реальность В. И. Ленин. Исключительно напряженная общественно-политическая и соответственно историографическая ситуация до крайности осложнялась тем фактом, что мелкобуржуазная стихия и старая буржуазная наука нашли «родственные ручейки и в великом идейном пролетарском течении»², в самой партии. В первые, самые трудные послеоктябрьские годы партия столкнулась в решении кардинальных проблем, от которых зависела судьба революции и социализма, с леворадикалистскими и иными течениями. В борьбе с этими течениями (прежде всего, с троцкизмом) историко-партийная наука прошла серьезную школу «самоосуществления»: углублялось изучение и освоение марксистско-ленинского учения, накапливался теоретический и методологический опыт, повышалась исследовательская культура, росло профессиональное мастерство.

Рост творческого потенциала историко-партийной науки открывал широкие возможности для выхода ее на новые рубежи. К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин эти возможности в рамках изучаемого периода не могли реализоваться, по крайней мере применительно к отдельным проблемам.

К числу этих проблем относится и первый период исто-

рии российской социал-демократии. Ее конкретно-историческая разработка ярко отразила всю сложность политической жизни страны 20 — первой половины 30-х гг., когда закономерная и естественная переоценка ценностей, затронувшая все сферы общественных наук, литературы и искусства, вызвала острую идейную борьбу в среде обществоведов. Применительно к исследованию «утробного периода» эта борьба не была лишь «историческим фоном». Напротив, невиданный интерес к истории большевистской партии привлекал внимание ученых к исходным моментам социал-демократического движения. И здесь уже никто не мог миновать исторической фигуры Плеханова, марксистское литературное наследие которого являло собой крупный вклад в философию и социологию, политическую экономику и историю, литературную критику и эстетику.

Высокая оценка этого наследия, которую дал В. И. Ленин, была для начала 20-х гг. общим выражением отношения обществоведов-марксистов к теоретическим достижениям основателя группы «Освобождение труда». В обращении ЦК РКП(б) к трудящимся в связи с празднованием 25-летия возникновения партии (1923 г.) говорилось: «Теоретическое наследие Плеханова-революционера рабочие коммунисты чтут, как лучшую страницу своего собственного прошлого»¹. В борьбе за утверждение материалистического понимания истории (а такое понимание Ленин относил к числу «крупнейших революционных вопросов»²) обществоведы-марксисты, многие из которых признавали большое влияние Плеханова на формирование их собственного мировоззрения, в 20-х гг. зачастую строили свою аргументацию на марксистских произведениях Плеханова. Историки партии, обращаясь к различным вопросам революционного движения 70—80-х гг., широко прибегали к его трудам.

В своей решительной ломке буржуазных историографических традиций они не могли не учитывать, что трудами Плеханова было положено начало марксистскому направлению в отечественной исторической науке, обозначен начальный период русской марксистской историографии. И тем не менее реальный процесс исследования теоретической и практической деятельности Плеханова и его группы оказался крайне противоречивым: наметившаяся

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 146.

² Невский В. И. Реставрация идеализма и борьба с «новой» буржуазией // Под знаменем марксизма. 1922. № 7—8. С. 130.

¹ Известия ЦК РКП(б). 1923. № 2 (50). С. 7.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 462.

после Октябрьской революции плодотворная историографическая линия научных поисков в этом направлении пережила сложные трансформации, столкнувшись с нигилистической критикой «плехановского марксизма», а затем и попытками низвести его до уровня самого пошлого и подлого оппортунизма.

Во многом это связано с резким обострением борьбы против меньшевизма как с составной частью идеологии и политики международного социал-реформизма, против того буржуазного извращения социализма, в которое после 1903 г., и особенно со времени первой мировой войны, Плеханов, как известно, внес немалую лепту¹. После революции меньшевистские историки и публицисты, прикрываясь лозунгами «чистой демократии» и безудержной апологией Плеханова, пытались превратить его антибольшевизм в знамя объединения всех контрреволюционных сил. Естественно, что историки-марксисты направили свои удары на всестороннее разоблачение классового смысла и значения этих попыток. Меньшевизм Плеханова, его социал-шовинизм с 1914 г., его борьба против идей Ленина — все это выходило на передний край научной аргументации, заслоняя марксистский период деятельности основателя российской социал-демократии. Игнорирование марксистского прошлого Плеханова и его группы выступало своего рода «репрессивной» акцией за политический оппортунизм и борьбу с большевизмом.

Но в этом, безусловно, таилась опасность отступления от принципа историзма, чему способствовала и борьба с различными оппозиционными течениями в самой партии, поскольку около них, как отмечал Ленин в январе 1921 г., «ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эсеры»², стремившиеся использовать внутрипартийные разногласия в своих собственных целях. В идейно-политическом отношении этим целям вполне содействовала прежде всего развернутая Троцким и его сторонниками атака на ленинизм по всему фронту. Она нашла своеобразное отражение в историографии в виде попыток представить Плеханова как родоначальника большевизма. Мы увидим далее, что борьба историков партии с этой тенденцией дала определенный сдвиг к неадекватному истолкованию про-

¹ В. И. Ленин многократно указывал на беспримерное оплошание, оппортунизм, уродование марксистской теории Плехановым и другими теоретиками II Интернационала (см., например: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 27. С. 10—11; Т. 37. С. 238 и др.).

² *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 42. С. 302.

граммных документов группы «Освобождение труда», к поиску «корней меньшевизма» в них.

Под влиянием целого ряда объективных и субъективных факторов указанный сдвиг постепенно перерос в ярко выраженный негативизм по отношению ко всему марксистскому периоду теоретической и практической деятельности Плеханова, не говоря уже о других деятелях группы «Освобождение труда». Этот негативизм не был, конечно, безраздельным, но к рубежу 20—30-х гг. уже ясно обозначился весь многогранник развития историографии проблемы: хорошо выверенные с методологической точки зрения наблюдения и отступления к субъективизму, введение в науку богатейших новых материалов и тенденциозная интерпретация их, честный научный поиск и конъюнктурный ажиотаж, смелое отстаивание найденных истин и трусливый отказ от них, сосредоточенная работа ума и дилетантское верхоглядство. Все это можно понять лишь в контексте общественных условий, созданных грубым нарушением ленинских принципов руководства наукой, вторжением в ее сферу методов администрирования, насаждением культа личности Сталина — явления, представляющего собой «отступление от... основополагающих принципов» социализма¹.

Исследование генезиса РСДРП, социал-демократического движения не только 1883—1893 гг., но и последующих этапов его развития было серьезно подорвано извращением гибкой и мудрой тактической линии Ленина по вопросу о создании единого фронта международного пролетариата в борьбе с капитализмом и империализмом. В 1924 г. Сталин и Зиновьев волюнтаристски навязали международному коммунистическому движению сектантски-догматическую линию, направленную на борьбу с социал-демократией, которая была объявлена главным врагом, основной опорой политики соглашения с империализмом, «умеренным крылом фашизма», его близнецом². Эти глубоко ошибочные оценки бросили мрачную тень субъективизма на исследование международного социалистического движения последней четверти XIX — начала XX в., что не могло не отразиться и на изучении группы

¹ См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 21.

² Сталин И. В. *Сочинения*, М., 1947. Т. 6. С. 153, 282. Подробнее см.: Фирсов Ф. И. К вопросу о тактике единого фронта в 1921—1924 гг. // *Вопросы истории КПСС*. 1987. № 10.

«Освобождение труда». Многие историки стали рассматривать деятельность II Интернационала как шаг назад по сравнению с I Интернационалом и, игнорируя ленинские оценки, отождествляли его с так называемым Вторым Интернационалом 1919—1923 гг., противопоставляли большевиков не оппортунистам, а всему II Интернационалу¹. Мало-помалу деятельность группы «Освобождение труда» также была заключена в рамки однозначных догматических формулировок об «антимарксистском, антиреволюционном направлении политики II Интернационала» и противопоставлена большевизму в качестве выразительницы «социал-реформистских» тенденций.

С начала 30-х гг. подобный подход к оценке деятельности Плеханова и группы «Освобождение труда» приобрел характер методологической установки в связи с письмом Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) «О некоторых вопросах истории большевизма»². Эта политическая инвектива, содержащая безответственные обвинения в адрес левого, революционного крыла германской социал-демократии, а также ложное положение о том, что Ленин будто бы со времени оформления большевистской партии вел линию на раскол внутри российской и международной социал-демократии, дала некоторым историкам своего рода теоретическую санкцию не только на тенденциозное изобличение Плеханова-марксиста в социал-реформизме, но и на низведение его политической линии до уровня «оруженосца» германской социал-демократии.

Столь грубое искажение общественно-политических позиций Плеханова, который до 1903 г. оставался «марксистом и революционером»³, сопровождалось «развенчанием» его философско-социологических воззрений. Труды крупнейшего революционного мыслителя, которого Ленин в 1913 г. назвал самым знающим по философии марксизма социалистом⁴, стали объектом не только тенденциозной, но и подчас невежественной «критики»⁵; надолго утвердившей антинаучное противоположение «плекхановского марксизма» ленинизму. Вся проблема «Ленин и Плеханов», имеющая первостепенное значение для изуче-

¹ См.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 63; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 712—713.

² Сталин И. В. Соч. М., 1952. Т. 13. С. 84—102.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 16.

⁴ См. там же. Т. 23. С. 119.

⁵ Подробнее об этом см.: Чагин Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР, 1917—1969. С. 161—163.

ния истории марксистской мысли и раннего социал-демократического движения в России, была поставлена с ног на голову. Нечего и говорить, что необходимым условием подобной операции должен был стать отказ от исторического подхода ко всем явлениям, связанным с борьбой за создание РСДРП.

Было бы, разумеется, односторонне объяснять подмену объективно-научного исследования данной проблемы лишь канонизацией связанных с деятельностью Сталина теоретических и политических ошибок. Под влиянием культа личности в самой исторической науке (как, впрочем, во всем общественном сознании) постепенно сложился свой «механизм торможения»: многообразный и абсолютно чуждый творческому духу марксизма-ленинизма инструментальный утверждения свойственных сталинизму антидемократических, авторитарных начал в сфере научной деятельности. В удушливой политической и нравственной атмосфере культа личности этот механизм серьезно затруднял преодоление связанных с окончательным формированием историко-партийной науки трудностей теоретического осмысления ее соотношения с политической жизнью современности или, точнее, ее специфических функций в отношении к текущей политике.

В противовес буржуазным историкам с их установкой на «независимость» истории от политики историки-марксисты стремились актуализировать изучение всех основных проблем истории партии, поставить их разработку в тесную связь с современностью, с общими задачами идеологической работы. К сожалению, процесс политизации историко-партийной науки принял односторонне, порой прямолинейно-вульгарные формы. Если М. Н. Покровский, например, связь теории с практикой в истории видел в том, что «история — это объяснительная глава к политике»⁶, если Е. М. Ярославский полагал, что прошлые события истории партии должны служить «иллюстрацией для понимания сегодняшнего дня, борьбы сегодняшнего дня»⁷, то Д. Кин «общую установку» в рассматриваемом вопросе сводил к тому, что история партии является не только «сугубо политической наукой», но и «политикой, обращенной в прошлое»⁸.

⁶ Покровский М. Ленин и история // Борьба классов. 1931. № 1. С. 7.

⁷ Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. М., 1930. С. 34.

⁸ Там же. С. 137.

Столь отчетливо выраженное отождествление истории партии как науки с политикой открывало широкий простор для методологически безответственного искажения тех аспектов ее истории, которые стояли в противоречии с идеологией и практикой культа личности. В связи с этим научная строгость анализа фактов постепенно уступала место субъективистскому произволу, различного рода умозрительным схемам, продиктованным конъюнктурными соображениями, а экстраполяция меньшевистских воззрений Плеханова на марксистский период его деятельности стала обычным явлением в историографической практике.

Упорные, порой азартные поиски действительных или мнимых ошибок в марксистских (и даже народнических!) трудах Плеханова превратились для некоторых философов, социологов и историков в самоцель: в них они находили не только извращение диалектико-материалистического мировоззрения Маркса и Ленина, не только обоснование социал-реформистской политики, но и истоки различных трудно поддающихся точной научной квалификации философско-социологических направлений (вроде «меньшевистствующего идеализма», например), вокруг которых велись ожесточенные споры в 20 — 30-х гг. Сравнение на «руководящие указания» постепенно замкнуло исследование истории «утробного периода» российской социал-демократии в узкий круг догматизированных положений, выход за рамки которых стал не только предосудительным, но и опасным: любым попыткам самостоятельного творческого анализа (не исключая, разумеется, и ошибок) грозили политические оценки, обвинения в ревизионистских, классово враждебных уклонах не только в сторону троцкизма, но и правого оппортунизма. Прямым следствием этого было внедрение в историко-партийную науку конформистских начал, находившихся в разительном противоречии с буквой и духом ленинских взглядов на общественно-идеологические функции исторической науки, ее роль в разработке научных основ политической линии партии и, следовательно, в общественной практике.

Общественно-политические условия, определившие негативные тенденции в исследовании проблемы, затормозили плодотворный процесс овладения марксистско-ленинской методологией, ленинской концепцией генезиса РСДРП. Стремление лучшей части историков партии осмыслить эту концепцию в целостном виде оказалось в глубоком противоречии с неуклонно утверждавшейся тенден-

цией смещения Плеханова-марксиста с Плехановым-оппортунистом. С этой тенденцией связан выборочный характер использования ленинских оценок, порой неправильное или одностороннее их интерпретирование, а в отдельных случаях и полное игнорирование. Объективно-научное исследование деятельности группы «Освобождение труда» тем самым было серьезно подорвано, что не могло не сказаться на разработке и всех других проблем раннего социал-демократического движения в России.

С точки зрения теоретического осмысления закономерностей перехода революционной мысли страны от социалистически-утопических воззрений к научному социализму, к марксизму, это означало, что историко-партийная мысль вынуждена была отступать от своих собственных достижений. Чтобы понять внутренний смысл этого «попятного движения», необходим конкретно-исторический анализ литературы вопроса, во всем объеме отразившей противоречия историографического процесса.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА
ВОКРУГ ВОПРОСА О РОЛИ Г. В. ПЛЕХАНОВА
И ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»
В РОССИЙСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

...Спор или полемика
терпит тут свое личное значение
и переходит в борьбу за идеи.

В. Г. Белинский

Сразу же после Великого Октября вопросы идеологии и политической практики группы «Освобождение труда», ее лидера Г. В. Плеханова стали объектом острой идейно-политической борьбы историков-марксистов с представителями буржуазной и мелкобуржуазной историографии. Это было естественно: с деятельностью этой группы связывались истоки движения, которое привело к победе «первой большевистской революции»¹. К сожалению, историю группы «Освобождение труда», говоря словами М. Н. Покровского, «стали писать те, кто меньше всего имел на это право — и у кого меньше всех было к этому способностей»². — «историки мелкобуржуазного склада», пытавшиеся отрицать тот факт, что революционный процесс, обеспечивший в России победу над царизмом и капитализмом, развивался под знаменем идей В. И. Ленина. Эта попытка вызвала к жизни обширную и разнообразную литературу, в которой, наряду с указанными вопросами, важное место заняла проблема «Ленин и Плеханов». Перед лицом идейного натиска буржуазно-помещичьей реакции, того антисоветского хора³, который объединил почти все идейные платформы буржуазной и мелкобуржуазной мысли — от монархистов до «социалистов» типа меньшевиков, эсеров, оппортунистов II Интернационала, — эта проблема приобрела острое политическое звучание и выдвинулась на первый план в развитии историографического процесса.

Для отброшенных с пути пролетарской революции мелкобуржуазных партий смерть Плеханова (1918 г.) яви-

лась поводом для усиления нападков на большевистскую партию. На страницы различных буржуазных и мелкобуржуазных изданий буквально выплеснулся поток статей, в которых воинствующий антибольшевизм их авторов доходил до самых глубин политического падения и гнусных клевет: достаточно сказать, что саму кончину Плеханова озлобленные «теоретики» меньшевизма инкриминировали большевикам, В. И. Ленину. Более того, они попытались превратить это событие в орудие политических провокаций, различных контрреволюционных поползновений. В листке «На смерть Плеханова» московский комитет социал-демократической организации «Единство», внушая рабочим, что они потеряли в лице Плеханова «своего человека, своего учителя и своего вождя», провокационно зывал: «Кому как не вам, товарищи, кому как не вам понять, что значит... смерть такого человека? Кому как не вам найти и покарать ее виновников?»⁴ Провокационными были и инсинуации А. Н. Потресова, изображавшего Плеханова «жертвой катастрофы», как автор именовал Октябрьскую революцию 1917 г.⁵

Меньшевистские историки и публицисты воспользовались смертью Плеханова для грубейших политических спекуляций. Они начали усердно творить апологетическую легенду о нем как деятеле, который на протяжении 1883—1918 гг. оставался «мировым социалистом», «правовверным марксистом», которому в качестве идейных противников в российской социал-демократии противостояли лишь всевозможные «блуждания», связанные с отходом от марксистского метода в понимании исторического процесса, с внедрением в социал-демократическую среду идей анархизма и бланкизма. Эту точку зрения, не имеющую ничего общего с научным подходом к оценке деятельности Плеханова, особенно настойчиво навязывал читателям еженедельник «Единство» (орган московского комитета организации «Единство»). Один из его авторов, меньшевик-плехановец П. Дневницкий, писал: «...Плеханов — всегда один, цельный и неизменный с первых дней своей сознательной жизни до ее последних дней»⁶. Меньшевистская «Новая жизнь», извещая о смерти Плеханова, провозглашала его первым и до конца жизни крупнейшим теоретиком русского марксизма⁷.

¹ Единство. 1918. 18 (5) июня. № 3. (Вкладка в экземпляре, хранящемся в Библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.)

² Бюле. 1918. № 12 (ка. 6). С. 192.

³ Единство. 1918. 18 (5) июня. № 3. С. 5.

⁴ См.: Новая жизнь (Москва). 1918. 4 июня (22 мая). № 3.

¹ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 150.

² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 324.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 139.

Абсолютно ложное представление о Плеханове как деятеле, который с 1883 по 1918 г. «оставался единственным по своему значению... духовным вождем и теоретиком» российской социал-демократии¹, последовательным марксистом, составляло наиболее распространенную и политически заостренную тенденцию антимарксистской (особенно меньшевистской) историографии 20-х гг. Что же касается группы «Освобождение труда», то она рассматривалась как «зародыш», из которого выросла потом РСДРП², как «первая ячейка нашего пролетарского движения»³, как первоисточник — идейный и организационный — направления, противостоявшего большевизму.

С «теоретическим» обоснованием всех этих тенденций выступил А. Н. Потресов. Этот прикрывавшийся маской «социалиста» идеолог буржуазии пытался доказать, что Плеханов, с одной стороны, заключительное звено в той цепи наших русских «просветителей», наших вестников Европы, которая скреплена именами Белинского и Чернышевского, а с другой — представитель единственно правильной, ортодоксально-марксистской линии всей международной социал-демократии («в современном европейском понимании этих слов»). В нем, следовательно, скрестились две линии развития — «сформировавшейся русской идейной и просветительской традиции и мирового социалистического рабочего движения», что и указывает на «огромность плехановской исторической миссии»⁴.

В соответствии с этим Потресов провозгласил Плеханова величайшим из идеологов европеизации России⁵. Молодой Плеханов выступил «вестником русской Европы и, как таковой, победил нашу Азию в лице ветхозаветного полуанархического, полужюкобинского народничества...»⁶. Тем самым был зафиксирован переход на путь решительной и бесповоротной европеизации в области идеологии.

¹ См.: Дело, 1918. № 11—12. С. 7.

² См.: Базаров В. Памяти Плеханова // Новая жизнь (Москва). 1918. № 3.

³ См.: «Призыв комитета по увековечению памяти Плеханова», подписанный Л. Г. Дейчем. (Отдельная вкладка в еженедельнике «Единство» № 3 за 1918 г., хранящемся в Библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС.)

⁴ Потресов А. Г. В. Плеханов // Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 183—184.

⁵ См. там же. С. 191.

⁶ Потресов А. Историческая роль Плеханова // Дело. 1918. № 11—12. С. 3.

Что же касается «области практического движения», то намеченный Плехановым курс (свержение царизма и утверждение в России «начал демократического правопорядка») обусловил единственно правильное, с точки зрения автора, решение вопроса о «диспозиции сил» в его осуществлении. Историческое, общенациональное значение Плеханова, утверждал Потресов, в том и состояло, что он выяснил взаимозависимость «либерально-буржуазной и демократически-социалистической» частей России, подвел их друг к другу, обосновал «национальные общеклассовые задачи» страны, установил вехи «национального всенародного движения»¹.

Как видим, историческую заслугу Плеханова Потресов сводил к обоснованию программы и тактики меньшевиков-ликвидаторов. Здесь будто бы лежала предусмотренная Плехановым «магистраль общественного развития России», и на ней он стоял непреклонно, допуская, впрочем, ложные шаги и колебания в частных вопросах (например, порой «сходился с большевиками» и видел врагов в «ликвидаторах» — «вместо того чтобы распознать в них друзей...») ².

Доказывая неизменность позиции Плеханова в решении всех главных вопросов революционного движения в России на протяжении 1883—1918 гг., Потресов, как и прежде, извращал его общественно-политические позиции 1883—1903 гг., прямолинейно сближал их с меньшевизмом. Он признавал, что в первые 10—15 лет «напряженность плехановского творчества достигла своей максимальной высоты, своей точки кипения...». Но это признание отнюдь не было следствием выявления действительных позиций Плеханова. Напротив, Потресов доказывал, что именно в эти годы Плеханов дал «заключенный круг идей» меньшевизма³. Социал-шовинист, давно изменявший делу рабочего класса, он утверждал, что «естественным резюме» жизни Плеханова, «кульминационной точкой всей его деятельности» был период мировой войны и революций 1917 г. «Никогда Плеханов не был так велик, — писал он, — никогда Плеханов не доказал в такой степени политического ясновидения, как в эти страшные, ответственные дни...»⁴.

¹ См.: Потресов А. Историческая роль Плеханова. С. 2.

² Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 190.

³ См. там же. С. 186—187.

⁴ Там же. С. 190.

Потресов не мог не признать того факта, что Плеханов оказался за бортом корабля российской революции. Но эту драму «идеолога европеизации России» он объяснил с сугубо контрреволюционных позиций трагедией «самого процесса этой европеизации...». Плеханов, по мысли автора, недооценил проникновение «старых мотивов народничества в марксизм», то азиатское, народническое, что по инерции вошло в политическую жизнь России и в лице большевиков взяло свой реванш¹. «...Умиравшего Плеханова, — утверждал Потресов, — доконил воскресший в лице Ленина анархист Бакунин... Плеханов погиб, потому что в России торжествует временно Азия»².

Характерно, что Потресов при этом ссылался на плехановскую концепцию исторического развития России, изложенную в его незавершенной «Истории русской общественной мысли». Эта концепция, писал он, «помогает нам и в данное время понять трагедию Плеханова: трагедию русской европеизации». Озлобленный враг Советской власти выражал еще надежду на встречный удар Европы (читай: объединенных сил контрреволюции), который выпрямит дорогу российского прогресса, «восстановит разрушенное дело Плеханова»³. Понятно, что Потресов весь «смысл исторического существования Плеханова как русского деятеля» видел в том, что последний отрицал путь, который привел к Октябрю 1917 г., отрицал саму Россию, прошедшую будто бы «через большевистскую ликвидацию демократических завоеваний революции» и созревшую якобы для реставрации⁴.

Таким образом, грубо извращая общую картину идейной эволюции Плеханова, Потресов выдвигал «концепцию», отражавшую политические вождения русской буржуазии, которая «не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства»⁵. Пророча близкое «крушение большевизма» и одновременно пугая массы «ужасами реакции», которая может за этим последовать, меньшевистские лидеры развивали идею «единого демократического фронта» в качестве еще не испробованной комбинации общественных сил⁶, способных обеспечить «прогресс отечественной цивилиза-

¹ См.: *Былое*. 1918. № 12 (кн. 6). С. 191.

² *Дело*. 1918. № 11—12. С. 3.

³ *Былое*. 1918. № 12 (кн. 6). С. 192.

⁴ См.: *Дело*. 1918. № 11—12. С. 2.

⁵ См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 38. С. 190.

⁶ См.: *Рабочий Интернационал*. 1918. № 1. Стб. 32.

ции» на путях «буржуазно-конституционного развития». В идейном облачении этой контрреволюционной «комбинации», будто бы равно враждебной и большевизму, и реакции, центральное место должен был занять всегда равный самому себе плехановский «европейский социализм».

Это была ставка на так называемый «третий» путь, «третью силу», о которой, как говорил Ленин, могли «болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы»¹. На идее «третьего» пути сомкнулись политические интересы меньшевиков и правых эсеров. Выдвигаемое меньшевиками оппортунистическое наследие Плеханова в виде идейного флера, своего рода ширмы, прикрывающей их пособничество помещикам и капиталистам, мало смущало лидеров правых эсеров. По-своему истолковывая позицию, занятую Плехановым после Октября 1917 г., и припоминая его знаменитое выступление на II съезде РСДРП о законности временного ограничения того или другого демократического принципа, если бы это потребовалось для торжества дела революции, они устами В. М. Чернова объявили основателя группы «Освобождение труда» «духовным отцом» большевиков и левых эсеров². Прислужники контрреволюции, они охотно «отдавали» Плеханова большевикам, поскольку свою «родословную» вели от Герцена и Чернышевского, представления которых о русской революции ничуть якобы не противоречили исторической теории Маркса, являлись «простым применением» ее к русской действительности. Ничего не почерпнув из опыта трех российских революций, Н. И. Ракитников, например, заявлял, что «Маркс принадлежит нам не в меньшей степени, чем марксистам. Если марксисты были ближе к букве Маркса... то мы были ближе к революционному духу Маркса и его учения»³.

При подобном подходе к делу правые эсеры могли спокойно относиться к попыткам меньшевиков превратить идеи и имя Плеханова в знамя борьбы с Советской властью и столь же спокойно закрывать глаза на меньшевистскую трактовку соотношения ленинизма и народничества. Идеи разногласия между меньшевиками и эсерами полностью стирались перед заманчивой перспективой опрокинуть «анархо-большевизм» с помощью объединенных уси-

¹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Т. 43. С. 240.

² См.: *Чернов В. М. Право революционной диктатуры // Дело народа*. 1918. 3 января. № 1 (246).

³ *Ракитников Н. Маркс и революция // Дело народа*. 1918. 4 мая (21 апреля). № 35.

лий «демократической» контрреволюции. И те и другие, писал В. И. Ленин, «играли роль пособников монархии, как прямых... так и прикрытых (наиболее «тонкая» и наиболее подлая позиция Черновых и Мартовых, которые якобы умывали руки, а на деле работали пером против нас)»¹.

Гальванизируемый Потресовым и другими меньшевиками старый ликвидаторский хлам — противопоставление «европейского марксизма» Плеханова учению Ленина — усердно тащила на страницы послеоктябрьской меньшевистской периодики А. С. Мартынов, сделавший последнюю попытку придать своим взглядам подобие исторически обоснованной «концепции». Исходная позиция автора проста: русский марксизм связан исторической преемственностью с западничеством, народничество же — со славянофильством. Современная борьба между меньшевиками и большевиками — лишь «новая вариация на старый спор»: это борьба между западноевропейским марксизмом, приспособленным к русским условиям (т. е. меньшевизмом), и его «самобытным, истинно русским искажением» (т. е. большевизмом). В историческом разрезе путь к современному меньшевизму Мартынов, не утруждая себя доказательствами, очертил прямой линией через Белинского, Чернышевского и Добролюбова «к Плеханову («старой марки») и к Аксельроду...». Другой путь — «через Герцена... усвоившего некоторые существенные черты славянофильства», через Бакунина, революционных народников 70-х и 80-х гг. к эсерам «и, околицей, к большевикам...»².

В этой фальсификаторской схеме, политическая подкладка которой очевидна, нет даже и тени оригинальности: Мартынов повторял зады буржуазно-либеральной историографии, в частности проводившееся В. Я. Богучарским противопоставление «политического реализма» меньшевиков «социальному утопизму» большевиков³. Выкладки Мартынова, демонстрировавшие зависимость мелкобуржуазной исторической мысли от буржуазной историографии, в новых исторических условиях были жалкой попыткой прикрыть «социалистической» фразеологией свое

идейно-политическое банкротство, с одной стороны, а с другой — внести свою лепту в идеологическую подготовку контрреволюционного буржуазного рванша.

Политический смысл статьи Мартынова сводился к попытке внушить читателям мысль о том, что большевики «всегда упрощали марксизм и принижали его до уровня российской азиатчины», что в лице ленинизма «последней октябрьской формации» «русский марксизм пошел на смарку и русское революционное движение, по своим методам, как будто вернулось к временам Ткачева и Бакунина»⁴. Проводя нелепую мысль о том, что социальной почвой ленинизма являлась анархическая крестьянская стихия, сближая большевистскую политику и тактику с нечаевско-бакунинским экстремизмом⁵, Мартынов, как и Потресов, смыкался с идеями таких идеологов контрреволюционного кадетизма, как Н. А. Бердяев, А. С. Изгоев и др.⁶

Следуя меньшевистской историографической традиции, Мартынов вслед за Потресовым выпячивал «европеизм» Плеханова, противопоставляя его учению Ленина. Если Потресов упрекал Плеханова в недооценке проникновения старых народнических идей в марксизм⁷, то и Мартынов проводил, по сути дела, ту же мысль, говоря, что противоположность ленинизма и марксизма «ускользала от внимания даже наиболее последовательных и выдержанных марксистов искровского периода — П. Аксельрода и Л. Мартова...». Автор имел в виду, конечно, и Плеханова, хотя в туманной форме давал понять, что последний в 1901—1903 гг., борясь с «экономизмом», впадал в бакунинские и бланкистские «крайности», от которых П. Аксельрод предостерегал еще в 1898 г. Тактическая линия Плеханова в «Искре» и «Заре» была, с точки зрения Мартынова, менее «выдержанной», чем та, которую «впервые наметил Аксельрод» в своих статьях конца 90-х гг.⁸ Не желая прощать Плеханову его удары по оппортунизму в период борьбы с «экономизмом» и ликвидаторством, его явные уступки большевизму в период ленинской «Искры», Мартынов занялся апологией писаний Аксельрода и меньшевистской тактики в революции в противовес большевизму,

¹ Ленин В. И. Подл., собр. соч. Т. 44. С. 103.

² См.: Мартынов А. Марксизм в России // Рабочий Интернационал. 1918. № 3—4. Стб. 95—96.

³ См.: Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века: Партия «Народной воли»: Ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912.

⁴ Рабочий Интернационал. 1918. № 3—4. Стб. 111—112, 114.

⁵ См. там же. Стб. 112—113.

⁶ См.: Бердяев Н. Идеи и жизнь // Русская мысль. 1918. № 1. С. 104—105; Изгоев А. О заслугах большевиков // Там же. С. 56—57.

⁷ См.: Былое. 1918. № 12 (кн. 6). С. 191.

⁸ См.: Мартынов А. Марксизм в России. С. 106, 108—109.

который он с помощью клеветнических выкладок полностью «отлучал» от марксизма¹.

С позиций воинствующей апологетики Плеханова выступал меньшевик Г. Наумов, претендовавший — без всяких на то оснований — на всеобъемлющий анализ деятельности пионера научного социализма в России. Общее для меньшевиков признание «реакционного значения большевистского переворота»² выступало у Наумова главным основанием полного оправдания идейно-политических позиций Плеханова на протяжении всего 40-летия его деятельности. Для автора Плеханов — единственный вождь русской революционной социал-демократии, идеалом которого была истина, «чистота партийного знамени». Слепленный идеей теоретической и политической непогрешимости Плеханова, Наумов рисовал его деятельность в виде нескольких «циклов борьбы» за единственно правильную «партийную программу и партийную организацию» с различными отклонениями от учения Маркса. По-видимому, что предпринятая им «сводка» философских, экономических и политических взглядов Плеханова оказалась нагромождением бездоказательных умозрений и искажений, обнаруживающих лишь заскорузлую меньшевистскую тенденциозность автора: представляя в едином виде взгляды своих политических противников, он всю свою аргументацию черпал из меньшевистской публицистики своего кумира и распространял выраженные в ней взгляды на период 80 — 90-х гг.

Субъективистская методология, служившая Наумову орудием политических подтасовок, обнаруживала свою полную научную беспомощность, как только он прикасался к анализу эволюции общественно-политических взглядов Плеханова. Он утверждал, что последний усвоил учение Маркса еще в землевольческий период, организацию «Черный передел» объявил стоящей «на почве научного социализма», а плехановский проект программы 1883 г. — «синтезом экономических стремлений народничества и политического радикализма «Народной воли»³. В соответствии с этим Наумов грубо извратил основные идеи произведений Плеханова 80 — 90-х гг. во имя «доказательства» того, что лидер группы «Освобождение труда» открыл

единственно правильную «формулу русской революции», ставшую выражением ее «общенационального характера». Автора особенно умиляло то, что Плеханов, по его словам, увидел «творческую политическую роль промышленной буржуазии», а в 1914 г. «выступил в качестве пламенного патриота и проводника национальной коалиции»⁴.

В 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма» было опубликовано письмо «Г. В. Плеханов не переставал быть марксистом», подписанное от имени «Комитета по увековечению памяти Г. В. Плеханова» Л. Аксельрод (Ортодокс) и Л. Г. Дейчем. Поводом для письма явилось опубликованное обращение Исполкома Коминтерна «К рабочим всех стран», в котором содержалась фраза: «...еще покойный Плеханов, когда он был марксистом...» Упомянутый комитет нашел эту фразу неверной и оскорбительной как для памяти Плеханова, так и для его друзей и единомышленников. Рабочие, по мнению авторов письма, «не зная в точности взглядов... Плеханова», могли поверить, что «основоположник марксизма в России потом изменил ему, что, конечно, абсолютно не верно». И далее утверждалось, что Плеханов «до гробовой доски... остался верен взглядам основателей научного социализма, усвоенным им в юности и неизменно проповедуемым в течение почти сорока лет»⁵.

Это письмо, начисто отвергавшее ленинские взгляды на изломы идейно-политической биографии Плеханова, не получило своевременного отпора со стороны историков-марксистов и лишь позднее было справедливо оценено как «прямая меньшевистская вылазка, прямое меньшевистское обращение против воззвания Коминтерна...»⁶.

Более тонко, избегая грубых выпадов против большевизма, но с тех же идейных позиций писал о Плеханове Н. И. Иорданский. Он стремился рассеять «предрассудок», будто Плеханов «допускал искусственное усечение поднимающейся линии революции и считал возможным ограничение революционной стихии...». В противовес этому «предрассудку» старый меньшевик пытался доказать недоказуемое: что русская революция «так же не отступила от схемы

¹ Наумов Г. Г. В. Плеханов (1857—1918): Научная деятельность. Политические взгляды. Партийная деятельность. С. 38—40, 42.

² Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 155. «Комитет по увековечению памяти Г. В. Плеханова», возникший летом 1918 г. по инициативе Л. Г. Дейча и Р. М. Боград-Плехановой, ставил своей целью содействовать «широкому распространению взглядов Плеханова, а также созданию всякого рода просветительных учреждений», которые должны были носить его имя.

³ Под знаменем марксизма. 1932. № 3—4. С. 23.

¹ См.: Мартынов А. Марксизм в России. С. 107—114.

² См.: Наумов Г. Г. В. Плеханов (1857—1918): Научная деятельность. Политические взгляды. Партийная деятельность. Киев, 1919. С. 37.

³ Там же. С. 51—55.

Плеханова 1916 года, как она не отступила и от его схемы 1889 года»¹. «Основоположник великой борьбы русского пролетариата», утверждал он, до конца своих дней оставался марксистом и диалектиком, чуждым каких-либо «жирондистских» изгибов, и вся его революционная борьба последних тридцати лет и ее окончательное торжество над силами старой России совершились так, как он предвидел.

Это была явная фальсификация, отразившая еще не оставшие надежды автора и его единомышленников на то, что в «исторической перспективе» Плеханов и русская революция «согнутся в единое и неделимое целое», поскольку все разногласия его «с другими вождями революции» не касались «самого здания» (т. е. конечного торжества социализма)². Естественно, что плехановскую критику большевизма, подобно Потресову и другим меньшевикам, он возводил в ранг высшей «революционной целесообразности», которая, дескать, пробьет себе дорогу в дальнейшем развитии революционного процесса.

Несколько страниц группе «Освобождение труда» и Плеханову посвятил Н. А. Рожков в своей «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». Проследив «идеологические новшества» группы на основе ее программных документов и первых марксистских работ Плеханова, он оценил их как «поворотный пункт, переход к научному социализму». «Огромную важность» плехановского творчества он видел в том, что им были заложены «теоретические основы новой революционной партии в России, которой принадлежало будущее». Но анализ этих «основ» в книге Рожкова не отличался глубиной, как и его попытка специально заняться «обследованием мало разработанного и спорного вопроса» об идейном и организационном влиянии группы «Освобождение труда» на становление социал-демократического движения в России. Эта попытка, основанная на крайне ограниченном круге литературы и источников (главным образом мемуарных), привела историка к выводу о том, что два социал-демократических течения (заграничное и внутреннее) возникли независимо друг от друга, не были созданы одно другим³.

¹ Норданский Н. Основоположник русской революции: (К 4-летию смерти Плеханова) // Историко-революционный вестник. 1922. № 1 (4). С. 8.

² См. там же. С. 6—7, 11.

³ См.: Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Л.; М., 1925. Т. 11. С. 332—333, 337, 346.

В этом отношении автор, по сути дела, повторил точку зрения, уже высказанную ранее В. И. Невским и некоторыми другими историками. Подчеркивая историческую обусловленность появления марксизма на русской почве, Рожков не только полностью отрицал влияние группы «Освобождение труда» на социал-демократические организации 80-х гг., но и весьма своеобразно решал вопрос о ее роли в теоретическом основании русской социал-демократии. Он утверждал, что «внутренние организации внесли на своих плечах и выработку идеологии, программы, тактики, и всю организационную работу и только потом уже воспользовались плодами работы группы «Освобождение труда», которая окончательно довершила процесс развития социал-демократических воззрений и организаций в России уже в 90-х годах»¹.

Эта мысль, ошибочно трактованная соотношение между идейным развитием группы «Освобождение труда» и развитием социал-демократических организаций в самой России, ясно свидетельствует, что Рожков в несколько завуалированной форме проводил ту свойственную всей меньшевистской историографии точку зрения, которая игнорировала нерасторжимую связь качественно новых явлений в развитии российского социал-демократического движения с теоретической и практической работой В. И. Ленина. Конечно, в условиях, когда в советском общественном сознании постепенно утверждался взгляд на ленинизм как высшее достижение в творческом развитии марксизма применительно к новой эпохе, Рожков не мог обойти молчанием эту сторону дела; он попытался даже представить деятельность Ленина «в некоторой цельной картине».

Картина эта оказалась, однако, искаженной. Выясняя «главные отличия» движения 90-х гг. по сравнению с 80-ми гг., Рожков не сумел выяснить роль Ленина в переходе социал-демократического движения в России на качественно новый уровень. Он преувеличил значение брошюры «Об агитации», допустил грубые ошибки в изложении истории создания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», причем дал понять, что направление его деятельности почти целиком определялось группой «Освобождение труда»². Подобный подход Рожкова к проблеме определил его крайне поверхностный

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Т. 11. С. 346—347.

² См. там же. С. 355—356.

анализ первых крупных работ Ленина: он не увидел в них ни творческого развития теории Маркса, ни тем более мастерского применения его критического и революционного метода — материалистической диалектики — к специфическим условиям социал-демократического движения в России.

Таким образом, подлинно научного подхода к вопросу о роли группы «Освобождение труда» в развитии русского социал-демократического движения Рожков не нашел, и не мог найти: над ним явно тяготела меньшевистская историографическая традиция, хотя в трактовке некоторых моментов он и пытался выйти за ее пределы.

Печать меньшевистских представлений о роли и значении Плеханова в истории российской социал-демократии лежит и на работах Б. И. Горева. Право Плеханова на «бессмертие» он обосновывал тем, что «основоположник русского марксизма и основатель русской социал-демократии» при всех колебаниях в вопросах тактики, при всех отступлениях в своей практической деятельности от подлинного духа революционного марксизма оставался «истинным продолжателем дела Маркса и Энгельса», теоретиком, который не имел себе равного. Автор утверждал, что Плеханов «никогда не был изменником рабочему делу, делу всей своей жизни и до последнего вздоха оставался революционером в теории и на практике»¹.

В угоду этому исторически фальшивому выводу Б. И. Горев оправдывал даже переход Плеханова на позиции социал-шовинизма, хотя и оценивал этот шаг как «роковое падение». Грубые противоречия автора были прямым следствием его политической позиции. Утверждая, что Плеханов «по основным своим убеждениям» мог бы примкнуть к Советской власти, он обнаруживал эту позицию с полнейшей ясностью, добавляя: «Но от нового падения его на этот раз спасли революционный такт и революционная диалектика марксизма...»², т. е. как раз то, в чем Горев отказывал, вопреки элементарной логике, большевикам. Плеханов, как продолжатель и истолкователь Маркса, для него был «всегда общепризнанным учителем всей русской социал-демократии, без различия фракций и течений...»³.

¹ Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. М., 1923. С. 20, 50—51; *Его же*: Г. В. Плеханов. 2-е изд. М., 1925. С. 63. В. И. Неакий дал явно заниженную оценку этой работе (см.: Печать и революция, 1926. Кн. 2. С. 143—144).

² Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. С. 47, 56.

³ Горев Б. И. От Томаса Мора до Ленина, 1516—1917. 2-е изд. М., 1922. С. 104—105.

Эта точка зрения открывала широчайший простор как для безудержной апологетики Плеханова, так и для извращения теоретической деятельности его противников, прежде всего большевиков, В. И. Ленина.

Естественно, что автор даже не приблизился к научному определению места Плеханова в истории русской общественной мысли. Во многом он шел по стопам Потресова. Но важно отметить, что он, в отличие от тенденциозных постановок меньшевистских историков, проводил не менее тенденциозную и столь же вредную с политической точки зрения мысль, будто между Плехановым и Лениным даже в 1914—1917 гг. имелось «большое духовное родство» (и тот и другой якобы одинаково смотрели на общественную деятельность, признавали принцип «цель оправдывает средства» и т. п.)⁴. Исходя из этого, Горев насаждал получившую широкое распространение в историографии 20-х гг. тенденцию, сводившуюся к утверждению, что «русский большевизм является в значительной мере продолжением и применением на практике... идей Плеханова...»⁵. В этой связи автор указывал на относящиеся к 1900—1901 гг. работы последнего, забывая о том, что генезис большевизма невозможно представить без учета ленинских работ 90-х гг. Впрочем, эта «забычивость» была следствием того, что Ленина Горев рассматривал лишь как ученика и последователя Плеханова в области теории⁶.

Судя по всему, мысли Б. И. Горева вращались в кругу тех порочных идейно-политических установок, которые были нацелены на то, чтобы сугубо предвзятой интерпретацией политических идей Плеханова размыть грани, отделяющие большевизм от меньшевизма, а в конечном итоге ревизовать ленинизм. В этом отношении «идеи» Горева не отличались новизной. Еще в 1918 г. в кратком извещении редакции «Правды» о смерти Плеханова содержалась двусмысленная и туманная фраза о том, что именно «его трудами было подготовлено для русского пролетариата великое учение научного социализма»⁷. Тогда же Г. Е. Зиновьев, приписывая Плеханову «блестящее обоснование

⁴ См.: Горев Б. И. Первый русский марксист Г. В. Плеханов. С. 49.

⁵ Горев Б. От редакции // Г. В. Плеханов. В защиту революционного марксизма: Сб. статей. М., 1922. С. VI.

⁶ См.: Горев Б. И. Г. В. Плеханов. С. 56. Ср.: *Его же*: Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 36—37.

⁷ Правда. 1918. 5 июня (23 мая).

идей гегемонии пролетариата», без обиняков заявлял, что большевики взяли у Плеханова «много не только в обосновании теории марксизма, но и в обосновании тактических идей большевизма»¹. Позднее, в 1923 г., Зиновьев, явно принижая теоретическую деятельность Ленина (Плеханов — теоретик, Ленин — политический деятель), утверждал, что в известной мере Плеханов — «один из основоположников большевизма»². Зиновьеву вторил Г. Сафаров, объявивший Плеханова «верным рыцарем марксистской мысли», «предтечей большевизма», для которого будто бы именно он «выковал и применил к русским условиям лучшее теоретическое оружие»³.

Мысль о Плеханове как основоположнике идей большевизма и предтече III Интернационала постоянно мелькала на страницах партийной периодики. Так, редакция «Спутника коммуниста», выпуская специальный номер, посвященный преимущественно борьбе Плеханова с ревизионизмом, предварила опубликованные в нем статьи предисловием, в котором говорилось: «На почве российской действительности Плеханов положил первые краеугольные, фундаментальные камни того здания революционного марксизма, которое — сперва в России, а потом и во всем мире — получило название большевизма. 40 лет тому назад Плеханов начал ковать революционную мысль пролетариата, в те годы он, поистине, был «властителем дум» авангарда рабочего класса. Поэтому Плеханов является предтечей III Интернационала...»⁴. Под эти безудержные преувеличения, начисто исключавшие роль Ленина в творческом развитии марксистской теории, подводилось своего рода «философское обоснование»: А. М. Деборин, например, утверждал, что только благодаря Плеханову «марксизм вышел неповрежденным из всех «критических» испытаний и превратился в широкое научно обоснованное мировоззрение», что плехановское направление «является единственно выдержанным и цельным во всей литературе марксизма»⁵. Так в советской историографии начала формироваться антинаучная, ревизионистская по своей сути историографическая тенденция, получившая наиболее полное выражение в работах В. Ваганяна.

¹ Правда. 1918. 7 июня (25 мая).

² См.: Зиновьев Г. История РКП(б). М.: Пг., 1923. С. 140.

³ Сафаров Г. Предтеча большевизма // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 141—142.

⁴ Спутник коммуниста (Москва). 1923. № 24.

⁵ Деборин А. Вместо статьи // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 12.

Большое идейное влияние на Ваганяна оказал Д. Б. Рязанов, под редакцией и с предисловиями которого печаталось собрание Сочинений Плеханова. Игнорируя ленинский анализ мировоззрения и идейно-политической биографии последнего, Рязанов предлагал читателям собственную схему. В деятельности Плеханова он выделял три периода: «...первый, подготовительный, в течение которого Плеханов превращается из революционного народника в революционного марксиста (1878—1882 гг.); второй — от 1883 до 1914, — в течение которого основоположник русского марксизма, несмотря на разные колебания, остается в революционных рядах, и третий — от 1914 до 1918, когда он расходится даже с меньшевиками и терит почти всякую связь с рабочим движением»¹. Д. Б. Рязанов, следовательно, стирал ту грань, которая отделяла Плеханова — революционного марксиста от Плеханова-меньшевика.

Эта схема, открывавшая широкий простор для приписывания роли Ленина в разработке теоретических и программно-тактических основ партии нового типа, стоит в прямой связи с теми положениями, которые Рязанов выдвигал задолго до Октябрьской революции и лишь повторил в 1918 г. Категорически утверждая, что учителями русской социал-демократии 90-х гг. являлись Каутский и Плеханов, он писал: «...без той решительной поддержки, которую Плеханов вместе с группой «Освобождение труда» оказал «искровцам», то течение, которое в русской социал-демократии стало известно под названием «ленинизма» или «большевизма», никогда не могло бы приобрести того авторитета, каким оно пользовалось и пользуется в рабочих массах»². Отсюда и следовала мысль автора о том, что Плеханов «десять лет» был вождем рабочего класса России, а разногласия с большевиками — всего лишь естественное отчуждение между Плехановым-теоретиком и революционером-практиком³. В 1922 г. Рязанов, полностью смыкаясь с Дебориным в своем стремлении приписать роль Ленина в развитии марксистской философии, утверждал, что во всей международной марксистской литературе, после Маркса и Энгельса, нет ни одного произве-

¹ Рязанов Д. Предисловие редактора // Г. В. Плеханов. Соч. М., 1922. Т. 1. С. 6.

² Рязанов Д. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Вестник профессиональных союзов. 1918. № 2. С. 2.

³ См. там же.

дения, которое могло бы сравниться с философскими работами Плеханова по эрудиции и блеску изложения¹.

Ошибочные выкладки Б. Горева, А. Деборина, Д. Рязанова стали для Ваганяна своего рода отправной точкой, позволявшей ему возводить теоретические и политические взгляды Плеханова в ранг большевизма. Еще в 1922 г., подчеркивая свою солидарность с Б. И. Горевым, он утверждал, что не только российский большевизм, но и мировое коммунистическое движение является единственным продолжением, «лучшим и последовательнейшим развитием плехановских традиций»². Если учесть, что под «традициями» автор прямолинейно понимал постулируемую им общность идейно-теоретических взглядов Плеханова, с одной стороны, и большевиков как его последователей и учеников — с другой, то станет понятным и тот факт, что даже идею создания партии нового типа он приписывал Плеханову, совершенно неосновательно ссылаясь на его «Комментарий к проекту программы РСДРП», опубликованный в № 4 «Зари»³.

В 1924 г. Ваганян опубликовал книгу о Плеханове⁴, в которой, по словам Е. М. Ярославского, «высказался со всей полнотой»⁵. Действительно, вся его книга была нацелена на доказательство приоритета Плеханова в обосновании идей большевизма. Рассматривая проблематику соотношения социализма и политической борьбы в самом широком аспекте (организация политической борьбы рабочего класса, гегемония пролетариата, отношение пролетариата к либеральной буржуазии и мелкобуржуазной демократии), Ваганян сделал вывод о том, что Плеханов по всем указанным вопросам выступал как представитель «самого последовательного революционного воззрения», а самое главное — «прямым и непосредственным подготовителем российского большевизма, — все элементы его учения о социализме и политической борьбе вошли неприкосновенно в идеологию нашей партии и составляли основу нашей тактики, начиная со II съезда»⁶.

¹ См.: Рязанов Д. Предисловие редактора. С. 6.

² Румин В. (Ваганян), Рец. на сб. статей Плеханова «В защиту революционного марксизма» // Под знаменем марксизма. 1922. № 7—8. С. 183—184.

³ См.: Ваганян В. Борьба Плеханова с экономизмом // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 42.

⁴ Ваганян В. Г. В. Плеханов. М., 1924.

⁵ Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну // Большевик. 1926. № 18. С. 81.

⁶ Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 252.

В духе этой установки Ваганян трактовал решение Плехановым вопроса о гегемонии пролетариата в предстоящей буржуазной революции. Утверждая, что идея гегемонии пролетариата была провозглашена уже в первых марксистских выступлениях Плеханова как нечто неизбежное и объективно обусловленное, Ваганян проводил ошибочную мысль, что уже в силу этого принципиально не начало и направление в правильном решении вопроса об отношении к либеральной буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и крестьянству¹. Тем самым автор недвусмысленно давал понять, что Плеханов правильно решал вопрос о расстановке классовых сил в российской буржуазной революции, и на этой основе разработал тактическую линию, принятую большевизмом.

В том же ключе Ваганян рассматривал и взгляды Плеханова на аграрно-крестьянский вопрос. Признавая на словах заслуги Ленина в разработке этого вопроса, автор тем не менее сводил их на нет субъективистской интерпретацией отдельных плехановских положений, позволявшей утверждать, что «Ленин унаследовал от Плеханова основные элементы своей грядущей аграрной политики»².

Таким образом, по мысли Ваганяна, к началу XX в. Плеханов предложил «напоследовательно революционное решение» всех основных вопросов, стоявших перед российской социал-демократией, дал единственно правильную разработку программных, тактических и организационных принципов пролетарской партии. Оставалось только «подвести итог и создать некий кодекс своих теоретических и тактических воззрений», что и было сделано на II съезде РСДРП³, принявшем Программу, единственным творцом которой Ваганян считал Плеханова⁴. Отделяя большевизм от учения Ленина, Ваганян не остановился перед утверждением, будто «Искре» «было уже не до теории», что она ограничивалась приложением теории «к потребностям практической политики», чем опять-таки занимался прежде всего Плеханов⁵. На долю Ленина автор оставлял лишь практическую работу по осуществлению «наиболее важных» теоретических и программно-тактических установок Плеханова.

¹ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 202.

² Там же. С. 249.

³ См. там же. С. 174.

⁴ См.: Материалист (Ваганян), Ответ Н. Бабахалу // Под знаменем марксизма. 1923. № 4—5. С. 262.

⁵ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов. С. 198—199.

Книга Ваганяна о Плеханове (как и серия последовавших за ней брошюр и статей) представляла собой опасную с политической точки зрения диверсию против учения В. И. Ленина. Ее выход в свет совпал с очередной атакой Троцкого на ленинизм, попытками фракционеров идейно разоружить рабочий класс и его партию с помощью фальсификации ее истории, ее идейно-теоретических основ. «Отдавая» Плеханову всю сумму идей большевизма, Ваганян объективно способствовал попыткам меньшевиков и троцкистов умалить значение ленинизма как нового этапа в творческом развитии марксизма, что не могло не встретить решительного отпора со стороны историков партии.

Правда, решительную отповедь извращениям проблемы «Ленин и Плеханов» они дали, к сожалению, не сразу. Для этого надо было глубоко осмыслить ленинскую концепцию истории РСДРП, решить проблему генезиса большевизма, с позиций историзма взглянуть на ленинскую оценку деятельности Плеханова и его группы, а также поставить указанную проблему в связь с борьбой не за пролетарскую партию вообще, а за партию нового типа. Но не сразу историки и публицисты нашей партии уяснили до конца значение установленного Лениным рубежа, отделяющего «старого» Плеханова от Плеханова-оппортуниста (правда, и в меньшевизме занимавшего порой «особую позицию»), и потому они еще известное время могли мириться с рязановской периодизацией политической деятельности «первого русского марксиста», преувеличивать роль группы «Освобождение труда» в создании РСДРП.

Так, А. В. Луначарский в 1918 г., анализируя зигзаги политической дороги Плеханова, давал понять, что он вплоть до 1914 г. оставался, в сущности, на позициях революционного марксизма, что только мировая война «искалечила его», «убила в нем социалистическую душу и подменила ее душой социал-патриотической», в силу чего буржуазия — от Суворина до Гиппиус — признала его «своим». Полагая, что Плеханов — «герой революционного духа» — сбился с правильного пути лишь за несколько лет до своей смерти, автор невольно затушевывал принципиальные разногласия между ним и большевиками в 1903—1914 гг. «Он был с нами, — писал Луначарский. — Все споры, в конце концов, были размолвками: в конце концов, мы были членами одной семьи, патриархом

которой был великий Маркс»¹. Без каких-либо оговорок автор представил большевиков учениками Плеханова, продолжателями «той его постройки, которой он заложил фундамент...»².

В начале 20-х гг. мысль о деятелях группы «Освобождение труда» как «основоположниках русской пролетарской партии», о Плеханове как «родоначальнике большевистской партии» была на какое-то время закреплена авторитетными выступлениями А. И. Ульяновой-Елизаровой, Б. Л. Эйдельмана, В. А. Быстринского и некоторых других партийных историков и публицистов. Даже в 1924 г. А. И. Ульянова-Елизарова писала о Плеханове как о «родоначальнике нашей партии»³. Аналогичными были, по сути дела, и взгляды Эйдельмана. Он настаивал на том, что «1883 год дал начало нашей партии, достигшей полного совершеннолетия» в 1903 г.⁴ В. А. Быстринский также исходил из убеждения, что в трудах группы «Освобождение труда» «был заложен прочный теоретический фундамент для развития пролетарской партии в России». «Критика народничества и применение марксизма к российской действительности — такова громадной важности идейная работа, проделанная основоположниками классовой политической организации пролетариата в России. На теоретическом базисе, созданном трудами группы «Освобождение труда», и развилась рабочая партия в России»⁵. На основе этого положения, как бы «снявшего» вопрос о значении теоретической работы Ленина, автор делал вывод о том, что РКП «ведет свою родословную от группы «Освобождение труда»»⁶.

Попытки наметить пути становления и развития научной идеологии и политики рабочего класса в России вне связи с кардинальной проблемой зарождения большевизма не могли дать методологически выверенных и научно обоснованных решений. Постепенно становилось очевидным, что эти попытки волюно или неволью ведут историков к искажению исторической перспективы в анализе генезиса партии российских коммунистов. Идео-

¹ Луначарский А. В. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Памят. 1918. № 7. С. 3—4.

² Там же.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 254.

⁴ Эйдельман Б. К двадцатипятилетию со дня первого съезда (1898—1923) // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 121, 122.

⁵ Быстринский В. К двадцатипятилетию РКП (1898—1923) // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. С. 136.

⁶ Там же. С. 120.

логические диверсии со стороны остатков разбитых революционной мелкобуржуазных партий (в особенности меньшевиков), которые, спекулируя на имени Плеханова, готовили «идейное поле для откровенно буржуазной контрреволюции»¹, а также наскоки на ленинизм со стороны троцкистов ярко высветили политическую остроту проблемы, связанной с деятельностью группы «Освобождение труда», выдвинули задачу бескомпромиссной борьбы с фальсификацией истории партии вообще, истоков большевизма в частности.

В условиях крайне слабой разработанности ряда общих вопросов генезиса российской революционной социал-демократии «подтягивание» идеологии группы «Освобождение труда» к большевизму в духе Ваганяна могло до определенного времени казаться если не вполне правомерным, то, по крайней мере, вполне безобидным увлечением. Даже Невский первую работу Ваганяна о Плеханове и группе «Освобождение труда», опубликованную в журнале «Под знаменем марксизма» за 1922 г., назвал прекрасной². Очень скоро, однако, он понял связь идеализации Плеханова и его группы с выступлениями антипартийных группировок, нацеленных на ревизию ленинского учения, на противопоставление его «ортодоксальному марксизму», на подрыв ленинской концепции генезиса РСДРП.

Уже в 1924 г. В. Быстрянский указал на «тенденциозное извращение» В. Ваганяном ленинского учения о партии³. Но первый глубоко аргументированный удар по субъективистской схеме Ваганяна нанес А. С. Бубнов. Расценив его книгу как продукт наметившегося ревизионистского отношения к ленинизму, он подчеркнул, что предпринятая автором ревизия роли Ленина в истории русского марксизма неизбежно ведет не только к «неправильному истолкованию различных моментов в истории выработки Лениным основ своего мировоззрения», но и к апологетическому искажению идейно-политических позиций Плеханова по целому ряду вопросов⁴. Привлекая новые документальные материалы, опубликованные

¹ КПСС в резолюциях... 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 462.

² См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 555.

³ См.: Быстрянский В. Обзор литературы о Ленине и ленинизме // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 190.

⁴ См.: Бубнов А. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма: (По поводу книги т. Ваганяна) // Большевик. 1925. № 1 (17). С. 103.

во втором «Ленинском сборнике», Бубнов показал «бесцеремонное и легкомысленное» извращение Ваганяном сущности и характера разногласий между Лениным и Плехановым в период выработки проекта Программы партии, а также действительной роли каждого из них в борьбе с легальным марксизмом и «экономизмом».

Вскрывая порочность методологии и исследовательской методики автора книги о Плеханове, Бубнов писал: «Тов. Ваганян, очевидно, в дни своей юности встал на колени перед Плехановым, и его книга показывает, что и до сих пор он не изменил своей позы. Коленопреклоненный перед Плехановым, тов. Ваганян не в состоянии правильно оценить Плеханова. Одновременно он лишен возможности понять и Ленина»¹. Историк-ленинец справедливо обвинил Ваганяна в том, что он не понял «самостоятельную ленинскую линию еще в «доискровский» и «искровский» периоды развития нашей партии и революционного марксизма в России», не сумел показать, какие плехановские «уклончики» привели Плеханова-«искровца» к Плеханову-меньшевику². При этом важно подчеркнуть, что, говоря об этих обнаружившихся в спорах 1902 г. «уклончиках» Плеханова, Бубнов был весьма далек от того, чтобы «отлучать» его от революционного марксизма.

Статья А. С. Бубнова имела важное значение для правильной постановки вопроса о соотношении взглядов Ленина и Плеханова, особенно если учесть распространяемую в то время среди историков версию о тождестве теоретической базы современного социал-демократизма и ленинизма, тождестве, из которого проистекали будто бы лишь различные практически-политические программы³. Бубнов не противопоставлял плехановский марксизм 80—90-х гг. учению Ленина. Он отмечал как общеизвестную истину, что Ленин начинал не на пустом месте, что он имел предшественников, в числе которых «несомненно стоит и Плеханов»⁴. Но он решительно отметал попытку Ваганяна возвеличить Плеханова за счет извращенного толкования ленинских позиций по кардинальным программным вопросам.

Предпринятый Бубновым обстоятельный экскурс в

¹ См.: Бубнов А. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма: (По поводу книги т. Ваганяна). С. 123.

² См. там же.

³ См., например, предисловие В. В. Святловского в кн.: Бенедикт Каутский. Экономические проблемы современности. М., 1924. С. 6—7.

⁴ Бубнов А. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма. С. 123.

историю разработки первой общепартийной Программы позволил ему обвинить Ваганяна в непонимании того, что в программных спорах 1902 г. Ленин выступал как политический вождь, который вел свою линию в соответствии с требованиями эпохи. С опубликованием новых материалов в «Ленинском сборнике», писал Бубнов, «перед нами в полный рост встала гигантская фигура Ленина, который не только в вопросах политики и тактики, но и в вопросах программы уже тогда фактически стоял во главе, и шел в программных вопросах впереди Плеханова»¹.

Статья А. С. Бубнова имела большое методологическое значение: она ориентировала историко-партийную науку на более глубокое осмысление теоретических вопросов развития марксистской мысли в России, что и позволило бы «дать партийной молодежи такую книгу, по которой она сумела бы как следует, по-большевистски, познать Плеханова и научиться понимать Ленина»².

Резко критиковал «позиции» Ваганяна Е. М. Ярославский. Поводом для его выступления на страницах журнала «Большевик» послужило появление очередной брошюры Ваганяна («Сеятели безграмотности и невежества»), в которой с еще большей настойчивостью пересматривались взгляды Ленина. Е. М. Ярославский полностью разделал прозвучавшую в партийной печати критику этой «вредной тенденции» и еще раз указал, что избранная Ваганяном «схема» с ее основной мыслью о Плеханове как подлинном творце теории большевизма «резко расходится с исторической истиной и в корне противоречит принятому всей партией взгляду»³.

К сожалению, в своей аргументации против ревизионистских выкладок Ваганяна Ярославский пошел по пути усугубления тех недостаточно выверенных и заведомо ошибочных суждений, которые сводились к доказательству «раннего плехановского меньшевизма»⁴. Хотя в ответе Ваганяну Ярославский утверждал, что в учебнике, вышедшем под его редакцией, никто о Плеханове 90-х гг. как меньшевике не говорил, что речь шла только «о выяснении корней, о зародыше меньшевизма»⁵, тем не ме-

¹ Бубнов А. Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма. С. 120.

² Там же. С. 123.

³ Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну // Большевик. 1926. № 18. С. 81.

⁴ См. там же. С. 85. Ср.: История ВКП(б). М.: Л., 1926. Т. 1, вып. 1. С. 175—176.

⁵ См.: Ярославский Е. М. Ответ тов. Ваганяну. С. 85.

нее поиски этих корней привели лишь к неверному истолкованию идейно-политических позиций Плеханова-марксиста, неисторическому отождествлению их с его позднейшими воззрениями. Е. М. Ярославский явно «перетянул лук» в другую сторону, а это неизбежно вело к созданию различных умозрительных построений, что особенно ярко проявилось, как это мы увидим далее, в изучении программно-тактического творчества группы «Освобождение труда».

Таким образом, молодая советская историко-партийная мысль на пути своего развития столкнулась с нацеленной на дискредитацию большевизма фальсификацией марксистского периода деятельности Плеханова и его группы. В новых исторических условиях историки и публицисты правооппортунистического толка направили свои усилия на абсурдную идеализацию Плеханова, на противопоставление его социал-демократического «европеизма» ленинизму, который третировался ими как специфически российский, «азиатское» уклонение от «ортодоксального» марксизма. С другой стороны, ленинизм атаковали представители столь же враждебных ему уклонов в самой партии, что и нашло отражение в ревизионистских попытках превратить Плеханова в «основоположника» большевизма и Коммунистической партии.

Это были две стороны одной медали, ибо и в том и в другом случае мелкобуржуазная сущность наскоков на большевистскую партию вылилась в антинаучную апологию Плеханова. И в том и в другом случае мировоззрение, общественно-политические взгляды и роль Плеханова в создании РСДРП подвергались — на первый взгляд с разных сторон — грубейшему извращению. Плеханов-марксист, который в течение 20 лет (1883—1903 гг.) «не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии»¹, стал объектом политических спекуляций, не имевших ничего общего с подлинно научной оценкой его деятельности.

Советские историки уже к середине 20-х гг. разоблачили классовую природу, политическую подоплеку и полную научную несостоятельность этих ревизионистских спекуляций. Но очевидные успехи в борьбе с антимарксистской историографией раннего социал-демократического движения в России, расчищавшие путь для утверждения ленинской концепции, в условиях ожесточенной классовой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 299.

и внутрипартийной борьбы не сняли ни политическую остроту проблемы, ни разногласия среди историков-марксистов в самом подходе к ее решению. Историкографическая практика вступила в длительную полосу тяжелых испытаний, связанных с постепенным вторжением в историческую науку субъективизма как сущностного выражения идеологии культа личности. Именно это обстоятельство, ставшее барьером на пути дальнейшего освоения ленинской концепции истории РСДРП, породило серьезные «блуждания и шатания» в разработке многих общих и частных вопросов нашей темы.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ 1883—1893 гг.
В УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ

Разве не первая обязанность исследователя истины
прямо стремиться к ней,
не оглядываясь ни вправо, ни влево?

К. Маркс

Общую картину становления и развития советской историографии «утробного периода» невозможно представить во всей полноте без рассмотрения его трактовки в учебной историко-партийной литературе 20—начала 30-х гг. Дело в том, что в процессе развития историко-партийной науки эта литература играла важную роль: она шаг за шагом выдвигала общие, концептуального характера схемы генезиса партии, без чего разработка истории отдельных периодов (а в их рамках — отдельных проблем) была бы чревата беспредметным нагромождением фактического материала, лишённого всякой внутренней цельности. Эти схемы носили во многом априорный характер и в известной мере предваряли исследование эмпирического материала. Понятно, что здесь были неизбежны серьезные расхождения историков во взглядах, колебания и ошибки в решении общих и частных проблем.

Но объективное значение схем, выдвинутых историками партии, состояло в том, что они давали отправные методологические основания для развертывания всего фронта историко-партийных исследований, ибо базировались на достижениях и традициях дореволюционной большевистской историографии и ярко отражали стремление осмыслить и наиболее полно воплотить разработанную В. И. Лениным научную концепцию истории партии.

В связи с этим уже в начале 20-х гг. на первый план выдвинулся вопрос о периодизации истории партии. Он встал перед молодой советской исторической наукой во всей своей методологической заостренности, поскольку в его решении с самого начала ключевое значение приобрела проблема возникновения большевизма и большевистской партии. Эта сложная проблема длительное время являлась своего рода оселком, на котором оттачива-

лась методология исторического анализа в историко-партийной науке. Ее решение предполагало всестороннее осмысление творческого вклада В. И. Ленина в идейную сокровищницу марксизма, определившего новый этап его развития. Без этого нельзя было дать ни адекватную действительности общую картину генезиса РСДРП, ни всестороннюю оценку исторического места и действительного значения первого периода истории российской социал-демократии. Поэтому вопрос о месте, которое отводилось этому периоду в различных схемах периодизации истории партии, имеет важное значение для нашей темы: в известной мере им предопределялся самый подход к оценке основных явлений социал-демократического движения 1883—1893 гг.

Первую попытку создания общей периодизации истории партии предпринял А. С. Бубнов в работе, которая была написана по поручению ЦК РКП(б) и вышла в свет в 1921 г.¹ В истории партии автор выделил «три основных момента»: первый — создание социал-демократической партии, ставящей себе ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой; второй — возникновение и развитие большевизма: борьба внутри социал-демократической партии и рабочего движения двух тенденций, двух направлений, двух партий, т. е. подготовку элементов Коммунистической партии, ставящей своей непосредственной задачей борьбу за социализм; третий — образование Коммунистической партии, борющейся за власть и строящей пролетарское государство.

В соответствии с этим развитие партии Бубнов делил на три периода. Первый, по его мнению, берет свое начало во второй половине 70-х гг. (Южно-российский и Северный союзы русских рабочих) и заканчивается II съездом РСДРП. Второй продолжается с 1903 г. по февраль 1917-го. Третий начинается после Февральской революции и включает все последующее время. Именно в течение этого периода, полагал автор, образовалась Коммунистическая партия, которая сначала вела непосредственную борьбу за власть, а затем, после Октября, строила Советское государство.²

В основу этой схемы положена мысль о возникновении

¹ Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. М., 1921.

² См. там же. С. 5—6.

и развитии партии как закономерном и едином процессе, основными вехами которого являются: революционная социал-демократия, большевизм, явившийся «продолжателем революционного дела социал-демократии», образование РКП как завершение «дела большевизма»¹. Отметив, что партия на протяжении всех трех указанных периодов стояла на признании революционной диктатуры пролетариата и имела конечной целью своей борьбы коммунизм, Бубнов усматривал особенности каждого из них в смене «ближайших задач», которые надо было решать². Тем самым он как бы абстрагировался от анализа внутренних закономерностей развития партии. Это и привело к тому, что в его концепции не было ясного представления о характере создаваемой Лениным партии, четкой картины генезиса большевизма. II съезд РСДРП рассматривался лишь как завершение процесса создания социал-демократической партии; партия большевиков «возникает, складывается и оформляется» лишь в течение 1903—1917 гг., что, в свою очередь, является только подготовкой РКП, которая образуется «после свержения царского самодержавия, после того, как перед пролетариатом встала задача непосредственной борьбы за социализм»³.

Не имея возможности более подробно говорить о концепции Бубнова в целом, остановимся на его трактовке «первого периода» истории партии. Хотя в данном случае автор целиком опирался на ленинскую периодизацию истории русской социал-демократии и цитировал мысль о процессе «утробного» развития партии, он все-таки серьезно расходился с ней в определении хронологических границ, в оценке содержания этого периода. Социал-демократическая партия, по мнению Бубнова, «зародилась в рабочих кружках второй половины 70-х годов». Рабочая струя в народничестве 70-х гг. нашла свое завершение в «Северном союзе русских рабочих», а потому здесь следует искать первые истоки революционной пролетарской партии в России. Но — только истоки, ибо такая партия в то время еще не могла родиться, ее еще «не было и не могло быть». «Социал-демократия возникла в России в 90-х годах, — писал Бубнов, — а оформилась и

¹ См.: Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 42, 44.

² См. там же. С. 38. См. также: Бубнов А. Из истории РКП // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. С. 69.

³ Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 39, 26.

сложилась в с.-д. рабочую партию в 900-х годах...»¹ Очевидно, что при такой постановке вопроса невозможно было дать четкое определение историческому месту и роли социал-демократических групп 1883—1893 гг.

Из этих организаций автор назвал лишь группу «Освобождение труда» и кружок Благоева. Он отвел им промежуточное место на пути «от 70-х годов к 90-м», когда развернулась «кропотливая работа по созданию социал-демократических рабочих кружков», на базе которых сложились «Союзы борьбы». Выдвигая неясный тезис о том, что в 80-х гг. налицо имелись условия для зарождения социал-демократии, но не было еще «всех необходимейших предпосылок», Бубнов тем не менее усматривал в первых марксистских группах и кружках «вполне оформившиеся» зародыши будущей социал-демократической партии. Более того, он утверждал, что группа «Освобождение труда» заложила прочный теоретический фундамент для революционной пролетарской партии и в этом смысле является родоначальницей социал-демократии в России; но этот тезис автор подрывал явным преувеличением теоретической зрелости «Северного Союза русских рабочих» («здесь зародилась социал-демократическая партия»; твердое признание диктатуры пролетариата; «Северный союз» — предшественник коммунизма в России)². В книге прослеживается тенденция рассматривать деятельность группы «Освобождение труда» лишь как продолжение дела и «заветов рабочих групп в «самобытном» социализме 70—80-х годов», завершение периода исканий и борьбы, характерных для рабочих кружков и революционных организаций предыдущего периода³.

В целом же весь первый период истории социал-демократии (с конца 70-х до середины 90-х гг.) Бубнов характеризовал как «процесс высвобождения рабочих групп из-под влияния народнической идеологии». Завершение этого процесса он видел в образовании связанных с массой социал-демократических организаций — «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса»⁴. Очевидно, что проблема рождения русской марксистской мысли как коренного мировоззренческого перелома была еще не вполне ясна Бубнову.

¹ Бубнов А. Основные моменты и развития Коммунистической партии в России. С. 6, 8, 9.

² См. там же. С. 10—11, 8, 40.

³ См. там же. С. 9—10.

⁴ См. там же. С. 39.

Все это снижало значение выдвинутой им общей концепции истории партии. Но, будучи несовершенной в методологическом отношении, она все-таки нацеливала исследовательскую мысль на дальнейшее изучение и освоение ленинской концепции истории партии. Однако это не дает достаточных оснований для утверждения, что уже в первых трудах советских историков партии (в том числе и работе Бубнова) эта концепция «получила обстоятельное воплощение и развитие»¹. О развитии ленинской концепции в данном случае говорить не приходится, а к воплощению ее в историографической практике лежал еще длительный и отнюдь не прямолинейный путь.

В 1924 г. вышли в свет две значительные работы по истории партии — К. И. Шелавина² и В. И. Невского³. Оба автора стремились опереться на концептуальные обобщения работы В. И. Ленина «Что делать?». Но вклад их в разработку темы оказался далеко не одинаковым. В книге Шелавина, которую Невский оценил как «бесспорно недурную»⁴, обращение к ленинской периодизации носило в значительной мере формальный характер: она не была положена в основу ее структуры. Если исходный момент зарождения социал-демократии в России Шелавин определил точнее, нежели Бубнов, то внутренняя история процесса «утробного» развития партии оказалась у него лишенной всякой цельности. Автор фактически ограничил историю первого периода 80-ми гг., превратил первую половину 90-х гг. (со времени голода 1891 г.) в особый период, исходя из убеждения, что «русский марксизм отчеканился лишь примерно ко второй половине 90-х годов»⁵. С этим, видимо, связана недооценка роли группы «Освобождение труда» в теоретическом основании русской социал-демократии. Ее окончательное «отпадение» от народничества и «полное марксистское самоопределение» Шелавин относил лишь к 1888—1891 гг. (т. е. ко времени издания сборников «Социал-демократ»). В еще большей

¹ См.: Маслов Н. Н. Некоторые тенденции развития советской историко-партийной науки в 20-е годы. С. 83—94.

² Шелавин К. И. Рабочий класс и его партия: История РКП. Л., 1924. Вып. 1.

³ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Пг., 1924. Ч. 1.

⁴ Там же. С. 543.

⁵ Шелавин К. И. Рабочий класс и его партия: История РКП. Вып. 1. С. 35.

мере он признавал программные достижения групп Благоева и Бруснева.

Что же касается работы В. И. Невского, то ее следует признать первой крупной попыткой мобилизовать опубликованные и архивные источники для создания истории партии. Автор, по его собственным словам, делил историю партии на периоды, намеченные В. И. Лениным в книге «Что делать?». Но в истолковании этих периодов он допускал серьезные ошибки, поскольку произвольно смешал их внутренние грани, что влекло за собой очевидные противоречия. Так, завершением первого периода он считал создание петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», связывая «возникновение социал-демократии и упрочение ее программы» с началом массового рабочего движения¹. Справедливо считая возникновение и упрочение теории и программы русской социал-демократии «самым важным фактом» первого периода (1883—1894)², Невский практически выносил этот факт за его исторические рамки, нарушая тем самым внутреннюю логику ленинской периодизации.

Казалось бы, с этой точки зрения группа «Освобождение труда» должна была занять в истории русской социал-демократии более чем скромное место. Но на деле получилось нечто иное: полностью согласившись с заключениями, высказанными Д. Б. Рязановым еще в 1902 г., Невский утверждал, что группа «Освобождение труда» совершенно самостоятельно «выковала» теоретическое обоснование программы русской социал-демократии, создала кадры социал-демократической интеллигенции, которые и начали распространять марксистские идеи в среде рабочих. «Начиная с 90-х гг., Плеханов, организатор и идейный вождь группы, надолго становится и идейным вождем российской социал-демократии»³.

Очевидно, что эта оценка несет на себе печать рязановской апологетики Плеханова. Она стоит в явном противоречии со стремлением автора связать упрочение теории и программы русской социал-демократии с выходом книги В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»⁴. Правда, это стремление было лишь декларировано: Невский не сумел

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 519.

² См. там же. С. 339.

³ Там же. С. 338—339.

⁴ См. там же. С. 339.

показать, что с теоретической и организационно-практической деятельностью Ленина связан новый этап не только в борьбе за создание революционной пролетарской партии, но и в творческом развитии марксистской теории, что идейным вождем революционной социал-демократии, не говоря уже о руководстве ее практической деятельностью, с середины 90-х гг. становится В. И. Ленин.

Но важно подчеркнуть, что это не помешало Невскому наметить плодотворную постановку проблемы генезиса большевизма. Полемизируя с Бубновым по существу предложенной им периодизации истории партии, он нашел малоубедительным его довод о том, что период до 1903 г. не знал такого явления, как большевизм. В этой связи он указал, что в работах Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Задачи русских социал-демократов» уже содержался «зачаток позднейших взглядов Ленина, который ведь и является наилучшим выразителем большевизма»⁵.

В целом же В. И. Невскому не удалось дать законченное научное решение проблемы генезиса социал-демократического движения в России. Этому явно мешали, наряду с указанными недостатками в истолковании ленинского Заключения к работе «Что делать?», две исходные позиции, на которых строилась вся его книга: 1) параллельное, независимое друг от друга развитие социал-демократического направления за границей и в России; 2) представление о возникновении и развитии этого направления как эволюционного процесса, истоки которого лежат в идеологии народничества, прежде всего чернопередельчества⁶. И все-таки Невский сумел конкретизировать и наполнить реальным содержанием внутренние периоды ранней истории русской социал-демократии; именно с возникновением группы «Освобождение труда» связать исходный момент ее развития как идейного течения; наметить связанные с деятельностью Ленина сдвиги в социал-демократическом движении 90-х гг. и, что очень важно, в связи с этим поставить вопрос о хронологических рамках становления идей большевизма.

Работа В. И. Невского была сурово встречена научной общественностью. М. С. Ольминский отметил ряд ее общих недостатков и сделал заявление о том, что «Истпарт, ввиду возможных недоразумений», просит не считать ее

⁵ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 519.

⁶ См. там же. С. 178, 520 и др.

«истпартовским изданием»¹. Резкие критические замечания обрушил на Невского Н. Н. Батурич. Помимо различных ошибок «теоретического порядка», он нашел в книге «крайнюю предвзятость и тенденциозность» в освещении мировоззрения отдельных социал-демократических кружков и конкретных исторических деятелей². М. Н. Лядов в специальном письме Ольминскому в суммированном виде изложил допущенные Невским ошибки и заключил, что его книга — «ворох материала, совершенно необработанный, совсем без всякого марксистского анализа»³. М. С. Ольминский в связи с этими выступлениями еще раз заявил, что «книжкой В. И. Невского нельзя пользоваться ни для пропаганды, ни в качестве справочника, без риска впасть в самые грубые ошибки как фактического, так и теоретического характера»⁴. С вершин сегодняшних научных представлений очевидно, что далеко не все критические замечания в адрес Невского были справедливы, хотя впоследствии он сам признавал, что написанное им по истории партии «требует большого пересмотра»⁵ в связи с возросшим уровнем требований к историко-партийной науке.

Работы А. С. Бубнова, К. И. Шелавина и В. И. Невского четко выявили методологические и теоретические трудности в творческом овладении ленинской концепцией раннего социал-демократического движения. Но и дальнейшее движение историко-партийной мысли по этому пути оказалось очень сложным и противоречивым. В этом отношении характерен изданный в конце 1925 г. курс лекций Н. Н. Попова⁶, прочитанных им в 1924—1926 гг. в Харькове. Согласившись с ошибочным утверждением Г. Зиновьева, что с одинаковым успехом можно брать «большое число дат» за исходные для начала истории нашей партии⁷, автор допустил серьезный методологический просчет в решении вопроса об историческом месте группы «Освобождение труда» и других социал-демократических объединений 80 — начала 90-х гг. Поскольку в качестве

¹ См.: Пролетарская революция. 1924. № 5 (28). С. 254. Книга В. И. Невского вышла под грифом Истпарта.

² См. там же. № 8—9 (31—32). С. 149—161.

³ Там же. С. 162—163.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Невский В. История партии как наука // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 88.

⁶ Попов Н. Н. Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). М.: Л., 1926.

⁷ См. там же. С. 3.

даты основания партии был принят 1898 год (I съезд РСДРП), постольку все они оказались за пределами ее истории и рассматривались автором (наряду с народническими организациями!) как «исторические предшественники российской социал-демократии». Собственно историю партии автор начал с 90-х гг., выделив «эпоху подготовки первого съезда», впервые оформившего, по его словам, «всероссийскую партийную организацию»¹.

Оставив за пределами своего внимания ленинские установки, связанные с периодизацией истории партии, Попов не только ни на шаг не продвинулся вперед в решении занимающей нас проблемы, но, напротив, лишь запутал ее. Вопреки своей исходной позиции он объявил группу «Освобождение труда» «первой организационной ячейкой российской социал-демократии»², не сумев, однако, проанализировать и оценить ее теоретическую деятельность с точки зрения создания основ социал-демократического мировоззрения. Поэтому группа Плеханова представляла перед читателями в виде «незначительной секты», не имевшей практически никаких связей с Россией, где, по мнению автора, совершенно независимо от нее шла «маленькая, кропотливая молекулярная работа по заложенной фундаменту будущей пролетарской партии» в разрозненных социал-демократических кружках и группах³.

В последующие издания своего «Очерка» Н. Н. Попов вносил некоторые исправления, свидетельствующие, в частности, о его стремлении уточнить и свою оценку исторической роли группы «Освобождение труда». Объективное представление об этом дает 13-е издание «Очерка», вышедшее в свет в 1931 г. Плехановская группа рассматривается здесь как первая марксистская группа в России, успешная «проделать большую теоретическую работу, наметившую основные элементы программы и тактики будущей рабочей партии»⁴. Хотя автор по-прежнему склонен был видеть в ней носительницу «незрелой теории», соответствовавшей незрелому состоянию рабочего движения, он — в противоречии с этой установкой — считал, что в первых программных документах группы содержался ряд положений, дающих «достаточное право» счи-

¹ См.: Попов Н. Н. Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). 1926. С. 3—4.

² Там же. С. 16.

³ См. там же. С. 20.

⁴ Попов Н. Н. Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). М.: Л., 1931. Вып. 1. С. 23.

гать ее «идейной предшественницей нашей партии»: «...идея гегемонии пролетариата в революционном движении против абсолютизма, завоевание власти пролетариатом как основная цель движения, идея союза рабочего класса с крестьянством, прежде всего с его беднейшей частью, и наконец идея самостоятельной политической партии рабочего класса»¹.

Вместе с тем Попов отмечал, что уже в первых произведениях деятелей группы «Освобождение труда» можно встретить целый ряд неясных формулировок, «сбивающихся к недооценке роли крестьянства в революции против царизма и к переоценке роли буржуазии»². При этом автор весьма путано объяснял эти «неясности»: с одной стороны, отсутствием у Плеханова «достаточного исторического опыта», с другой — «реакцией против народнических иллюзий и результатом алияния буржуазной идеологии на первые шаги теоретической марксистской мысли, зародышем будущего меньшевизма основателей группы «Освобождение труда»³. Ясно, что Попов не сумел удержаться в рамках историзма, делал уступки возобладавшему к началу 30-х гг. субъективистским тенденциям в оценке теоретических достижений группы «Освобождение труда». В последующих изданиях «Очерка» это проявилось с еще большей полнотой.

Противоречиво решались вопросы периодизации истории партии, а в связи с этим — и значения ее «утробного периода» в «Истории ВКП(б)» под общей редакцией Е. М. Ярославского⁴. Всю историю создания партии авторы рассматривали как единый поступательный процесс, основными вехами которого являлись группа «Освобождение труда», петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», I и II съезды РСДРП. Основной идеей, «красной нитью», связывающей эти вехи, выступает «стремление создать отдельную классовую партию пролетариата». В соответствии с этим в книге прослеживается развитие теоретических, тактических и организационных принципов, положенных «в основу создания партии большевиков в главных документах по истории партии, — документах, которые характеризовали этапы движения от первой и второй программы группы

«Освобождение труда» — через «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленина — через Манифест РСДРП I съезда партии — к программе, принятой на II съезде партии, — к оформлению большевистских элементов, создавших кадры будущей ВКП(б)»¹.

Авторы книги не сумели полностью опереться на ленинскую периодизацию ранней истории российской социал-демократии. По сути дела, они выделали из этой истории как единый по своему внутреннему содержанию период 1883—1898 гг. В этот период «укладывается», с одной стороны, «фактическая история РСДРП от группы «Освобождение труда» до I съезда партии (включительно)», а с другой — идейная борьба против либерального народничества и «легальной марксизма» («борьба за идейную и политическую гегемонию пролетариата»), а время «экономизма» и старой «Искры» (1898—1903 гг.) объединяется в один период «разброда и шатаний». Кустарничество, по мнению авторов, не было до конца преодолено и II съездом, который «создал партию»². Недостаточная четкость внутреннего членения истории РСДРП в данном случае очевидна, как очевидна и преувеличенная оценка исторической роли группы «Освобождение труда»: она, по мнению авторов, имела «колоссальное значение в деле создания рабочей партии в России...»³.

В основе этой оценки лежит попытка, правда крайне слабо аргументированная, проследить связь программных положений группы «Освобождение труда» с большевизмом. Так, из плехановской мысли о рабочих как «передовых представителях трудящегося населения России» делался вывод о том, что его группа еще в 1883 г. «делала первый, правда, очень туманный и слабый, намек на роль союза пролетариата и крестьянства в русской революции»⁴. Во втором проекте программы (авторы ошибочно относили его к 1887 г.) усматривались вполне определенно обрисовавшиеся взаимоотношения пролетариата и крестьянства в революции и почти большевистское звучание связанных с ними отдельных мыслей⁵. На этом основании «великой идеей» группы «Освобождение труда», наряду с достаточно выраженной идеей

¹ Попов И. И. Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). 1931. Вып. 1. С. 19—20.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 20, 23.

⁴ История ВКП(б). М.; Л., 1926. Т. 1, вып. 1.

¹ История ВКП(б). 1926. Т. 1, вып. 1. С. 150, 383 и др.

² См. там же. С. 72—141, 216, 220, 348.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ См. там же.

диктатуры пролетариата, объявлялось учение о его гегемонии в русской буржуазно-демократической революции¹.

К тому времени авторы учебника еще не выработали ясного представления о соотношении революционного социал-демократизма доленинского периода с большевизмом. Но, вне зависимости от этой весьма серьезной «издержки», неоспоримой оставалась их мысль о том, что программа группы «Освобождение труда» «была исключительным явлением в 80-е годы», что «ни один социал-демократический кружок не доходил до той степени четкости марксистского сознания, какое обнаружили Плеханов и его сотрудники»². Однако это не помешало авторам рассматривать социал-демократические группы и кружки 80—начала 90-х гг. только как продукт переходной эпохи. «Теоретические взгляды социал-демократов, выраженные в программах, статьях, речах, — утверждает в книге, — почти всегда (даже у группы «Освобождение труда») несут на себе печать незрелости и перемешаны с народническими предрассудками»³. Указание на группу Плеханова в этом контексте никак не согласовывалось с утверждением о ее «колоссальном» значении. Это утверждение авторы подрывали и своим указанием на то, что в 80-е гг. работы Плеханова еще не успели привлечь широкого внимания, что литература его группы «еще не играла большой роли»⁴.

Но этим дело не ограничилось. Исходя из во многом надуманного противопоставления ленинской и плехановской критики народничества, авторы усмотрели в последней «зародыш» меньшевизма в оценке движущих сил русской революции⁵. Обвиняя Плеханова в «шаблонном» применении марксизма к русским условиям, в «академической» критике народничества, авторы первое место в зарождении меньшевистских тенденций у деятелей группы «Освобождение труда» отводили их антинародническим устремлениям, которые привели «к отрицанию революционной роли крестьянства не только в социалистической, но и в буржуазной революции». Ошибочно обвиняя группу Плеханова в том, что она будто бы «проглядела» «демократическую», «положительную» сторону в

народничестве, авторы полностью соглашались с односторонней точкой зрения Н. Н. Батурина об антинародническом по преимуществу содержании ее марксизма и антикрестьянском направлении ее социал-демократической пропаганды⁶.

Одна из причин появления столь серьезных противоречий в учебнике состоит в том, что авторы механически соединили две взаимоисключающие историографические тенденции, наметившиеся в середине 20-х гг.: с одной стороны, ту, которая исходила из признания корней большевизма в программно-тактических установках плехановской группы, а с другой — ту, которая искала в них «зародыши» меньшевизма. Понятно, что концептуальная основа учебника не давала и не могла дать подлинно научной ориентировки для дальнейшего изучения проблемы, ее отдельных сторон. В еще большей мере это относится к суждениям авторов во втором томе учебника, вышедшем в свет в 1930 г. Здесь уже недвусмысленно проводилась та точка зрения, которая представляла Ленина и Плеханова (задолго до II съезда РСДРП!) выразителями двух различных направлений в социал-демократическом движении.

Определенный вклад в разработку рассматриваемых вопросов внес П. Н. Лепешинский. Еще в 1922 г. он опубликовал «Объяснительную записку к программе по истории РКП», представляющую собой научно-методическое руководство для лекторов губернских совпартшкол. В сжатой, конспективной форме автор изложил свои взгляды на поступательное движение революционной мысли России от народничества к марксизму. Указав на крупнейшие явления в народническом движении и особую постановку вопроса о политической борьбе в программе «Северного союза русских рабочих», Лепешинский подчеркивал, что почва для восприятия марксистских идей была уже подготовлена всем бывшим опытом и неудачами русских революционеров. Появление группы «Освобождение труда» он рассматривал как выражение назревшей необходимости «в образовании специальной лаборатории революционной мысли, в которой марксизм был бы усвоен как новый метод революционной борьбы в России»⁷. Заслугу группы «Освобождение труда» он видел в том, что члены ее (главным образом Плеханов), «вооружившись

¹ История ВКП(б). 1926. Т. 1, вып. 1. С. 241.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 104.

⁴ См. там же. С. 97, 104, 107.

⁵ См. там же. С. 175—176.

⁶ См.: История ВКП(б). 1926. Т. 1, вып. 1. С. 173—174.

⁷ Лепешинский П. Объяснительная записка к программе по истории РКП // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 91.

с ног до головы теоретическими основами научного социализма, смело и решительно дали бой всем представителям различных «наших направлений» — по всей линии вопросов, недостаточное разрешение которых загнало в безысходный тупик русское революционное движение 60-х и 70-х годов»¹.

П. Н. Лепешинский полагал, что первоначально Плеханов пытался соединить революционные организации России на почве синтеза двух крайних течений — старонароднического и народовольческого. Поэтому он отнес окончательное марксистское самоопределение его группы к 1885 г., когда в работе «Наши разногласия» выявилась «настоящая, почти законченная концепция основоположников социал-демократизма в России...». Этой работе автор дал исключительно высокую оценку: она имела решающее значение не только в «теоретической схватке» двух поколений, но и заключала в себе все дальнейшие основные моменты полемики русских марксистов с Н. К. Михайловским, Н. Ф. Даниельсоном, С. Н. Кривенко и другими народниками позднейшей формации². Важно отметить, что Плеханова (вплоть до начала 900-х гг.) автор относил к числу ортодоксальных марксистов, марксистов «без кавычек» в противовес «марксистобразным» буржуазным демократам типа Струве или Булгакова³.

В дальнейшем П. Н. Лепешинский в значительной мере пересмотрел свою оценку группы «Освобождение труда». В работе, специально посвященной рассмотрению этапов развития партии, он не сумел четко связать вопросы истории российской социал-демократии с проблемой генезиса ленинизма. В результате получилась довольно путаная картина, в которой с трудом можно различить попытку включить плехановскую группу в «период идеологической подготовки» возникновения и упрочения теории и программы русской социал-демократии. Автор признавал лишь, что деятельностью группы была уже подготовлена почва для победы революционного марксизма над изживавшим себя народничеством⁴. Связав с произведениями Плеханова и Ленина 1894—1895 гг. «целую эпоху в смене идеологических направлений», Лепешинский отнес теоретическую расчистку путей для распространения мар-

ксизма ко второй половине 90-х гг.⁵ Фактически автор исходил из методологически неверного вывода о «зародышах принципиальных основ оппортунизма» в первых марксистских работах Плеханова⁶.

Наиболее полно достижения историко-партийной науки в оценке места и роли первых социал-демократических организаций в России отразила вышедшая в 1930 г. под редакцией А. С. Бубнова работа «ВКП(б)»⁷. Здесь, как и прежде, Бубнов в развитии партии выделял три периода, из которых первый — с начала 80-х до начала 900-х гг. — характеризовался как время «зарождения, возникновения и образования революционной социал-демократической партии в России»⁸. Уточняется, следовательно, время зарождения социал-демократической партии, причем внутренние грани периода даются в полном соответствии с ленинской периодизацией. Хотя и в этой работе зарождение большевизма отнесено лишь к периоду «Искры»⁹, место и роль группы «Освобождение труда» в истории партии определены с более полным учетом особенностей процесса развития революционной теории и рабочего движения. Группа рассматривается как родоначальница социал-демократии в России «в том смысле, что она, в результате критической проверки практического опыта революционного народнического движения 70-х и 80-х гг. и соприкосновения с теорией и опытом западноевропейского рабочего движения, пришла к теории марксизма и своей работой заложила фундамент для революционной пролетарской партии в России»¹⁰.

Ценным завоеванием историко-партийной мысли явилось то, что группа «Освобождение труда» в соответствии с концепцией В. И. Ленина была поставлена в прямую связь с определенным и внутренне цельным периодом в истории марксизма и социал-демократии в России. Не в народнических организациях 70-х гг., не в первых рабочих союзах, а именно здесь авторы книги усматривают теперь «исток первоначального периода в истории обра-

¹ См.: Лепешинский П. Этапы развития ленинской партии. [Харьков], 1928. С. 7—8.

² См.: История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 266.

³ Бубнов А. ВКП(б). М., 1930. Первая часть книги, изданной в виде отдельного отклика из XI т. БСЭ, была написана А. С. Бубновым, вторая («От группы «Освобождение труда» до XV съезда ВКП(б)») — группой его сотрудников. Интересующие нас 1-я и 2-я главы второй части были написаны Г. Рылиным и тщательно отредактированы самим Бубновым.

⁴ Там же. Стб. 18.

⁵ См. там же. Стб. 21.

⁶ Там же. Стб. 12; Стб. 191.

¹ Лепешинский П. Объяснительная записка к программе по истории РКП. С. 91.

² См. там же. С. 92.

³ См. там же. С. 96—97.

⁴ См.: Лепешинский П. Этапы развития ленинской партии. [Харьков], 1928. С. 7.

зования партии рабочего класса», «Историческая роль группы «Освобождение труда», — говорится в книге, — и состояла в том, что она вывела революционную мысль России из того «тупого переулка», в который завел ее мелкобуржуазный народнический социализм...»¹ На первое место, следовательно, поставлена теоретическая деятельность группы, что также полностью соответствует взглядам Ленина.

Предложенный авторами анализ разработанных группой «Освобождение труда» проектов программы суммировал достижения историко-партийной науки в изучении эволюции ее взглядов. Он был сделан с учетом конкретно-исторических обстоятельств, в которых совершался процесс становления марксистской мысли в России, что и позволило рассматривать плехановскую группу как организацию с «четко выраженными марксистскими взглядами на все основные вопросы русского революционного движения»².

Конкретно-исторический подход определил и объективную оценку действительной роли и значения других марксистских кружков и организаций 80-х гг.: как ни скромна была их деятельность, «значение их в истории партии очень велико. Именно из их рядов выходила рабочая интеллигенция, являвшаяся проводником идей социал-демократии и практическим организатором передовых элементов рабочего класса»³. При этом особо подчеркивалась крупнейшая роль революционной интеллигенции в деле выработки идеологии и формирования первых социал-демократических организаций в России.

В нашей литературе справедливо отмечалось, что эта работа, честно и правдиво освещавшая важнейшие проблемы истории партии, сохранила определенную ценность и в наши дни⁴. Она явилась важной вехой в утверждении в советской историко-партийной науке ленинских взглядов на основные проблемы раннего социал-демократического движения. К сожалению, ее концептуальные обобщения в силу целого ряда причин не были тогда же развернуты ни в специальных исследованиях, ни в учебной литературе.

После известного письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» («О некоторых вопросах

истории большевизма»¹) учебная литература по истории партии стала постепенно (вплоть до выхода в свет в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)») утрачивать роль научных ориентиров в постановке и решении интересующих нас проблем. Под влиянием крайне неблагоприятной историографической ситуации, сложившейся в результате вторжения в руководство наукой методов жесткого администрирования, авторы действующих учебников стали вносить в них коррективы, отразившие те или иные отступления от ленинских оценок первого десятилетия истории российской социал-демократии в сторону утверждавшегося нигилистического отношения к нему. Н. Н. Попов, например, специально отметил, что изменения, внесенные им в очередное издание своего «Очерка», коснулись «вопроса о роли группы «Освобождение труда» и ее месте в предыстории большевизма»². Эти изменения в данном случае вели лишь к усугублению допущавшихся ранее ошибок.

Но и здесь мы сталкиваемся со сложным переплетением уже добытых и отстоявшихся позитивных знаний с субъективистскими подходами, находившимися в противоречии с марксистско-ленинскими принципами исторического анализа. Так, Е. М. Ярославский в новом учебнике, изданном в 1934 г., все исторические явления, связанные с «утробным периодом», заключил в рамки единого (от группы «Освобождение труда» до I съезда РСДРП) периода, смысл которого он видел в борьбе за политическую гегемонию пролетариата. Подчеркивая «огромное значение» группы «Освобождение труда» «в деле воспитания первых социал-демократов», автор, по сути дела, не раскрыл указанное положение, так как явно приносил программно-теоретическое творчество группы: даже второй проект ее программы рассматривался лишь как нечто более или менее близкое к программе социал-демократической партии³. Проблему теоретического основания русской социал-демократии заслонила критика ряда «крупнейших недостатков», содержащихся, по его мнению, в произведениях и программных документах Плеханова⁴. Эти недостатки Ярославский бездоказательно объяснял тем, что Плеханов «не мог вытравить из своего сознания

¹ Бубнов А. ВКП(б). М., 1930. Стб. 185.

² Там же. Стб. 189.

³ Там же. Стб. 193.

⁴ См.: Билевич А., Серебрянский Э. Андрей Бубнов. М., 1964. С. 70.

¹ См.: Пролетарская революция. 1931. № 6 (113). С. 3—12.

² Попов В. Очерк истории Всероссийской Коммунистической партии (большевиков). М., 1932. С. 5.

³ См.: Ярославский Е. М. История ВКП(б). М., 1934. Ч. 1. С. 40.

⁴ См. там же. С. 37—43.

все, что он впитал в период своего увлечения народничеством»¹. При этом он по-прежнему недвусмысленно проводил мысль о наличии меньшевистских тенденций и взглядов у деятелей группы «Освобождение труда»².

В третьем издании своих «Очерков по истории ВКП(б)», вышедших в свет в 1937 г., Е. М. Ярославский в какой-то мере подошел ближе к истине, подчеркнув заслуги плехановской группы в деле разработки программных основ русской социал-демократии³. Опираясь на ленинскую характеристику «утробного периода», автор указал на его большую роль в деле воспитания передовых рабочих, «воспитания той группы профессионалов-революционеров, которая с 90-х годов во главе с Лениным была организующей силой революционного марксизма в России». Вместе с тем, сохраняя, как и прежде, общий «критический тон» по отношению к плехановской группе, Ярославский с еще большей категоричностью подчеркнул, что «в ее работе уже были зародышевые элементы оппортунизма»⁴.

Особенно наглядно отступление от ленинской концепции ранней истории партии и связанных с нею принципиальных оценок группы «Освобождение труда» проявилось в «Краткой истории ВКП(б)» под редакцией В. Г. Кнорина⁵. Группа «Освобождение труда» оказалась за пределами истории партии: ей было отведено две странички в I главе «Революционное движение в России до возникновения ВКП(б)», причем ее роль была сведена лишь к пропаганде марксизма и борьбе с народничеством. Определившаяся к этому времени тенденция отождествления идеологии группы «Освобождение труда» с оппортунистическими течениями в партиях II Интернационала нашла здесь законченное выражение. Историческая преемственность ленинизма с предшествующим развитием революционной социал-демократии была выражена понятием сакраментальной фразой: «Ленин использовал работу группы «Освобождение труда», разоблачив и отбросив ее оппортунистические ошибки»⁶. Поэтому нам представляются совершенно неправомерными встречающиеся в ли-

тературе обобщения, будто «в каждом новом учебнике неизменно использовались достижения предшествующих книг и всего историко-партийного фронта», будто каждую из них отличал «более высокий теоретический уровень...»¹.

Как известно, в 1937 г. свою периодизацию истории партии, утвержденную ЦК ВКП(б), выдвинул Сталин². В этой далеко не безупречной периодизации группа «Освобождение труда» была включена в I главу («Борьба за создание марксистской, социал-демократической партии в России»), что было, конечно, большим шагом вперед (сама группа была при этом неярливо названа «Группой освобождения труда»). В свете обозначенного в этой периодизации места плехановской группы последовала критика действующих учебников с их порой вопиющим принижением ее роли в создании РСДРП. В. Г. Кнорин, рассматривая свою позицию, отметил тот факт, что во всех учебниках «слишком мало значения придается группе «Освобождение труда». «Разве подлежит сомнению, — спрашивал он, — большая роль Плеханова в зарождении российской социал-демократии и его громадный авторитет среди русских марксистов в начале девятисотых годов? Разве можно сомневаться в том, что в девяностых годах XIX века и в начале девятисотых годов, даже в 1905 году, когда Ленин уговаривал Плеханова приехать в Россию, Ленин высоко ставил Плеханова как теоретика и пропагандиста марксизма в России?»³

Казалось бы, намечался определенный поворот к объективному освещению социал-демократического движения 1883—1893 гг. на основе ленинской концепции. К сожалению, этого не случилось. Выход в свет в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)», по справедливому мнению Г. С. Жуйкова, лишь официально закрепил «нигилистическую оценку деятельности группы «Освобождение труда», что повлекло за собой прекращение научной разработки проблемы⁴ на долгие, почти двадцатилетний, период. Это в равной мере относится и ко всем другим социал-демократическим группам и кружкам, ко всей основ-

¹ Ярославский Е. М. История ВКП(б). Ч. 1. С. 35—36.

² См. там же. С. 40—41.

³ См.: Ярославский Е. М. Очерки по истории ВКП(б). М., 1937. Ч. 1. С. 39.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Краткая история ВКП(б). 2-е изд. М., 1935.

⁶ Там же. С. 21.

¹ Белоросова Г. А., Маслов Н. Н. Массам об истории партии. М., 1986. С. 43.

² См.: Сталин И. Об учебнике истории ВКП(б). Письмо к составителям учебника истории ВКП(б) // Большевик. 1937. № 9. С. 8—10.

³ Кнорин В. К вопросу об изучении истории ВКП(б) // Большевик. 1937. № 9. С. 20—21.

⁴ См.: Жуйков Г. С. Освещение деятельности группы «Освобождение труда» в советской исторической литературе. С. 32—33.

ной проблематике «утробного периода» истории российской социал-демократии.

Краткий анализ постановки этой проблематики в учебной литературе по истории партии позволяет сказать, что процесс утверждения в ней ленинских взглядов на первый период истории российской социал-демократии оказался сопряженным с колебаниями, непоследовательностью и серьезными ошибками. Иначе не могло и быть: на рубеже 20—30-х гг. еще приходилось доказывать, что необходимой предпосылкой серьезной научной работы в области истории партии должно быть изучение Ленина как ее историка, еще шли страстные споры о предмете и методе истории партии как науки¹.

Признание того, что только на основе ленинской концепции возможно создание научной истории партии, не исключало необходимости решения ряда методологических и теоретических проблем. В частности, предстояло еще решить вопрос о соотношении «утробного» периода истории российской социал-демократии с последующими периодами, в конкретно-историческом аспекте разработать проблему генезиса большевизма. Не все историки сознавали, что, как говорил В. И. Невский, «нельзя отрывать историю партии от истории русской социал-демократии»². Отсюда пронестекала серьезная путаница не только в периодизации истории партии, но и в «наполнении» отдельных периодов ее деятельности конкретным историческим содержанием. В учебной литературе это был камень преткновения, который невозможно было убрать с пути историко-партийной науки без целостного овладения ленинской концепцией истории РСДРП, без конкретно-исторической разработки соотношения российского социал-демократизма доленинского периода с большевизмом, вся сумма идей которого свидетельствовала не о создании особого направления в социализме, а о том, чтобы «применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии...»³.

¹ См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 83—113; Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна. М., 1930. С. 137—229.

² Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 111.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 48.

ДИСКУССИИ 20 — НАЧАЛА 30-х гг. О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

...Если люди, предубежденные против полемики,
имеют в виду интересы истины,
то им следовало бы помнить,
что горячие полемические схватки
иногда безусловно необходимы
для защиты этих интересов.

Г. В. Плеханов

Изучение зарождения марксизма в России с самого начала закономерно выдвинуло на одно из первых мест историко-партийной науки проблему предшественников российской революционной социал-демократии: «последняя не возникла на пустом месте», как говорил М. С. Ольминский¹. Без изучения идеологии и революционной практики «революционеров 61-го года» и «блестящей плеяды революционеров 70-х годов»², воплотивших наивысшие достижения революционно-демократического (разночинского, буржуазно-демократического) этапа освободительного движения, невозможно было найти сами подступы к проблеме зарождения на русской почве пролетарской идеологии и перехода к новому, пролетарскому этапу.

В исследованиях и дискуссиях 20 — начала 30-х гг. проблема предшественников ставилась в двух аспектах: во-первых, как проблема идейных предшественников русской социал-демократии, естественно выдвигавшая задачу изучения соотношения народнической идеологии с идеологией первых марксистских групп и кружков и в связи с этим изучения генезиса социал-демократического направления в революционном движении; во-вторых, как проблема идейных предшественников большевизма, большевистской партии, по необходимости ставившая вопросы генезиса ленинизма. Оба аспекта, тесно переплетаясь друг с другом в различных комбинациях выдвигаемых решений, имели общую исследовательскую задачу — выяснить в предшествующих марксизму-ленинизму передовых течениях русской общественной мысли и революционной практики круг идей, подготовивших почву для

¹ См.: От Истпарта // Бюллетень Истпарта, 1921. № 1. С. 1.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 179; Т. 6. С. 25.

его торжества. Решение этой задачи, упираясь, естественно, в идеологию революционной демократии России, замыкалось на более общей проблеме преемственности идей и революционных традиций в освободительном движении страны.

Научная разработка этих взаимосвязанных проблем вылилась в широкие дискуссии, которые с полным основанием можно назвать научно-политическими: в них нашли отражение все грани классовой и внутрипартийной борьбы 20 — начала 30-х гг. С этим связана необычайная острота в постановке вопросов и в самой полемике, которая заключала в себе немало опасных для науки издержек. Но, как бы там ни было, в страстной борьбе мнений шел процесс осмысления ленинской концепции истории партии, в которой проблема предшественников, принципиально поставленная Лениным еще в 90-х гг., выступала как важная составная часть. На очередь дня вновь выдвигалась проблематика, политическая острота которой требовала строго научных решений.

Они могли быть найдены лишь на основе многих слагаемых исследовательской работы, среди которых творческое освоение ленинских концепций революционно-народнического и социал-демократического движений должно было занять первое место. Так оно и было в действительности: в дискуссиях историков-марксистов наглядно проявилось их стремление именно с ленинских позиций утвердить объективное понимание соотношения большевизма с предшествовавшими ему революционными направлениями и на этой основе отбросить главное обвинение против него — разрыв с историческими традициями освободительного движения в стране. Но путь к правильному решению этого вопроса, занимающего существенное место и в современной идеологической борьбе международного масштаба, оказался еще более сложным, нежели по ряду других проблем истории нашей партии.

В попытках его концептуального решения первенствующее место принадлежит М. Н. Покровскому («Русская история в самом сжатом очерке» и «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.»). Написанные в течение 1920—1924 гг., эти работы отразили страстное стремление историка-большевика применить марксистско-ленинскую методологию к освещению революционного процесса, увенчавшегося победоносной социалистической революцией. Проблема соотношения революционного движения домарксистского периода с рус-

ской социал-демократией и большевизмом волновала его мысль до конца жизни. Несомненная заслуга ученого состояла в том, что он, пересматривая свои прежние представления и подвигаясь шаг за шагом ко все более глубокому усвоению ленинских взглядов, дал новаторскую постановку проблемы революционного движения в целом. Говоря о своем «четырёхтомнике» как первом марксистском курсе русской истории, Покровский признавал, что в нем «устарела вся конструкция такого важнейшего отдела, как революционное движение»¹. Указанные работы (особенно вторая из них) отразили изменение его точки зрения на этот «отдел».

В результате получилась действительно новая и весьма жесткая «конструкция», в основе которой лежала проводимая в вульгарно-социологическом духе связь между экономическими интересами определенных классов и общественным, а также и революционным движением. По собственному признанию Покровского, в обеих указанных работах стержнем русской истории оставалась борьба торгового и промышленного капитала на русской почве². Сквозь призму этой борьбы он рассматривал всю историю революционного движения в России: оно выступало как нечто производное драматического противоборства между промышленным капиталом и самодержавием как политической организацией капитала торгового. Автор позднее утверждал, что в его историческом анализе «нет ни одной строки, не подбитой фактами, нет ни одного утверждения, обоснования которому нельзя было бы найти в источниках»³. Но дело в том, что анализ источников и интерпретацию фактов он подчинил доказательству этой «стержневой», по сути дела методологической, установки, которая в применении к истории освободительного движения могла дать лишь крайне противоречивую картину, заключающую в себе, наряду с правильной марксистской первоосновой, «рискованные параллели и недопустимые вульгаризаторские сопоставления»⁴. Это было следствием сознательной установки историка на то, чтобы проследить большевистские «лозунги до самых послед-

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд. М.: Л., 1927. С. VII.

² См. там же. С. 9.

³ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.: Л., 1933. Вып. 1. С. 316.

⁴ Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 190.

них корней». «С этой точки зрения, — писал он, — главным образом для нас и интересно... революционное движение 60-х и 70-х годов. С точки зрения эмбриологии его собственно и стоит изучать»¹.

В 1923 г. Покровский выступил со статьей «Корни большевизма в русской почве». Здесь он проводил мысль, что большевизм — выражение непримиримого революционного коммунизма — зародился на почве России, и уже в силу этого выводить его непосредственно из учения Маркса и Энгельса «было бы насильем над историей». «Идейным отцом большевизма, конечно, является Маркс, — писал Покровский, — но реальная историческая связь — это связь общественных отношений, а не связь идей. Идеи лишь отражают общественные отношения»². Исходя из этого, он настойчиво проводил мысль, что развитие капитализма в России породило здесь идеи, которые были марксистскими задолго не только до русского марксизма, но и «до самого Маркса»³. Пестель, «Молодая Россия», Ткачев — это, по мысли автора, единая линия развития идей марксизма и большевизма, единая линия «максималистских» (большевистских) установок, противостоявших «минималистским» (меньшевистским) позициям (Петрашевский, «Великорусс», меньшевики).

Мы увидим далее, что эти идеи оказали серьезное влияние на подход ряда советских историков не только к проблеме идейных источников большевизма, но и ко всем основным вопросам зарождения и развития марксизма в России.

В «Русской истории в самом сжатом очерке» Покровский трактовал освободительное движение в России на основе своей идеи о том, что каждый класс делает свою революцию. В соответствии с этим он укладывал это движение в простую схему трех революций: буржуазной, народнической, рабочей. Первая связывается с выступлением декабристов (14 декабря 1825 г. — «первое и последнее революционное выступление буржуазии в России»), вторая — с движением мелкобуржуазной интеллигенции («народническая революция»), третья — с движением рабочего класса. В «народнической революции» автор выде-

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 50.

² Покровский М. Н. Корни большевизма в русской почве // Российская Коммунистическая партия — вождь пролетариата. Пг., 1923. С. 81—82.

³ Там же. С. 83.

лил «Молодую Россию», в которой усмотрел не только «пророческое предвещание» формы и цели будущего социалистического переворота, но и «многие отдельные меры», проводившиеся в стране после Октябрьской революции»¹.

Выяснение «пророческих черт» будущей пролетарской революции в движении предшественников, отчетливо намеченное в «Сжатом очерке», стало отправным в «Очерках по истории революционного движения XIX и XX вв.». Большая часть этих черт была найдена Покровским в теоретических представлениях народников 40—70-х гг., чье мировоззрение он определял как воображаемый мелкобуржуазный социализм². В то время он не сумел четко определить классовую первооснову этого социализма: приверженность революционной интеллигенции к утопически-социалистическим идеям он объяснял ее общественным положением, характером труда «типичных ремесленников, работников-одиночек». Е. Мороховец в свое время находил это объяснение гораздо более удачным по сравнению с тем, которое историк выдвигал в «Сжатом очерке», где он ставил мелкобуржуазность идеологии революционных народников в прямую связь с их мелкобуржуазным происхождением³. Но именно последнее объяснение приближало Покровского к истине, что, казалось бы, должно было предостеречь его от поисков истоков большевизма в идеологии народничества, которое он, кстати, в идейном отношении связывал с огромным влиянием Прудона и Бакунина. На деле же автор «Очерков» сосредоточил свое внимание главным образом на тех моментах, которые, по его словам, «являются пророческими» и, следовательно, наиболее интересными⁴.

Основанием для сближения идеологии двух различных классов служила, видимо, устанавливаемая Покровским хронологическая связь основных «волн» народнического движения, с одной стороны, и рабочего — с другой. Этой связи тогдашняя интеллигенция, по мнению историка, не сознавала, но рабочее движение было почвой, на которой родился «странный социализм с его культом общины».

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921. Ч. 1—2. С. 126, 141.

² См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 44.

³ См.: Пролетарская революция. 1924. № 12 (35). С. 295—296.

⁴ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 44.

Рабочее движение толкало интеллигенцию к мысли о социализме, но из-за своего положения «ремесленников-одиночек» она не могла воспринять пролетарский социализм и находила его в учениях Фурье и Прудона, а также в крестьянской поземельной общине. В крестьянстве она видела «главную свою надежду», с чем и была связана ее социалистическая идеология, ее культ общины¹.

Эта противоречивая постановка вопроса вовсе не так беспочвенна, как может показаться на первый взгляд. Достаточно вспомнить мысль Ленина об утопическом социализме как симптоме, выразителе, предвестнике выхода на историческую арену рабочего класса², об отражении народничеством «противоположности интересов труда и капитала»³, чтобы понять, что мысль Покровского устремлялась к сложнейшим вопросам соотношения экономического базиса с идеологическими образованиями, стихийной борьбы масс с революционной идеологией. Историк лишь угадывал, порой пунктирно намечал решение этих вопросов, и это было в высшей степени плодотворно. Но самые глубокие догадки, учитывая указанную отправную идею автора, не могли предохранить от модернистских увлечений.

Не останавливаясь подробно на его аргументации, отметим только некоторые моменты, имеющие прямое отношение к теме. В революционном движении 60-х гг. Покровский находил «меньшевистские» и «большевистские» течения и соответствующую им тактику. Н. Г. Чернышевского, «гениального русского экономиста», он рассматривал в «Очерках» как родоначальника большевистской аграрной программы, с одной стороны, меньшевистской тактики — с другой⁴. Прокламацию «Молодая Россия» он противопоставлял «Великоруссу» и приводил как «образчик настроения большевистского», усматривая в ней ряд «чрезвычайно пророческих» черт, первый памятник русского революционного социализма, в котором «многие черты будущей пролетарской революции... уже налицо». П. Н. Ткачев уже якобы представлял марксистское понимание истории. Разработанная С. Г. Нечаевым и его

¹ См.: Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 43—45.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 120.

³ Там же. Т. 1. С. 422.

⁴ Позднее, в 1927 г., Покровский утверждал, что Чернышевский «был уже зародышем социал-демократии, т. е. представителем городского рабочего движения...» (см.: Покровский М. Н., Шапов А. П.: [К 50-летию со дня кончины] // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 12.

единомышленниками зимой 1868/69 гг. «Программа революционных действий» рассматривалась как «план назначенной революции», который «реализовался почти буква в букву 25 октября старого стиля 1917 г.». Здесь же, в 60-х гг. XIX в., Покровский находил «некоторые черты будущей революционной организации, отлившейся в партию большевиков...»¹.

В том же ключе Покровский рассматривал и последующее движение революционного народничества. К середине 70-х гг., полагал он, революционеры разочаровались в своей ориентировке на крестьянство. Один из них (Заславский, Плеханов и деятели рабочего движения) взяли курс на рабочих, другие, во главе с Желябовым, — на буржуазию². Впрочем, Желябов, осознав, что ориентировка на буржуазию ничего не дает, примкнул к ориентировке «на массу рабочих». Результатом явилась разработанная им «Программа рабочих членов партии «Народная воля», в которой Покровский нашел «идею самостоятельной рабочей партии», совершенно четкую социал-демократическую тактику» и т. п.³ Во всем этом он видел прогрессирующий отход революционеров от старой идеологии, отход, который завершила группа «Освобождение труда».

Не останавливаясь пока на эволюции взглядов Покровского в решении этого вопроса, отметим, что его методологически несостоятельные, но концептуально законченные выкладки снимали вопрос о революционном по своей сущности мировоззренческом перевороте, который связан с теоретической деятельностью группы «Освобождение труда». А это неизбежно вело к неверным трактовкам идеологии предшественников, к серьезным ошибкам в постановке всей проблемы возникновения и генезиса революционного социал-демократизма в России.

Под влиянием М. Н. Покровского известный крен в сторону модернизации общественно-политических воззрений П. Н. Ткачева допускал еще молодой в ту пору историк Б. П. Козьмин. Излагая взгляды «русского бланкиста» на проблему государства, он находил, что они очень близки к нашей современности. «Не называя диктатуру пролетариата своим именем, Ткачев все время говорит о ней», — утверждал Б. П. Козьмин. По его мнению,

¹ Покровский М. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 46—53.

² См. там же. С. 77.

³ См. там же. С. 79—80.

Ткачев не только намечал идею диктатуры пролетариата, но и облакал ее в определенные формы, дающие «поразительное совпадение с практикой русской революции...»¹. Так, абстрагирование автора от ткачевского понимания движущих сил революции и роли в ней революционного меньшинства оборачивалось полной утратой исторической перспективы.

Ту же тенденцию проводил в своей книге о П. Л. Лаврове И. Книжник-Ветров². В эклектических, идеалистических в своей основе воззрениях видного теоретика народничества 70-х гг. автор находил не только «элементы марксизма», но и «элементы большевизма». Он утверждал, что в большевистском духе Лавров разрешил вопрос о государстве, а в области практической политики он в том же духе решал почти все вопросы, предвосхитив «очень многие мероприятия нашей революции». В частности, он якобы почти предвосхитил политику Ленина и Коминтерна в решении вопроса о союзе пролетариата и крестьянства³.

Взгляды М. Н. Покровского и Б. П. Козьмина на проблему «исторических корней большевизма» развивал С. И. Мицкевич, который в 1923 г. сделал, по его собственным словам, попытку свести воедино рассеянные в литературе данные о мало известном течении русского революционного движения — русском якобинстве — бланкизме⁴. К этому течению он отнес кружок П. Г. Зайчневского, кружок Н. А. Ишутина, который будто бы «продолжал линию... Зайчневского», С. Г. Нечаева (до его поездки за границу весной 1869 г.), П. Н. Ткачева, а также «левое якобинское крыло» в «Народной воле». Основанный на весьма поверхностных параллельных анализ «якобинского течения» С. И. Мицкевич всецело подчинил доказательству того, что «русское якобинство», умершее вместе с уходом из жизни его провозвестника П. Г. Зайчневского (1896 г.), воскресло в новом виде «в русском

марксизме — в революционном крыле русской социал-демократии — в большевизме»¹.

Первоисточники большевистских идей Мицкевич, как и Покровский, нашел в прокламации «Молодая Россия». Признавая, что на ней лежит печать утопизма, он тем не менее усмотрел здесь «много таких лозунгов, которые претворены или претворяются в жизнь через 50 с лишком лет Октябрьской революцией...»². Даже в ранних статьях Ткачева (1866—1869 гг.) он обнаруживал идеи диктатуры пролетариата, хотя, не замечая противоречия, и подчеркивал: «Беда русских якобинцев была в том, что они не усмотрели русского рабочего класса... его революционной роли и не могли с ним связаться». Это, по мнению С. Мицкевича, единственное, что отделяет от большевиков «русских якобинцев» — гениальных утопистов, ставших «провидцами будущего хода русской революции, которая... пошла совсем «по-якобински»»³.

Эту мысль Мицкевич иллюстрировал выдержками из брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России». Утопичность Ткачева, по его мнению, состояла только в том, что он переоценил тогдашнюю готовность народа к революции. «Но, — указывал он, — факт все-таки неопровержим: русская революция в значительной мере произошла по Ткачеву: путем захвата власти в заранее назначенный срок (25 октября) революционной партией, организованной по принципу строгой централизации и дисциплины, и эта партия, захватив власть, действует во многом по тому методу, который рекомендовал Ткачев»⁴. В этой связи Мицкевич, вопреки известным высказываниям Ф. Энгельса, совершенно неосновательно писал, будто в утверждении Ткачева о беспочвенности русского правительства («висит в воздухе») была известная доля истины. Это понадобилось автору для того, чтобы снять помеху в установлении им тождества взглядов Ткачева и

¹ Козьмин Б. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. М., 1922. С. 112—113.

² Книжник-Ветров И. П. Л. Лавров. Л., 1925 (2-е изд. в 1930 г.).

³ См. там же. 2-е изд. Л., 1930. С. 92, 96. Некоторые идеи П. Л. Лаврова, касающиеся понимания характера и сущности грядущей социальной революции, а также организации революционных сил, сближал с большевизмом и Б. И. Горев (см.: Горев Б. И. От Томаса Мора до Ленина, 1516—1917. 2-е изд. М., 1922. С. 99—100).

⁴ См.: Мицкевич С. Русские якобинцы // Пролетарская революция. 1923. № 6—7 (18—19). С. 3.

¹ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 24. С. Мицкевич еще в конце 80-х гг. имел личные контакты с П. Г. Зайчневским (см.: Мицкевич С. О П. Г. Зайчневском: (Страничка воспоминаний) // Историко-революционный бюллетень. 1922. № 1. С. 19—20).

² Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 25. Автор верно объяснил это объективным состоянием русского рабочего класса. Но он ошибался, отказывая Марксу и Энгельсу в понимании его роли в развитии революционного движения в России даже применительно к началу 80-х гг. (см. там же. С. 17).

³ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 25.

⁴ Там же. С. 16.

Ленина на «роль революционного меньшинства в революции».

Не ограничиваясь этим, Мицкевич настойчиво проводил мысль о созвучности и близости «позитивной программы» Ткачева с большевизмом. Перечислив преобразования, которые, по Ткачеву, должно было осуществить после переворота революционное государство, автор восклицал: «Как современны и близки нам все эти взгляды Ткачева! И наш теперешний строй не есть ли осуществление мечты Ткачева, что революционная партия, захватив власть, будет править, опираясь на «Народную Думу». Эта «Народная Дума» то же, что наши Советы»¹.

В полном согласии с точкой зрения М. Н. Покровского С. И. Мицкевич рассматривал и народовольческую «Программу рабочих членов партии «Народная воля». В ней он видел выражение взглядов «левого якобинского крыла» последней. Цитируя ту часть документа, в которой излагается «общий план деятельности партии во время переворота», автор писал: «Это уже даже лучше, чем по Ткачеву, это уже почти по-большевистски. Эту программу следует признать этапом перехода от народничества к революционному марксизму...»² Этот несостоятельный тезис естественно вытекал из общих глубоко ошибочных представлений Мицкевича об идейных «корнях большевизма».

Свои взгляды по данному вопросу он суммировал в ответе на резкую критику его позиции со стороны Н. Н. Батурина. Основываясь на крайне расплывчатом понятии «революционной агитации», Мицкевич доказывал, что «у западноевропейских бланкистов и у их русских последователей якобинцев было больше всего элементов» последнего; поэтому их можно считать *предшественниками* революционного марксистского социализма». Зайчневский и Ткачев, по его мнению, «являлись наиболее чистыми для своего времени русскими социалистами, наиболее преодолевшими мелкобуржуазность...»³. В их взглядах он нашел элементы пролетарского социализма, что и позволило сделать вывод о большевиках как преемниках якобинцев-бланкистов, осуществивших их заветы.

¹ Мицкевич С. Русские якобинцы. С. 14—15.

² Там же. С. 21. Эту программу Мицкевич ошибочно противопоставил «Программе Исполнительного Комитета «Народной воли». Не правильно, как документ «уже совсем в либеральном духе» он оценивал и известное письмо ИК «Народной воли» Александру III.

³ Мицкевич С. К вопросу о корнях большевизма: (Отвечает Н. Н. Батурику) // Каторга и ссылка. 1925. № 3 (16). С. 94—95.

Но на этот раз С. И. Мицкевич дал более расширительную трактовку вопросу: он поставил его как проблему предшественников марксизма в России вообще. «...Русский марксизм, и большевизм в особенности,— писал он,— был синтезом ряда предшествующих революционных течений»¹. В этой связи автор указал на «Черный передел», из направления которого якобы вошли в большевизм определенные элементы, но пальму первенства он отдавал ткачевскому якобинству и народовольчеству, поддерживая более близкое «идейное родство большевизма» с ними. «Старое якобинство связывается с рабочим классом — получается большевизм». К «неплохому» наследству якобинцев-бланкистов, приумноженному и переработанному, большевики «присоединили еще огромное новое наследство — марксизм, а из соединения их... и получился ленинизм-большевизм»².

К подобным выводам, не имеющим ничего общего с подлинно научным анализом, могло привести лишь полное игнорирование принципа историзма и классовых критериев в оценке тех направлений общественной мысли, которыми оперировал Мицкевич для своих анекдотических, субъективистских построений. При этом, полностью отождествляя якобинство и бланкизм, он пытался опереться на известную мысль Ленина: «Якобинцев, неразрывно связанный с организацией пролетариата, создавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»³. Но эта попытка была заведомо неудачной: мысль Ленина ни в коей мере не подкрепляла позицию Мицкевича, напротив, она лишь оттеняла методологическую несостоятельность его аналогий и параллелей, полную неправомерность сближения мелкобуржуазных теоретиков, делавших ставку на захват государственной власти с помощью заговора революционного меньшинства, и революционных марксистов, которые решительно порвали не только со всеми традициями заговорщичества и бланкизма, но и со всей системой утопически-социалистических представлений своих исторических (но отнюдь не идейных!) предшественников.

Наиболее последовательным и решительным оппонентом С. И. Мицкевича выступил Н. Н. Батурин. Статью «Русские якобинцы» он оценил как образец «историче-

¹ Мицкевич С. К вопросу о корнях большевизма. С. 100.

² Там же. С. 100—101.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.

ской напраслины». Признавая вполне законной и желательной переоценку старого революционного движения на основе нового революционного опыта, Батуриин справедливо писал: «Но беда в том, что беглый взгляд на пройденный путь с высоты занятых позиций... нередко приводит к поверхностным аналогиям, жестоко искажая историческую перспективу»¹. В статье Мицкевича это искажение явилось результатом упорного нежелания признать мелкобуржуазный характер «ткачевских утопий», некритического отношения к их словесному обрамлению, абстрагирования от классового содержания общественно-политических взглядов Ткачева, что и позволило сблизить их с большевизмом. В противовес безосновательным, чисто формальным сопоставлениям высказываний Ткачева и Ленина, к которым прибегал Мицкевич, Батуриин привел важную ленинскую мысль из «Писем о тактике» (апрель 1917 г.): «Кто желает думать и учиться, тот не может не понять, что бланкизм есть захват власти меньшинством, а Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа. Работа, сведенная к борьбе за влияние *внутри* таких Советов, не может, прямо-таки *не может* сбиться в болото бланкизма»².

В связи с этим Батуриин особо подчеркнул, что «действительная преемственная связь» революционных марксистов с «русскими якобинцами», народолюбцами, совершенно чуждыми современному пролетарскому коммунистическому движению, лежит в плоскости свойственной всему русскому освободительному движению традиции политической борьбы против царизма. «Но это не мешало в той же «Искре»... — писал он, — вести отчаянную борьбу против эсеров, как преемников ткачевского, мелкобуржуазного социализма. Эти позднейшие преемники «русских якобинцев» своей ролью в революционном движении гораздо ярче, нагляднее, чем сам Ткачев, показали, что представляет собой якобинец, не связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы»³.

Позднее, в 1925 г., отвечая на критический отклик Мицкевича, Батуриин в статье «Еще о цветах русского якобинства» вновь подчеркнул беспочвенность «большевиза-

ции» идей «русских якобинцев»: «Решительно никаких элементов пролетарского социализма в социалистических программах Зайчневского и Ткачева мы не найдем... Зато мы найдем в них все признаки мещанских социалистических утопий. Между этими реакционными утопиями и большевизмом нельзя не только ставить «знак равенства», но и проводить какие бы то ни было аналогии»⁴.

Определенная прямолинейность этого взгляда, в известной мере размывающая грани между идеологией крестьянства и идеологией мелкой буржуазии², предопределила односторонний характер выдвинутого Батуриным решения проблемы предшественников большевизма. Вопреки известным положениям В. И. Ленина, он, по сути дела, исключал из их числа не только «блестящую плеяду революционеров 70-х гг.», но и... Плеханова. Право именоваться таковыми он оставлял лишь за деятелями рабочей демократии того же десятилетия. Справедливо подчеркивая неразрывность связи теории и практики, слова и дела как самую характерную черту Ленина, историк противопоставил ему первое поколение русских марксистов во главе с Плехановым на том основании, что последний «был весьма авторитетным учителем, но никогда не был практическим вождем рабочего движения». «Резкое разделение марксистов на «теоретиков» и «практиков» в начале нашего социал-демократического движения, — писал он, — было одним из последствий той отвлеченно-философской трактовки всех насущных вопросов рабочего движения, которая давалась в блестящих литературных работах Плеханова, никогда, однако, не дававшего практику «прямого и ясного ответа на проклятый вопрос: что делать?»³. Полагая, что теоретическая мысль и революционная практика органично сочетались лишь у таких вожаков рабочего движения, как П. Алексеев, С. Халтурин, П. Моисеенко, Батуриин делал категорический вывод: не Плеханов, а именно они «были истинными предшественниками Ленина, как вождя рабочего класса»⁴.

Подобное противопоставление базировалось на свойственном Батуриину преувеличении теоретической зрелости деятелей рабочей демократии 70-х гг. Мысль же о разрыве теории и практики, намечавшаяся будто бы «с самого осно-

¹ Батуриин Н. Н. Сочинения. М.: Л., 1930. С. 373. Цитируемая статья впервые опубликована в журнале «Пролетарская революция» (1924. № 7 (30)).

² Там же (ср.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 138).

³ Батуриин Н. Н. Сочинения. С. 374, 378—379.

¹ Батуриин Н. Н. Сочинения. 1930. С. 397—398.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 414.

³ Батуриин Н. Ленин — выразитель русского рабочего движения // Молодая гвардия. 1924. № 2—3. С. 250.

⁴ Там же. С. 251.

вания русской социал-демократии», находится в полном противоречии с историческими фактами, поскольку речь идет не только о группе «Освобождение труда», но и о социал-демократическом движении 80—начала 90-х гг. в целом. Но и к Плеханову указанная мысль не могла иметь никакого отношения, если рассматривать вопрос в конкретно-историческом разрезе. В тот период Плеханов-теоретик давал ясный и четкий ответ на вопрос «что делать?»: готовить элементы для создания самостоятельной социалистической партии рабочего класса путем неустанной работы над развитием его политического самосознания. Именно к решению этой проблемы сводилась не только теоретическая, но и практическая деятельность группы «Освобождение труда».

П. Н. Лепешинский справедливо упрекал Батурина в том, что он «перегибал палку», когда отрицал преемственную связь между марксизмом группы «Освобождение труда» и ленинизмом. «Все-таки, как-никак,— писал он,— предшественником Ленина как теоретика марксизма в России (а без этой своей ипостаси он не был бы вождем рабочего класса) был именно Плеханов, а не полумарксистские представители и «практики» русского рабочего движения, хотя бы то были и такие крупные индивидуальности, как Петр Алексеев или Халтурин»¹.

Выдвигая свою идею о разрыве теории и практики в качестве характерной черты русской социал-демократии доленинского периода, Батурин делал далеко идущие и исторически неверные обобщения. Он утверждал, что этот разрыв не был какой-то временной, тактической неувязкой или несчастной односторонностью теоретиков и практиков: «На самом деле он означал не что иное, как постепенное отступление от революционной линии и теории и практики»². Иначе говоря, исторически обусловленную узость практической деятельности пионеров российского марксизма, отсутствие их связи с массовым движением пролетариата автор совершенно неосновательно представлял в виде некоего «отчуждения марксистской теории от революционной практики», обозначившего... сползание к оппортунизму. Н. Н. Батурин в данном случае не сумел понять, что раздельное существование «социализма» и рабочего движения в 70-е гг. (В. И. Ленин говорил об этом, имея в виду, разумеется, народнический утопический социа-

¹ История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 266.

² Батурин Н. Ленин — выразитель русского рабочего движения. С. 251.

лизм¹) не имеет ничего общего с принципиально новым соотношением и определяющими тенденциями развития социал-демократического и рабочего движения: в действительности они шли навстречу друг другу.

В 1926 г. в связи с 50-летием со дня смерти М. А. Бакунина вопрос о предшественниках революционной социал-демократии, большевизма вновь привлек внимание историков партии. На объединенном заседании Коммунистической академии и Общества историков-марксистов были заслушаны доклады Ю. М. Стеклова и В. Полонского — известных знатоков биографии и литературного наследия «апостола анархии»². Оба доклада явились попыткой пересмотреть общепринятые представления об идеологии и практике Бакунина, по-новому поставить проблему значения его наследия для судеб революционного движения в России.

Само название доклада Ю. М. Стеклова («Что разделяет и сближает нас с Бакуниным») предопределяло его внутреннее содержание и идейный смысл. Как историк-марксист, он не мог не отметить, что от Бакунина «нас отделяет... непонимание им роли и значения пролетариата в развивающемся капиталистическом обществе, значение его политической организации... непонимание им необходимости завоевания политической власти как орудия для торжества социальной революции и для уничтожения классов»³. Но вслед за тем, стирая, по сути дела, принципиальную классовую грань между буржуазной и пролетарской идеологией, Стеклов пытался доказать, что у «основоположника анархистской доктрины», наряду с вредными для революции мыслями, содержалось «очень много правильного и здорового, что дает ему право на бессмертие», что сближает его... с Марксом, с большевизмом⁴.

Ю. М. Стеклов обосновывал эту несостоятельную мысль указанием на то, что Бакунин, как и Маркс, был представителем революционного социализма, в отличие от оппортунистического социализма II Интернационала. «В этом отношении,— писал он,— Бакунин был учеником Маркса». Некритически воспроизводя бакунинскую фра-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

² См.: Полонский В. Михаил Александрович Бакунин: Жизнь, деятельность, мышление. М., 1922; Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность, 1814—1876. Т. 1—4. М.; Л., 1926—1927.

³ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 31.

⁴ См. там же. С. 24, 31—41.

зеологию (мы не говорим уже о крайне односторонней характеристике идеологии II Интернационала), Стеклов утверждал, что Бакунин был «первым, пожалуй, даже не русским, а мировым социалистом, который правильно, во всю ширь поставил национальный вопрос» и явился тем самым «предшественником Ленина», как и в вопросе «о поражении вообще и о поражении русского империализма в частности», о федерализме (предсказывает РСФСР!), о борьбе с религиозным мировоззрением и т. д. Бакунин якобы предвосхитил идею союза рабочего класса и крестьянства и даже «разумно и правильно» наметил «такое состояние, какое приблизительно создавалось у нас после Октябрьской революции». Если отбросить свойственный Бакунину «фетишистский ужас перед революционными декретами и законами», то мы получим, утверждал Стеклов, «совершенно правильную позицию, на которой стоим теперь... говоря о смычке города с деревней, о роли кооперации в деревне и т. п.»¹. Более того, Бакунин, с точки зрения Стеклова, выступил пророком, умственному взору которого «предносились» ленинские принципы партийного строительства, идеи, которые лежат «в основе и нашей точки зрения на партию...»².

Именно эту мысль Стеклова развивал В. Полонский. Если Стеклов, принижая значение I Интернационала и деле руководства международным рабочим движением, недвусмысленно превозносил заговорщические планы Бакунина по созданию авторитарной организации, которая будто бы только и была способна «повести за собой революционную массу в момент социальной революции и обеспечить ей успех»³, то В. Полонский как бы подводил под эти надуманные выкладки теоретическую базу: он превратил Бакунина-анархиста в Бакунина-якобинца, а в качестве такового — в прямого предшественника революционных социал-демократов. Вполне понятно, что автор этой искусственно сконструированной метаморфозы находил «самым превратным» и наивным представление Ф. Энгель-

¹ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 39. Еще в 1922 г. в Предисловии к первому изданию своей монографии о Бакуине Ю. М. Стеклов утверждал, что Бакунин «явился основоположником не только европейского анархизма, но и русского народнического бунтарства, а через него и русской социал-демократии, из которой вышла Коммунистическая партия» (см.: Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность. М., 1926. Т. 1. С. 9).

² Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 37.

³ Там же.

са о Бакуине¹ и совершенно неосновательно пытался противопоставить ему тот взгляд, который незадолго перед тем развивал С. И. Мицкевич.

Анализируя принципы организации тайного общества (на основе проекта, составленного Бакуиным в Италии в 1856 г.), В. Полонский пришел к выводу, что в них «величайший мелкобуржуазный революционер» выступал «как якобинец, бланкист, прекрасно понимающий необходимость и силу организованности»². В этой связи автор верно отметил ряд противоречий в теории и практике бакунизма. Но эти противоречия не дают никаких оснований для отождествления последнего с бланкизмом, а тем более — с якобинством. Полонский, сближая научный социализм и анархизм, абстрагировался от характера создававшейся Бакуиным тайной заговорщической организации, направленной на то, чтобы, говоря словами Маркса и Энгельса, «дезорганизовать Интернационал и тем самым подчинить его тайному иерархическому и самодержавному правлению Альянса», вовлечь великое творение пролетариата «в сети, расставленные... отбросами эксплуататорских классов»³.

Не сумев разграничить понятия «якобинизм» и «бланкизм», В. Полонский сделал глубоко ошибочный вывод о том, что Бакунин «на деле фактически, в настоящей, в практической революционной борьбе вводил в свою организационную работу все те основные положения, которые вошли в железный инвентарь революционной борьбы всякой подлинно революционной партии, в том числе и партии коммунистической»⁴. Характерно, что указание на «революционную страсть» Бакунина и его «ненависть к поганому капиталистическому строю» было для Полонского достаточным основанием, чтобы сближать его с Марксом, «нашей эпохой», видеть в нем «величайшего предтечу Октябрьской революции»⁵.

Как видим, к середине 20-х гг. сложилась вполне определенная историографическая тенденция, размыкавшая классовые грани между различными домарксистскими утопически-социалистическими теориями и большевизмом. Но в результате постепенного уяснения того, что в рамках этой тенденции методологическая проблема идейных исто-

¹ См.: Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 43.

² Там же. С. 52.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 425—426, 426—427.

⁴ Вестник Коммунистической академии. 1926. № 18. С. 61—62.

⁵ Там же. С. 62.

ков большевизма не может получить подлинно научного решения, исследовательская мысль обратилась к углубленному изучению ленинского наследия и на этой основе к более тщательному анализу классовой сущности и общественного значения идеологических форм, предшествовавших возникновению марксизма в России, к более точной научной квалификации соотношения их с пролетарской идеологией, с пролетарской революционностью.

Все эти поиски ярко высветила дискуссия 1928 г. о Н. Г. Чернышевском в связи со 100-летием со дня его рождения. В ходе ее в тесной связи с общей оценкой деятельности великого революционного демократа важное место заняли и вопросы соотношения его мировоззрения с марксизмом, с учением В. И. Ленина. С позиций указанной историографической тенденции эти вопросы были поставлены Ю. М. Стекловым. К юбилею он опубликовал ряд статей, брошюру, а затем и двухтомную монографию о жизни и деятельности Чернышевского¹. 4 мая 1928 г. в Обществе историков-марксистов Стеклов выступил с докладом о политических воззрениях Чернышевского. Здесь он суммировал свои взгляды на преемственную связь этих воззрений с марксизмом-ленинизмом. Объявив Чернышевского «основоположником и пионером коммунизма в России», докладчик подчеркнул, что он впервые обосновал взгляды, «впоследствии получившие законченную формулировку в учении Маркса и Энгельса — революционном коммунизме».

Глубинная мысль Стеклова сводилась к доказательству того, что Чернышевский самостоятельно разработал такую систему взглядов, которая «остаётся верной до сих пор», ибо совпадает — в наиболее существенных моментах — с учением Маркса и Ленина². Особенно созвучным современному коммунизму (= большевизму) автор считал политические воззрения и политическую тактику Чернышевского. «...Если брать его политические воззрения как нечто целое,— утверждал он,— то мы должны сказать, что по всем настроениям... по всему подходу к анализу политических вопросов, по широчайшим перспективам, которые он набрасывает, по всей последовательности Чернышевский... в области политики, как и в области философии и многих

¹ Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский: Его жизнь и деятельность. Т. 1—2. М.; Л., 1928. Книга представляет собой исправленное и дополненное издание дореволюционной работы автора, вышедшей в свет в 1909 г.

² См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 129.

других, — несомненно, является нашим предшественником, человеком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин»¹. Чернышевский, по мнению Стеклова, «предсказал ход революции 1905 года и предвидел Октябрь...»².

Выступая затем в прениях по докладу М. Н. Покровского («Чернышевский как историк»), Стеклов, уточняя, а в известном смысле сдвигая свою позицию, говорил: до марксизма Чернышевский не дошел, нельзя утверждать, что он был «законченным марксистом и большевиком». Но он был нашим предтечей и в политике, и в философии, и во всех других областях³. Эта точка зрения позволяла Стеклову как бы вырывать Чернышевского из контекста всего революционно-демократического движения и утверждать, что он протягивал руку современным коммунистам через голову ряда поколений, забывших и искавших его (в частности, через голову народников, которые «незаконно» провозгласили его своим учителем)⁴.

Ю. М. Стеклов хорошо понимал, что его взгляды стоят в противоречии с концепцией Ленина, который считал Чернышевского социалистом-утопистом. В ходе дискуссии он признал «кое-какие элементы утопизма» у Чернышевского, но тем не менее отстаивал мысль, что «как раз в том пункте, где Ленин считал его утопистом (будто бы Чернышевский действительно считал возможным непосредственный переход от патриархальной крепостнической общины помимо капитализма к социализму), именно здесь Чернышевский утопистом не был». Историк фактически обвинял Ленина в упрощенной постановке вопроса и пытался доказать, что «Чернышевский отвечал на вопрос о путях перехода России к социализму так, как отвечали на него позднее Маркс и Энгельс»⁵. Это было, конечно, явное недоразумение, логически вытекавшее из свойственных Стеклову модернизаторских увлечений.

Взгляды Стеклова в известной мере разделял Рязанов, также находивший выводы Чернышевского «по типу своему» марксистскими. Но, в отличие от Стеклова, он отмечал влияние Чернышевского на весь ход последующего революционного движения. Рязанов утверждал, что глава «Современника» подготавливал революционное движение

¹ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 131.

² Там же. С. 135.

³ См. там же. С. 140.

⁴ См. там же. С. 129.

⁵ Там же. С. 138.

70-х гг. в его самых крайних проявлениях, а с другой стороны, своей последовательной критикой либералов толкал своих читателей к социал-демократизму. По сути дела, Рязанов соглашался с Плехановым, который видел в Чернышевском родоначальника нового, социал-демократического периода революционной мысли¹. Тем не менее он справедливо считал, что Плеханов «первой манеры (т. е. марксистского периода.— Р. Ф.) был более прав в своей характеристике Чернышевского», нежели Стеклов².

Концепция Ю. М. Стеклова встретила возражения со стороны абсолютного большинства участников дискуссии как в самом Обществе историков-марксистов, так и в юбилейной литературе³. М. Н. Покровский правомерно расценил ее как имеющую давнюю историю «жестокую атаку» на общепринятую ленинскую партийную традицию во взглядах на Чернышевского⁴. Но развернувшаяся борьба за марксистско-ленинское понимание Чернышевского высветила всю сложность вопроса о соотношении его идейно-теоретического наследия с теорией научного коммунизма. В своей критике взглядов Стеклова историки не сумели в полной мере опереться ни на марксистские работы Плеханова, который еще на рубеже 80—90-х гг. «вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»⁵, ни на концепцию В. И. Ленина, заключавшую в себе методологическую основу конкретно-исторической разработки проблемы.

По отношению к Плеханову многие историки разделяли, видимо, взгляд М. В. Нечкиной, будто его работа о Чернышевском уже «утратила... огромную долю своего научного значения»⁶. Что же касается концепции Ленина, то она просто не была еще всесторонне осмыслена. В канун дискуссии Нечкина, отмечая неразработанность темы о влиянии Чернышевского на дальнейшее революционное движение, о восприятии его идей позднейшими революционерами, писала: «В эту тему входит другая, с которой надо бы начать: как относился Ленин к Чернышевскому и

что он о нем писал? Сделано тут что-нибудь? Пока — ничего»⁷.

Лишь в ходе дискуссии историки обратились к важнейшим ленинским оценкам, чему способствовало издание Институтом Ленина при ЦК ВКП(б) специального сборника «Ленин и Чернышевский»⁸. Но аналитическая работа над той частью литературного наследия Ленина, которая касалась Чернышевского, была еще впереди, и это не могло не сказаться на ходе и результатах дискуссии.

М. В. Нечкина констатировала, что в ходе дискуссии Стеклов отступил от своих позиций и приблизился к правильной точке зрения Покровского. Разница между ними, утверждала она, была уже не в существе дела, а в формулировках, и, следовательно, правильный взгляд на Чернышевского в основном установлен⁹. В действительности же все это было гораздо сложнее. Хотя Покровский и утверждал, что он защищал тот взгляд на Чернышевского, которого «всегда держалась наша партия, в лице, главным образом, Ленина», на деле он согласился с Рязановым, чья точка зрения отнюдь не совпадала с ленинской. Суждения Покровского, несмотря на то что он во многом избавился от прежней трактовки Чернышевского, оставались противоречивыми. С одной стороны, он утверждал, что у Чернышевского были как народнические, так и близкие к марксизму черты¹⁰, а с другой — что он «не был ни народником, ни марксистом», а был «крестьянским революционером, точнее говоря, идеологом крестьянской революции»¹¹.

Расшифровка этого положения у Покровского оказалась сильно вульгаризированной. Характерную черту идеологии Чернышевского как выразителя «класса-амфибии», способного развиваться как в буржуазном, так и в социалистическом направлении, он усмотрел в переплетении перехода «от крестьянства зажиточного, от крепкого мужичка, к деревенской бедноте». Только в последнем случае Чернышевский и был революционером, буржуазным демократом и, следовательно, «великим предшественником» народничества¹². Ту нить, которая исторически связывала Чернышевского с социал-демократией, Покровский еще только нащупывал, пересматривая свои прежние пред-

¹ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 133—134.

² См. там же. С. 147.

³ См. обстоятельные обзоры М. В. Нечкиной: Накануне юбилей Н. Г. Чернышевского // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 173—179; Юбилейная литература об Н. Г. Чернышевском // Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 211—221.

⁴ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 148.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 259.

⁶ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 173.

⁷ Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 179.

⁸ Ленин и Чернышевский. М., 1928.

⁹ См.: Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 145.

¹⁰ См. там же. С. 148—149.

¹¹ Там же. С. 152.

¹² См. там же.

ставления об идеологических направлениях той эпохи, когда «демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое...»¹.

Важно, однако, подчеркнуть, что в ходе дискуссии о Чернышевском был поставлен вопрос о соотношении его воззрений как наиболее полном воплощении «наследства» 60-х гг. с теорией научного социализма. Специально анализируя это соотношение, В. Кирпотин отверг построения Стеклова и показал, что Чернышевский не поднялся до уровня марксизма, хотя и пришел к выводам, которые уже «не вполне уместались в рамках старого утопизма». Теоретическая работа Чернышевского не осталась втуне. «Изучение Чернышевского, — писал исследователь, — помноженное на бакунинскую революционную практику, при первых шагах русского рабочего движения дало возможность передовой группе русской революционной молодежи адекватно усвоить западноевропейский марксизм»².

Эта мысль в несколько иной форме нашла отражение в составленных М. Н. Покровским тезисах о Н. Г. Чернышевском³. В них справедливо утверждалось, что из всех утопических социалистов Чернышевский ближе всех подошел к научному социализму, что его идеи владели умами революционной молодежи вплоть до утверждения в нашей стране марксизма и «для многих в конце этого периода были путеводной звездой, ведшей именно к марксизму». Тезисы, наряду с правильной характеристикой Чернышевского как идеолога крестьянской революции, содержали в себе и ошибочные установки, имевшие далеко идущие исторические последствия. Утопически-социалистическое учение Чернышевского было объявлено «слабой стороной его писаний». «Ошибки и непоследовательности» Чернышевского, раздутые и преувеличенные его мелкобуржуазными учениками, составили якобы основное содержание учения народников, в котором «сильнее всего отразился Чернышевский — буржуазный демократ и утопист и слабее всего Чернышевский — провозвестник научного социализма».

Историографическое значение тезисов всецело опреде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 280.

² Кирпотин В. Чернышевский и марксизм // Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 40. См. также рецензию В. Кирпотина на монографию Ю. Стеклова о Чернышевском (Историк-марксист. 1929. Т. 2. С. 162—169).

³ Н. Г. Чернышевский: Тезисы тов. М. Н. Покровского, согласованные с АПО ЦК и МК ВКП(б) // Правда. 1928. 15 ноября.

лялось тем, что в них были суммированы основные ленинские оценки Чернышевского. Мысль о том, что эти оценки дают «лучшее, что может дать марксистский анализ по отношению к великому крестьянскому революционеру 60-х годов», правильно ориентировала исследователей на решение вопроса о Чернышевском как предшественнике русской социал-демократии.

Существенный шаг вперед в этом отношении сделал А. И. Ломакин, выступивший с докладом «Чернышевский и Ленин» на секции истории ВКП(б) Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Он видел свою задачу в том, чтобы рассмотреть сквозь призму воззрений Ленина высказанные в ходе дискуссии различные оценки взглядов Чернышевского, подвести ее итоги, а также показать, «что именно Ленин, а с ним и наша партия восприняли в качестве наследства от своего выдающегося идейного предшественника»¹. Отвергнув распространенное среди некоторой части историков мнение, будто Ленин «специально Чернышевским не занимался и вообще его мало знал», докладчик показал огромное методологическое значение ленинских оценок для подлинно научного решения вопросов, вызывавших особенно острые споры.

А. И. Ломакин пришел к выводу, что «ошибочная и вредная» точка зрения Стеклова может теперь «считаться разоблаченной». Но наиболее вредной он называл ту точку зрения, традиции которой, по его мнению, восходят к Плеханову. Эта традиция, полагал он, была еще «настолько сильна, что ей следовали многие участники дискуссии, просмотревшие в Чернышевском основное, — то, что так часто подчеркивал и высоко ценил в нем Ленин, — его позицию революционного, боевого и последовательного демократизма»². Доказывая несостоятельность этой традиции, Ломакин впервые использовал еще не опубликованные в то время пометы и замечания Ленина на полях книги Плеханова (1910 г.) о Чернышевском. Эти замечания, имеющие принципиальное значение для оценки взглядов Плеханова-меньшевика, Ломакин безоговорочно распространил и на Плеханова периода 1890—1892 гг., когда он выступил со статьями о Чернышевском в «Социал-демократе». Отсюда и происходил методологически неверный взгляд о «коренном различии» в отношении к «наследству»

¹ Ломакин А. И. Чернышевский и Ленин // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. С. 248.

² Там же. С. 252—253.

Чернышевского, с одной стороны, Ленина и с другой — Плеханова¹. Неверной была и мысль Ломакина о том, что при исследовании и оценке Чернышевского важно не столько выяснение соотношения его теоретических воззрений с марксизмом, сколько анализ их классовой сущности и политической целенаправленности². В. И. Ленину, уточнившему и обогатившему плехановское понимание революционного наследства 60-х гг., поставившему его на службу партии в борьбе за победу пролетарской революции, подобное противопоставление было, конечно, абсолютно чуждо.

Тем не менее попытка рассмотрения взглядов и политических позиций Чернышевского сквозь призму ленинских оценок позволила Ломакину сказать, что его «нельзя ставить на одну доску с утопистами обычного толка», что он «представлял своеобразный переход к научному социализму...»³. Центральный тезис, обоснованный докладчиком, сводился к тому, что наследство, воспринятое Лениным от Чернышевского, состояло в традициях и идеях боевого и последовательного демократизма, что именно эти идеи «являются тем основным звеном, которое связывает и соединяет Чернышевского и Ленина, эти две высочайшие вехи в истории социализма в России»⁴.

Это было, конечно, важным завоеванием историко-партийной науки, хотя многие аспекты проблемы оставались еще в стадии постановки и требовали серьезных конкретно-исторических изысканий. Не случайно весь комплекс вопросов, касающихся предшественников российской социал-демократии, соотношения революционно-народнической теории и практики с большевизмом, стал объектом пристального внимания историков в 1929—1931 гг., когда в стране широко отмечалось 50-летие «Народной воли». Развернувшаяся в связи с этим юбилеем очередная дискуссия приобрела необычайную политическую остроту, поскольку она затрагивала проблему взаимоотношений пролетариата и крестьянства на различных этапах революционной борьбы. Именно так определялся идейно-политический стержень дискуссии в «Тезисах Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли», где был подчеркнут двуединный подход к этой юбилейной дате: с одной

стороны, с точки зрения предьстории большевистской партии, а с другой — с точки зрения рассмотрения и разрешения поставленного Лениным вопроса об отношении рабочего класса к мелкой буржуазии и ее программам¹.

Эта сторона юбилейной кампании в полной мере раскрылась в процессе обсуждения статьи И. А. Теодоровича об историческом значении «Народной воли»². Не ставя своей целью осветить сложные и крайне противоречивые теоретико-методологические подходы участников трехлетней дискуссии к решению поставленной задачи, отметим лишь аспекты, наиболее существенные для нашей темы. Общий смысл выступления Теодоровича состоял в попытке взглянуть на идеологию и политическую борьбу «Народной воли» с точки зрения назревания и развития социалистической революции не только в России, но и в Западной Европе. Автор исходил из того, что социальной опорой «Народной воли» являлся разоряемый капитализмом мелкий товаропроизводитель, который, однако, уже выделил из себя переходную — от пауперизованных товаропроизводителей к пролетариату — группу «пролетария-отца», т. е. пролетария, который еще мечтал о возвращении к самостоятельному мелкому хозяйству. В «пролетарии-отце» автор видел связующее звено с «пролетариан-сыном», т. е. современным рабочим классом.

С точки зрения Теодоровича, именно группа «пролетария-отца» представляет глубокий научный интерес: с нею вошла в теснейшее соприкосновение «Народная воля», все больше и больше опираясь на нее. Поэтому наследство «Народной воли» оказалось чрезвычайно ценным, и «пролетарий-сын» «не мог с небрежностью сбросить со счетов громадный опыт борьбы, проделанный его отцом». В соответствии с этим Теодорович видел великое историческое значение «Народной воли» не только в том, что она «объективно должна была быть организатором очень важных резервов, в первую голову крестьянских, для единой мировой социалистической революции», но еще и в том, что «в своей борьбе она накопила громадный политический, тактический и организационный опыт, который умело использовали, соответственно модернизировав его, революционные марксисты»³.

¹ См. приложение в кн.: Дискуссия о «Народной воле». М., 1930. С. 193—205.

² Теодорович И. Историческое значение партии «Народная воля» // Каторга и ссылка. 1929. № 8—9 (57—58).

³ Там же. С. 24, 32.

¹ См.: Ломакин Арк. Чернышевский и Ленин. С. 260.

² См. там же. С. 257.

³ См. там же. С. 252.

⁴ Там же. С. 260. *

В «Народной воле» Теодорович видел три течения: «одно главное, коренное, и два уклона». «Правый уклон выражал идеологию «товарного мужика», а «левый» — был уже «пред-социал-демократическим», так как отражал воззрения группы «пролетария-отца», все более и более переходящей в группу «пролетария-сына». Правый уклон, отпочковавшись от народофильства, развивался через «народоуправство и освобожденство к кадетству и близким к нему системам, «левый» же — вырос потом в социал-демократию»¹.

Представляется неверным мнение современного исследователя «Народной воли» М. Г. Седова, что все эти положения, ограничась Теодорович только ими, не вызвали бы серьезных возражений². Напротив, возражения последовали немедленно, причем именно в связи с вульгарно-социологическим представлением о социальной базе народофильства и прямолинейным сближением его «левого» крыла с социал-демократией. Суждения Теодоровича стояли в полном противоречии с ленинской трактовкой социальной базы и определяющих тенденций эволюции народофильства³. Сознавая это, Теодорович совершенно неосновательно ссылался на то, что Ленин будто бы определял народофильство «в его целом, в его массе и справедливо игнорировал его уклоны»⁴.

И. А. Теодорович откровенно сближал идеологию народофильства с ленинизмом, выводя его «родословную из идейного и программно-тактического арсенала «Народной воли». Опираясь на известное ленинское разграничение «крестьянского» социализма революционного народничества и «мещанского» социализма народничества либерального, Теодорович фактически выносил социалистические идеи народофильцев за рамки чистого утопизма, сближал «социализм» мелкого производителя с пролетарским социализмом. Для него это — последовательные этапы развития «отноудь не тождественных, а только более или менее сходных, близких явлений»⁵. Формально историк не мог, конечно, отрицать утопический характер социалистических воззрений «Народной воли». Но он ставил их в один ряд с

¹ Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 50—51.

² См.: Седов М. Г. Героический период революционного народничества: (Из истории политической борьбы). М., 1966. С. 39.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 286.

⁴ Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 51.

⁵ Там же. С. 41.

утопически-социалистическими учениями Сен-Симона, Фурье и Оуэна, ссылаясь на оценку последних Энгельсом и Лениным¹.

Исходя из этой внеисторической посылки, Теодорович делал вывод о том, что «ленинизм развил и законченную пролетарскую систему *зародыши* гениальных идей», встречающихся у народофильцев². Очевидно, что перед нами те же поиски «корней большевизма в русской почве», основанные в данном случае на вульгарном понимании процесса классового образования в пореформенной России, полном абстрагировании от условий, места и времени возникновения и функционирования идей французского утопического социализма как одного из источников марксизма и утопически-социалистических представлений «Народной воли».

Весь пафос статьи Теодоровича сводился к доказательству того, что своей идеологической деятельностью, не говоря уже о тактике и организации, «Народная воля» «расчищала пути для дальнейшей работы последовательного революционного марксизма...»³. Она «в смутной, зародышевой форме» выразила не только идею гегемонии рабочего класса, но и идею «государства Советов», в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, изгна, предвосхитила ленинские принципы организационного строения партии и т. д.⁴

Такая вопиющая модернизация идеологических и программно-тактических основ «Народной воли», искажавшая не только объективный смысл ее деятельности, но и открывавшая широкий простор для совершенно ложного истолкования ленинского учения о «наследстве» предшественников революционной социал-демократии России, встретила решительный отпор со стороны окрепшей историко-партийной мысли. В ходе дискуссии в Обществе историков-марксистов (январь — февраль 1930 г.), а затем и в печати взгляды Теодоровича подверглись всесторонней и достаточно обоснованной критике (Э. Б. Генкина, Е. М. Ярославский, И. Л. Татаров, В. Ф. Малаховский, Э. Я. Газганов, П. О. Горин и др.)⁵. При этом участники

¹ См.: Теодорович Ив. Историческое значение партии «Народная воля». С. 44.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 44.

⁴ См. там же.

⁵ Дискуссия о «Народной воле», М., 1930. См. также: Малаховский Вл. На два фронта: (К оценке народофильства). М., 1930. С. 54—62 и др.

дискуссию справедливо доказывали, что позиция Теодоровича смыкается с выступлениями С. И. Мицкевича, Ю. М. Стеклова и других историков в спорах предшествующих лет. Э. Я. Газганов, например, говорил: «...постановка вопроса, которую дает в своих работах Стеков, методологически на все 100% совпадает с той точкой зрения, какую развивает т. Теодорович...»¹

Выясняя антинаучный характер подхода Теодоровича и его немногочисленных сторонников (С. И. Мицкевич, А. Ф. Рындич) к проблеме предшественников большевизма, участники дискуссии особое внимание сосредоточили на ее методологических аспектах. При этом, естественно, они опирались на ленинские оценки идеологии крестьянской демократии в ее соотношении с марксизмом, революционной социал-демократией. Впервые эти оценки стали воспроизводиться в определенном концептуальном единстве, что и позволило в основном правильно наметить главные линии преемственности большевизма по отношению к тем, кого Ленин называл «нашими предшественниками», очертить круг демократических традиций, ставших достойным революционного крыла российской социал-демократии, добиться большего или меньшего приближения к ленинской трактовке исторической роли революционеров-демократов «в подготовке русской революции».

Но целостное изучение проблемы было еще впереди. Участники первого Всесоюзного совещания по вопросам преподавания ленинизма, истории партии и истории Коминтерна, состоявшегося сразу после названной дискуссии, записали в резолюции по докладу Д. Кина «История партии как наука»: «При изучении вопроса о предшественниках революционной социал-демократии в России необходимо разработать ленинские указания в этом вопросе (вопрос о наследстве), вместе с тем решительно отвергая систематические попытки вывести большевизм из мелкобуржуазных народнических течений, попытки, сводящиеся к идеализации последних (Стеков, Теодорович и др.)»².

Вслед за тем в «Правде» от 9 апреля 1930 г. были опубликованы «Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) к 50-летию «Народной воли», в которых точка зрения Теодоровича расценивалась как смазывание различия между науч-

ным и утопическим социализмом, ведущее к неправильному представлению о путях перевода крестьянства на рельсы социализма в обстановке диктатуры пролетариата, к умалению руководящей роли рабочего класса. «Рассматривая большевизм как продолжение социалистических воззрений народников, — говорилось в Тезисах, — модернизируя идеи народников, т. Теодорович пересматривает ленинское понимание революционного «наследства», вошедшего в арсенал ВКП(б)»¹.

Отвергая модернизаторские тенденции, столь отчетливо проявившиеся в работах советских историков, Тезисы наносили удар по либерально-буржуазным и мелкобуржуазным (меньшевистским и эсеровским) оценкам идеологии и тактики «Народной воли». Особо подчеркивалась необходимость «преодолеть остатки меньшевистских воззрений, бороться против игнорирования всего того прогрессивного и революционного, что в народническом наследии действительно имеется»².

Тезисы Культпропа ЦК ВКП(б) подвели первые итоги методологической и историографической разработки ленинской концепции революционного народничества и явились важной вехой утверждения ее в советской историко-партийной науке. А это было необходимым условием дальнейшего конкретно-исторического изучения проблемы предшественников революционной социал-демократии России.

Дальнейший ход дискуссии показал, что в решении этой проблемы историко-партийная наука успешно, хотя и не без противоречий утверждалась на марксистско-ленинских методологических позициях. В этом отношении характерна эволюция взглядов М. Н. Покровского, который к концу 20-х гг. во многом преодолел свои прежние модернизаторские увлечения, связанные с поисками «корней большевизма» в идеологии предшественников российской социал-демократии. Еще в феврале 1924 г. в речи «Ленин в истории русской революции» он выразил согласие с заявлением старой большевизма (а некогда «якобинки») М. П. Голубевой о том, что мелкобуржуазное учение якобинцев «в ленинскую идеологию не вошло и не могло войти», решительно отмежевался от нелепых попыток объявить Ленина учеником Ткачева и Зайчневского.

Вместе с тем, в основном правильно ставя вопрос об

¹ Дискуссия о «Народной воле». С. 66.

² Вопросы преподавания ленинизма, история ВКП(б) и Коминтерна. М., 1930. С. 316.

¹ Дискуссия о «Народной воле». С. 205.

² Там же. С. 202–203, 194.

отношении Ленина к наследству предшествующих революционных поколений, Покровский еще слишком прямолинейно решал вопрос о преемственной связи ленинизма с теорией и тактикой революционеров-разночинцев. Он утверждал, что «некоторые моменты русского революционного движения 60—70-х гг. влились в ленинскую тактику, были ею восприняты...». Указывая на развернувшуюся в 70-х гг. борьбу между сторонниками различных тактических направлений, Покровский совершенно неосновательно заявил, что Ленин будто бы «сумел координировать в одно стройное целое, стянуть всех этих забывших друг о друге и борющихся друг с другом революционеров старого времени», что, следовательно, ленинизм «есть настоящий синтез всего революционного движения...» в России¹.

В дальнейшем Покровский постепенно уточнял свои представления о связи большевизма с революционными традициями и «наследством» предшественников. В 1930 г. он опубликовал статью «По поводу юбилея «Народной воли», в которой решительно осудил попытки установления *идейной* связи различных течений в народолюбчестве с большевизмом. Признавая связь последнего с предшественниками, добольшевистскими фазами развития революционного движения (по линии организационных форм, политической борьбы), он подчеркивал, что из этого «никак не следует, что мы из этих фаз, или одной из них, вышли. Те, кто видит в якобинцах ли или в народолюбцах прямо «предшественников» большевизма, становятся на явно немарксистскую позицию...»².

Опираясь, далее, на ленинский анализ реального содержания и общественного значения народничества, Покровский доказывал, что «по линии социализма никакой «традиции» от народников к большевикам устанавливать нельзя», что линия развития идет от «классиков» (революционных народников) к «эпигонам» (либеральным народникам и эсерам), а не от народников к большевикам³. Народолюбцы, справедливо утверждал историк, толкуя о социализме, на деле прокладывали путь демократической революции. Резко критикуя с этой точки зрения взгляды Теодоровича, он отметил, что «гениальные синтезы лени-

низма» «ничем не обязаны и не могут быть обязаны революционному народничеству, в частности народолюбчеству. Заслуга Ленина именно в том, что он преодолел народническое мирозерцание так четко, как никто другой»⁴.

Однако Покровский и в то время не сумел до конца преодолеть некоторые слабые стороны в своей трактовке ленинской концепции народничества. В частности, он не видел того, что отличало идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии. Понятия «крестьянский социализм» и «мещанский социализм» оставались для него равнозначными. Поэтому, как и прежде, Покровский сближал революционное народничество (в том числе и народолюбчество) с буржуазным либерализмом. Все это позволяло ему прибегать к рискованным историческим параллелям, устанавливать связь воззрений народников 70-х гг. с «теперешним переплетом правого и левацкого уклонов», настаивать на историческом анализе этой связи для понимания современного политического положения. В таком анализе, полагал он, и «заключается специфическая, истории свойственная форма соединения теории с практикой»⁵.

К 1930 г. относится попытка В. Я. Кирпотина обобщить и оценить накопившийся в ходе дискуссий 30-х гг. историографический материал по проблеме идейных предшественников марксизма в России. В своей сугубо полемической книге автор сосредоточил основное внимание на выявлении круга идей, подготовивших торжество марксизма в истории русской общественной мысли⁶. Его отправная методологическая установка сводилась к тому, что предшественниками марксизма и ленинизма в России являются представители тех теоретических течений в нашем революционном прошлом, которые подготавливали «правильное понимание и адекватное усвоение родившегося на промышленном Западе марксизма». При этом подчеркивалась необходимость строго учитывать, что речь идет именно о предшественниках русских марксистов, а не о генезисе марксизма, как такового, ибо последний был позаимствован с Запада⁷.

¹ См.: Покровский М. Н. Ленин в истории русской революции // Молодая гвардия. 1924. № 2—3. С. 241—249.

² Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 305—306.

³ См.: Покровский М. А. А. Богданов (Малиновский): Некролог // Вестник Коммунистической академии. 1928. Кн. XXVI (2). С. VI.

⁴ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. С. 313.

⁵ См. там же. С. 312, 393.

⁶ См.: Кирпотин В. Идеиные предшественники марксизма-ленинизма в России. М., 1930. С. 3, 14.

⁷ См. там же. С. 3, 4, 96.

С этих позиций Кирпотин стремился раскрыть внутреннее содержание важнейшего положения Ленина о Герцене, Белинском, Чернышевском и блестящей плеяде революционеров 70-х гг. как предшественников русской социал-демократии¹. К сожалению, это стремление не привело автора к строго научным результатам: он встал на ошибочный путь противопоставления социалистических взглядов Н. Г. Чернышевского утопически-социалистическим (народническим) воззрениям Герцена и революционных народников 70-х гг. По его мнению, Чернышевский, подобно великим социалистам-утопистам Запада, при всем несовершенстве своего социализма был социалистом «в самом деле». Герцен же, полагал он, был носителем иллюзорного социализма «очень низкого пошиба», а потому и не подлежащего никакому сопоставлению с классическим утопическим социализмом, не говоря уже о социализме пролетарском².

Из этого следовало, что Герцен принадлежал к числу предшественников марксизма в России лишь одной стороной своих воззрений, связанной с его диалектикой, причем, по глубоко ошибочному мнению Кирпотина, диалектиком он был лишь до 1848 г. Представляя Герцена (до 1848 г.) «очень ярким последователем Гегеля», автор заключал: «Подобно тому, как диалектика Гегеля подготовляла марксизм на Западе, так и диалектика Герцена подготовляла лучшие русские умы к восприятию марксизма в России...» Что же касается Белинского, то он, по мнению Кирпотина, был диалектиком еще более сильным, чем Герцен, и шел от Гегеля к Фейербаху тем путем, который был торной дорогой к марксизму на Западе. Поэтому автор признал Белинского предтечей Чернышевского, а последнего — «самым ярким, самым близким предшественником марксизма в России», поскольку он, в отличие от Герцена, подходил к нему «всем фронтом своих воззрений»³.

Обосновывая правильное положение о Чернышевском как мыслителе, «наиболее близко подошедшем к марксизму», Кирпотин ссылаясь на Плеханова; при этом в трактовке идейного развития Чернышевского он не только повторил отдельные слабые стороны плехановского анализа, но и включил некоторые из них в систему своей аргументации.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 25.

² См.: Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 17, 81.

³ См. там же. С. 18—20, 28.

Г. В. Плеханов еще в 1883 г. объявил Чернышевского родоначальником русской социальной демократии¹, а позднее решительно отказался считать его и родоначальником народничества². Следуя за Плехановым, Кирпотин и попытался отделить Чернышевского от общего направления народнической мысли, доказать, что он «не был типичным народником», что он был таковым лишь по классовому значению своей деятельности, но не по своим взглядам³. В данном случае автор сознательно абстрагировался от недвусмысленного ленинского положения о том, что Чернышевский вслед за Герценом развивал народнические взгляды⁴. Кирпотин считал Герцена основоположником народничества, представители которого базировали всю свою деятельность на его теории «русского социализма». В итоге получалось, что круг идей и метод Чернышевского вместе с идеями русских гегельянцев помог русским марксистам адекватно усвоить учение Маркса и Энгельса, а путь от Герцена вел к Бакунину, Лаврову, Михайловскому, к «Земле и воле», «Народной воле» и «был в теоретическом отношении путем выработки враждебного марксизму течения». «Чернышевского, — писал Кирпотин, — мы должны зачислить в разряд подготовителей марксизма, народничество же — в перечень врагов, в борьбе с которыми марксизм рос и утверждал свою гегемонию»⁵.

Это была, конечно, крупная методологическая ошибка. Хотя Чернышевский сделал громадный шаг вперед в сравнении с Герценом, утопически-социалистическая форма равно облекала их революционно-демократические по своей объективной сущности программы, и оба мыслителя были родоначальниками идеологии революционного народничества, которое пережило основные циклы своего развития до зарождения марксизма в России, а потому и не могло в 60—70-х гг. выступать в качестве враждебной ему силы. Для Кирпотина осталась неясной революционизирующая роль герценовской теории «русского социализма», главные идеи которой были не чем иным, как формулировкой «революционных стремлений к равенству со стороны крестьян...»⁶. Автор не сумел разобраться во всей глубине

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 19.

² См. там же. М., Л. [1924]. Т. 6. С. 369.

³ См.: Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 71—72.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

⁵ Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 72—73.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 258.

и сложности напряженных идейных исканий, которые в конечном итоге обусловили переход Герцена «от илакузий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»¹. А ведь именно этот переход наиболее ярко высвечивает ту линию преемственности Герцена-революционера с марксизмом, которая начисто отвергалась буржуазно-либеральной историографией.

Тем не менее Кирпотин высказал немало интересных мыслей о соотношении мелкобуржуазной идеологии и марксизма, сумел выяснить ошибочность попыток Стеклова изобразить Чернышевского чуть ли не основоположником марксизма-ленинизма в России и заодно подтянуть Бакунина к научному социализму. Он подверг резкой критике стремление сблизить идеи народничества с большевизмом (И. А. Теодорович), опроверг представления о Д. И. Писареве как мыслителе, который подготавливал умы к восприятию марксизма даже больше, чем Чернышевский (В. Ф. Переверзев, отчасти Б. П. Козьмин), развенчал идею происхождения большевизма от народничества и лассальянства (Н. Л. Сергиевский). Но, повторяем, в полной мере осмыслить ленинскую концепцию предшественников российской социал-демократии Кирпотин не сумел. Отмеченная Лениным важнейшая особенность эпохи Чернышевского (неразъединимая слитность демократизма и социализма)² не была им учтена, что и породило противопоставление утопического социализма Чернышевского так называемому «русскому социализму» Герцена.

Вполне понятно, что Кирпотин не сумел избежать серьезных противоречий и ошибок. Иначе не могло и быть, поскольку он объявил революционно-народническую теорию не только враждебной марксизму, но и реакционной. Эта оценка, стоящая в полном противоречии с концепцией Ленина, заводила автора в тупик, ибо он должен был ответить на вопрос: почему же Ленин относил «блестящую плеяду революционеров 70-х годов» к числу предшественников русской социал-демократии.

Ответ Кирпотина оказался крайне противоречивым. С одной стороны, он начисто исключал революционных народников 70-х гг. из числа *идейных* предшественников марксизма в России на том именно основании, что их теоретические воззрения были ниже учения Чернышевского,

с другой — он признавал у них общедемократические, революционные элементы, которые, как указывал Ленин, русская социал-демократия выделяла из народнических учений и признавала «своими»³. Отстаивая мысль о том, что марксисты ровным счетом ничего не могли почерпнуть из народнической теории, автор тем не менее находил в идейно-политическом багаже ее носителей элементы, которые являлись, по его мнению, «подготовительными по отношению к марксизму». В ряду «идейных источников марксизма в России» он называет, помимо гегельянства и идейного наследия Чернышевского, «сознание необходимости политической борьбы с самодержавием у народолюбцев и организационные идеи земледельцев и тех же народолюбцев...»².

Сильная сторона работы Кирпотина состояла в том, что в ней проводилась довольно четкая грань между вопросом о предшественниках русской социал-демократии и проблемой генезиса марксизма в России. Автор полностью принимал ленинскую точку зрения в оценке группы «Освобождение труда» как родоначальницы «русского марксизма»³ и уже в силу этого не мог согласиться с поисками его «корней» в различных течениях домарксистской общественной мысли, как и с попытками отыскать первых русских марксистов в 70-х гг. Это было очень важно: проблема перехода русской революционной мысли от утопии к науке была переведена в плоскость преодоления слабых сторон мировоззрения предшественников, что имело решающее значение и для научной постановки главных вопросов генезиса ранней марксистской мысли в стране.

Но, с другой стороны, эта плоскость легко могла превратиться в «наклонную», ибо во взглядах Кирпотина отчетливо прорисовывались контуры концепции, которая базировалась на антинаучном противопоставлении революционеров-шестидесятников «классическому» народничеству 70-х гг. По отношению к последнему это очень скоро вылилось в целый поток обличительной литературы, что отнюдь не способствовало научному решению проблемы предшественников. В своем стремлении опереться на основополагающие идеи Ленина Кирпотин не сумел охватить их в том диалектическом, концептуальном единстве, которое было абсолютно необходимо для целостного решения

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 257.

² См. там же. Т. 1. С. 280.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 232; Т. 6. С. 336.

² Кирпотин В. Идеи предшественники марксизма-ленинизма в России. С. 28.

³ См. там же. С. 16.

проблемы соотношения домарксистских прогрессивных идейно-политических течений страны с идеологией рабочего класса.

В связи с изучением этой проблемы пристальное внимание историков привлекла идеология первых самостоятельных рабочих организаций 70-х гг. Для работ изучаемого периода характерна некоторая переоценка уровня классового самосознания рабочих того времени и в связи с этим неоправданная акцентировка на социал-демократическом «наполнении» программных документов указанных организаций. В значительной мере это явилось реакцией на писания «экономистов» и меньшевиков, которые, как справедливо отмечал М. Н. Покровский, уже в силу своих ошибочных взглядов на характер рабочего движения в России не в состоянии были подняться над историей экономической борьбы в узком смысле этого слова, обесцвечивали яркую и красочную картину пролетарской борьбы (в том числе и досоциал-демократического периода)¹.

Как же смотрели на идеологию передовиков рабочей демократии 70-х гг. советские историки? А. С. Бубнов считал, что именно «Северный союз русских рабочих» являлся зародышем революционной пролетарской партии в России; с ним он связывал начало первого периода ее истории². Эту точку зрения полностью разделял Ю. М. Стеклов³. А. Шилов на основе анализа газеты «Рабочая заря» № 1 (органа «Северного союза») пришел к выводу, что в ней еще в неразработанном виде намечались течения будущей социал-демократии. Группа «Освобождение труда», полагал он, впоследствии лишь философски обосновала и развила основные положения, зародившиеся пока еще в небольшой группе рабочих⁴. Н. Авдеев категорически утверждал, что объявлять группы Плеханова и Благоева первыми марксистскими организациями — значит руководствоваться формальной, а не исторической точкой зрения, так как первыми (по времени) ячейками социал-демократической рабочей партии в России были рабочие союзы 70-х гг. Но в обоснование этого взгляда автор

¹ См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 1. С. 324—325.

² См.: Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 1—8.

³ См.: Стеклов Ю. М. Борцы за социализм: Очерки из истории общественных и революционных движений в России. М.; Л., 1924. Ч. 2. С. 44, 47.

⁴ См.: Шилов А. Последние страницы из жизни «Северного рабочего союза» в Петербурге в 1880 г. // Красная летопись. 1922. № 2—3.

выдвигал лишь тот факт, что эти организации раньше других выдвинули идею политической борьбы рабочего класса. Правда, он делал оговорку, что рабочие союзы 70-х гг. «еще не были вполне марксистскими», подчеркивая вместе с тем, что группа «Освобождение труда» и благоевская группа «тоже не сразу стали строго марксистскими»¹. В русло этих представлений вписывается и отмеченная выше точка зрения Н. Н. Батурина, который лишь заострил ту постановку вопроса об идеологии рабочего класса 70-х гг., которую выдвигал еще в 1906 г.

Противоречиво характеризовал соотношение идеологии рабочих союзов 70-х гг. с социал-демократией М. Н. Покровский. В рабочем движении этого десятилетия он видел основу постепенного формирования марксистского мировоззрения. В своем «Сжатом очерке» он определял «Северный союз» как первую революционную пролетарскую организацию с эклектичной программой («бакуинская голова» и плохо прилаженный к ней длинный хвост демократических требований — «в грубых чертах набросок того, что впоследствии получило название «программы-минимум»)².

Через 2—3 года Покровский во многом пересмотрел свой взгляд на «Северный союз». Он утверждал теперь, что последний — не самая интересная из самостоятельных рабочих организаций 70-х гг., ибо программа его была «чрезвычайно мало революционной». Несравненно более революционной он признал программу «Южно-российского рабочего союза». При этом историк опирался не столько на анализ программных документов обеих организаций, сколько на ошибочное противопоставление социальной базы, на которую они опирались (Северный союз — организация текстильщиков, Южный — металлостов)³.

Характерно, что в трактовке преемственных связей идеологии рабочих союзов с русской социал-демократией Покровский акцентировал внимание не на идейных сдвигах, а на петербургских стачках, связывая с ними «идеологический переворот» в мировоззрении Плеханова, а также на новой, якобы социал-демократической ориентировке Желябова. Недостаточно внимательное отношение истори-

¹ См.: Пролетарская революция. 1923. № 6-7 (18—19). С. 315—316.

² См.: Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921. Ч. 1—2. С. 258—259.

³ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М.; Л., 1927. С. 64.

ка к идейным источникам программных документов первых рабочих организаций и явная модернизация народо-вольческой «Программы рабочих членов партии «Народная воля» никак не могли дать научно обоснованное направление для дальнейшей разработки проблемы предшественников.

Наиболее значительный шаг вперед в разработке этой проблемы сделал В. И. Невский. Еще в начале 20-х гг. он признал «Южно-российский рабочий союз» «первой рабочей социалистической организацией», испытавшей влияние I Интернационала и, стало быть, учения Маркса¹, но тем не менее именно «Северный союз» считал действительным предшественником русской социал-демократии². В его деятелях, передовых рабочих, он видел людей «нового типа», стремившихся не только выразить и оформить интересы всей рабочей массы, но и пытавшихся «теоретически обосновать и практически проверить программу классовой социалистической организации пролетариата». «Северный союз», по мнению историка, указал тот путь рабочего движения, исчерпывающее теоретическое и научное обоснование которому вскоре дал Плеханов³.

Позднее подробный анализ программы «Северного союза» привел Невского к заключению, что она представляла собой «самостоятельное приспособление русскими рабочими программы западноевропейских рабочих социалистических партий к русским условиям»⁴. Но поскольку в программе отсутствовала идея диктатуры пролетариата, постольку он считал ошибочной точку зрения тех авторов, которые видели в «Северном союзе» «начало наших социал-демократических организаций». «Это была организация, — писал он, — в высшей степени приближающаяся к социал-демократическим организациям, но не социал-демократическая в том смысле, в каком мы можем назвать социал-демократической группу «Освобождение труда»⁵.

В общей оценке идеологии «Северного союза» Невский полностью согласился с Г. В. Плехановым, который, как известно, считал, что программу этой рабочей организации

¹ См.: Невский В. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I. С. 159—163.

² См. там же. С. 166.

³ См. там же. С. 172.

⁴ Невский В. И. Предшественник нашей партии: (Северный союз русских рабочих). М., 1930. С. 35.

⁵ Невский В. И. Северо-русский рабочий союз // Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. I. С. 277—278.

назвать «вполне социал-демократической» нельзя в силу того, что в нее вошла немалая доза народничества¹. Невский же, выдвигая другие доводы, также считал программу «Северного союза» эклектичной по своему характеру, а тот факт, что «Северный союз» не поднялся до социал-демократизма в истинном значении этого слова, он объяснял отсталостью рабочего движения 70-х гг., хотя и подчеркивал, в противовес Покровскому, что это была организация металлистов — наиболее развитого, наиболее сознательного слоя рабочего класса. Главную заслугу «Северного союза» Невский видел в стремлении передовых рабочих создать в России такие условия, в результате которых рабочая организация могла бы «бороться за конечную цель рабочего движения так же, как борются рабочие на Западе»². Историк особо подчеркивал большую роль некоторых деятелей «Северного союза» (Петерсона, Моисеенко и др.) в деле организации первых русских социал-демократических объединений в течение 80-х и 90-х гг.

Как видим, взгляды советских историков на соотношение идеологии первых самостоятельных рабочих организаций 70-х гг. с социал-демократизмом не были однозначны, поскольку была различной оценка выдвинутой передовыми рабочими политической программы для решения старой народнической дилеммы: или социализм, или политическая борьба. Односторонний упор на эту сторону дела без учета всех слагаемых программы и тактики рабочих организаций 70-х гг. обозначил, с одной стороны, крен к преувеличению их места в процессе утверждения марксизма на русской почве, а с другой — к недооценке мировоззренческого переворота, осуществленного группой «Освобождение труда» в связи с теоретическим основанием русской социал-демократии.

Важен, однако, сам факт изучения идейных достижений рабочих союзов 70-х гг. в связи с общей проблемой предшественников российской социал-демократии. Это изучение дало первые значительные результаты: обогатились представления о характере сознательного рабочего движения 70-х гг., об идейных источниках и уровне его общественно-политических воззрений, о соотношении его с революционно-народническим движением. Тем самым в по-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1923. Т. 3. С. 186. Отметим, что в начале своей деятельности в качестве марксиста Плеханов без всяких оговорок называл программу «Северного союза» социал-демократической (см. там же. Т. 2. С. 343).

² Невский В. И. Северо-русский рабочий союз. С. 277—278.

вестку дня историко-партийной науки был поставлен вопрос о влиянии идеологии «рабочей демократии» 70-х гг. на развитие революционной мысли России в сторону марксизма. Предстояла еще огромная работа по всестороннему осмыслению и конкретизации ленинских взглядов на процесс выделения пролетарски-демократической струи из общедемократического потока, выяснению содержания понятия «рабочая демократия», которым Ленин определял идеологию Южнороссийского и Северного союзов русских рабочих¹.

Таким образом, проблема предшественников русской социал-демократии заняла в исследовательской практике 20 — начала 30-х гг. одно из приоритетных мест. Будучи связанной с различными аспектами внутрипартийной борьбы и идеологической работы партии, эта проблема стала объектом острейших дискуссий, которые наглядно показали, насколько противоречивым и трудным был путь утверждения марксистско-ленинской методологии в исследовании соотношения сложных идейных образований передовой русской домарксистской мысли с марксистским направлением вообще, с большевизмом — в особенности. В этом отношении молодая советская историко-партийная наука шла по пути преодоления серьезных затруднений, связанных не только со слабой разработанностью многих общих и частных вопросов теории и практики как революционно-демократического, так и социал-демократического движения, но и с отсутствием методологически выверенных представлений о соотношении уровня русской марксистской мысли 80 — начала 90-х гг. с ленинизмом.

Тем не менее в ходе широких дискуссий был поставлен ряд важнейших проблем домарксистской революционной мысли России и предприняты серьезные попытки решения их в свете марксистско-ленинской методологии и ленинских взглядов. От одностороннего, порой недостаточно четкого понимания ленинских исторических взглядов историки шаг за шагом продвигались к восприятию их во всей глубине и концептуальной цельности. В итоге это позволило с позиций историзма взглянуть на «теоретические различия, которые есть между доктринами, приводящими к народничеству и марксизму, между пониманием русской действительности и истории»² и на этой основе обеспечить победу ленинской концепции народничества, что являлось необ-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 72.

² Там же. Т. 1. С. 355—356.

ходным условием и исходным моментом постановки проблемы в целом. Тем самым был положен предел распространению давней историографической тенденции, размывавшей принципиальные грани между идеологией «буржуазной крестьянской демократии» и марксизмом, на конкретном материале было осмыслено, «какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма и в чем их коренное отличие»¹.

Ленинские взгляды стали основой подлинно научной постановки проблемы предшественников русской социал-демократии как в широком политическом, так и в идейно-теоретическом отношении. И хотя в анализе соотношения идеологии крестьянской демократии с марксизмом допускались упрощения, порой неверно интерпретировались, оценивались и даже опускались отдельные важные звенья, историко-партийная мысль добилась значительных и неоспоримых успехов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 353.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ РОССИИ НА ПОЗИЦИИ НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Критика есть опасный враг заблуждений,
пустой, хотя бы и революционной фразы,
но она есть надежнейшая опора истины...

Г. В. Плеханов

Настойчивая работа советских историков над проблемой предшественников российской социал-демократии, рассматривавшейся в контексте генезиса научного социализма в России, высветила методологическое значение положений В. И. Ленина о том, что движение передовой общественной мысли страны к марксизму представляло собой необычно сложный и длительный (примерно с 40-х до 90-х гг. XIX в.) процесс напряженных и многогранных поисков правильной революционной теории. Марксизм Россия «поистине *выстрадала* полувековой историей несслышанных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Эти положения заключают в себе большую и цельную программу изучения проблемы перехода революционной мысли России на позиции научного социализма. В сложных общественно-политических условиях 20 — первой половины 30-х гг. эта программа не была реализована в полном объеме, хотя с самого начала задача виделась в том, чтобы в свете марксистско-ленинской методологии осмыслить возникновение марксизма в России как насущной потребности времени, закономерного, исторически обусловленного явления. Историко-марксисты обратились к исходным моментам прорыва революционной мысли за пределы господствующей народнической идеологии, к первым шагам преодоления связанных с нею утопических иллюзий. Исследовательская мысль сосредоточилась на выяснении объективных и субъективных предпосылок и решающих факторов перехода группы чернопередельцев во главе с Плехановым на марксистские позиции, на оценке роли

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8.

группы «Освобождение труда» в теоретическом основании русской социал-демократии, в развитии отечественного социал-демократического движения.

Решение этих сложных проблем составляло существенный компонент идейно-политической борьбы историко-марксистов против мелкобуржуазной историографии, которая свои ответы на вопрос о возникновении русского революционного социал-демократизма подчиняла антибольшевистскому извращению всей проблемы генезиса марксизма в стране.

На первый план выдвинулась задача разоблачения меньшевистских или близких к ним историографических тенденций, а также смыкавшихся с ними на почве апологии Плеханова троцкистско-ревизионистских популяризований в самой большевистской партии. Политически заостренные изыскания в русле этих тенденций фокусировались на индивидуальных особенностях мировоззренческого развития Плеханова вне всякой связи их с конкретной, внутренне противоречивой логикой движения русской общественно-политической мысли к марксизму.

При таком подходе к проблеме появление марксизма в стране представлялось в виде интеллектуального подвига Плеханова, из-под пера которого вышла, «точно Минерва из головы Юпитера», концепция «процесса освобождения России». Именно в таком ключе в 1918 г. развивал свои взгляды А. Н. Потресов¹. Для него концепция, созданная Плехановым, — это памятник его необыкновенной проинициативности, несравненного сочетания в его натуре революционного борца с трезвостью глубокого мыслителя². В ней впервые «скрестились две линии развития: сформировавшейся русской идейной и просветительной традиции и мирового социалистического рабочего движения». Это и позволило ему, «марксисту-просветителю», «свести западноевропейскую «идеологию» на почву русской истории и из этой встречи иноземной идеи и туземного факта получить наконец не механическую смесь, а органическое соединение, дающее плодотворное движение вперед и европейскому сознанию, и русскому бытию»³.

Это рожденное «от связи Европы с Россией» идейное новообразование, интегрированное гением Плеханова и международное социалистическое рабочее движение, обе-

¹ См.: Потресов А. Г. В. Плеханов // Былое. 1918. № 12 (6). С. 184.

² См. там же. С. 189.

³ Там же. С. 184.

спечило, по мнению автора, не только переворот в практике российского революционного процесса, но и обогатило рядом «подлинных завоеваний» теорию научного социализма, «само учение Маркса»¹. Объясняя эту удивительную «удачу Плеханова», Потресов ограничился беспредметным указанием на «сдвиги», которые произошли в историческом развитии Западной Европы и России к 80-м гг. XIX в. Реальное наполнение этих сдвигов, благодаря которым в конечном счете произошел перелом в мировоззрении определенной части революционной интеллигенции, и характер нового идейного течения не интересовали автора. Он антиисторически сливал, превращал в нечто цельное, единое и раз навсегда данное идейно-политическую платформу Плеханова-марксиста с его позициями более позднего периода, когда тот выступал в качестве идейного вождя меньшевизма. Взирая на победоносный Октябрь сквозь шоры «европейского» социал-демократизма, Потресов воскрешал старый, уже отброшенный ходом истории тезис о том, что Плеханов, перекинув мост между Европой и «российской целиной», указал — в противовес большевикам — «неотразимо-верную», единственно возможную дорогу прогрессивного развития России.

Понятно, что меньшевистские и методологически близкие к ним историки всю проблему ограничивали узкими рамками интеллектуальных, «книжных» исканий Плеханова, его поступательных шагов к марксизму, связанным преимущественно с изучением западноевропейской философской, экономической и социалистической мысли. Наиболее отчетливо этот подход проявился в работах Л. Г. Дейча², концепцию которого четко обрисовал М. Н. Покровский: «В основе плехановского марксизма лежала... книга: от того, прочел он эту книгу парю лет раньше или позже, зависело, когда делается марксистом Плеханов и с какого года будем мы датировать торжество пролетарской идеологии в России»³.

Игнорируя внутренние противоречия программно-тактических поисков в недрах революционного подполья, историк-меньшевик представил сложный путь группы чернопеределцев к марксизму в виде крайне упрощенной

схемы: от анархизма к народофильству и от последнего — к учению Маркса. Плеханов, по смыслу рассуждений Дейча, в самом конце 70-х гг. — еще «ярый народник», «бакуинист», испытывающий, однако, сильное влияние Маркса, Родбертуса, Дюринга, Конта, Бокля, Дрзпера, Луи-Блана, Прудона. Но эта идейная мешанина будто бы не помешала ему уже в статье «Закон экономического развития общества...» (январь — февраль 1879 г.) обнаружить «глубокое понимание марксизма» и даже... «понимание марковского метода»⁴. Дейча не смутила полуанархическая трактовка российской действительности и основных проблем освободительной борьбы в плехановских статьях двух первых номеров «Черного передела». Он объяснил их «косностью и инерцией в идейной области»⁵, которые, однако, быстро были преодолены благодаря более глубокому ознакомлению «со всеми крупнейшими произведениями основателей научного социализма, а также и с ходом развития западноевропейского рабочего движения»⁶.

В те же годы наметилась и другая тенденция, суть которой сводилась к абсолютизации российского рабочего движения 70-х гг. как определяющего фактора перехода революционной мысли страны к марксизму. Генетически эта тенденция восходит к выступлениям Плеханова-меньшевика против взглядов Ленина на соотношение теоретического учения социал-демократии со стихийным движением рабочего класса⁷. Плехановский постулат о «прямой зависимости» формирования социал-демократических взглядов группы «Освобождение труда» от стихийного роста рабочего движения⁸ составил методологическую канву исследований ряда историков, не сумевших преодолеть влияние меньшевистской историографии.

Так, С. Я. Вольфсон доказывал⁹, что крушение народнических воззрений Плеханова было результатом «не книжного, теоретического воздействия, а урока, непосредственно извлеченного из жизни...»⁷. Историк возвел в

¹ См.: Потресов А. Г. В. Плеханов. С. 184.

² Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов: Материалы для биографии. Вып. 1. М., 1922; *Его же*: Как Г. В. Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7.

³ Покровский М. Н. Плеханов как историк России // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 5.

⁴ См.: Дейч Л. Г. Г. В. Плеханов: Материалы для биографии. Вып. 1. С. 41.

⁵ Там же. С. 67.

⁶ Там же. С. 63—64.

⁷ См., например: Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 117—134.

⁸ См. там же. С. 118—119, 128.

⁹ См.: Вольфсон С. Я. Великий социалист: Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Минск, 1922; *Его же*: Плеханов. Минск, 1924 (2-е изд. — Минск, 1925).

⁷ Вольфсон С. Я. Плеханов. 2-е изд. Минск, 1925. С. 36.

абсолют его связи с рабочим движением в Петербурге во второй половине 70-х гг., объявил их основным и, по сути дела, единственным «уроком», под влиянием которого верный бакунизму «народник до мозга костей» начал незаметно для самого себя переоценивать ценности¹. Но трактовку процесса этой переоценки Вольфсон, как и Дейч, базировал на тенденциозной и потому во многом ошибочной оценке взглядов Плеханова-землеводца и затем чернопередельца. Именно в его народнических работах он обнаружил ряд «гениально-прозорливых» идей, блестяще подтвержденных победой Октябрьской революции («союз пролетариата с крестьянством», «братский союз народностей... как гарантии прочности революционного преобразования страны»)².

Явное преувеличение теоретической зрелости Плеханова-народника давало Вольфсону основание характеризовать его политическую линию 1880—1882 гг. как своеобразную тактику: не противопоставлять марксизм народничеству, а «пропитывать народничество марксизмом», оздоровить его изнутри. Брошюра «Социализм и политическая борьба», по мнению автора, и была первой марксистской разведкой в народническом лагере, первой попыткой применения «новой тактики»³. Окончательное идейно-политическое самоопределение Плеханова Вольфсон связал с его брошюрой «Наши разногласия». Ее анализ дал автору повод для безудержной апологетики Плеханова как «провозвестника великой идеи гегемонии пролетариата», как мыслителя, не знавшего никаких колебаний в своей последующей теоретической деятельности⁴.

Б. И. Горев также в качестве главной предпосылки перехода Плеханова на позиции марксизма выдвигал противоречия между воззрениями «убежденного народника-бунтаря» и его практической деятельностью в среде промышленного пролетариата. Впечатления, вынесенные из связей с передовыми рабочими Петербурга, создали «трещину в цельном народнически-анархистском мирозерцании Плеханова»: он начал пересматривать свои позиции. Изучение произведений Маркса и Энгельса, а также анализ европейского рабочего движения определили «резкий поворот» в его взглядах, хотя это, как

считает автор, явилось лишь завершающим моментом его развития в сторону научного социализма⁵.

Позднее в том же духе трактовал проблему М. С. Балабанов. Ставя зарождение социал-демократических воззрений в России в прямую связь с рабочим движением, он особо подчеркивал значение идеологии первых самостоятельных рабочих организаций. «Северный союз русских рабочих», по его мнению, «подорвал стройность народнического учения больше, чем что-нибудь другое», не только фактом создания отдельной организации с программой, радикально отличавшейся от землеведческой, но и тем, что «обобщал и выражал новую стадию, достигнутую рабочим движением»⁶. Балабанов отверг точку зрения тех, кто считал, что в России 70-х гг. «уже существовал «марксизм» и даже были социал-демократы». Полагая, что поиски истины в этом направлении «должны остаться бесплодными», он утверждал: «Если кто наиболее близко подошел к восприятию этого учения, то лишь авторы программы «Северного русского рабочего союза»⁷. На первый план идейного развития Плеханова Балабанов выдвинул предпринятую последним проверку опыта своей деятельности среди рабочих в свете учения Маркса.

Не вышел за пределы мелкобуржуазной методологии в подходе к проблеме и Н. А. Рожков. Ему не удалось органически связать ее со своим анализом «производительного капитализма» и классовых сдвигов в пореформенной России. Автор признавал, что новые идеи, выдвинутые группой «Освобождение труда», настойчиво диктовались жизненными условиями, «самой жизнью»⁸. Но попытка установить связь «хода вещей» с «ходом идей» осталась в книге Рожкова лишь общей декларацией. Автор ограничился краткой характеристикой идейного облика «Черного передела», который, с его точки зрения, был «исторически важен в качестве связующего, промежуточного звена, соединяющего бывших землеводцев с марксизмом, с социал-демократией»⁹.

Оставив этот тезис недоказанным (если не считать указания на отступление чернопередельцев от «принци-

¹ Вольфсон С. Я. Плеханов. 2-е изд. 1925. С. 27, 35, 37.

² Там же. С. 44, 57.

³ См. там же. С. 66, 68—69.

⁴ См. там же. С. 89, 123, 125.

⁵ См.: Горев Б. И. Георгий Валентинович Плеханов. 2-е изд. М., б. г. С. 13—15; Его же: Первый русский марксист Г. В. Плеханов. М., 1923. С. 11—13.

⁶ Балабанов М. Очерк истории революционного движения в России. Л., 1929. С. 119.

⁷ Там же. С. 120.

⁸ См.: Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. II. С. 337, 339.

⁹ Там же. С. 200—202.

пального аполитизма»), Рожков обратился к анализу больших «идеологических новшеств» группы «Освобождение труда» на основе двух работ Плеханова («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия»). С первой из них он связал «поворотный пункт» в идеологии российского революционного движения, а «огромную важность» обеих указанных работ усмотрел в том, что они заложили теоретические основы новой революционной партии, которой принадлежало будущее. Плеханов, по словам автора, сумел сделать это, «только изучив литературу научного социализма, наблюдая рабочее движение и развитие капитализма в Европе и изучая сравнительным методом, вооруженный марксистской теорией, экономическую жизнь России»¹. Все эти общие суждения, не лишены оснований, не вносили ничего нового в постановку и решение проблемы. Установить органическую связь возникновения марксистского идейного течения в России с предшествующим развитием общественной мысли и революционной практики Рожкову не удалось, а трактовка дальнейшего развития этого течения отразила сильное влияние меньшевистской историографической традиции.

В противовес этой традиции, подменявшей исторический подход к проблеме плохо прикрытой политической тенденциозностью, советские историки-марксисты обратились к конкретно-исторической разработке ее на основе ленинской методологии, достижений большевистской историографии дооктябрьского периода. К сожалению, движение научной мысли на этом пути отмечено серьезными методологическими шатаниями, связанными в известной мере с тем, что, во-первых, не всегда четко и своевременно осознавался враждебный ленинизму характер идейных и общественных тенденций мелкобуржуазной трактовки проблемы, а во-вторых, — со спецификой ее разработки в обстановке напряженной борьбы с различными оппозиционными группами внутри партии.

В начале 20-х гг. на изучение рассматриваемой проблемы заметное влияние оказал Д. Б. Рязанов. Свою схему развития взглядов Плеханова от народничества к марксизму он построил на его Предисловии к первому тому Собрания сочинений (1905 г.). В этом Предисловии Плеханов утверждал, что свое «великое уважение к материалистическому объяснению истории» он вынес из произве-

¹ Рожков И. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. II. С. 332—333.

дений Бакунина. Поскольку сам «апостол анархии» признавал эту теорию великим открытием Маркса, постольку уже в народнический период своего развития он, Плеханов, был будто бы твердо убежден в том, что именно она должна дать ключ к пониманию тех задач, которые надо было решить в своей практической деятельности. В этой связи Плеханов указал на свою статью «Закон экономического развития...», а также статьи в газете «Черный передел» № 1 и 2, в одной из которых он писал об экономических отношениях в обществе как основе всех остальных, как коренной причине «не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов...». «Это уже несомненный марксизм, — подчеркивал Плеханов в Предисловии. — Но этот марксизм достиг до моего сознания, пройдя сначала через призму бакунинского учения, и потому он приводил меня к несостоятельным утопическим выводам»¹.

В соответствии с этим Д. Б. Рязанов свел вопрос о «превращении» Плеханова в марксиста к эволюции «от революционного народничества через «чистый» марксизм к революционной социал-демократии», в виде постепенного вызревания «новых марксистских формулировок» под оболочкой чернопеределчества². Среди факторов, способствовавших быстрому освобождению Плеханова «от старых народнических предрассудков», автор указал на опыт, приобретенный им «в непосредственном контакте с рабочим классом в России, и более близкое знакомство с западноевропейским рабочим движением»³.

Правда, Рязанов справедливо усмотрел в плехановском Предисловии большую дозу субъективизма, отметив, в частности, что Плеханов даже в 1878 г. не был (в отличие от Аксельрода и Дейча) «таким бакунистом», каким он себя изображал. Под сомнение он поставил и указание Плеханова на Бакунина как первоисточник своего обращения к учению Маркса, выдвинув на первый план влияние Н. Зибера. Но все это не помешало ему упрощать и «выпрямлять» путь Плеханова к марксизму, утверждать, что в 1880—1881 гг. он был уже «экономическим материалистом», что его письмо, опубликованное в № 3 «Черного передела», — социал-демократическая

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.: Л., 1923. Т. 1. С. 19—20.

² См.: Рязанов Д. Предисловие редактора // Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 13—14.

³ Рязанов Д. Памяти Георгия Валентиновича Плеханова // Вестник профессиональных союзов. 1918. № 2. С. 1.

программа, почти ничем не уступающая «тогдашней немецкой программе».

Взгляды Рязанова, расходясь с ним лишь в частности, развивал В. Ваганян. Он ухватился за высказанное в плехановском Предисловии положение о том, что главная идея его народнических взглядов «не так далека... от основной идеи марксизма», что его марксистское мирозерцание «представляет собой не более, как логическое развитие» этой основной идеи (т. е. примата экономики над «политикой»). Исходя из этого, Ваганян заключил, что последовательным народником-бакунистом Плеханов был лишь до зимы 1878 г. Поверхностный анализ статьи «Закон экономического развития...» привел его к убеждению, что народничество Плеханова уже с начала 1879 г. значительно отличалось «от нормального тогдашнего народничества», ибо здесь (еще накануне Воронежского съезда!) у него наметилось «ясное развитие от утопизма Бакунина к научному социализму...»¹. Понятно, что поражение Плеханова в борьбе со сторонниками «политики» на Воронежском съезде Ваганян расценил как победу «привычного утопизма над намечающимся научным решением дилеммы, стоящей перед революцией и революционерами»².

Это и была та кривая призма авторских воззрений, сквозь которую Ваганян рассматривал эволюцию взглядов Плеханова на основе его работ 1879—1882 гг. Опасаясь быть заподозренным в преувеличении «наследства», полученного русским марксизмом от народничества, он особо подчеркивал феноменальный характер, исключительность «научных тенденций» в плехановском народничестве. Эти тенденции будто бы позволили Плеханову, почерпнувшему из сочинений Бакунина свою «философию истории», уже в № 3 «Земли и воли» сделать попытку «преодолеть противоречия бакунинской идеологии народничества», «бакунинского исторического материализма»³. Толкали Плеханова на это, по мнению автора, опыт пропаганды среди рабочих и влияние Зиберера. Но в отличие от Рязанова он настойчиво подчеркивал, что к Марксу будущий вождь российской социал-демократии шел не от Зиберера, а от Бакунина⁴.

¹ См.: Ваганян В. Г. В. Плеханов: Опыт характеристики социально-политических воззрений. М., 1924. С. 27, 31.

² Там же.

³ См. там же. С. 33, 36, 52.

⁴ См. там же. С. 36.

Может показаться, что Ваганян, выделяя опыт практической деятельности Плеханова, раздвигал узкие, «книжные» рамки, в которые заключали его идейное развитие историки-меньшевики. Но это не так. Автор даже не приблизился к научному истолкованию значения указанного фактора. Упоминание о нем понадобилось ему лишь для поистине фантастического вывода о том, что к началу 1879 г. Плеханов уже был, «подобно рабочему движению (? — Р. Ф.), по своему теоретическим запросам на целую голову выше своих товарищей народников, как и будущих народовольцев...»¹. Ваганян, следовательно, искусственно или, лучше сказать, бездумно перенес позднейшую плехановскую оценку идейного уровня «Северного союза русских рабочих» на самого Плеханова землевольческого периода, подтянул его тогдашнее мировоззрение до идеологии «рабочей демократии» 70-х гг. Столь грубое искажение истины повлекло за собой массу других несообразностей и бесконечных противоречий.

Нет необходимости углубляться в лабиринты этих противоречий. Достаточно сказать, что Ваганян, книга которого насквозь пронизана тенденциозностью, не вышел за пределы эволюционистских представлений о переходе Плеханова и группы его соратников по «Черному делу» к марксизму. Вся его концепция строилась на признании наличия в чернопредельстве (а по отношению к Плеханову и в землевольчестве) ряда элементов, дальнейшее развитие которых привело к учению Маркса. Плеханов, по мысли автора, оказался единственным человеком, который сумел до конца «продумать и развить эти элементы, заложенные в народническом бакунизме...»². Нечего и говорить, что такой подход исключал саму возможность выявить всю сумму факторов, обеспечивших «революцию в умах» лучшей части народнической интеллигенции, вскрыть в самом развитии революционного движения внутренние источники сложных и трудных теоретических поисков. В методологическом отношении Ваганян покорно следовал за Плехановым-меньшевиком, что и сообщало всем его изысканиям ревизионистский характер.

Первые серьезные попытки рассмотреть проблему зарождения марксизма в России как закономерного результата ее социально-экономического развития и

¹ Ваганян В. Г. В. Плеханов: Опыт характеристики социально-политических воззрений. С. 34.

² Там же. С. 75.

связанных с ним поисков правильной революционной теории принадлежат М. Н. Покровскому. Решение проблемы он искал на путях использования марксистского материалистического метода в изучении деятельности Плеханова и группы «Освобождение труда», поскольку в последней он видел «первую русскую марксистскую социал-демократическую организацию 80-х гг.» В 1923 г. он справедливо сетовал на то, что у нас нет работы о Плеханове, которая бы целиком базировалась на марксистском методе и брала всю его литературную деятельность «как отражение объективно происходившего в России рабочего движения». Без такого подхода, утверждал он, «нам никогда не понять причин величия и падения величайшего из русских марксистов»¹.

Но сам Покровский в то время был еще далек от глубокого осмысления ленинских положений о диалектике взаимозависимости возникновения научной идеологии пролетариата и его стихийной экономической борьбы. С этим связан односторонний и во многом вульгаризаторский характер его суждений, несмотря на стремление охватить всю сумму предпосылок и факторов, определивших появление марксизма на русской почве.

В противовес меньшевистским историкам Покровский подчеркивал, что появление группы «Освобождение труда» вовсе «не было каким-то везающим фактом, объясняющимся исключительно литературными занятиями Плеханова и его друзей. Этот факт был подготовлен всей предшествующей историей русского революционного движения; он был подготовлен... идеологическим поворотом, который произошел в Плеханове под влиянием наблюдения петербургских стачек, и тем поворотом в ориентировке народолюбцев, который сказался в... желябовской программе»².

В этой формулировке нашла отражение вся та противоречивость, которая в причудливой форме отразила исторически ограниченную, но глубоко творческую мысль историка-марксиста. Поиски «корней большевизма» и программно-тактических идеях революционной демократии 60—70-х гг. не помешали ему увидеть, что появление марксизма в России вовсе не является результатом «филиации идей» или простого «перенесения» идей Марк-

са и Энгельса в Россию. Покровский говорил о «выработке», «складывании» марксистского мирозерцания, подчеркивая тем самым, что это был сложный процесс, в основе которого лежали пореформенная капиталистическая действительность со всеми ее противоречиями и рост рабочего движения³. Тем самым он утверждал ту постановку вопроса, которая была уже очерчена в до-октябрьской большевистской историографии.

М. Н. Покровский последовательно разграничивал стихийную экономическую борьбу рабочих и сознательное революционное движение в его среде. Эта позиция позволила ему достаточно ясно обрисовать контуры поступательного развития сознательной пролетарской борьбы, сомкнувшейся в конечном счете с марксизмом: «В первой половине 70-х гг. были отдельные рабочие-революционеры и отдельные революционные рабочие кружки; во второй половине этого десятилетия были уже рабочие организации, ставившие себе политические задачи. В 90-х гг. кружки кишели во всех промышленных центрах России, а организации складывались в политическую партию пролетариата». К 90-м гг., отмечал автор, у нас была выработана теория классовой борьбы пролетариата, «существовал русский марксизм»⁴. Анализ рабочего движения, деятельности и идеологии первых рабочих союзов позволил Покровскому с полной убежденностью говорить, что на этой основе «уже в 70-х годах начинает понемногу у нас выработываться марксистская идеология»⁵.

Но выработку этой идеологии он не связывал с программными достижениями первых рабочих союзов. В отличие от историков, стремившихся «подтянуть» их к марксизму, Покровский отмечал лишь способность передовых рабочих 70-х гг. «внести в движение нечто новое, свое». Мысль историка сводилась к тому, что рабочее движение (как чисто стихийное, так и сознательное) послужило лишь толчком к пересмотру прежней народнической доктрины отдельными представителями революционной интеллигенции. К этим последним он отнес прежде всего Г. В. Плеханова, которого непосредственная связь с петербургскими

¹ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 87. См. также: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 188.

² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 185—186.

³ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 67.

¹ Покровский М. Н. Г. В. Плеханов как историк России. С. 6.

² Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80.

рабочими навела «на целый ряд соответствующих выводов», нашедших отражение в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России». Это, полагал историк, была «первая марксистская статья Плеханова»¹.

Эта ошибочная оценка повлекла за собой соответствующую интерпретацию ее основных положений. Покровский нашел здесь «предсказание» не только идей брошюры «Об агитации», значение которой для 90-х гг. он преувеличил, но и идею боевой рабочей партии, идею «будущего большевизма»². Признавая в указанной статье Плеханова наличие чисто народнических заявлений, Покровский считал, что она все-таки дает возможность видеть в ее авторе «диалектического материалиста»³. Этот подход к анализу идейного содержания народнической статьи Плеханова не выдерживает, конечно, никакой критики: Покровский не сумел верно оценить тот лежащий на поверхности факт, что ее автор, «по Марксу», доказывал жизнеспособность землевольческой программы, а рабочих рассматривал как «часть того же самого крестьянства»⁴. Впрочем, это не помешало ему нанести несомненный удар по концепции Л. Г. Дейча: «...к своей пролетарской революционной позиции Плеханов шел не от книжки, как изображает Дейч, как изображали до сих пор, а от действительной жизни, от той реальной борьбы, которая происходила на его глазах. Плеханов марксистом сделался, не изучая Маркса в подлиннике, как думает Дейч, а наблюдая в подлинном виде рабочее движение, и только это рабочее движение, конечно, и натолкнуло его на чтение и изучение Маркса. Этот факт чрезвычайно полезно запечатлеть в своем сознании прежде всего из методологических соображений, — чтобы понять, как возникает идеология: идеология возникает всегда на почве определенной действительности»⁵.

При этом важно отметить, что Покровский, говоря о влиянии рабочего движения на поворот Плеханова к марксизму, допускал явные противоречия. В своем «Сжатом очерке» на первый план он выдвинул его личное знакомство (после отъезда из России в 1880 г.) с движе-

нием европейского пролетариата как фактором, позволившим поставить под сомнение народнические взгляды, обратиться к более близкому знакомству с марксистской литературой¹. А в «Очерках по истории революционного движения...» он давал понять, что наблюдения над рабочим движением в Петербурге уже в 1878—1879 гг., по сути дела, превратили Плеханова в марксиста.

Наряду с рабочим движением, в качестве второго важнейшего условия, обратившего мысль русских революционеров к марксизму, Покровский вполне обоснованно выдвигал тот факт, что после 1 марта 1881 г. «народническое движение попало в совершенный тупик». В «Сжатом очерке» он связывал этот тупик с тем, что народовольцы потерпели крах в своих надеждах на поддержку буржуазии, а другого общественного класса, на который можно было бы опереться, они не видели. Плеханов как раз и явился тем «смелым человеком», который взял быка за рога — пересмотрел с марксистских позиций вопрос о капитализме в России, что и обусловило его полнейший разрыв с народнической идеологией. На основе анализа важнейших идей «Наших разногласий» историк заключил, что Плеханов оказался «по ту сторону водораздела между «Народной волей» и «Черным переделом», на совершенно новой почве, на которую еще не вступала нога русского революционера, но по которой потом русская революция дошла до Октября 1917 года»².

Несколько позднее Покровский пересмотрел этот крайне прямолинейно выраженный (а по отношению к «Народной воле» вообще ошибочный) взгляд. В «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» он выдвинул тезис о переориентировке А. И. Желябова на рабочий класс. Поставленная в связь с этим тезисом мысль о «перевороте» в идеологии Плеханова не могла получить никакого развития: автор давал понять, что основной идейный сдвиг в сторону марксизма был сделан уже в недрах «Народной воли» («желябовская программа»). С этой точки зрения выработанные группой «Освобождение труда» проекты программы оценивались лишь как дальнейший, еще более решительный отход от «старой идеологии»³.

¹ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 67—68.

² См. там же. С. 70.

³ См.: Покровский М. Н. Г. В. Плеханов как историк России. С. 5.

⁴ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. I. С. 67, 69.

⁵ Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 70—71.

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 268.

² Там же. С. 188.

³ См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80—81.

Затем, опираясь на публикации новых документов о рабочем движении 70-х гг., Покровский внес в эти суждения еще один нюанс, логически предопределивший недооценку роли Плеханова и его группы в процессе, который он характеризовал как переход от народнического понимания революции к марксистскому¹. Анализируя опубликованную Э. А. Корольчук рукопись неустановленного автора «По поводу собрания русской народной партии 6 декабря 1876 года», он отодвинул появление «идеи классовой, пролетарской революции в России» к началу 1877 г. Оговариваясь, что взгляды автора рукописи еще не являются марксизмом в настоящем смысле этого слова, Покровский писал: это уже отречение от народничества почти столь же полное, как и в статьях Плеханова. В лице автора рукописи историк увидел «еще одного предшественника Плеханова по линии марксистской идеологии», причем «не менее четкого... чем был сам основоположник российской социал-демократии в 1870-х годах»².

Из всего строя суждений Покровского вытекало, что «центром русского марксизма» группа «Освобождение труда» стала лишь в силу невозможности разрабатывать какую бы то ни было теорию в обстановке лютой реакции, наступившей после разгрома «Народной воли». «По сочинениям Плеханова училась тогда вся молодежь,— писал он.— Но успех группы «Освобождение труда» объясняется тем, что почва для нее была чрезвычайно хорошо подготовлена. И независимо от Плеханова и его влияния у нас на каждом шагу возникали марксистские кружки и сами народовольцы все чаще и чаще переходили к марксистам»³. Этот во многом умозрительный взгляд имел своим положительным следствием более пристальное внимание историков к проблеме социальной обусловленности и исторической необходимости появления марксизма на русской почве. Но, с другой стороны, он по-своему закреплял ту историографическую тенденцию, которая базировалась на противопоставлении группы «Освобождение труда» социал-демократическому движению в самой России, а также давал дополнительные

аргументы тем, кто «подтягивал» к марксизму «Народную волю».

Так, С. И. Мицкевич, смыкаясь в этом отношении со взглядами Покровского, фактически сводил на нет историческую роль Плеханова, а затем и группы «Освобождение труда» в процессе зарождения марксизма в России. Он находил «явное влияние революционного марксизма» в «Программе рабочих членов партии «Народная воля», более того, считал ее «этапом перехода от народничества к марксизму». Полагая, что многие народовольцы (Зунделевич, Жебунев, Лопатин и др.) разделяли взгляды Маркса, Мицкевич проводил мысль о популярности в революционной среде марксизма в «народовольческом понимании», т. е. приблизительно в таком, в каком он изложен у Плеханова в его первом проекте социал-демократической программы, отводившей особую роль интеллигенции и террору, «к чему, по-видимому, присоединялся тогда и сам Маркс»⁴. Следовательно, согласно Мицкевичу, народовольцы 1880—1881 гг., по сути дела, выступали уже носителями таких идеологических и тактических принципов, какие позднее были лишь «изложены» группой «Освобождение труда», которая даже в 1884 г. не ушла будто бы дальше «народовольческого» понимания марксизма.

Снимая, таким образом, проблему мировоззренческого переворота, связанного с целостным восприятием научного социализма в России (мы не говорим уже о совершенно превратном понимании позиции Маркса), Мицкевич выдвигал ошибочную трактовку и последующего развития марксистской мысли и социал-демократического движения в стране. Он утверждал, что в период политической реакции 80-х гг. революционное движение в России заглохло, а с ним вместе заглох и революционный марксизм, начавший снова разгораться лишь с начала 90-х гг.⁵

Представления о спонтанном характере возникновения марксизма в России, подрывавшие традиционные взгляды на группу «Освобождение труда» как родоначальницу российской социал-демократии, стимулировали поиски документов и фактов, которые, при соответствующей интерпретации, давали возможность говорить о наличии еще в 70-х и самом начале 80-х гг. социал-демократических групп или отдельных лиц, выступавших убежденными сторонниками марксистских взглядов⁶.

¹ Пролетарская революция. 1923. № 6—7 (18—19). С. 21, 32.

² См. там же. С. 32—33.

³ См., например: Корольчук Э. Русские социал-демократы и

¹ См.: Покровский М. Н. 1905 год // Избранные произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 139.

² Покровский М. Н. Казанская демонстрация 1876 года // Избранные произведения. Кн. 4. С. 77—78.

³ Покровский М. Н. 1905 год. С. 139—140.

Наиболее крупная (как в методологическом, так и концептуальном отношении) попытка рассмотреть проблему генезиса марксистской мысли и социал-демократического движения в России связана с научной деятельностью В. И. Невского. Центром тяжести его интересов в этой области неизменно оставалась группа «Освобождение труда». Но он хорошо понимал, что путь ее деятелей к марксизму представляет лишь чрезвычайно важное и в известном смысле определяющее звено прочно связанного целого — перехода революционной мысли страны от утопии к науке. Заслуга историка-марксиста в том и состоит, что он впервые взял на себя труд, опираясь, по его собственным словам, на метод Маркса, исследовать это целое, дать материалистический анализ возникновения и развития социал-демократии на почве России, выделить характерные черты и национальное своеобразие первых подступов к решению исторической задачи, осветить стихийное рабочее движение «передовой наукой своего времени»¹.

Решая эту масштабную задачу, Невский стремился органически связать переход народничества к марксизму не только с общими закономерностями социально-экономической эволюции страны, но и с конкретно-историческими коллизиями развития народнической доктрины в теоретическом и практическом направлениях. При этом «важнейшим» вопросом он считал определение тех условий в революционной среде, «при каких и из каких рождалась группа «Освобождение труда», т. е. тот теоретический сдвиг в революционной идеологии, который возник на основе экономического преобразования нашей страны, на основе того процесса, который вызвал две новые силы России — пролетариат и буржуазию»². В идейном размежевании народнической интеллигенции в соответствии с потенциальными возможностями и интересами этих сил Невский с несколько вульгарной прямолинейностью усматривал весь смысл глубинных процессов, вызвавших кризис движения, опиравшегося на теорию «крестьян-

ского социализма». С точки зрения Невского, именно кризис народничества, предопределенный экономическим развитием страны, вызвал к жизни социал-демократию.

«Механизм» движения революционной мысли страны к идейным новообразованиям, выросшим на почве раскола «буржуазного по своей сути народничества», автор изображал в упрощенном виде. В революционном движении пореформенного периода он находил две классовые прослойки — буржуазную и пролетарскую и соответственно две струи в идеологии — буржуазно-демократическую и социалистическую. Поскольку эти две струи размежевались не сразу, постольку попытки мелкобуржуазной народнической интеллигенции оформить свое классовое мировоззрение «вылились сначала в программах мелкобуржуазного утопического социализма и вполне отражали настроение многомиллионного крестьянства»³. Но капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии интеллигенции, революционное движение в конце 70-х гг. закончилось кризисом и расколом летом 1879 г. «Земли и воли».

Этот раскол выдвинул, с одной стороны, «борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова» («Народная воля»), а с другой — сохранил «народничество старого типа» («Черный передел»). Это, по Невскому, первая ступень эволюции, которая далее идет «глубже и шире»: героический радикализм Желябова и Перовской «вырождается в самую оппортунистическую идеологию мелкой буржуазии», превращается в реакционную идеологию, которая «вносит окончательное разложение в умирающее старое народничество», а «народничество старого типа» в лице «Черного передела» «эволюционирует к социал-демократии...»³. Смысл происходившей эволюции, следовательно, заключался в том, что «одна часть революционной интеллигенции 70-х и 80-х годов эмансипировалась от мелкобуржуазного социализма в сторону либеральной буржуазии (зародыш у Присецкого, Якубовича,

1879 г. // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 412—415; Викторов П. П. Первое открытое революционно-марксистское выступление в России (1881 г.) // Пролетарская революция. 1923, № 6—7 (18—19). С. 32—52.

¹ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: *Лекции В. И. Ленина*. собр. соч. Т. 4. С. 244.

² *Невский В.* Предисловие // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 3—4.

¹ См.: *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

² *Невский В. И.* Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 51.

³ *Невский В. И.* Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

Корбы и т. п.), а другая — в сторону научного социализма Маркса и Энгельса»¹.

Не трудно заметить, что в своей попытке органически связать движение революционной мысли России к марксизму с кризисом и эволюцией народничества Невский стремился опереться на ленинскую концепцию. К сожалению, эта концепция не была освоена им в той мере, которая была необходима для преодоления историографических традиций, решавших проблему в плоскости постепенной эволюции народничества к социал-демократии. Невский не сумел в исследовательском плане реализовать указание Ленина на две тенденции в народничестве (либеральную и демократическую), его знаменитые положения о слитности идей демократии и социализма в идеологии революционного народничества 60—70-х гг. и классовый смысл раскола «старого русского крестьянского социализма». Все это придавало обобщением Невского характер грубоватой прямолинейности и схематизма. Именно в таком духе автор осмыслил замечание Ленина об «эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов...»².

Здесь важно подчеркнуть, что указанием на эволюцию этой народнической организации к марксизму концепция Невского не исчерпывается. Он считал, что социал-демократия в России возникла и развивалась в виде двух могучих «параллельных течений»: одно шло из-за границы от группы «Освобождение труда», другое возникло в России совершенно самостоятельно, хотя и несколько позже³. Но самая существенная, хотя и наименее обоснованная сторона концепции Невского состоит в том, что он выводил эти течения из двух источников. Первый из них — народничество. В недрах «Земли и воли», рассуждал Невский, родился «Черный передел». Его члены «путем медленной эволюции» пришли к осознанию ошибочности своей программы. Под влиянием развивающегося капитализма, рабочего движения и учения Маркса, с которым чернопередельцы «особенно хорошо познакомились за границей», их эволюция от социализма мелкобуржуазного к социализму пролетарскому протекала «сравнительно быстро». Группа «Освобождение труда», группы Благоева

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 51.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15, С. 247—248.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

и Бруснева — вот первая ветвь русской социал-демократии, выросшая из недр старого народничества.

Рядом с нею, полагал Невский, выросла «другая, самобытная, русская, развившаяся в России независимо от народничества или, вернее, в противовес ему». Объясняя происхождение этой ветви, автор писал: «Как в недрах самого рабочего класса в семидесятые годы родились такие гиганты, как Обнорский и Халтурин, так и в восьмидесятые годы в среде мелкобуржуазной интеллигенции выдвигаются вдумчивые люди, которые, анализируя факты современной действительности — развивающийся капитализм, расслоение деревни, развитие рабочего движения, разложение старых революционных идеологий, — приходят медленным процессом к тому же самому пути, к которому пришли чернопередельцы, к марксизму»⁴. В эту ветвь Невский включал П. В. Точисского, Ювеналия Мельникова, самостоятельно «додумывающихся» до марксизма, а также П. Н. Скворцова, Н. Е. Федосеева, А. А. Санина, В. И. Ульянова.

Мысль Невского о двух «параллельных течениях» в развитии русской социал-демократии была навеяна, несомненно, воспоминаниями Ленина о Н. Е. Федосееве. Содержащееся в них положение о расширении в России марксистского направления, идущего «навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение труда»⁵, стала известна Невскому в 1923 г. и не была еще осмыслена в контексте ленинской концепции раннего социал-демократического движения.

Все это сказалось на трактовке пути Плеханова и других чернопередельцев к марксизму. Постепенную эволюцию их взглядов в сторону научного социализма Невский рассматривал как проявление «большого идейного кризиса», который они переживали в начале 80-х гг.⁶ Смысл и характер этой эволюции представлялся автору в виде привнесения новых, чуждых народничеству идеологических элементов в теоретическую концепцию, выработанную всем предшествующим революционным периодом. Историк считал, что в мировоззрении чернопередельцев задолго до возникновения группы «Освобождение труда» имелись элементы марксизма, которые под влиянием

⁴ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 508.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, С. 324.

⁶ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 98.

растущего рабочего движения «крепки и увеличивались»¹. В этом умозрительном суждении нашел отражение распространенный в 20-е гг. взгляд на развитие марксизма в России как сугубо эволюционный процесс накопления и роста элементов научного социализма в мировоззрении революционных народников.

В этом отношении Невский следовал старой концепции Стеклова и Ваганяна (в той мере, в какой она нашла отражение в его статье «Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму», напечатанной в 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма»). Говоря об эволюции взглядов Плеханова, Невский ссылаясь на точку зрения этих авторов, довольно хорошо, по его словам, проследивших ее². Ничего нового в решение этого вопроса он, по сути дела, не внес, повторив ту идею, что переход Плеханова на новые позиции — это переход от ортодоксального бакунизма к ортодоксальному марксизму. Теоретическое творчество Плеханова на этом пути — от статей в «Земле и воле» до статей в «Черном переделе» — представлялось историку как «смесь положений Маркса с положениями чистого народничества»³. Излагая содержание плехановской статьи «Закон экономического развития...», Невский писал: «...Плеханов, признавая основные положения учения Маркса, будучи последователем его теории, когда речь шла о Западе, оставался социалистом-утопистом, как только речь заходила о России»⁴. В основе этого вывода лежат, конечно, преувеличенные представления самого Плеханова о роли софистичированного Бакуниным материалистического понимания истории для его перехода на подлинно марксистские позиции.

Начало «эмансипации» Плеханова от народничества Невский относил к землевольческому периоду его деятельности, связывая этот процесс с постепенным уклонением от ортодоксальных взглядов Бакунина. В анализе идейного смысла, хода и исхода этого «уклонения» он опирался на концепцию Плеханова. Содержащиеся в ней противоречия не были им учтены. Взгляды будущих основателей группы «Освобождение труда» в момент эмиграции их из России (январь 1880 г.) Невский выразил цитатой из статьи Плеханова «Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной воли»: «В идейном отно-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I. С. 217.

² См. там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

шении мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору». И здесь же, фактически отвергая это положение, автор находил в их взглядах настолько глубокие сдвиги, что, оказывается, достаточно было «чисто внешнего толчка», чтобы полностью пересмотреть народническую доктрину. «...Стоило только Плеханову за границей поближе на первоисточника познакомиться с идеями научного социализма, как это ортодоксальное народническое мировоззрение потерпело крах»⁵.

В идейном развитии группы «Освобождение труда» Невский справедливо выделял период 1883—1894 гг. (период «теоретической выработки основ программы» партии)⁶. Но в рамках этого периода он выделял еще два: первый — примерно до конца 80-х гг. и второй — до середины 90-х. Первый период рассматривался как время идейного самоопределения группы «Освобождение труда». «Только к концу 80-х годов, — писал он, — выясняются контуры и основные черты программы для Плеханова и еще позже для русских социал-демократов у себя дома». К этому времени, полагал историк, «даже программа социал-демократии еще не была упрочена ни в группе «Освобождение труда», ни в России»⁷. Автор проводил мысль, что работа группы Плеханова «еще не успела дать своих результатов»⁸. Они проявились лишь во второй период, т. е. с конца 80-х и особенно с начала 90-х гг., когда молодые социал-демократы, приезжавшие из России, дали группе более или менее тесные связи с родиной. Только с этого времени плехановская группа стала оказывать «очень большое идейное влияние» на русских марксистов⁹. Именно с этого времени, утверждал Невский, Плеханов «надолго становится и идейным вождем российской социал-демократии»¹⁰.

Выделение двух периодов в деятельности группы «Освобождение труда» на протяжении 1883—1894 гг. не получило поддержки среди историков: оно не имело под собой достаточных оснований, как не имела их и идея

⁵ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I. С. 14—15.

⁶ См. там же. С. 52.

⁷ Там же. С. 540.

⁸ См. там же. С. 267, 269.

⁹ Там же. С. 365.

¹⁰ Там же. С. 339.

«двухструйного» развития российской социал-демократии. Стремление обосновать эти моменты привело Невского к серьезным ошибкам в трактовке идейного развития группы «Освобождение труда» и многим противоречиям в попытке нарисовать общую картину движения революционной мысли страны к марксизму. С одной стороны, прямолинейно постулируя зависимость возникновения российской социал-демократии от стихийного роста рабочего движения, Невский доказывал, что в России на этой основе «до социал-демократии додумывались совершенно самостоятельно»¹. С другой — подрывал этот тезис, говоря «об огромном идейном влиянии произведений группы («Освобождение труда») и особенно ее вождя Г. В. Плеханова на все существующие организации в России...»² (выделено мной. — Р. Ф.). С одной стороны, он утверждал, что группа «Освобождение труда» в течение 80-х гг. сама еще только искала «точной формулировки своих взглядов»³. С другой — заявлял, что «все более или менее солидные социал-демократические организации России приняли выработанную ею программу»⁴.

Таким образом, В. И. Невский не сумел до конца преодолеть эволюционистские взгляды на переход революционной мысли страны к марксизму, и это не могло не отразиться на его общей концепции развития российской социал-демократии 80 — начала 90-х гг. Тем не менее всем своим содержанием она противостояла концепции Ю. М. Стеклова, утверждая плодотворную идею исторической закономерности возникновения марксистского идейного течения в России в прямой связи с объективными процессами капиталистического развития и его социальными последствиями. Наблюдения Невского помогали осознанию того, что это течение явилось результатом принципиального и решительного разрыва с народничеством.

К сожалению, серьезные ошибки в подходе к проблеме эволюции народничества помешали ему воплотить свои наблюдения над переходом «от крестьянского и заговорщического социализма к социализму рабочему»⁵ в закон-

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

² Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 337.

³ Там же. С. 269.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ В кавычках — слова В. И. Ленина. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 247.

ченную картину революционного по своей сути идейного перелома, связанного с целостным восприятием учения Маркса и Энгельса группой «Освобождение труда». Препятствовала этому и схема «двухструйного» развития социал-демократии, хотя приведенные историком факты не только не укладывались в ее рамки, но, напротив, лишь подтверждали глубокое внутреннее единство процесса утверждения марксистской идеологии в России.

Важно подчеркнуть, что эта схема в работах Невского никогда не служила основанием для приращения исторической роли группы «Освобождение труда»: он считал абсолютно бесспорным ее огромное идейное влияние на русское революционное движение того периода.

Иное значение указанная схема приобрела в работах Н. Л. Сергиевского: она составила центр тяжести выдвинутой им особой концепции движения революционной мысли России к марксизму.

Прежде всего отметим, что Сергиевский, в отличие от Невского, почти совершенно не касался социально-экономических факторов, подготовивших почву для зарождения марксизма в России. Ему, как и многим другим историкам того времени, были свойственны вульгарно-механистические представления о соотношении базиса и надстройки, следствием чего и было сосредоточение внимания почти исключительно на идеологических явлениях, связанных с заменой одной мировоззренческой системы другой. Поскольку хозяйство страны стало принимать капиталистический облик, постольку «потребовалась и новая революционная идеология»¹ — такова отправная мысль Сергиевского, который весь процесс становления социал-демократического самосознания в революционных кругах России представлял в виде «всплесков», прямо и непосредственно связанных с экономической конъюнктурой в каждый данный момент.

Другая характерная черта исследований Сергиевского сводится к неправильному решению вопроса о классовом соотношении двух идеологических систем — народничества и марксизма. Весьма произвольно трактуя народническую идеологию как «потерявшую всякие шансы анархо-славянофильски-самобытную систему», он утверждал, что последняя, будучи освобожденной от «мелкобуржуазных утопий и бредней мелкого социализма»,

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 86.

выступала уже в роли равного русского марксизма¹. Б. Пугачевский в рецензии на книгу Сергиевского о группе Благоева еще в 1929 г. справедливо отметил, что всякий мало-мальски грамотный марксист отвергнет такого рода постановку вопроса об идеологической преемственности марксизма от народничества: автор «упустил из виду тот факт, что если от народничества отбросить утопические его черты, то останется не чистейший марксизм, а чистейшая буржуазная идеология»². Этот грубый методологический просчет предопределил массу противоречий и ошибок при первых же подступах Сергиевского к проблеме возникновения марксизма и развития социал-демократического движения в стране.

Генетически его подход к этой проблеме связан с до-октябрьскими работами В. Акимова (Махновца). Вслед за ним Сергиевский выступил с отрицанием того факта, что группа «Освобождение труда» явилась родоначальницей социал-демократии в России. Не оспаривая заслуги группы, и особенно Плеханова, «по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности», автор без всяких заслуживающих внимания доказательств сенсационно утверждал, что к моменту образования группы «Освобождение труда» в революционных сферах России уже существовала марксистская идеология наряду с практическими попытками ее утверждения и образования марксистской партии³. Сенсационность этого утверждения усиливалась тем, что носителем марксистской идеологии Сергиевский объявил московское «Общество переводчиков и издателей» (Распопин, Янович и др.), которое будто бы еще в 1883 г. выступило «под совершенно чистым знаменем научного социализма» и оказалось марксистским «без всякой примеси»⁴.

Так Н. Л. Сергиевский заложил первые камни концепции, в основе которой лежала мысль о «самозарождении марксистской идеологии» в различных местах России вне зависимости от идейного влияния группы «Освобождение труда». Последняя, по словам автора, в силу ряда обстоятельств (прежде всего эмиграция со всеми последствиями)

представляла собой особую, заграничную ветвь русской социал-демократии, параллельно с которой развивалась возникшая едва ли не раньше совершенно самостоятельная «туземная» (т. е. внутрироссийская) струя. Если «заграничные социал-демократы» имели возможность сопоставить опыт закончившейся революционной борьбы на русской почве с текущей борьбой на Западе и при свете учения Маркса и Энгельса разобраться в выборе направления, то «туземные социал-демократы» имели лишь русский опыт и некоторые теоретические схемы, что предопределило серьезные идейные блуждания и такой характер их социал-демократизма, который во многом расходился с программой группы «Освобождение труда»⁵.

Отдельные факты, свидетельствующие о напряженных идейных исканиях в кружках переходного характера, Сергиевский односторонне истолковывал как «самозарождение» и «индивидуальное освоение» марксизма⁶. Идеиную базу этого «освоения» он тщательно, но крайне неубедительно отделял от марксистских работ Плеханова. Такой подход создавал превратное представление о путях развития и упорения марксистского направления в России, давал автору основание безмерно принижать идейное влияние группы «Освобождение труда» на «туземные революционные сферы». В произвольно толкуемых фактах «самозарождения идеологии» он усматривал доказательство того, насколько слабо было «идейное влияние группы на российскую интеллигенцию и как незначительны были ее духовные связи с нею»⁷. Сергиевский явно принижал научно-теоретическое содержание первых марксистских работ Плеханова, а потому не мог, вернее, не хотел понять, что издание и распространение группой произведений Маркса и Энгельса, с одной стороны, оригинальных марксистских работ самих ее участников — с другой, представляло собой единую сумму мер, направленных не только на распространение идей научного социализма, но и на создание единой программно-тактической базы социал-демократического движения в России.

Вопрос о переходе Плеханова и его единомышленников на позиции марксизма Сергиевский рассматривал в рамках более общей проблемы идейной эволюции основных течений революционного народничества на протяжении

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. Т. 2. С. 86. См. также: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М., Л., 1929. С. 78.

² Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 182.

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 91—92.

⁴ См. там же. С. 98.

⁵ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 103, 105, 162.

⁶ См. там же. С. 162—163.

⁷ Там же. С. 105, 163.

80-х гг.¹ Исходя из утвердившегося к середине 20-х гг. мнения, что «Народная воля» эволюционировала в сторону партии «социалистов-революционеров» (эсеров), а «Черный передел» — к социал-демократизму, он сосредоточил свое внимание на анализе программно-тактических сдвигов в чернопередельчестве. Для историка особое значение имел тот факт, что с «Черным переделом» так или иначе были связаны возникшие независимо друг от друга плехановская и благоевская социал-демократические группы. В этой связи он и попытался выяснить эволюцию взглядов Плеханова в период его деятельного участия в газете «Черный передел».

Сергиевский полагал, что чернопередельчество не представляло собой единого в идейном отношении образования. Это был, по его мнению, конгломерат, в котором «несомненные бунтари» (бакуинисты) представляли незначительное меньшинство². В него входил и Плеханов: принадлежавшие ему передовые и руководящие статьи в первых двух номерах «Черного передела» «были несомненно бунтарскими». Анализ этих статей привел автора к выводу, что Плеханов-бакуинист, решая вопрос о соотношении социализма и политической борьбы, уже тогда начал критику взглядов Бакунина на «стихийный коммунизм» народа. Разочаровавшись в этом «коммунизме», Плеханов незаметно для себя начал отходить и от бакуинистской тактики³. «...Бакунизм Плеханова, — писал Сергиевский, — не вынес испытания дольше 2-го номера «Черного передела», а с третьего номера ему пришлось сжечь бакуинистские корабли и солидаризироваться со своими антиподами — народолюбцами — по вопросу и о политической борьбе, и о политических реформах». Письмо Плеханова в редакцию «Черного передела» (январь 1881 г.) автор рассматривал как его отказ «от своего прежнего бунтарского credo»⁴.

В разрыве Плеханова с бакуinizмом Сергиевский не усмотрел, следовательно, ничего, кроме перехода на позиции народолюбчества. И пока этот почти единственный ярый сторонник Бакунина в чернопередельчестве совершал указанный переход, все другие члены «Черного передела», с самого начала представлявшие его «небакуинистскую

часть», постепенно утвердились на тактических принципах революционного «пропагандизма», обоснованного П. Л. Лавровым еще в 1876 г. Эта тактика в исследованиях автора предстает своего рода мостом от народничества к социал-демократизму: став преобладающей у чернопередельцев «второго призыва», она была воспринята группой Благоева, а от них перешла к социал-демократии 80 — начала 90-х гг.¹

Здесь важно отметить одну особенность концепции Сергиевского, без которой трудно понять ход его суждений о движении революционно-народнической мысли к марксизму. Историк полагал, что в воззрениях молодых чернопередельцев, освободившихся от идейного влияния уехавших за границу членов старой редакции «Черного передела», произошел «крупнейший переворот»: они окончательно утвердились на позициях «лавровского пропагандизма», отказались от идеализации общины, всех основных идей «русского социализма». «Одним словом, — писал Сергиевский, — в новых народниках ничего не осталось от старого народничества. Пал бакунизм, пала община, основы «русского социализма» оказались уничтоженными и замененными пропагандизмом, а последний превращался в пропаганду западноевропейского социализма»².

Ясно, что понятием «пропагандизм» Сергиевский обозначал не только тактику, но и идеологию Лаврова и «поздних лавристов», успешно подвигавшихся будто бы к марксизму. Во взглядах новых народников 80-х гг. (в том числе и чернопередельцев «второго призыва») автор находил целый ряд элементов, свойственных марксизму. В частности, по его мнению, они не только предвосхитили постановку вопроса о политической борьбе, которую впоследствии развил Плеханов в брошюре «Социализм и политическая борьба», но даже и мысль о создании «рабочей партии», а также идею союза рабочего класса с крестьянством. Более того, во взглядах чернопередельцев на пролетариат он нашел «зародыш понятия гегемона революции»³.

Н. Л. Сергиевский, таким образом, искал истоки

¹ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов // Историко-революционный сборник. Т. 3. М.: Л., 1926.

² См. там же. С. 151.

³ См. там же. С. 154—155.

⁴ См. там же. С. 158.

¹ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 158, 174.

² Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 16.

³ См.: Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 160—161. Ср.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 12.

«туземного» (внутрироссийского, «посюстороннего») марксизма, отличавшегося, по его мнению, от мирозерцания плехановской группы «небоевым» характером, в лавризме. Во всех его работах настойчиво декларировалась мысль о том, что «между марксизмом конца 70-х гг., вылупившимся из старого лавризма, устанавливается прямая и непосредственная идеологическая связь с формирующимся марксизмом середины и конца 80-х годов»¹. Обоснование этой глубоко ошибочной точки зрения Сергиевский осуществлял при помощи тенденциозного истолкования ряда народнических документов 80-х гг. и вопиющей модернизации взглядов П. Л. Лаврова. В нашей литературе справедливо отмечалось, что автор, комментируя программные документы народнических групп, не давал ни верного представления о характере идейного развития этих групп и их представителей, ни точного анализа проводимых ими программ².

Понятно, что Сергиевский в решении вопроса о «происхождении русского марксизма», по сути дела, не оставлял никакого места для группы «Освобождение труда». Во всяком случае, он никак не мог признать ее родоначальницей российской социал-демократии. Правда, он не отрицал факт взаимодействия «туземного марксизма» и группы «Освобождение труда», но именно первому (в лице группы Благоева) приписывал решающую роль в переходе революционной интеллигенции на марксистские позиции. При этом основной акцент Сергиевский делал на «различия идеологий» плехановской группы и «туземных» кружков и групп, подчеркивая, что идеологические различия между последними были несущественны и все они будто бы «были ближе друг к другу, чем к группе «Освобождение труда»³. Несколько позднее автор вынужден был признать, что мирозерцание группы «Освобождение труда» и популяризация ею марксизма «внесли некоторый вклад в разработку туземной марксистской идеологии», но вновь подчеркивал, что «группа была лишь одним из слагаемых, которые толкнули революционные сферы к марксизму и социал-демократизму»⁴.

¹ Сергиевский Н. Народничество 80-х годов. С. 183—184.

² См.: Полевой Ю. Э. Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959, С. 278.

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 166—167.

⁴ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 61.

Таким образом, предвзятая схема, которой руководствовался Сергиевский, не могла дать никаких ориентиров для подлинно научной разработки проблемы. Автор игнорировал тот факт, что Плеханов преодолел «бакунистскую инерцию» задолго до того, как он узнал о существовании «партии русских социал-демократов», программные искания которой не могли иметь самодовлеющего значения для его утверждения на марксистских позициях. Самые экскурсы в идейную историю группы «Освобождение труда» понадобились автору лишь для доказательства совершенно несостоятельного положения о том, что Плеханов вплоть до 1887 г., когда ему будто бы пришлось «пообчистить» свою программу под влиянием «туземных марксистов», шел не к марксизму, а к народничеству. К последнему историк сводил всю «практическую» часть плехановской программы 1884 г. Не случайно, что в этих экскурсах мы не найдем упоминания о важности пристального изучения работ Маркса и Энгельса для мировоззренческого развития Плеханова даже применительно к 1881—1883 гг., не говоря уже о более раннем периоде, который совершенно не интересовал Сергиевского.

Сложность и противоречивость изучения проблемы перехода Плеханова и других деятелей группы «Освобождение труда» на позиции марксизма, достижения и новые тенденции в этом процессе отразила статья В. Кирпотина⁵. В противовес различным вариациям идеи о том, что марксизм на русской почве вырос из народнической идеологии, автор рассматривал переход Плеханова к марксизму как диалектический процесс, в ходе которого состоялась замена «старой народнической идеологии марксизмом, но уже в сознании рабочего класса».

Отметив, что Маркса знали в русском революционном движении и до Плеханова, автор подчеркивал: «...Плеханов первый понял и усвоил марксизм как теорию пролетариата, противопоставленную всяким другим буржуазным и мелкобуржуазным учениям... Он сменил одно мировоззрение другим, он был вполне сложившимся убежденным народником и стал марксистом»⁶. Тем самым Кирпотин решительно и справедливо отверг традицию «считать Плеханова особым народником, чем-то вроде марксиста среди народников», традицию, в основе которой лежало методологически ошибочное истолкование

⁵ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму // Проблемы марксизма. 1931. № 5—6.

⁶ Там же. С. 129.

Плехановских статей в «Земле и воле» и особенно в «Черном переделе». Родоначальником этой традиции он не без основания считал самого Плеханова. В указанных статьях последнего Кирпотин видел первую ступень его теоретико-политического развития, но рассматривал их под иным углом зрения, нежели его предшественники и современники: он искал в них не «элементы марксизма», а истоки и смысл социально обусловленной эволюции *народнических* взглядов Плеханова с целью выяснения характера его перехода к марксизму.

В связи с этим Кирпотин сосредоточил внимание на выяснении методологических позиций, с которых в то время Плеханов решал основные вопросы теории и практики революционного движения. Итогом наблюдений автора был вывод о том, что до осени 1880 г. Плеханов оставался «правоверным народником, позитивистом и плюралистом по методу, ориентировавшимся в тактике на особый путь исторического развития России. Лишь с осени 1880 — начала 1881 г. в его мировоззрении начинается «интенсивнейшая перестройка», которая и привела к «отказу от народничества»¹. Эта перестройка закончилась в 1882 г.: Плеханов становится марксистом².

Кирпотин сумел критически подойти к тем высказываниям Плеханова, которые давали повод игнорировать пропасть, разделяющую народничество и марксизм. Обвинив Плеханова в идеализации своего народнического прошлого, автор доказывал, что основатель группы «Освобождение труда» стал марксистом не путем изменения выводов из своих взглядов, не путем внесения поправок в свое мировоззрение, а «путем коренного пересмотра старого мирозерцания, путем отказа от него и усвоения другого учения, теории Маркса и Энгельса»³. Речь, следовательно, шла о том, что в процессе смены народничества марксизмом обеспечивалась *структурная* перестройка всего мировоззрения Плеханова — «от вульгар-

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 132, 145.

² См. там же. С. 149.

³ Там же. С. 132. Несколько раньше, в 1928 г., Кирпотин утверждал, что «начало русской социал-демократии» было положено усвоением — при помощи марксизма — двух принципиальных положений: 1) строгого различения буржуазной революции от социалистической и 2) невозможности подмены действия масс «действующим революционным инициативным меньшинством». Плеханову, писал автор, «принадлежит честь и бессмертная заслуга инициативы на этом поприще» (см.: Кирпотин В. Тактика Плеханова в революции 1905 года // Под знаменем марксизма. 1928. № 5. С. 136).

ной позитивистской теории факторов, ничего не объясняющей, а только не совсем умело классифицирующей социальные явления, к монистическому объяснению истории на базе марксизма»¹.

Едва ли не первым Кирпотин обратил внимание на то, что Плеханов, завышая теоретический уровень своих народнических взглядов (прежде всего, по линии «экономического детерминизма»), неизбежно переоценивал и значение для своего развития работ М. А. Бакуннина, который, будучи субъективистом и волюнтаристом, интерпретировал исторический материализм Маркса «в духе вульгарного позитивистического социологизма Прудона»². Плехановские выкладки в работе «Закон экономического развития...» Кирпотин назвал «обычным социологизмом», используемым для доказательства сугубо народнических идей. Он выразил полное несогласие с исследователями, которые в связи с этим «социологизмом» и за общими «народническими трафаретами» Плеханова-народника обнаруживали глубокое проникновение его в суть марксистского учения³.

При всем этом Кирпотин признавал в мировоззрении Плеханова некоторые черты или особенности, которые, по его мнению, только и могли объяснить, почему именно он первым из революционных народников сумел под воздействием выступившего уже на борьбу за свое освобождение рабочего класса стать марксистом (отсутствие свойственных субъективному социологам крайностей в решении проблемы объективного и субъективного в историческом процессе, более последовательная, чем у Бакунина, ставка на массовое народное движение, зародышевое понимание различия между буржуазно-демократической и социалистической революциями, отход от бакунистской постановки вопроса о революции и др.).

Но именно здесь наблюдения Кирпотина звучали наименее убедительно. В частности, взгляд на освобождение народа, как дело самого народа, был свойствен не только Плеханову, но и большинству землевольцев; мысль о том, что осуществление народнической программы в полном объеме является делом далекого будущего, была заложена в самой программе «Земли и воли»; бакунистскую идею о том, что «социальная революция» явится

¹ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 148—149.

² См. там же. С. 130—131.

³ См. там же. С. 130, 132.

неким единовременным актом, разделяли далеко не все участники народнического движения 70-х гг. и т. д. Во всяком случае, из указанных наблюдений автора вовсе не вытекало, будто Плеханов в «самый разгар народнической ортодоксии» (т. е. в конце 70-х гг.) уже понимал, что «в случае пересмотра народнической программы ее придется пересматривать целиком, отказываться от нее и заменить ее новой, а не накладывать на нее заплату политического заговора»¹.

«Начало конца» народничества Плеханова Кирпотин связывал с его статьей во втором номере «Черного передела» (от 2 сентября 1880 г.). Он нашел здесь еретическую, с народнической точки зрения, мысль о двух возможных комбинациях движущих сил будущей «социальной революции»: или гегемония крестьянства, или гегемония пролетариата². Тем самым якобы Плеханов, еще не став марксистом, порывал с народничеством. В действительности же в указанной статье этой «ереси» не содержалось: Плеханов, не отвергая самой возможности политического переворота и относительных благ, доставляемых политической свободой, доказывал «второстепенное значение» политической борьбы, призывал «поставить деятельность в народе превыше всех задач» и лишь оставлял открытым вопрос: «из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной партии, когда пробьет час экономической революции в России»³. При этом Плеханов отмечал, что в настоящее время промышленное развитие России ничтожно и понятие «трудящиеся массы» почти покрывается понятием «крестьянство».

Из анализа чернопеределческих статей Плеханова Кирпотин, как и те из его предшественников, против которых он выступал, делал вывод о том, что теоретик народников-федералистов вплотную подошел к марксизму, хотя сам еще не понимал всего значения происшедшего в нем «сумственного переворота»⁴. Критическое чутье в данном случае изменило автору: он, по сути дела, согласился с Плехановым, который утверждал, что за границей им «только были подведены итоги тому, что было сделано и

узнано нами в России»¹. Не случайно в статье Кирпотина весьма глухо звучит такой определяющий фактор идейного развития Плеханова, как углубленное изучение произведений Маркса и Энгельса (особенно после его отъезда за границу в 1880 г.).

В известной мере с этим связывало и крайнее преувеличение автором значения деятельности Плеханова-народника в рабочей среде. Он подчеркивал «огромное значение» этой стороны его революционной деятельности: она «вызвала ряд существенных видоизменений в старой народнической идеологии и сравнительно быстро поставила вопрос о необходимости полной замены народничества новой теорией»; более того, она позволила практически увидеть решающую роль рабочего класса в революции и понять марксизм как теорию, исключающую другие революционные теории. Деятельностью Плеханова в рабочей среде Кирпотин объяснял, почему именно он стал «первоучителем марксизма в среде российских революционеров и русского рабочего класса»².

Сама по себе попытка Кирпотина более пристально взглянуть на «социальные причины и социальный смысл» теоретического развития Плеханова в сторону марксизма имела немаловажное научное значение. Но и в данном случае автор шел вслед за Плехановым, который после перехода на оппортунистические позиции счел возможным абсолютизировать связь с рабочими в анализе своей эволюции к марксизму. Статья В. Кирпотина не давала ответа на вопрос: почему другие выдающиеся народнические деятели 70-х гг., также работавшие в пролетарской среде, эволюционировали в большинстве своем не к марксизму, а к мелкобуржуазному политическому радикализму? Автору не удалось показать сложный, опосредованный характер связи личных впечатлений, вынесенных Плехановым из пропаганды в рабочей среде, с его движением к целостному восприятию учения Маркса. Кирпотин несколько преувеличил идейные сдвиги в развитии Плеханова в течение 1879—1880 гг. Но важно отметить, что он в какой-то мере преодолел точку зрения тех авторов, которые весь смысл этих сдвигов видели в приближении Плеханова к программе «Народной воли». Историк показал, что признание Плехановым политической борьбы бази-

¹ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 145.

² См. там же.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 1. С. 126—127, 131.

⁴ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 147.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 92.

² См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 160—163.

ровалось «уже на марксизме»¹, т. е. на таком ее понимании, которое не оставляло места для идейного сближения с народничеством.

Дальнейшее идейное развитие Плеханова в 1881—1883 гг. Кирпотин рассматривал как завершение его перехода к новому мировоззрению. В самом факте создании группы «Освобождение труда» реализовался, по его мнению, процесс «отказа от народничества и заимки его марксизмом...»². Но именно этот процесс, наиболее интенсивно протекавший в указанные годы, очерчен автором слишком беглыми штрихами. Его плодотворная мысль о структурной перестройке всего мировоззрения Плеханова в этот период оказалась скомканной и слабо аргументированной.

Отчасти это связано с тем, что Кирпотин не сумел преодолеть навешенную самим Плехановым тенденцию рассматривать все народническое движение второй половины 70 — начала 80-х гг. как анархистско-бакунинское. Ленинская мысль о полуанархической точке зрения народничества³ не стала для автора основой решения поставленного им вопроса: «от чего Плеханов шел к марксизму...»⁴. Шел ли он от полуанархических народнических воззрений, как это и было в действительности, или от воинствующего анархизма Бакунина, как считает автор, — от этого во многом зависело подлинно научное решение всей проблемы. Позиция же автора неизбежно порождала противоречия. Так, рассматривая плехановское решение вопроса о судьбе общины в России, он должен был признать, что Плеханов «повторил народников, был народником, а не анархистом»⁵, хотя на протяжении всей статьи провозглашал его сторонником бакунинских взглядов, вообще игнорируя генетическую связь идеологии революционного народничества 70-х гг. с учением Герцена и Чернышевского.

Преувеличение влияния идей Бакунина на мировоззрение Плеханова имеет особое значение в концепции Кирпотина: он полагал, что бакунизм (как и некоторые другие «пережитки» народничества) не был «довыкорчеван до конца в голове» «первоучителя марксизма в Рос-

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 147.

² См. там же. С. 149—150.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 179.

⁴ Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 149.

⁵ Там же. С. 141.

сии»¹. В этом историк видел тот груз прошлого, который будто бы «сузил масштаб понимания усвоенного им марксизма». «В том, от чего Плеханов шел к марксизму, — писал он, — коренятся некоторые из моментов, объясняющих меньшевизм Плеханова»².

В. Кирпотин явился одним из творцов «теории» ограниченности, «неполноценности» плехановского марксизма. Он пытался доказать не исторически обусловленную ограниченность мировоззрения Плеханова-марксиста, а именно ограниченность его марксизма, приведшую к меньшевизму. В соответствии с этим автор совершенно неосновательно приписывал Плеханову «недостаточно богатое» восприятие марксизма, «суммарный подход» к российской действительности, поверхностный охват «в изучении своих объектов»³ и т. д. Из всего этого, так же как из приобретенных навыков «почти семилетней школы позитивизма», которую прошел Плеханов, Кирпотин выводил его меньшевизм. Он резюмировал свои мысли так: «Особенности теоретического развития марксизма привели Плеханова к суммарному усвоению марксизма; суммарное усвоение марксизма, достаточное для преодоления народничества, в дальнейшем привело Плеханова к формалистическому применению марксизма, что и было методологическим корнем меньшевизма Плеханова»⁴. Эта нескладная и внутренне фальшивая формула позволяла историку отыскивать корни меньшевизма Плеханова уже в его первых марксистских работах. Но для этого он должен был покинуть историческую точку зрения на объект своего исследования.

Шагом назад в трактовке рассматриваемой проблемы следует признать суждения С. И. Черномордика — автора первой монографии о группе «Освобождение труда», вышедшей в свет в 1935 г. Весь сложный процесс перехода революционной мысли страны от народничества к марксизму он свел к происходившему в недрах «Земли и воли» и, главным образом, в «Черном переделе» perspective «ортодоксального бакунизма». По мнению Черномордика, именно в результате этого «ревизионизма возникла... группа «Освобождение труда»⁵.

¹ См.: Кирпотин В. Первая ступень теоретической эволюции Плеханова и переход его к марксизму. С. 157, 166.

² Там же. С. 158.

³ См. там же. С. 153—154, 158.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». М., 1935. С. 41.

Ограничив сферу своих интересов анализом бакунизма как доктрины, из разрешения внутренних противоречий которой и родился «русский марксизм», автор не сумел дать ясное представление о важнейших общественно-политических и идейных факторах, обусловивших движение ищущей мысли Плеханова к новым теоретическим позициям, позволявшим поставить под сомнение отдельные иллюзии русского «крестьянского социализма», а затем выдвинуть задачу «критической оценки всех элементов... народничества» с точки зрения научного социализма¹.

Таким образом, в решении проблемы перехода Плеханова и его ближайших сподвижников от народничества к марксизму советские историки выдвинули ряд оригинальных научных идей, решительно противостоявших попыткам меньшевистских историков трактовать ее с антиленинских позиций. Они попытались применить к разработке различных аспектов этой проблемы материалистический метод, что и обеспечило первые существенные научные завоевания: на обновленной и расширенной источниковедческой базе были намечены конкретные контуры социально-экономических и идейных предпосылок перелома в мировоззрении революционных элементов страны, выявлены важнейшие факторы, под влиянием которых началось освобождение общественной мысли от иллюзий народнического социализма, ставшего с 1883 г. объектом всеобъемлющей критики с позиций марксизма.

Но историкам-марксистам еще не удалось в конкретно-историческом плане вскрыть диалектику взаимодействия объективных условий и субъективного фактора в этом переломе. Переход к марксизму рассматривался преимущественно как *эволюционный* процесс накопления элементов марксизма и связанных с этим идейных сдвигов в рамках народнических организаций («Черного передела» или «Народной воли»). На этой основе невозможно было уяснить характер, историческую и социальную обусловленность *качественного* скачка в самосознании определенной части революционной интеллигенции, установить глубокую связь перехода ее лучших представителей к научному социализму с необратимым кризисом идеологии крестьянской демократии.

Поэтому «отделение» марксизма от народничества упрощенчески представлялось порой как простое «пере-

несение» идей Маркса и Энгельса на русскую почву под влиянием рабочего движения, которое тем самым абсолютизировалось в качестве решающего фактора обращения революционной мысли к этим идеям. Тем самым, с одной стороны, фактически снимался вопрос о поступательном развитии революционной мысли России, ее работы над созданием основ социал-демократического мирозерцания², а с другой — не достигалось никакого научного согласования с мыслью Ленина о том, что «теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»³.

Непреложное требование марксизма — сведение «общественных идей к общественно-экономическим отношениям»⁴ — зачастую еще трактовалось в духе «экономического материализма», общих вульгарно-социологических указаний на развитие капитализма и его последствий как созидательного источника марксистских идей и первоосновы перехода революционной России от утопии к науке. На общих подходах историков к этой проблеме еще сильно отражалась недостаточная разработанность концептуальных и методологических аспектов взглядов Ленина на историю освободительного движения в России, хотя они и стремились опереться на определенную сумму его выводов и оценок.

Со всем этим, на наш взгляд, связаны отступления от принципа историзма и увлечение созданием умозрительных, субъективных схем, способных вносить лишь путаницу в сложную картину идейных исканий революционной мысли страны на пути к марксизму. Эта путаница усугублялась постепенным вторжением в разработку темы антинаучных попыток найти методологические корни меньшевизма в том мировоззренческом комплексе, благодаря которому «идейно определилось направление русского марксизма...»⁵.

¹ См.: Плеханов Г. В. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 331.

² Там же. Т. 6. С. 31.

³ Там же. Т. 1. С. 414.

⁴ Там же. Т. 25. С. 94.

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 20.

РОЛЬ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ОСНОВАНИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

...Наука не может быть подчиняема
внешним требованиям,
ее истины не должны быть искажаемы
в угоду частным и временным интересам.

Н. Г. Чернышевский

В историко-партийной литературе 20 — начала 30-х гг. проблема теоретического основания российской социал-демократии не заняла того места, которое было бы адекватно масштабу поисков и достижений пионеров марксистской мысли в нашей стране. Это относится прежде всего к группе «Освобождение труда». Ее действительные заслуги в этом отношении, глубоко и всесторонне выясненные — с теоретико-методологической точки зрения — В. И. Лениным задолго до Октября 1917 г., должны были, казалось бы, стимулировать изучение именно этой стороны деятельности Плеханова и его соратников: с нею вождь большевистской партии связывал рождение «русского марксизма», выработку в приложении к России теории рабочего социализма, теории русских социал-демократов¹.

Очевидно, что только конкретно-историческое изучение проблемы в разрезе этой методологической установки могло обеспечить ее строго научную постановку, а в связи с этим и решение всех основных вопросов дальнейшего творческого развития марксистской теории, разработки общепартийной Программы, принятой на II съезде РСДРП.

В действительности же историографическая картина предстает перед нами в крайне сложном и причудливом сочетании взаимноисключающих тенденций, идей и оценок. С одной стороны, мы видим здесь настойчивое стремление историков следовать ленинским оценкам, с другой — отступление от них, что неизбежно влекло за собой ошибки методологического характера и в конечном счете искажение общей картины теоретической работы группы «Освобождение труда», а также других кружков и групп марксистского направления.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

В марксистских исследованиях начала 20-х гг. оценка роли группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова в создании «теории русских социал-демократов» еще только намечалась, формулировалась в самом общем виде, причем значение ее скорее переоценивалось, нежели недооценивалось. Тем не менее постепенно утверждалась та точка зрения, которая методологически опиралась на ленинские оценки. Сформулированное еще в 1923 г. положение А. С. Бубнова о группе как родоначальнице социал-демократии, заложившей «теоретический фундамент для революционной пролетарской партии в России»¹, стало в известной мере установочным для историков партии. Это положение, вопреки всевозможным шатаниям в оценке программного наследия группы «Освобождение труда», Бубнов почти дословно повторил и в 1931 г.², как бы подчеркивая тем самым устойчивость определенной историографической традиции, которая действительно оказалась наиболее плодотворной для того времени.

Эту традицию утверждал, хотя и не всегда последовательно, В. И. Невский. Он писал в 1924 г., что на долю группы «Освобождение труда» выпало сыграть «колоссальную роль в деле как теоретического обоснования, так затем и практического развития и укрепления русской социал-демократии и русского рабочего движения, а стало быть, и той партии, из которой выкристаллизовалась наша Коммунистическая партия»³. Историк особо подчеркивал, что Плеханов как создатель и теоретик первой марксистской группы в России, будучи одним из самых блестящих учеников Маркса и Энгельса, «лучше, чем кто-либо другой, владел диалектическим методом Маркса», в силу чего сумел внести немало ценного в развитие теории научного социализма и «очень много дал... в области развития русской мысли вообще».

Сквозь призму этих не чуждых определенного преувеличения оценок Невский рассматривал ту сторону теоретической деятельности группы «Освобождение труда», которая была непосредственно связана с первыми попытками применения учения Маркса к условиям России, с упрочением марксистского направления в российском революционном движении. Общие взгляды на характер идейной

¹ См.: Бубнов А. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России. С. 7.

² См.: Бубнов А. ВКП(б). М.: Л., 1931. С. 10.

³ Невский В. И. Предисловие // Историко-революционный сборник. Т. 2. С. 3.

эволюции чернопеределчества не помешали историку ближе других авторов подойти к пониманию того, что принципиальной гранью, разделившей утопический социализм народничества и научный социализм, явилось целостное восприятие последнего именно группой «Освобождение труда». При этом Невский исходил из признания творческого отношения Плеханова к марксизму. В брошюре последнего «Социализм и политическая борьба» он увидел блестящий образец изложения взглядов Маркса и, главное, применение их к русской действительности¹. На этой стороне воззрений группы «Освобождение труда» автор делал основной акцент при анализе всех других ее программных документов.

Необходимо заметить, что в первых работах Невского этот анализ не всегда был достаточно глубок и точен, поскольку еще не были установлены ни датировка второго проекта программы группы «Освобождение труда», ни атрибуция письма «К товарищам». В своих «Очерках» этим письмом автор иллюстрировал мысль о глубоко критическом отношении «наиболее вздумчивых» чернопеределцев к своим взглядам и старым методам борьбы «задолго до возникновения официально существующей первой группы социал-демократов...»².

Это, конечно, внесло путаницу в аргументацию автора и привело к противоречивым представлениям о самом процессе идейного развития группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова. С одной стороны, он склонен был считать, что группа в течение 80-х гг. сама еще только искала точной формулировки своих взглядов, только вырабатывала свою программу³. С другой стороны, он утверждал, что уже осенью 1883 г. группа Плеханова заложила «первый теоретический фундамент рабочей партии и программы в России»⁴; именно с появлением извещения о создании «Библиотеки современного социализма» он связывал начало новой эры в истории русского революционного движения. «...Кончилась доисторическая эпоха, — писал Невский, — начиналась новая, социал-демократическая»⁵.

В Плеханове автор видел прежде всего теоретика, за-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 185.

² См. там же. С. 217—220.

³ См. там же. С. 269.

⁴ Там же.

⁵ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 29.

ложившего «прочный фундамент научного социализма и первые основы рабочей социалистической партии в России»¹. В этой связи он неизменно подчеркивал огромное идейное влияние группы «Освобождение труда» на развитие революционной социал-демократии в России², считал, что каждая социал-демократическая организация испытала на себе ее идейное влияние³. К сожалению, этот вывод, вполне подтвержденный позднее, не получил в работах Невского достаточного обоснования; в известной мере он подрывался наветной Н. Л. Сергиевским мыслью о совершенно самостоятельной выработке своего мировоззрения марксистами внутрирусской струи социал-демократического движения⁴.

С позиций более или менее последовательного историзма Невский подходил к оценке первых двух проектов программы группы «Освобождение труда». Усматривая в их «несовершенстве» отражение «переходного момента», переживаемого революционной мыслью страны, он выявлял неблагоприятные условия, при которых Плеханову приходилось делать «свою основную работу: выковырять основы программы русской социал-демократии и критикой расчищать утопический сор, который накопился от предыдущих периодов революционного движения и буквально мешал двинуться хоть на шаг вперед»⁵.

Хотя Невский преувеличивал (вслед за Д. Б. Рязановым) «разницу» между первым и вторым проектами программы группы «Освобождение труда», он тем не менее в основном верно характеризовал постановку в них вопроса о терроре, захвате власти и, что особенно важно, об отношении к крестьянству. Он полагал, что во втором проекте программы деятели группы изжили последние иллюзии в отношении террора как средства политической борьбы, дали более цельное и последовательное решение проблемы овладения правительственной властью, высказали принципиально иной взгляд на пути вовлечения крестьянства

¹ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 30.

² См. там же. Ср.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 269. См. также предисловие Невского в кн.: Группа «Освобождение труда»: (Библиография за 50 лет). М., 1934. С. 6.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 339.

⁴ См. там же. С. 267; Его же: Группы «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

⁵ Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

«в русло всемирно-исторического движения»¹. Объективно оценивал Невский и взгляды Плеханова на задачи русской социал-демократии, что имело важное значение для правильной постановки вопроса о влиянии группы «Освобождение труда» на тактические искания первых марксистов в самой России.

В этой связи Невский сделал попытку осветить вопрос о взглядах Плеханова и Аксельрода на отношение социал-демократии к буржуазно-либеральному обществу. Не сумев вскрыть смысл и основные идеи, изложенные в статье Плеханова «Всероссийское разорение», и не обратив внимания на последующие его разъяснения по этому поводу, историк нашел его трактовку вопроса «неправильной» и «звонкой», а «ясную» точку зрения Аксельрода по вопросу о роли буржуазии в предстоящей революции признал «неприемлемой для социал-демократии»².

В целом же свои взгляды на группу «Освобождение труда» как основательницу русской социал-демократии, впервые сформулировавшую основные теоретические положения марксизма в применении к России, Невский базировал на известных положениях В. И. Ленина. Заслуга историка как раз и состояла в том, что он одним из первых сумел взглянуть на проблему теоретического основания русской социал-демократии с ленинских позиций. Это имело очень важное значение для правильной постановки важнейших вопросов идеологии первых социал-демократических кружков и групп в России. При всем несовершенстве принципиальных обобщений Невского, не устранивших противоречия между признанием огромного идейного влияния группы «Освобождение труда» на русское революционное движение 80—90-х гг., с одной стороны, и мыслью о совершенно самостоятельной выработке марксистского мировоззрения внутрироссийскими кружками того времени — с другой, они нацеливали историков на более глубокое осознание теоретико-методологического и историографического значения работ В. И. Ленина для подлинно научного подхода к изучению предьстории и истории РСДРП.

К сожалению, плодотворное историографическое направление, наметившееся в работах А. С. Бубнова, В. И. Невского и некоторых других историков, стало постепенно заслоняться тенденциями, вольно или невольно при-

¹ См.: Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 32.

² См. там же. С. 42—44.

нижавшими исторические заслуги группы «Освобождение труда» в деле основания русской социал-демократии.

В утверждении этих тенденций известную роль сыграли работы М. Н. Покровского, чей авторитет среди историков-марксистов в 20-е гг. был исключительно велик. Как уже отмечалось, еще в своем «Сжатом очерке» он признавал наличие в России к 90-м гг. «русского марксизма» — «выработанной и разработанной теории классовой борьбы пролетариата». Но ни здесь, ни в более поздних его исследованиях мы не найдем развернутого анализа того, что он, вслед за Лениным, называл «русским марксизмом». Это, несомненно, связано с его поисками «корней большевизма» и предшественников Плеханова в народнической среде, что логически вело к принижению не только влияния идей группы «Освобождение труда» на революционную мысль 80-х гг., но и ее роли в разработке теории и программы российской социал-демократии. Если в «Сжатом очерке» содержится лишь поверхностные указания на основные положения «Наших разногласий» наряду с мыслью, что здесь «даны уже все почти основные идеи, которыми питалась русская марксистская литература до самого конца XIX века» и что лишь «Искра» уже в XX в. «пошла дальше»¹, то в «Очерках по истории революционного движения...» Покровский обратился к анализу программных проектов 1884 и 1885 гг.

Этот анализ оказался весьма поверхностным, поскольку автор подошел к первым, по его определению, социал-демократическим программам лишь с точки зрения *дальнейшего*, еще более решительного (по сравнению с «Программой рабочих членов партии «Народная воля») отхода от старой идеологии². Полностью игнорируя заложенные в плехановских документах важнейшие программные требования, блестяще суммированные Лениным еще в 1899 г.³, Покровский сосредоточил внимание на постановке в них аграрно-крестьянского вопроса. Но и здесь его анализ оказался в полном противоречии с имеющей общеметодологическое значение ленинской оценкой плехановских проектов и их аграрной части. Автор даже не упомянул основное требование обоих проектов («радикальный пересмотр» аграрных отношений), не заметил наличия в

¹ См.: Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1—2. С. 268—270.

² См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 80—81.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216, 254—255.

них тех важнейших положений, которые всегда признавали и защищали русские социал-демократы¹.

Не сумел Покровский вскрыть и главный недостаток программы Плеханова по аграрному вопросу. Противопоставив без должной аргументации оба проекта друг другу, он нашел, что выраженное в первом проекте отношение группы «Освобождение труда» к крестьянству было лишь «фиговым листком», прикрывающим ее боязнь этого класса в качестве субъекта революционного действия. Поэтому, утверждал Покровский, во втором проекте (он ошибочно относил его к 1887 г.) «фигового листка» уже нет, поскольку крестьянство объявлено «реакционной силой». Приписав Плеханову сугубо однозначное решение вопроса о роли крестьянства («от мужика политически один вред»), он объявил это решение «плехановской традицией» и, порывая с историзмом (не говоря уже о фактах), прямолинейно связал ее с позицией меньшевиков периода революции 1905—1907 гг. Эту позицию, коренящуюся будто бы в обеих программах группы «Освобождение труда», он объяснял реакцией на «народническую революцию»².

Указывая на спор между большевиками и меньшевиками и углубляя его в чисто модернизаторском духе, историк утверждал, что постановка крестьянского вопроса и теми и другими тянется к 80-м и первому десятилетию 900-х гг. Произвольное истолкование отдельных положений плехановской аграрной программы позволило Покровскому оставить без внимания ее обоснование в работе «Социализм и политическая борьба»³, не говоря уже о «Наших разногласиях», где особо подчеркивалось: программа группы «не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения»⁴. И это была та единственно правильная для своего времени постановка вопроса, которую Плеханов затем развивал, освобождаясь от взгляда на политическое безразличие и умственную отсталость крестьянства как «главнейшую опору абсолютизма», и настаивал на необходимости употребить все усилия соци-

ал-демократов, чтобы «внести в его среду революционное сознание...»¹.

Односторонняя оценка программных документов группы «Освобождение труда» ярко проявилась в подходе Покровского к вопросу о плехановском понимании гегемонии рабочего класса в 80-е гг. «Там выходит,— писал он,— что как будто рабочий класс ведет за собой только самого себя или в лучшем случае буржуазию, внушая ей бодрость, веру в будущее, надежду на свои силы и, таким образом, внушая ей стремление бороться с самодержавием,— такие слова оканчиваются... вторая программа группы «Освобождение труда» 1888 года»². Такого крупного историка, как Покровский, трудно заподозрить в том, что он знал эту программу только понаслышке. Но слов этих в указанном документе нет, а те, что есть, не дают никакого основания для подобной интерпретации.

Напротив, Плеханов говорит здесь о требованиях рабочей партии, добиваясь которых она только и могла бы проложить себе «широкий путь для сближения с земледельческим населением». Если бы Покровский дал себе труд проанализировать его работу «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», то он смог бы убедиться, что развитие этой мысли у Плеханова шло в приближении к идее союза рабочего класса не только с демократическими элементами «общества», но также с крестьянской беднотой и сельским пролетариатом³. Ясно, что эта сторона взглядов Плеханова никак не умещается в прокрустово ложе той мнимой «плехановской традиции», которую Покровский связывал с «классическим» меньшевизмом.

Таким образом, Покровский недialeктически вырывал программные документы группы «Освобождение труда» из той исторической ситуации, в которой они создавались, и не захотел проследить развитие заложенных в них идей в марксистских работах Плеханова 80 — начала 90-х гг., сопоставить их с программами западноевропейских социал-демократических партий. Важно отметить, что ленинский анализ проектов программы группы «Освобождение труда» (как, впрочем, и общая оценка ее теоретической работы) остался в данном случае за пределами суждений Покровского. Тем самым маститый ученый невольно соз-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 273, Т. 12. С. 242—243.

² См.: Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 81—82.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 2. С. 87—88.

⁴ Там же. С. 353.

¹ Плеханов Г. В. Соч. М., Л., 1925. Т. 9. С. 27, 46.

² Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. С. 86.

³ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 409—410.

давал прецедент, который оказался вполне достаточным для тенденциозного принижения и просто грубого искажения теоретического творчества Плеханова и его группы в исследованиях многих советских историков (Н. Л. Сергиевский, В. Рахметов, Ф. Быстрых, М. Поташ, С. Черномордик и др.).

В 20-е гг. от своих прежних оценок вклада группы «Освобождение труда» в теоретическое основание русской социал-демократии отступил Н. Н. Батурин. Теперь он настаивал на «антинародническом по преимуществу содержании» марксизма группы, что и приводило «к антикрестьянскому направлению» ее социал-демократической пропаганды. «Рабочий вопрос», полагал историк, если не совершенно заслонял, то, по крайней мере, отодвигал на задний план какое бы то ни было отношение ее к крестьянству. При этом он утверждал, что на протяжении 80-х гг. «антикрестьянское направление группы «Освобождение труда» не ослабевало, а усиливалось»¹. На основе подобных умозрительных заключений Батурина ставил под сомнение «преемственную связь между марксизмом группы «Освобождение труда» и ленинизмом», что и было подвергнуто критике П. Н. Лепешинским даже в то время, когда он сам находил в программном творчестве группы «принципиальные основы оппортунизма»². Но в начале 20-х гг. он был еще далек от этой установки и рассматривал плехановскую группу как специальную лабораторию революционной мысли, в которой марксизм был усвоен в качестве нового метода революционной борьбы в России. Главная задача группы, по его мнению, состояла в том, что «члены ее (главным образом, Плеханов), вооружившись с ног до головы теоретическими основами научного социализма, смело и решительно дали бой всем представителям различных «наших направлений» — по всей линии вопросов, недостаточное разрешение которых загнало в безысходный тупик русское революционное движение 60-х и 70-х годов»³.

Большой шаг назад от безусловно точных ленинских оценок исторической роли группы «Освобождение труда» в создании основ социал-демократического воззрения в России сделал Н. Л. Сергиевский. В 1924 г. он выступил

¹ Батурин Н. Н. «Искра» и Ленин // Сочинения. М.: Л., 1930. С. 342—343.

² См.: История пролетариата СССР. М., 1930. Сб. 2. С. 266.

³ Лепешинский П. Объяснительная записка к программе по истории РКП // Пролетарская революция. 1922. № 3. С. 91.

со статьей о соотношении идеологии группы «Освобождение труда» с идеологией других марксистских групп 80-х гг. Автор не отвергал заслугу плехановской группы «по части разработки марксизма и приложения его к российской действительности», но фактически обесценивал ее необоснованным признанием наличия к 1883 г. «марксистской идеологии в революционных сферах России и практических попыток утверждения и образования марксистской партии»¹. На основе поверхностного анализа первого проекта программы группы он усматривал в ее идейном облике лишь «уклон к марксизму», правда, преобладающий над другими идейными влияниями. Такой взгляд вполне соответствовал задаче автора: доказать ничтожность идейного влияния группы «Освобождение труда» на «туземные революционные сферы»².

Группа Плеханова, по мнению Сергиевского, стала принимать марксистский характер лишь со времени составления «Проекта программы русских социал-демократов», который он также ошибочно относил к 1887 г. Первый же проект (1884 г.) в результате развернувшейся в революционных кругах дискуссии потерпел якобы поражение, и группе «Освобождение труда» пришлось... изменить основы своей программы. Эта неверная посылка автора повлекла за собой множество ошибок по всем вопросам, касающимся эволюции взглядов группы. Ее новая программа, полагал Сергиевский, оказалась логичнее варианта 1884 г. Но «важнейшее, наиболее серьезное обстоятельство, которое решительно меняло характер программы», автор усматривал в том, что в ней со всей определенностью выдвигалось на первый план — как непосредственная задача рабочей партии — свержение абсолютизма. Трактует эту постановку вопроса как пересмотр более ранних взглядов группы на этот счет, Сергиевский расценил ее как призыв слабых рабочих социал-демократических кружков «к революционной атаке власти»³.

Очевидно, что Сергиевский не сумел научно решить вопрос о соотношении основных программных документов, выработанных группой «Освобождение труда». Даже после того, как была установлена точная дата составления «Проекта программы русских социал-демократов», он продолжал отстаивать мысль о том, что указанные документы

¹ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 91.

² См. там же. С. 105.

³ См. там же. С. 113—114.

отражают «крупные этапы в эволюции взглядов» Плеханова и даже «разницу мировоззрений двух его программ»¹. Более того, в первой программе историк склонен был видеть теперь лишь большой уклон к народничеству желаябовского толка, а вторую — рассматривал как антинародовольческую и почти марксистскую. Естественно, что он занялся поисками поводов и причин, заставивших Плеханова изменить, а затем и «декларировать» свои новые взгляды².

И то и другое Сергиевский объяснял идейным влиянием на группу «Освобождение труда» группы Благоева. Он утверждал, что проект 1885 г. вовсе не является второй программой группы «Освобождение труда», что он составлялся не от имени этой группы, а как «согласительный проект» двух групп — плехановской и благоевской. Крайнее преувеличение зрелости теоретических достижений «Партии русских социал-демократов» позволяло автору говорить, что именно идейное воздействие последней заставило Плеханова и Аксельрода «головокружительно быстро» начать переработку своей первоначальной программы. И хотя Благоев будто бы во многом уступил напору «группоосвободителей» («генералов от революции»), тем не менее вместо программы социалистического интеллигентского кружка «сразу же и без всяких переходов получилась, несмотря на некоторые свои недостатки и нелогичности, в общем все же программа доподлинно рабочей партии, составленная не хуже многих европейских»³.

Всем этим, по мнению Сергиевского, «Проект программы русских социал-демократов» был обязан группе Благоева, влияние которой якобы определило пересмотр Плехановым вопросов о роли интеллигенции и значении террора «в народовольческом смысле». Он доказывал, что Плеханов, уступив, хотя и далеко не полностью, по этим «одиозным пунктам», сумел, однако, отстоять ряд своих положи-

ний, находившихся в противоречии с более зрелой теоретической мыслью благоевцев⁴.

Общие итоги изучения теоретической деятельности русских социал-демократов 80-х гг. Н. Л. Сергиевский подвел в своей монографии о группе Благоева⁵. Его взгляд на идеологию и практику последней мы рассмотрим в другом месте. Сейчас же важно установить логику предпринятого им анализа воззрений группы «Освобождение труда» по важнейшим вопросам теории, программы и тактики социал-демократического движения.

Поскольку Сергиевский не признавал плехановскую группу основательницей русской социал-демократии, постольку он фактически снимал и вопрос о ее вкладе в идейную подготовку РСДРП. Весь смысл его работ сводится к тому, чтобы на основе резкого разграничения марксизма заграничного («группоосвободительского», плехановского) и марксизма внутрирусского («туземного») доказать, что именно последний заложил теоретическую и практическую базу русской социал-демократии, что социал-демократизм группы «Освобождение труда» как при своем возникновении, так и позднее был «менее жизненным» по сравнению с «туземной социал-демократией», которая складывалась якобы еще с 70-х гг., что плехановская группа лишь ценой огромных теоретических уступок постепенно, «с боями» подходила к ней⁶.

Это, так сказать, каркас той схемы Сергиевского, обоснованию которой он подчинил весь довольно широкий круг источников (в том числе архивных), оказавшихся в его распоряжении. Глубокий негативизм по отношению к группе «Освобождение труда» вообще, к Г. В. Плеханову в особенности, составляет основной пафос его исследований, что не могло не отразиться, причем самым пагубным образом, на постановке всех коренных вопросов генезиса марксизма в России.

Именно на эту сторону схемы Сергиевского следует обратить особое внимание: она оказала серьезное влияние на развитие советской историографии социал-демократического движения «утробного периода», несмотря на то что принципиально расходилась с концепцией Ленина. Последняя — ни в целом, ни в деталях — не была учтена

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов» // Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). С. 87.

² См. там же. С. 86—87.

³ Там же. С. 96. Сергиевский обвинял Плеханова и Аксельрода в том, что они позднее, в период подготовки проекта Программы ко II съезду РСДРП, умышленно «умалчивали и замалчивали первую программу» 1884 г., и когда о ней стало известно, «не хотели объяснить, почему они через год вынуждены были выработать вторую» и почему не публиковали ее вплоть до 1888 г. (см. там же. С. 87). Все эти обвинения не имеют фактического основания и базируются на полном противопоставлении указанных документов, будто бы различных в своей мировоззренческой основе.

⁴ См.: Сергиевский Н. Л. Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 100.

⁵ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.: Л., 1929.

⁶ См. там же. С. 79, 115 и др.

Сергиевским, что и предопределило его методологические просчеты в решении вопроса о характере и эволюции идеологии группы «Освобождение труда», ее соотношения с воззрениями «туземных» марксистов.

Но во взглядах Сергиевского на группу «Освобождение труда» и ее главного теоретика была и другая сторона, не получившая в то время признания. Подчеркивая «медленность марксистской эволюции Плеханова», он характеризовал ее как движение по восходящей (в смысле углубления его марксистских взглядов) вплоть до II съезда РСДРП. К сожалению, этот подход, заключавший в себе определенные позитивные возможности, оказался загроможенным ложными представлениями о путях «переоценки ценностей» членами группы. Эти пути историк рассматривал как последовательную сдачу Плехановым своих первоначальных позиций под натиском «туземных» социал-демократов, которые будто бы, одержав над ним ряд идейных «побед», подвинули его к уровню решений II съезда РСДРП по программно-тактическим вопросам¹.

«Туземные марксисты» 80 — начала 90-х гг., по мнению Сергиевского, заставили Плеханова, во-первых, пересмотреть проект 1884 г., а во-вторых, — отказаться от убеждения «в неизбежности союза пролетариата с буржуазией». К концу 90 — началу 900-х гг. оставались лишь споры по крестьянскому вопросу, но и они были ликвидированы на II съезде партии². Ясно, что Сергиевский всю проблему взаимоотношений Плеханова и его группы с другими социал-демократическими объединениями 80 — начала 90-х гг. ставил с ног на голову во имя доказательств своей предвзятой схемы. Следствием этого и явилось полное извращение теоретических взглядов группы «Освобождение труда», ее позиций по самым важным вопросам программы и тактики.

Следует подчеркнуть, что Сергиевский не видел или не хотел видеть решительный разрыв группы «Освобождение труда» со всей системой старых народнических взглядов. Напротив, теперь он особенно настойчиво подчеркивал «кровное родство» ее программно-тактических идей с народольчеством, правда, не тихомировского, а желябовского толка. По мнению историка, группа признавала Маркса

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 98—100; *Его же*: Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 113—114.

² См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 113.

лишь «академически», а практически исповедовала народольчество. «Тень Желябова... — писал он, — витала над Плехановым с первых дней творения группы «Освобождение труда»¹. Утверждая, что народольцы встретили проект программы 1885 г. более сочувственно, чем «туземные» социал-демократы, автор объяснял этот «факт», почерпнутый из дооктябрьских работ Д. Б. Рязанова, тем, что Плеханов «проповедовал революцию по Желябову», облекая свою проповедь в марксистскую фразеологию. И это будто бы привлекло к нему народольцев, поссорив одновременно на полтора десятка лет с социал-демократами в России².

Понятно, что на основе таких посылок невозможно было даже приблизиться к научному решению вопроса о теоретических завоеваниях группы «Освобождение труда»: анализ ее мировоззрения осуществлялся в плоскости противопоставления марксистскому учению. Не обнаружив в ее программных документах основополагающих тезисов, которые, по словам Ленина, «с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения»³, Сергиевский использовал эти документы (наряду с первыми марксистскими произведениями Плеханова) для доказательства идейных «шатаний» лидера группы «Освобождение труда», с трудом будто бы освобождавшегося от идеологии «марксистизированного Желябова» под влиянием «туземных» социал-демократов.

Сергиевский утверждал, в частности, что Плеханов только на протяжении 1883—1885 гг. трижды менял свою точку зрения на «основной вопрос о том, что является преобладающим фактором в революции» — рабочий класс или «социалистическая интеллигенция»⁴. Точно так же Плеханов обвинялся в том, что он делал установку не на социальную, а буржуазную революцию и, вопреки «Манифесту Коммунистической партии», «отграничивал» эти революции друг от друга⁵. Автор, обнаруживая здесь неверное толкование марксистского понятия социальной ре-

¹ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 112, 62, 111.

² См. там же. С. 111, 113.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 217.

⁴ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 105.

⁵ См. там же. С. 54, 76, 104.

волюции, ввел в литературу определение «марксист пле-хановского типа» как эквивалент всех тех, кто забывал сущность рабочего движения, держал курс на буржуазную революцию.

Таким образом, крупная заслуга Плеханова, впервые по-марксистски решившего вопрос о характере предстоящей в России революции, была антиисторично трансформирована в такой «недостаток», который «уличал» группу «Освобождение труда» чуть ли не в апологетике буржуазии и буржуазного развития страны. В этом отношении историк, считавший себя марксистом, почти полностью смыкался со взглядами либеральных народников типа В. П. Воронцова на объективную роль идей группы «Освобождение труда».

В соответствии с этим Сергиевский извращал и отношение Плеханова к вопросу о союзниках рабочего класса в предстоящей революции. Оставляя в стороне взгляды Плеханова на идейную и политическую самостоятельность рабочего класса как важнейшее условие борьбы за социализм, его характеристику общественно-политических позиций русской либеральной буржуазии, он утверждал, будто лидер группы «Освобождение труда» в 1891 г. «прямо ки-нул призыва к объединению русских революционеров с буржуазией» и лишь поголовное возмущение революционных кругов страны заставило его «бить отбой», начать отступление от идеи союза с буржуазией¹.

В духе чистой импровизации, лишенной всякого конкретно-исторического обоснования, Сергиевский рассматривал и постановку Плехановым аграрно-крестьянского вопроса. Группа «Освобождение труда», полагал он, «выбросила за борт» крестьянство, скинула его со счетов, допустив тем самым «святотатство» по отношению к традициям 70-х гг.² Не имея своей собственной программы по аграрному вопросу, Плеханов будто бы позаимствовал то, что содержится на этот счет в проекте 1885 г. у благоевцев, и лишь в начале 90-х гг. «сделал поворот на девяносто градусов...»³.

Плеханов обвинялся, далее, в народовольческой трактовке роли интеллигенции, в приписывании ей (в проекте 1884 г. и «Наших разногласиях») решающей роли в революции. И в этом вопросе ему пришлось «отступить» от своих взглядов лишь под влиянием благоевцев (первоначаль-

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 112—113.

² См. там же. С. 24, 51, 108.

³ См. там же. С. 12—13.

но — в статье «Современные задачи русских рабочих») ¹. Но и это было лишь формальной перестановкой слагаемых: место «социалистической интеллигенции» заняли рабочие кружки, «место одной конспиративно-нелегальной партии заняла другая лишь по социальному составу, но такая же (заговорщическая. — Р. Ф.) партия, и только; а сам пролетариат, как целое, может пребывать в младенческом состоянии развития и революционной неподвижности»².

На основании этого надуманного заключения Н. Л. Сергиевский в самом нелепом виде изображал тактические идеи группы «Освобождение труда». Страшно преувеличивая «народовольческий уклон» первой программы группы, он сводил ее «практическую программу» к народовольческому «террористическому действию»; роль же рабочего класса она якобы ограничивала только поддержкой террористов в момент их нападения на государственную власть «своим организованным движением, парализующим противодействие уже поколебленного таким аттентатом государственного аппарата»³.

Лишь из проекта программы 1885 г. Плеханов, по мнению Сергиевского, выбросил террор в народовольческом смысле. Из произвольной трактовки «Проекта» автор сделал ошибочный вывод, что теперь группа «Освобождение труда» призвала слабые рабочие кружки «немедленно начать атаку власти», «начать немедленно борьбу, то есть бунтовать рабочий класс». Как видим, Сергиевский повторял здесь те самые обвинения, которые бросали Плеханову «экономисты».

В. И. Ленин, сурово критикуя последних и указывая на непонимание ими действительной тактики плехановской группы, писал: «Откройте программу группы «Освобождение труда»: «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — сказано там, — русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент,

¹ Сергиевский Н. Л. Когда и по какому поводу был написан Плехановым «Проект программы русских социал-демократов». С. 98.

² Там же. С. 99.

³ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 61.

к общему, решительному на него нападению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основанные весной 1898 г. «Российскую социал-демократическую рабочую партию»¹.

Трудно допустить, что Сергиевский не знал это бесспорное указание Ленина. Но оно никак не «укладывалось» в его схему. Развивая свою ложную посылку, он утверждал, что Плеханову было безразлично, «на какой ступени сознательности будет народ»: «Его можно поднять против власти агитацией, — было бы только достаточно самих агитаторов, — взбунтовать и повести против Зимнего дворца; одним словом, функция народа в революции лишь быть тараном в руках партии против власти»². Как видим, автор, приписывая Плеханову тактику какого-то убогого бакунистского вспрыжкопускательства, обвинял его в извращении «значения и роли партии в революции». Важно подчеркнуть: столь тенденциозное «прочтение» документов группы «Освобождение труда» было целиком подчинено ставшему поистине сакраментальным обвинению Плеханова в том, что он, приурочивая свою тактику к одной только ближайшей цели (свержению самодержавия), преследовал интересы либеральной буржуазии, а все суждения его о значении общедемократических свобод для рабочих — «лишь приманка, может быть, и бессознательная»³.

Таким образом, Сергиевский, настойчиво проводя предвзятую идею о более высоком теоретическом уровне «туземных» социал-демократов по сравнению с «заграничными» социал-демократизмом группы «Освобождение труда», внес в трактовку идеологии последней целый ряд таких элементов, которые оформляли и укрепляли нигилистическую струю в развитии историографии первой марксистской организации.

Для решения проблемы теоретического основания русской социал-демократии изыскания Сергиевского дали очень мало, и иначе не могло быть, учитывая его точку зрения на общий характер эволюции мировоззрения группы «Освобождение труда». Эта своеобразная точка зрения, утверждавшая медленную, но неуклонную (вплоть до 1903 г.) эволюцию группы к подлинному («ортодоксальному») марксизму, сама по себе исключала поиски «корней

оппортунизма» в ее идеологии. Но постоянный акцент историка на «шатаниях» Плеханова в решении важнейших вопросов программы и тактики в течение 80—90-х гг. открывал широкие возможности для той историографической тенденции, которая имела своим итогом полное «развенчание» «плехановского марксизма». Да и сам Сергиевский в конце концов считал возможным отказать группе «Освобождение труда» в «марксистском социал-демократизме»⁴.

С особой наглядностью указанная тенденция проявилась в статье В. Рахметова⁵. Поставив перед собой задачу «выяснить корни меньшевизма в теоретической работе группы «Освобождение труда» 80—90-х гг., автор взял под сомнение цельный марксистский характер ее мировоззрения вообще. Его исходная позиция сводилась к тому, что идеология группы носила «переходный характер», ибо была «смесью мелкобуржуазного социализма с марксизмом». Для обоснования этой позиции Рахметов бездоказательно ссылался на то, что целый ряд положений, развивавшихся Плехановым и Аксельродом в первом или даже во втором десятилетии XX в., своими корнями упирается в народническое мировоззрение, что пережитки народничества и лассальянства, которые будто бы господствовали в мировоззрении указанных деятелей в начале 80-х гг., сохранили «громадное влияние» и в 90-х гг., и даже в XX в. Эти пережитки, по мнению автора, «превратились в уклоны от революционного марксизма в сторону мелкобуржуазного социализма, т. е. оппортунизма»⁶.

Эта надуманная схема привела автора к безысходным противоречиям. С одной стороны, автор признает «громадное значение» плехановской группы в истории партии, видит основное содержание ее деятельности в борьбе за гегемонию пролетариата в революции («правда, в своеобразном, далеком от ленинского, понимании этой гегемонии»), в борьбе за революционный марксизм и научную разработку проблем русской жизни с точки зрения революционного марксизма; отмечает, что «нами воспринято многое и очень многое» из ее идейного наследства, что многие ее идеи «вошли в идейный арсенал большевизма», что «в беспощадной борьбе с народническими теориями...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 255.

² Сергиевский И. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 101—102, а также см. С. 105, 109.

³ См. там же. С. 103, 109.

⁴ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 258.

⁵ Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда» // Пролетарская революция. 1928. № 9 (80).

⁶ Там же. С. 27—28.

Аксельрод и Плеханов заложили основы социал-демократической рабочей партии в России»¹. С другой стороны, следует общий вывод: в работах группы «Освобождение труда» в 80—90-х гг. «заложены основы оппортунизма будущих меньшевиков», «зачатки меньшевизма в ее программных, тактических и организационных взглядах»².

Надо было обладать полной методологической неподготовленностью или, лучше сказать, неразборчивостью, чтобы не видеть кричащего противоречия между утверждением о том, что группа «Освобождение труда» заложила основы РСДРП, и положением о ее теоретической платформе как «смеси мелкобуржуазного социализма с марксизмом»; между гипертрофированным представлением о пережитках народничества во взглядах Плеханова и Аксельрода и положением о том, что Плеханов был «виднейшим и ортодоксальнейшим (после Ленина) защитником теории революционного марксизма», что на «теоретическом наследстве» его группы «воспитывались в значительной мере деятели питерского «Союза борьбы» во главе с Лениным...»³ и т. д.

Необходимо поближе присмотреться к характеру аргументации, с помощью которой Рахметов освещает те «отклонения» членов группы «Освобождение труда» от революционного марксизма, которые, по его мнению, «позднее оформились в меньшевизм». Дело в том, что инкриминируемые членам группы «отклонения» и способы выявления их в творчестве Плеханова, Аксельрода и Засулич именно с этого времени стали активно внедряться в литературу, стали традиционным орудием, с помощью которого получали квазинаучное обоснование самые невероятные положения и даже концептуальные построения.

Основное внимание В. Рахметов сосредоточил на критике уклонов Аксельрода, поскольку именно он, по мнению автора, «наиболее полно воплотил в своих работах 80—начала 90-х гг. традиции меньшевизма». Элементы последнего он находит даже в его работах... народнического периода⁴. Связав совершенно нелепым образом «старое бакунистское представление» Аксельрода о социал-демократии как парламентской партии (а в глазах бакуниста это было выражением полного неприятия

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 26—29.

² См. там же. С. 55—56.

³ Там же. С. 26—27.

⁴ См. там же. С. 28.

и даже презрения к ней), Рахметов обвинил его не только в преклонении перед германским рабочим движением, но и в том, что в статьях 1888—1892 гг. он якобы «четко и ясно формулировал свой будущий меньшевизм» — подчинение всей тактики социал-демократии ее демократическим задачам и «отказ от выдержанной социалистической линии ради парламентской демократической работы»¹. Уже в то время Аксельрод усвоил будто бы дух германской социал-демократии и стал «одним из его самых видных идеологов, виднейшим проводником влияния западноевропейского оппортунизма на русской почве».

Чтобы «удлинить» Аксельрода периода 80—90-х гг. в меньшевизме, Рахметов обратился к его работе «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (1897). Характеризуя изложенную в ней «другую перспективу» для российского рабочего движения, наиболее благоприятную, с точки зрения Аксельрода, автор увидел в ней центральное звено всей меньшевистской схемы, отказ «от самостоятельной и последовательно-революционной... пролетарской тактики», ограничение ее рамками требований либеральной буржуазии. Это позволило Рахметову не без торжества объявить о том, что взгляды членов группы «Освобождение труда» были диаметрально противоположны взглядам Ленина². Между тем именно Ленин, процитировав в своем «Протесте российских социал-демократов» обе «перспективы», сформулированные Аксельродом, подчеркнул: «Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом...»³ При этом Ленин отметил, что тогда громадное большинство социал-демократов в России стояло на точке зрения Аксельрода, которого автор «Протеста» здесь же назвал одним из «передовых борцов русской социал-демократии...»⁴.

Исследовательские приемы Рахметова наглядно характеризует его обвинение Аксельрода в том, что он тогда же развивал тактику, которая выявляла «меньшевистское понимание роли буржуазии в революции», сводилась к отказу от «классовой борьбы пролетариата с буржуазией ради сохранения единого фронта в борьбе с царизмом»,

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 29—30.

² См. там же. С. 45—46.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 173.

⁴ Там же. С. 173—174.

что было характерно для меньшевизма на всех этапах его развития¹. Автору, надо полагать, была известна статья Ленина «Попытное направление в русской социал-демократии», написанная в конце 1899 г. и впервые напечатанная в 1924 г. в журнале «Пролетарская революция». В этой статье (как, впрочем, и в других статьях, написанных до середины 1903 г.) Ленин ни словом не обмолвился об оппортунистических «уклонах» Аксельрода. Напротив, он солидаризировался с ним в оценке буржуазно-либеральной оппозиции, ее действительной роли в общественной борьбе. Подчеркивая мысль о том, что «либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть самостоятельной революционной роли», Ленин писал: «Либералы же вообще могут и должны служить лишь одним из источников добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной ясностью в названной выше брошюре*)»².

Эта «полная ясность» оказалась недоступной Рахметову. «Оппортунизм» Аксельрода он распространял на Плеханова и Засулич, находил его отражение в проекте программы группы «Освобождение труда» в виде «лассальянских пережитков». Плеханову он приписывал оппортунистическое, лассальянское толкование вопроса о завоевании пролетариатом политической власти, его диктатуре, совершенно неосновательно ссылаясь на брошюру «Социализм и политическая борьба»³. Вся аргументация Рахметова неизменно сводилась к цитированию выхваченных из контекста публицистических работ и писем деятелей группы «Освобождение труда» отдельных высказываний, которые и создавали формальную видимость «документированности» его предвзятых суждений.

В. Рахметов признавал, что Плеханов был «самым ярким и последовательно-революционным (после Ленина) борцом против международного ревизионизма и реформизма, защитником революционного марксизма в конце 90-х и начале 900-х гг.»⁴. Это его утверждение кажется странным, если учесть, что автор постоянно подчеркивал

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 38, 44.

² Имеется в виду предисловие П. Б. Аксельрода к брошюре В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов».

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 258—259.

⁴ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 33—34.

⁵ Там же.

наличие «оппортунистических уклонов» у всех членов группы «Освобождение труда». Ведь в указанном качестве Плеханов мог выступать лишь с позиций целостного революционного марксизма. И тогда, чтобы как-то снять очевидное противоречие, Рахметов делал «ход конем»: оказывается, только Аксельрод и Засулич приходили к ревизионистским выводам; Плеханов же встречал их резкими возражениями. Но этот ход не спасал автора от противоречий: они были заложены в антиисторизме его исследовательского метода.

Говоря о брошюре Плеханова «Всероссийское разорение», Рахметов справедливо отметил, что некоторые работавшие в России социал-демократы увидели в ней отказ от самостоятельной пролетарской классовой линии и даже переход на позиции буржуазного либерализма. Столь же справедливо в статье указывается, что Плеханов категорически возражал против такого истолкования его брошюры и, разъясняя свои мысли, дал, по словам Рахметова, «блестящую формулировку правильного революционного отношения социал-демократической партии к либералам». И тем не менее автор, следуя своей схеме, утверждал, что «настроение и позиция» всей группы «Освобождение труда» были именно такими, какими они представлялись социал-демократам в России¹.

В. Рахметов, видимо, смутно сознавал, что подобная постановка вопроса не согласуется с плехановской оценкой либерализма и возводит барьер на пути правильной оценки более поздней позиции группы «Освобождение труда» в этом вопросе. Поэтому, подводя итоги, он поспешил огорчиться, что «меньшевизм» группы «Освобождение труда» не исчерпывает всей ее деятельности, «даже не составляет главного ее содержания». «Зачатки меньшевизма» в программных, тактических и организационных взглядах группы — это, по мысли Рахметова, ее «пассив», над которым превалявали ее «гигантские активы» — борьба с народничеством, легальный марксизм и «экономизм», издание совместно с Лениным «Искры»².

С позиций, которые, по сути дела, отнимали у группы «Освобождение труда» заслугу основания русской социал-демократии, выступал в то время Ф. Быстрых, сосредоточивший свое внимание на ее аграрной программе. Методологический подход автора к этой теме всецело определялся его категорическим заключением, что «в аграрном вопросе

¹ См.: Рахметов В. К вопросу о меньшевистских тенденциях в группе «Освобождение труда». С. 47.

² См. там же. С. 55—56.

группа является родоначальницей меньшевизма»¹. Полагая, что этим подходом он не умаляет «других заслуг группы перед рабочим движением» (идея самостоятельной рабочей партии, борьба за политическую свободу как средство дальнейшей борьбы за социализм и разработка материалистического понимания истории), Быстрых развернул «концепцию», которая отбрасывала пионеров марксизма в России на позиции буржуазного либерализма. При этом он открыто оспорил ту оценку постановки аграрного вопроса в программе группы, которую давал В. И. Ленин.

Отлично сознавая, что из ленинского анализа программных документов плехановской группы со всей определенностью вытекает вывод о правильной в теоретическом отношении постановке в них исходной позиции социал-демократии по аграрному вопросу, Быстрых не только уклонился от рассмотрения взглядов Ленина, но и постарался дезавуировать их. Предвидя возражение, что группа «Освобождение труда», «требуя радикального пересмотра (дела крестьянской реформы. — Р. Ф.), сразу заняла позицию аграрной революции, но лишь вследствие особых исторических условий не могла конкретизировать свою программу», автор сделал сноску: «У Ленина эта мысль встречается в «Пересмотре аграрной программы рабочей партии» и в «Аграрной программе социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг.». В последней он говорит: «...надо особенно подчеркнуть, что в этой программе (Группы. — Ф. Б.) за двадцать лет до русской революции признана неизбежность «радикального пересмотра» дела крестьянской реформы»². И это — все, что автор счел необходимым отметить из ценнейших в методологическом отношении ленинских оценок аграрной программы группы «Освобождение труда». «Загнав» мысль Ленина, акцентирующую внимание на центральном пункте этой программы, в подстрочник, Ф. Быстрых тут же заявил, что плехановская идея «радикального пересмотра» — «только абстрактная» «огромная фраза», находящаяся в полном несоответствии с ее практическими предложениями, не заключающими в себе никакого «радикализма»³.

¹ Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда» // Пролетарская революция. 1929. № 5 (88). С. 62. См. также С. 90.

² Там же. С. 70—71.

³ См. там же. Ср.: Быстрых Ф. Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу // Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). С. 3.

Цель, которую ставил перед собой Быстрых, обязывала его к явному искажению взглядов Плеханова на крестьянство («контрреволюционная сила») и крайне односторонней и категоричной трактовке его отношения к проблеме союзников рабочего класса в буржуазно-демократической революции⁴. При этом, противопоставляя взгляды Плеханова взглядам Ленина, он неизбежно извращал и позиции вождя большевистской партии, поскольку оказался не в состоянии усвоить методологические принципы его подхода к оценке программных достижений группы «Освобождение труда».

В силу этого итоговые взгляды Ф. Быстрых приобрели характер вопиющего антиисторизма. Он первым открыто сформулировал мысль о том, что аграрная программа группы «Освобождение труда» «приоритетна не к требованиям и интересам крестьянства, а к требованиям и интересам либерального общества и является программой не аграрной революции, а либеральной реформы»⁵. Объяснив конкретные требования, выдвинутые в этой программе, выражением реформы (прусского пути), а не революции (американского пути), автор не остановился перед тем, чтобы довести эту ложную мысль до логического конца — поставить знак тождества между позицией Плеханова и... либеральных помещиков. К чести редакции журнала «Пролетарская революция», напечатавшего статью Быстрых в порядке обсуждения, надо отнести тот факт, что она отмежевывалась от указанного отождествления⁶.

Следуя логике бездоказательного мифотворчества, Быстрых утверждал, что группа «Освобождение труда» вообще «обходила» вопрос о революционной роли крестьянства, так как у нее будто бы «не было правильного анализа классовых отношений в России». «Вероятно, — заключал он, — в вопросе о крестьянстве сказалась и реакция на увлечение народников «социалистической» самобытностью русского крестьянина или сказалась, как выразился М. Н. Покровский, «реакция на народническую революцию»⁷.

В этой связи напомним, что В. И. Ленин, называя не-

⁴ См.: Быстрых Ф. Развитие взглядов Ленина по аграрному вопросу. С. 4, 8.

⁵ Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 70.

⁶ См. там же. С. 61.

⁷ Там же. С. 77.

веждами тех, кто говорил об игнорировании русскими марксистами крестьянского вопроса, подчеркивал, что все главные произведения последних, «начиная с Плехановских «Наших разногласий» (вышедших свыше двадцати лет тому назад), главным образом и посвящены были разъяснению ошибочности народнических взглядов на русский крестьянский вопрос»¹. Ф. Быстрых не интересовало, что нового внесла группа «Освобождение труда» в постановку аграрно-крестьянского вопроса по сравнению со своими предшественниками; своими антиисторическими выкладками он стремился убедить читателей в том, что Плеханов и члены его группы не сумели в решении аграрного вопроса удержаться даже на уровне народнической мысли.

Доказывая недоказуемое, упорно проводя идею, что группа «Освобождение труда» в своей последующей литературной деятельности не выдвигала никаких «иных» конкретных требований, кроме данных ею в программе»², Быстрых путем искажения политических позиций Плеханова-марксиста подводил читателя к выводу, который стоял уже за пределами науки: «его мировоззрение не мирилось с революционной аграрной программой»³. Что же, собственно, представляло собой это мировоззрение? Автор отвечает на этот вопрос, характеризуя идейный смысл разногласий между Лениным и Плехановым в период «Искры». С его точки зрения, в этих разногласиях «сказалась борьба политических линий (ленинская — большевистская и плехановско-аксельродовская — меньшевистская), которые наметились в аграрно-крестьянском вопросе задолго еще до организации «Искры»⁴.

С целью низведения революционного социал-демократизма группы «Освобождение труда» до уровня жалкого оппортунизма Быстрых сделал и одно «оригинальное» открытие: он объявил преемниками ее политической линии в аграрно-крестьянском вопросе... экономистов (Мартынова и др.), которых Плеханов, как известно, третировал как людей, «не усвоивших себе даже азбуки современного социализма», а само их направление — как позор русской социал-демократии»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 42.

² Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 71.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Плеханов Г. В. Соч. Т. 12. С. 41.

Естественно, что, с точки зрения Быстрых, Плеханов был весьма далек от научного коммунизма: он «столько же ученик Маркса, сколько и Лассаля». Развивая идею Рахметова о переходном характере группы Плеханова, он писал: «Члены группы многое взяли из народнического революционного наследия, но кое-что ошибочно откинули (в частности, не приняли требования национализации земли), кое от чего либерально-народнического они сами не могли отрешиться, хотя оно с марксизмом и не гармонировало»¹. Как видим, мысль о переходном характере идеологии группы «Освобождение труда», подкрепляемая тенденциозным анализом ее программы, завела Ф. Быстрых в безысходный тупик. Н. Л. Сергиевский, а затем В. Рахметов и Ф. Быстрых заложили ту линию в трактовке мировоззрения группы «Освобождение труда», которая находилась в полном противоречии со взглядами Ленина. Тем не менее нигилистическое отношение ко всей теоретической деятельности первых русских марксистов постепенно приобрело характер устойчивого историографического стереотипа.

Это нашло отражение в ходе уже знакомой нам дискуссии в связи с 50-летием «Народной воли», когда прямолинейное противопоставление взглядов Ленина и Плеханова на революционно-демократическое «наследство» 60—70-х гг. высветило наиболее характерные тенденции в самом подходе к определению характера и уровня идеологии группы «Освобождение труда». Поскольку проблема предшественников революционной социал-демократии трансформировалась, как мы уже отмечали, в вопрос об идейных источниках учения В. И. Ленина, а вопрос об идейной связи революционного народничества с теоретическим и практическим опытом большевизма, постольку группа «Освобождение труда» оказалась, как это ни странно на первый взгляд, за пределами концептуальных построений как сторонников Теодоровича, так и его противников. Г. В. Плеханов стал объектом резкой критики с обеих сторон, и обе стороны дружно (за исключением немногих историков) ополчились на ту историографическую линию, которую в наиболее аргументированном виде отстаивал В. И. Невский.

И. А. Теодорович и его сторонники, перебрасывая мост между народничеством и большевизмом, вообще исключают

¹ Быстрых Ф. Об аграрной программе группы «Освобождение труда». С. 77.

ли из своих логических комбинаций Плеханова и его соратников, рассматривали их лишь как оппортунистических извратителей марксизма. Итоговая мысль суждений Теодоровича на этот счет сводилась к тому, что «богатейшее, первоклассное наследие, идейное наследие» «Народной воли» по целому ряду вопросов оказалось «неизмеримо выше и ценнее идейного наследия группы «Освобождение труда»¹. Теодорович, правда, признавал, что сила первых русских марксистов, давшая им победу над народолюбцами, состояла в заявленном ими протесте по поводу пессимистической дилеммы, выдвинутой «Народной волей»: «теперь или никогда». Он признавал даже, что русские марксисты во главе с Плехановым вскрыли действительные ошибки «Народной воли», но утверждал: «...они незаметно в полемике с ней подошли к самой настоящей ревизии подлинных взглядов Маркса»².

И. А. Теодорович низвел деятелей группы «Освобождение труда» до уровня «оппортунистов-марксистов» при помощи бездоказательного обвинения их в переоценке сложившейся в конце XIX в. «благоприятной капиталистической конъюнктуры», которая на деле оказалась кратковременной, но успела «пленив оппортунистическую мысль в качестве будто бы прочной и продолжительной». Отсюда, по мысли автора, следовали грубые ошибки Плеханова в полемике с народолюбцами и «извращение взглядов Маркса».

Перенос на раннюю русскую марксистскую мысль «философию революции» позднейшего, вполне оформившегося меньшевизма, Теодорович писал: «...оппортунисты-марксисты впадали... в очень шаблонную крайность, считая приближающуюся революцию типично буржуазной, которую сделает, правда, рабочий класс, но, во-первых, «чистый», а во-вторых, только, так сказать, физически, как пушечное мясо, а программа-то будет осуществлена либерально-буржуазная»³. Автор, порывая с историзмом, обвинил «антагонистов» народолюбчества даже в непонимании того, что было «провозглашено» Лениным лишь в 1918 г.: «...стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присое-

¹ См.: Теодорович И. Историческое значение партии «Народная воля», С. 46.

² Там же. С. 31, 34—35.

³ Там же. С. 34.

динить к великому социалистическому движению рабочих всего мира»⁴.

Теодорович, во-первых, не понял, что для этого ленинского вывода потребовался гигантский исторический опыт трех российских революций, и, во-вторых, он полностью игнорировал ленинские оценки группы «Освобождение труда». А это открывало широчайший простор для безответственных модернистских увлечений. Так, С. И. Мицкевич, развивая свои прежние взгляды на соотношение народолюбчества и большевизма и правомерно оспаривая попытки найти истоки последнего в «Черном переделе», тем не менее утверждал, что «чернопредельчество было для своего времени меньшевистским течением сравнительно с народничеством». Этим «открытием» он подкреплял нигилистическую позицию Теодоровича в отношении группы «Освобождение труда». «...Плеханов,— заключал Мицкевич,— произошел от чернопредельцев, а Ленин произошел от народолюбцев»⁵. Развивая эти мысли в ходе дискуссии, А. Рындин довел их до полного абсурда: он утверждал, что Плеханов, занимаясь критикой «Народной воли», «целиком и полностью стоял на меньшевистских позициях». «Именно меньшевизмом, а не марксизмом,— подчеркивал он,— обуславливается та ожесточенная полемика, которую вел Плеханов против «Народной воли»⁶.

Следует подчеркнуть, что граничащая с невежеством тенденциозность подобных суждений в ходе дискуссии 1929—1931 гг. не получила должного отпора со стороны историков, выступавших против модернистских увлечений Теодоровича и его сторонников. Напротив, сосредоточив огонь своей критики на попытках последних вывести идеи большевизма из идейного арсенала «Народной воли», многие участники дискуссии в свой черед стирали грани, отделяющие Плеханова-марксиста от Плеханова-меньшевика, исходя из утвердившегося в литературе постулата об «антикрестьянском» содержании его марксизма. Так, И. Л. Татаров, признавая, что группа «Освобождение труда» впервые теоретически разрешила поставленный рабочими организациями 70-х гг. вопрос о соотношении социализма и политической борьбы, утверждал, что Плеханов с самого начала совершал свойственную всем

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263.

⁵ Дискуссия о «Народной воле», С. 86.

⁶ Там же. С. 86—87.

меньшевикам ошибку: непонимание революционно-демократического движения крестьянства¹.

Об этом говорили и другие участники дискуссии, а Е. М. Ярославский без обиняков заявлял, что «как из плехановских рассуждений о народничестве, так и троцкистских положений» «целиком и полностью» вытекали меньшевистские теории². Основанием для столь безответственного заключения послужил не конкретный анализ взглядов Плеханова на народничество, в котором он умел выделять ценное демократическое ядро³, а перенесение на его марксистский период (без всяких оговорок!) идей, изложенных в известном меньшевистском многотомнике, ренегатскую суть которых блестяще вскрыл В. И. Ленин⁴.

Не случайно, что в своем выступлении на дискуссии Ярославский занял по отношению к построениям Теодоровича позицию своеобразного компромисса, обнаруживавшего шаткость собственных методологических позиций: «Мы, конечно, все учились... у Плеханова теории социализма, мы учились у него марксистской теории и учились правильно понимать народничество; но мы должны были впоследствии убедиться, что Плеханов оставил нам не одно только ценное, но что вместе с ценным он пытался привить нам меньшевистские предрассудки против совершенно правильных положений народовольчества, революционного народничества»⁵. Поскольку Ярославский имел в виду именно «плехановский предрассудок против народничества (вернее, против крестьянства как возможного союзника пролетариата)», постольку он всю проблему опрокидывал с ног на голову: ведь народники (в том числе и народовольцы) главную силу социалистической революции видели не в рабочих, которых они даже и не выделяли из понятия «рабочий народ», а в крестьянстве. Ценнейшие завоевания ранней русской марксистской мысли, связанные с подлинно научным опровержением коренных народнических постулатов, оказывались... «меньшевистскими предрассудками!»

Е. М. Ярославский в данном случае как бы подводил теоретическую базу под антинаучное противопоставление плехановской и ленинской критики народничества, как источнике двух направлений в последующем развитии

социал-демократии — революционного и оппортунистического. Эта тенденция, нашедшая отражение даже в архитектонике первого тома вышедшей в 1926 г. под его общей редакцией «Истории ВКП(б)», дала некоторым участникам дискуссии основную линию, по которой они шли в своей критике Плеханова-марксиста. На концепцию указанного учебника ссылался, например, П. Горин. Правильно отметив, что «ленинская оценка народничества не всегда тождественна с оценкой Плеханова», он настаивал — совершенно бездоказательно — на «зародышах меньшевизма» в оценках последнего⁶.

С прямолинейными поисками истоков меньшевизма во взглядах «раннего» Плеханова связано стремление участников дискуссии доказать, что он не сумел увидеть в народнической теории ничего, кроме ее облачения — отсталого, мелкобуржуазного социализма. Поскольку идейный руководитель группы «Освобождение труда» отбрасывал эту теорию именно как сплошь реакционную, постольку он не мог оценить и крестьянство иначе, как реакционную силу, массовую опору царского деспотизма. Отсюда следовал вывод, что истоки меньшевизма лежат в теоретическом творчестве Плеханова 80 — начала 90-х гг. Характерно, что эта простенькая, подбитая анти-историзмом схема принималась даже теми, кто знал, несомненно, работы Плеханова и охотно цитировал мысль Ленина о марксистской литературе 80-х гг., содержащей систематически проведенное стремление выделять из шелухи народнических утопий «ценное демократическое ядро».

Несколько более осторожную позицию занимал В. Ф. Малаховский, хотя и он считал, что Плеханов «не сумел вскрыть настоящей социальной сущности» народничества. Ценным в его выступлениях было то, что он рассматривал мировоззрение Плеханова как определенный этап развития марксизма в России. По мнению исследователя, его труды сыграли огромную роль, ибо принадлежали «к лучшим образцам марксизма той эпохи» и оказали большое влияние на последующую марксистскую литературу. «С появлением Ленина, — говорил Малаховский, — этот этап в развитии марксизма был превзойден. Ленин не остановился на этом, а пошел дальше и создал марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Поэтому было бы неправильно нам, стоящим на плечах

¹ См.: Дискуссия о «Народной воле». С. 52.

² См. там же. С. 122.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 121.

⁴ См. там же. Т. 19. С. 292; Т. 47. С. 229.

⁵ Дискуссия о «Народной воле». С. 122—123.

⁶ См.: Дискуссия о «Народной воле». С. 115—116.

Ленина, ограничиваться Плехановым. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что все учение Ленина базировалось и вытекало из предшествующего ему этапа, и поэтому мы не имеем никакого основания относиться к нему отрицательно. Вот почему я не согласен с товарищами, которые наплевательски относятся к взглядам Плеханова того времени¹. Хотя в этой не слишком удачно сформулированной мысли отсутствовала ссылка на теорию Маркса как фундамент ленинизма, она все-таки указывала на необходимость научного подхода к вопросу о роли Плеханова и его группы в теоретическом основании российской революционной социал-демократии. Малаховский хорошо понимал, что вопрос соотношения революционного социал-демократизма доленнинского периода с большевизмом становился камнем преткновения на пути дальнейшего изучения всей проблематики генезиса РСДРП.

Следует сказать, что Малаховский ближе других участников дискуссии подошел к правильному решению вопроса о соотношении взглядов Плеханова-марксиста с меньшевизмом. Связывая вслед за Е. М. Ярославским эволюцию марксизма в России с двумя будто бы противоположными постановками вопроса о народничестве (ленинской и плехановской), Малаховский все же взглянул на проблему более исторично. «Впоследствии чистокровным меньшевикам, — говорил он, — удалось оседлать Плеханова, выхолостить и исказить его произведение настолько, что получилась особая меньшевистская концепция народничества, весьма близкая к либеральной трактовке. Да и взгляды самого Плеханова в дальнейшем, когда он стал меньшевиком, подверглись значительному изменению по сравнению с 80—90-ми годами»².

Но трезвые голоса в защиту исторического подхода к оценке идейно-теоретических достижений группы «Освобождение труда» с конца 20-х гг. стали тонуть в нарастающем потоке антинаучного противопоставления революционного социал-демократизма 80 — начала 90-х гг. и большевизма, Г. В. Плеханова «классической поры», как выражался Покровский, и В. И. Ленина. В итоге разработка вопроса, занимающего центральное место во всей проблематике «утробного периода» истории российской социал-демократии, оказалась — даже при наличии некоторых достижений — наименее результативной и наименее

плодотворной с точки зрения перспектив дальнейших научных поисков.

Это стоит в прямой связи с характером и особенностями идейно-политической борьбы, которая велась по всей линии обществоведческого фронта на протяжении всего изучаемого периода. Бурные столкновения мнений по различным проблемам философии, социологии, политической экономии, литературоведения, эстетики неизменно выносили на поверхность и делали необычайно острым вопрос об отношении к плехановскому теоретическому наследию. Беспрецедентный разнобой в оценке его различных сторон не исключал ярко выраженной поляризации борющихся сил. В противовес попыткам «канонизировать» всего Плеханова, возвести его теоретическую мысль на уровень высшего достижения марксистской науки, основного источника большевизма, многие обществоведы, как отмечал в 1928 г. И. П. Разумовский, заняли «в этом отношении прямо противоположную позицию», смысл которой сводился к «пренебрежительному изобличению грехов и недостатков философской и исторической концепции»³ пионера научного социализма в России.

Ясно, что при таком подходе теоретическое обоснование политической программы российской социал-демократии, осуществленное Плехановым в 80 — начале 90-х гг., не могло получить исследовательской разработки и, следовательно, подлинно научной оценки. Чтобы свести роль Плеханова в этом отношении к нулю, оставалось лишь «изъять» из его актива то, на что не посягал даже Рахметов, — историческое значение его борьбы с идеологией народничества. И надо сказать, что в душной атмосфере, созданной вторжением в науку грубейших форм администрирования и диктата, нашлись «исследователи», сосредоточившие весь свой критический пыл на выявлении «ошибок» Плеханова в его борьбе с народничеством. Так, С. Выгодский, выдвинув задачу «противопоставить плехановской критике народничества» ленинскую, пришел к полному искажению позиций не только Плеханова, но и Ленина. Бросая тень на плехановский анализ народничества доктрины («недостаточная», «односторонняя», «недиалектическая»), автор сделал абсурдное заключение, будто Плеханов боролся по существу лишь с «фразеологией народничества»⁴. Полностью отождествляя взгляды

¹ Дискуссия о «Народной воле», С. 61.

² Там же. С. 63.

³ Под знаменем марксизма. 1928. № 12. С. 27.

⁴ См.: Выгодский С. Плеханов и Ленин как критики народничества // На аграрном фронте. 1931. № 3. С. 86.

Плеханова-марксиста с позицией меньшевиков периода столыпинской реакции, Выгодский писал: «...в отличие от Плеханова, Ленин не отвергает революционного народничества, а исправляет его»¹.

Все это стоит в одном ряду с такими постановками проблемы, которые невозможно расценить иначе как историографические курьезы (отрицание марксистского характера группы «Освобождение труда», низведение ее идеологии до уровня донародовольческой общественной мысли, сближение ее позиции по крестьянскому вопросу со взглядами либеральных помещиков, выведение «источников меньшевизма» из... народнических статей Плеханова и т. д.). Эти курьезы нельзя игнорировать: постепенно накапливаясь, они имеют свойство обрастать ложной аргументацией и в итоге «конденсироваться» в устойчивые антинаучные стереотипы. Таким стереотипом, надолго утвердившимся в историко-партийной литературе, явилось представление о группе «Освобождение труда» как родоначальнице меньшевизма.

Наиболее полное «обоснование» эта точка зрения нашла в упомянутой выше книге С. И. Черномордика, который попытался эклектически соединить методологически несовместимые подходы к анализу теоретической деятельности группы «Освобождение труда», Г. В. Плеханова.

На первый взгляд свои суждения об этой деятельности Черномордик базировал на ленинской оценке ее главной исторической заслуги — первом систематическом изложении социал-демократических взглядов и применении к России. Анализ марксистских работ Плеханова, проведенный сквозь призму этой оценки, привел автора к выводу о том, что они, будучи «историческим памятником начальной эпохи русского революционного марксизма», нанесли сокрушительный удар народническому утопическому социализму и, как прожектором, осветили путь социалистическому движению в России учением научного социализма. Особо было подчеркнута в качестве неотъемлемой заслуги «основоположников русского революционного марксизма» то, что они положили «начало тому впоследствии мощному социал-демократическому движению, которое уже в эпоху ленинизма стало революционным авангардом рабочего класса»². Более того, заявлялось,

¹ Выгодский С. Плеханов и Ленин как критики народничества. С. 86.

² Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». С. 63.

что задачи, которые выдвигала при своем возникновении группа «Освобождение труда» перед русской социал-демократией, «всцело совпадали с теми задачами, которые Маркс и Энгельс ставили перед международным рабочим движением»³. В полном согласии со взглядами В. И. Ленина автор писал, что деятели группы, применив общие марксистские принципы к русской действительности того времени, выяснили задачи и перспективы русской революции⁴.

Логика исследования обязывала автора конкретно-исторически проанализировать именно эту сторону теоретической деятельности группы «Освобождение труда». Но как раз этот анализ (в том виде, какой мы находим в книге) оказался в глубоком противоречии с концепцией Ленина. Едва наметив на ее основе линию плодотворной разработки вопроса, Черномордик безнадежно запутал его произвольно сконструированной схемой, суть которой сводилась к тому, что группа «Освобождение труда» с самого начала оказалась зараженной «детскими болезнями» оппортунизма, оказавшимися неизлечимыми: они перешли в зрелый возраст русской социал-демократии в качестве теоретической основы меньшевизма⁵.

Поставленная Черномордиком цель — «отыскать корни меньшевизма в политических воззрениях деятелей группы «Освобождение труда»⁶ — в данном случае вполне оправдывала его «исследовательские» приемы: с помощью экстраполяции меньшевистско-ликвидаторских позиций на политические воззрения Плеханова-марксиста, различных умозрительных построений и умолчаний, заведомо превратной интерпретации цитат из плехановских работ автор с успехом превратил идеологию группы «Освобождение труда» в законченное выражение социал-реформистского направления в русской социал-демократии.

Более того: подгоняя идеологию группы «Освобождение труда» под сталинскую оценку германской социал-демократии, Черномордик утверждал, что Плеханов уже в своих первых марксистских произведениях и программных документах попал под ее влияние. В дальнейшем это влияние стало определяющим, и деятели группы «Освобождение труда», восприняв оппортунистические тенден-

³ Черномордик С. И. (П. Ларионов). Группа «Освобождение труда». С. 81.

⁴ См. там же. С. 65.

⁵ См. там же. С. 92.

⁶ Там же. С. 97.

ции лидеров и теоретиков германской социал-демократии, «делаются их верными оруженосцами». Выполняя «социальный заказ» социал-реформистов, Плеханов «виртуозно» оправдывал их политику и под прикрытием революционной фразеологии, под видом революционного марксизма контрабандой протаскивал в русскую социал-демократическую литературу самый доподлинный оппортунизм¹.

Так давние поиски «зародышей меньшевизма» в программном творчестве группы «Освобождение труда» обрели концептуальную форму, в рамках которой изучение раннего социал-демократического движения в России могло идти лишь по пути антиисторизма, не имеющего ничего общего с марксистско-ленинской методологией.

Таким образом, важнейшая проблема теоретического обоснования российской социал-демократии на протяжении изучаемого периода научно не была разрешена. Здесь с особой наглядностью обнаружилось противоречия, связанные с недостаточным уровнем овладения марксистско-ленинской методологией научного исследования, ее основополагающими принципами.

Наметившиеся в начале 20-х гг. более или менее выверенные в методологическом отношении подходы к постановке и решению проблемы не получили развития. В работах ряда исследователей отчетливо проявился методологический эклектизм, который в практике научной работы не мог дать ничего, кроме отказа от историзма и всевозможных тенденциозных искажений. В сложной общественно-политической ситуации конца 20 — начала 30-х гг. в изучении проблемы ясно обозначился сдвиг в сторону конъюнктурного «обличительства», которое в своих крайних проявлениях позволяло, с одной стороны, усматривать даже в первых программных документах группы «Освобождение труда» «оппортунистические искажения коренных принципов марксизма», а с другой — в каждой попытке объективного решения проблемы обнаруживать «утрату исторической перспективы»². В методологическом отношении этот сдвиг означал не что иное, как сползание к субъективизму и догматизму.

¹ См.: Черномордик С. И. (П. Лурье). Группа «Освобождение труда». С. 87—92. Автор даже в «Наших разногласиях» Плеханова сумел найти зародыши троцкистской идеи «перманентной революции» (см. там же. С. 80).

² См., например: Абрамов Арх. Вопросы теории и истории большевизма в «Малой советской энциклопедии» // Книга и пролетарская революция. 1932. № 6—7. С. 30—32.

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
КРУЖКОВ И ГРУПП 80 — НАЧАЛА 90-х гг.

Гипотезы, даже ошибочные, имеют и хорошую сторону (под условием, конечно, не увлекаться ими до презрения к фактам): они возбуждают деятельность мысли.

И. Г. Чернышевский

Процесс осмысления и творческого применения в практике исследовательской работы ленинской концепции генезиса РСДРП закономерно обратил историко-партийную мысль к изучению социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. — первых идейных и организационных средоточий совершенно нового для России идейного течения.

Эта проблема встала перед историками во всей своей первозданности: весь «утробный период» истории российской социал-демократии дооктябрьская историографическая традиция связывала преимущественно с группой «Освобождение труда», оставляя почти ничем не заполненной огромную лауну — возникновение и развитие движения в самой России, где в ходе страстных идейных исканий и борьбы происходил трудный поворот революционных сил к новой мировоззренческой системе, которой принадлежало будущее. Чтобы заполнить эту лауну, надо было всю историю социал-демократических организаций 80 — начала 90-х гг. написать заново на основе документов, которые до Октября 1917 г. были абсолютно недоступны историкам.

Без этого невозможно было в целостном виде представить процесс выделения пролетарски-демократической струи из общедемократического (народнического) потока и, следовательно, выяснить общие закономерности и особенности перехода от революционного демократизма и утопического социализма к марксизму в специфических условиях России, где процесс буржуазного преобразования экономического и политического строя еще далеко не завершился. Естественно, что историко-партийная мысль, воскрешая забытые страницы истории революционного движения, сосредоточилась на социально-

экономических и общественно-политических факторах, определивших мировоззренческие сдвиги в недрах революционного подполья, на условиях формирования новых революционных объединений, идеологически противостоявших народничеству, на характере их пропагандистской деятельности и взаимодействии с заграничным теоретическим центром в лице группы «Освобождение труда». Все это имело принципиальное значение, поскольку в конечном счете речь шла о доказательстве объективной неизбежности появления марксистской идеологии и адекватной ей общественно-политической практики на русской почве.

Очевидно, что изучение социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг. требовало системного подхода. Первый опыт в этом направлении, предпринятый В. И. Невским, получила отрицательную оценку современников, хотя это никак не может служить предлогом для принижения его крупных заслуг в разработке проблемы. Обладая высокой исследовательской страстью и огромной работоспособностью, он уже к 1924 г. поднял и в какой-то мере обобщил широкий круг архивных материалов, позволивших пролить свет на почти не изученную главу истории жизни и борьбы пионеров российского марксизма.

Как мы уже отмечали, зарождение марксизма в России Невский связывал с возникновением двух параллельных социал-демократических течений (заграничного и внутри-русского), имевших один общий источник — кризис и разложение старого революционного народничества¹. В своей далеко не безупречной схеме эволюции «Народной воли» и «Черного передела» именно последнему он отводил главную роль в том критическом пересмотре своего мировоззрения, которым была подготовлена почва для возникновения как группы «Освобождение труда», так и «Партии русских социал-демократов» (группы Благоева). Становление социал-демократических организаций на русской почве автор рассматривал как «незаметный процесс выделения из народнических слоев новых, социал-демократических элементов», которые часто ощутяю и медленно, но все же шли к той самой цели, какую поставила себе группа «Освобождение труда»². Остатки черно-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 333.

² См. там же. С. 192.

передельцев, по его мнению, составили первое ядро социал-демократов в самой России¹ — группу Благоева.

Эта группа привлекла особенно пристальное внимание В. И. Невского, тем более что и после опубликования ее программы² некоторые историки не оставляли за ней права считаться социал-демократической организацией. Опираясь на сравнительно узкий еще круг опубликованных источников, дополняя их архивными данными, автор восстановил (правда, в общих чертах) историю возникновения «Партии русских социал-демократов», ее основной состав, главные направления практической деятельности, революционные связи. Впервые он проследил дальнейшую судьбу участников организации, которая «в деле осуществления своей программы на практике... сделала очень много...»³.

В. И. Невский считал, что центр тяжести всей теоретической и практической работы «Партии русских социал-демократов» лежал в интеллигентской среде. Но в качестве основного достижения благоевцев он выделял их практическую деятельность в среде рабочего класса, которая, в отличие от народолюбцев, была осмыслена как главная задача социалистов. Автор подчеркивал, что эта деятельность имела своим результатом подготовку первых русских социал-демократов, ставших связующим звеном между благоевской группой и последующими марксистскими организациями в стране⁴.

Опираясь на ленинские положения о возникновении теоретического учения социал-демократии и внесении его в среду рабочего класса, Невский высказал ряд ценных суждений об организации социал-демократической пропаганды, о самом механизме создания марксистских рабочих кружков и о роли интеллигентов-марксистов, воспитавших первые кадры рабочих — организаторов движения своего класса. В этой связи Невский подверг острой критике точку зрения В. Н. Астрова, настаивавшего на «самопроизвольном», не связанном с деятельностью интеллигенции зарождении первых социал-демократических рабочих кружков. Невский отметил, что заслуга первых «интели-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 217.

² См.: Былое. 1918. № 13. С. 43—48. Публикация Б. Николаевского.

³ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 236.

⁴ См. там же. С. 237.

гентных рабочих» состояла не в создании кружков саморазвития, а в том, что они сумели, благодаря влиянию социал-демократической пропаганды и своему классовому чутью, «понять, где истина», и вместе с социал-демократической интеллигенцией «взять определенную линию и заложить фундамент первых социал-демократических организаций»¹.

Пристальное внимание Невского привлек вопрос о характере связей бласоевцев с группой «Освобождение труда». Этот крайне спорный в то время вопрос он решал на основе сопоставления идейного уровня программных документов, выработанных обеими организациями. Справедливо отмечая, что бласоевцы обратились к группе «Освобождение труда» в поисках «идейной поддержки», Невский основательно изучил их собственное программное творчество и показал, почему оно не нашло (и не могло найти) полного одобрения со стороны Плеханова и его товарищей: в программе «Партии русских социал-демократов» еще не было «той принципиальной выдержанности, той марксистской ясности и четкости, какие должны быть присущи программе социал-демократии...»².

Аргументируя эту мысль, Невский углубил представления дооктябрьской большевистской историографии об источниках формирования идеологии группы Бласоева. Новым в его анализе было указание на принципиально различный подход бласоевцев и группы Плеханова к вопросу о государстве и в связи с этим к требованию государственной помощи производительным ассоциациям. То же самое следует сказать и относительно постановки темы и другими вопроса о путях перехода к социализму. Вскрывая влияние лассальянских идей на обе группы, Невский исходил из того, что ко времени установления их непосредственных связей Плеханову, в отличие от бласоевцев, была уже ясна сущность той критики, которой подверг Лассалья К. Маркс. Вооруженный диалектическим методом основоположника научного коммунизма, он отбросил «моральную точку зрения» на государство и определил его как классовую организацию, охраняющую интересы господствующего класса³. Достаточно глубоко Невский вскрыл и другой источник некоторых программных положений бласоевцев — учение П. Л. Лаврова.

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I. С. 333—335, 336.

² Там же. С. 224.

³ См. там же. С. 226—227.

В «Партии русских социал-демократов» Невский видел великолепный образец ломки старой идеологии, а ее собственное мировоззрение рассматривал как переходное от народничества к марксизму. Он считал, что в программе бласоевской группы уже имелись в зародыше те основные взгляды, на которых впоследствии была построена Программа РСДРП¹. Особое значение он придавал тому факту, что бласоевцы самостоятельно пришли к мысли о необходимости создания рабочей партии с определенной программой требований и определенным планом действий². Вынашивая эту идею, удаляясь от народнических представлений о движущих силах социальной революции, бласоевцы в итоге приняли программу группы «Освобождение труда». Этим выводом Невский подчеркнул не только ведущую тенденцию идейного развития «Партии русских социал-демократов», но и реальное соотношение его уровня с достижениями плехановской группы, программу которой, по убеждению историка, приняли «все более или менее солидные социал-демократические организации в России»³. Тем самым автор давал надежный научный ориентир для установления соотношения идеологии группы «Освобождение труда» с мировоззрением социал-демократических кружков и групп 80 — начал 90-х гг. в самой России.

С этих позиций Невский попытался воссоздать и историю «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» (группы П. В. Точисского). Эту группу он считал настоящей социал-демократической организацией, большое значение которой усматривал в том, что в ней, в ее кружках получили теоретическую подготовку выдающиеся рабочие, на чью долю выпала задача организовать в конце 80-х гг. так называемый «Рабочий союз» (группа М. И. Бруснева)⁴. Автору удалось выяснить не только основные моменты внешней истории организации Точисского, но и отметить специфические черты в ее воззрениях и практической деятельности (полное отрицание террора, взгляд на интеллигенцию как попутчика в движении рабочих, сосредоточение в руках последних всей практической деятельности)⁵. Важное значение имело выяснение конспиративных

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. I. С. 229, 520.

² См. там же. С. 231.

³ Там же. С. 337.

⁴ См. там же. С. 242.

⁵ См. там же. С. 237—242.

связей организации: это открывало возможность целенаправленного поиска тех недостающих звеньев в цепи социал-демократических объединений, которые позволяли поставить на твердую научную почву проблему идейной и отчасти организационной преемственности движения в общероссийском масштабе.

Слабым местом в исследовании Невского представляется характеристика общественно-политических воззрений Точисского, идейного облика его группы в целом. Основанная на позднейших воспоминаниях А. Брейтфуса, она оказалась в известной мере модернизированной. Автор, например, полагал, что Точисский, по-марксистски понимая классовые отношения в стране, роль пролетариата, крестьянства, буржуазии и интеллигенции, избрал правильную революционную тактику¹. Не получили точной оценки и организационные принципы «Товарищества Санкт-петербургских мастеровых».

Отвергая распространенное мнение, что рабочие «самостоятельно додумывались до социализма», утверждая фактами мысль об огромной роли социалистической интеллигенции в деле развития «рабочего самосознания», Невский с большой проникновенностью установил обстоятельства возникновения в недрах освободительной борьбы 80-х гг. того большого потока, который начал формироваться в самой пролетарской среде. «Рабочая интеллигенция», сложившаяся под влиянием социал-демократической и народнической пропаганды и приступившая к самостоятельному созданию рабочих кружков, сыграла, по мнению историка, «крупнейшую роль в деле формирования российской социал-демократии»². Сознательно примыкая к новому течению, эти кружки давали могучий импульс расширению и углублению всей социал-демократической пропаганды.

Изучая историю взаимодействия интеллигентских и рабочих кружков, подвигавшихся к новому мировоззрению, Невский одним из первых обратился к изучению петербургского «Рабочего союза» (группы М. И. Бруснева). Это наиболее крупное социал-демократическое объединение конца 80 — начала 90-х гг. было как бы заново открыто благодаря выявлению архивных документов и выходу в свет воспоминаний ряда его участников (М. И. Бруснева, К. М. Норинского, В. М. Карелиной, В. А. Шелгунова).

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 240.

² Там же. С. 245—246.

На этой основе Невский воссоздал, правда во многом пунктирно, отдельные стороны истории организации, высветил образы замечательных деятелей ее рабочего ядра (Е. А. Афанасьева, Ф. А. Афанасьева, Н. Д. Богданова, К. М. Норинского, В. А. Шелгунова), выяснил наиболее характерные черты ее практической работы и идейных поисков¹.

Идеологию группы Бруснева Невский рассматривал как переходную от народовольчества к марксизму. В ней, писал он, «причудливо сочетались те и другие элементы. И... только постепенно социал-демократические элементы оттесняли остатки старой народовольческой идеологии». Автор отмечал «полный хаос и неясность» во взглядах участников группы по многим вопросам, подчеркивал «культурнический характер» их деятельности. Но тем не менее он считал, что сам Бруснев, интеллигенты и рабочие петербургского центра «были уже социал-демократами»: вели практическую работу в социал-демократическом духе². Невский, видимо, не располагал данными об отношении брусневцев к программе группы «Освобождение труда», что позволило бы полнее раскрыть и по достоинству оценить их взгляды и практические устремления.

В целом же Невский дал высокую, несколько даже преувеличенную оценку группе Бруснева как социал-демократической организации, подготовившей ядро организаторов-рабочих, из которого, как он полагал, вырос петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», впервые поставивший вопрос «о расширении и объединении работы... в общероссийском охвате»³. К сожалению, Невскому не удалось выявить те кружки социал-демократического направления, которые непосредственно предшествовали возникновению петербургского «Союза борьбы...» и действительно составили, наряду с некоторыми участниками группы Бруснева, его основное ядро (кружок С. И. Радченко, с которым осенью 1893 г. установил связь В. И. Ленин, кружок Петербургского университета).

Слабое отражение в исследованиях Невского нашло социал-демократическое движение конца 80 — начала 90-х гг. в Москве. Отметив крайне недостаточную изу-

¹ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 247, 270—279.

² См. там же. С. 273—274, 279.

³ См. там же. С. 278—279.

ченность его, он указал лишь на то, что в течение 80-х гг. оно было «неизмеримо слабее, чем в Петербурге»¹.

Наряду с исследованием наиболее значительных столичных социал-демократических групп, Невский предпринял смелые экскурсы в историю марксистских кружков первой половины 90-х гг. в Казани, Нижнем Новгороде, Владимире, Туле, Одессе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве. Он рассматривал их в качестве «кружков переходного типа», где в напряженных идейных исканиях выкристаллизовывалось социал-демократическое сознание, шел процесс упрочения теории и программы российской социал-демократии, расширения ее влияния в противовес идеологии народничества. По сути дела, Невский первым сумел нащупать в этом «молекулярном процессе» те первоначальные, порой еще весьма незрелые организационные завязи социал-демократической мысли и практики, из которых выросли опирающиеся на передовых рабочих более устойчивые объединения, сыгравшие значительную роль в дальнейшем развитии социалистического рабочего движения. Но ему не всегда удавалось правильно расставить акценты в оценке действительной роли и значения выявленных к тому времени марксистских кружков, их организаторов и участников.

Заслуживает внимания обращение Невского к изучению идеологии марксистских кружков Н. Е. Федосеева. Опираясь на ленинскую оценку роли «этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» в повороте революционной интеллигенции Поволжья и некоторых местностей Центральной России к марксизму², автор попытался решить сложный вопрос о становлении и развитии его общественно-политических взглядов. Историк не сумел преодолеть затруднений, связанных со скудостью фактического материала и ненадежностью некоторых источников, но все-таки наметил основные вехи движения Федосеева к последовательным марксистским воззрениям, вполне отстоявшимся к началу 90-х гг.³ В Федосееве Невский видел удивительно своеобразный, оригинальнейший продукт переходной эпохи, тип марксиста, сумевшего «понять и разглядеть те экономические и социальные пружины, которые толкали Россию

на путь революции» и, главное, увидеть ее творца — пролетариат⁴.

Автор, к сожалению, не избежал излишне прямолинейной акцентировки на «совершенно самостоятельном» идейном развитии Федосеева и других членов созданных им кружков, что предопределило недооценку литературных источников формирования их мировоззрения. Это касается, в частности, изданий группы «Освобождение труда», программных работ Плеханова. Невский признавал хорошее знакомство Федосеева с произведениями членов группы «Освобождение труда», утверждал даже, что он «разделял в основе» взгляды Плеханова⁵. Но, противореча себе, отстаивал мысль о том, что русские социал-демократические кружки конца 80-х гг. «развивались независимо» от плехановской группы, так как изучали Маркса и Энгельса исключительно по первоисточникам⁶. С другой стороны, Невский переоценивал зрелость марксистских взглядов таких участников движения, как А. А. Санин и П. Н. Скворцов. Последнего он ошибочно представлял законченным марксистом и одним из вдохновителей федосеевской группы⁷. Однако все это не снижает ценности самой попытки Невского выяснить вклад Федосеева — теоретика и практика — в дело применения марксизма к условиям России и создания новых очагов социал-демократического движения.

В целом же следует сказать, что круг источников, которыми располагал Невский, предопределил фрагментарный характер его анализа развития столичных и местных социал-демократических кружков и групп. Но наблюдения автора закладывали основу для более выверенных с методологической точки зрения подступов к выяснению внутренних источников движения революционной мысли страны к марксизму. К сожалению, именно отступления от непреложных требований научной методологии серьезно затрудняли позитивную работу в этом направлении.

Это нашло отражение в работах Н. Л. Сергиевского, хотя значительную роль его в изучении социал-демократических кружков и групп вряд ли можно поставить под сомнение. Правда, эту роль следует очертить той стороной

¹ Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 254.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 325.

³ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 257—261.

⁴ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 283.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Невский В. И. Группа «Освобождение труда» в период 1883—1894 гг. С. 61.

⁷ См.: Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 258.

их истории, которую он сам называл «прагматической». Действительно: если в освещении внешней, событийной так сказать, стороны революционного подполья того времени Сергиевский внес немало ценных наблюдений, то трактовку его идейной жизни он всецело подчинил своей несостоятельной концепции возникновения и развития «туземного марксизма».

В связи с анализом соотношения идеологии «туземного марксизма» с воззрениями группы «Освобождение труда» Сергиевский первым обратился к изучению московского «Общества переводчиков и издателей»¹. Ему принадлежит несомненная заслуга не только в постановке вопроса о месте этой организации в истории российского социал-демократического движения, но и в попытке выявления ее состава, революционных связей, издательской деятельности. Было справедливо отмечено, что «Общество переводчиков и издателей», известное современникам, оказалось впоследствии совершенно забытым.

Но изучение идеологии московского кружка «переводчиков и издателей» Сергиевский нацелил на пересмотр сложившихся представлений о группе «Освобождение труда» как родоначальнице марксизма в России. Исходя из того, что указанный кружок «литературно» выступил ранее плехановской группы, он попытался отвергнуть положение Дейча о том, что в 1883 г. в России «не было еще ни одного социал-демократического кружка»². Отвлекаясь от идейного содержания первых изданий «Общества», Сергиевский неосновательно убеждал читателей и правоте В. П. Акимова (Махновца), утверждавшего, что к 1883 г. в стране существовало несколько марксистских кружков и, следовательно, группу «Освобождение труда» родоначальницей марксизма в России считают лишь потому, что она одна могла открыто говорить в «тишине» наступившей реакции правительства Александра III³.

В итоге оценка Сергиевским идеологии «Общества переводчиков и издателей» оказалась однозначной: он признал ее «марксистской без всякой примеси»⁴. Все

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки // Историко-революционный сборник. Т. 2. Л., 1924.

² См. там же. С. 88, 91. См. также: Дейч Л. О былом и небывшем // Пролетарская революция, 1923. № 3 (15). С. 43—44.

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 90.

⁴ См. там же. С. 98.

отличие этого кружка от группы Плеханова автор видел лишь в том, что он ставил себе «задачи исключительно пропагандистские», избегая «агитационного элемента» последней. В. Т. Распопина и Людвиг Янович Сергиевский изобразил законченными марксистами, «марксистской головкой» организации, вокруг которой группировались «сочувствующие».

Сколько-нибудь убедительно обосновать свою точку зрения Сергиевскому не удалось. Анализируя введение к изданному «Обществом переводчиков и издателей» в январе 1884 г. письму «К товарищам», он не мог не отметить «нечеткость и расплывчатость» отдельных его положений. Но объяснял наличие их тем, что письмо печаталось в то время, когда «марксистская головка» общества была уже «срезана», а остальные участники оказались неспособными «печатно формулировать и защитить свое мировоззрение...»¹. Это было противоречие, из которого нельзя было выйти, не признав переходного характера идеологии «Общества». Автор же, провозгласив его носителем «совершенно чистого знамени научного социализма», лишь усугублял свои ошибки: он постулировал наличие к моменту образования группы «Освобождение труда» не только марксистской идеологии в революционных сферах России, не только практических шагов для утверждения ее, но и попыток создания марксистской партии².

В своем стремлении подкрепить все это фактическим материалом Сергиевский допустил грубейшую ошибку: вопрос об авторстве письма «К товарищам» он предположительно решал в пользу Распопина и рассматривал его как документ «Общества»³. В действительности же автором указанного письма был П. Б. Аксельрод. Легко понять, какую путаницу должна была внести эта ошибка в представления Сергиевского об идеологии рассматриваемой организации, о характере ее деятельности. Следуя своей надуманной схеме «происхождения русской социал-демократии», он обнаружил в письме «К товарищам» «лавроизм, рафинированный от идеологически-реакционной шелухи». Представление автора о «позднем лавроизме» как законченном выражении «туземного марксизма» позволи-

¹ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 93.

² См. там же. С. 91.

³ См. там же. С. 95.

до ему утверждать, что корни последнего надо «искать не в 1883 году, а в конце 70-х годов...»¹.

Таким образом, положения письма «К товарищам», написанного Аксельродом, Сергиевский противопоставил... взглядам группы «Освобождение труда» для доказательства ее теоретической ущербности! Один этот факт начисто обесценивал его суждения о соотношении идеологии «туземного марксизма» с плехановской группой. Понятно, что взгляды Сергиевского на идеологию «Общества переводчиков и издателей» не получили, и не могли получить, признания со стороны историков: слишком очевидным было противоречие их с источниками, которые в то время вводились в научный оборот.

К 1926 г. было выяснено, что «Общество» не имело отношения к составлению письма «К товарищам». Но вместо того чтобы в связи с этим внести коррективы в характеристику идеологии «Общества», Сергиевский объявил ее «спорадическим марксизмом», в основе которого лежал «упадочный лавризм», участвовавший, наряду с народничеством 80-х гг., в формировании идеологии марксизма².

Суждения Сергиевского о московской группе «переводчиков и издателей» встретили резкую критику со стороны Дейча. Он заявил, что все доводы историка — «мыльный пузырь», так как никакой социал-демократической группы в Москве не было и, следовательно, никакой марксистской литературы она там не издавала³. Дейч ошибочно полагал, что вся деятельность «Общества» сводилась лишь к распространению отдельных выпусков «Библиотеки современного социализма» и изданного в литографированном виде письма «К товарищам»⁴. Но Дейч первым обратил внимание на неправильное истолкование Сергиевским соотношения идеологии группы «Освобождение труда» с идеологией московского кружка Распопина — Яновича, первым указал и его источник: грубую ошибку в атрибуции документов, на которых базировал свои

выводы историк¹. Вместе с тем оппонент Сергиевского не допускал даже мысли о возможности возникновения в России тяготеющей к марксизму революционной группы вне зависимости от группы «Освобождение труда».

Это заблуждение Дейча, как и успешные импровизации Сергиевского относительно идеологии «Общества переводчиков и издателей», с достаточной основательностью были развеяны исследованиями П. И. Анатольева, предпринятыми в начале 30-х гг. Историк посвятил указанной организации две статьи², основанные на «Обзорах дознаний...», архивных документах и воспоминаниях участников (П. Аргунова, Ф. Усольцева и др.). Это позволило пролить свет на формирование кружка так называемых «милитаристов», которых автор считал инициаторами, организаторами и наиболее деятельными членами «Общества»; установить характер их первоначальных общественно-политических воззрений; проследить их теоретический рост в связи с обращением к изучению и переводам произведений Маркса и Энгельса. В статье обстоятельно рассмотрена переводческая и издательская работа «Общества». Самостоятельное значение имеет попытка Анатольева проследить развитие рабочей печати в 70 — начале 80-х гг. и выяснить на этой основе специфику подхода «переводчиков и издателей» к проблеме издания литературы для рабочего класса.

Впервые были выявлены состав и революционные связи «Общества» с «Народной волей», с харьковскими народническими группами, с благоевцами, с группой «Освобождение труда», с польской партией «Пролетариат» через Л. Яновича, с Ф. Энгельсом через Е. Паприц и т. д.³, раскрыты такие важные аспекты его деятельности, как пропаганда среди военных, в студенческих и рабочих кружках, распространение издаваемой литературы.

П. И. Анатольев гораздо более осторожно, нежели

¹ Речь идет о письме «К товарищам» и еще об одном письме, обнаруженном у Л. Г. Дейча при его аресте во Фрейбурге. Последнее было принято Сергиевским за письмо какого-то «штерского единомышленника» женевской группы, хотя в действительности принадлежало С. Гринфесту.

² Анатольев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы) // История пролетариата СССР. 1931. № 6; *Его же*: Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России) // Каторга и ссылка. 1933. № 3 (100).

³ См.: Анатольев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 134—136.

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 95. *Его же*: Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 179. См. также: От Истварта [Предисловие] (см. там же. С. 4).

² См.: Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 184.

³ См.: Дейч Л. Вместо библиографии: Оригинальное юбилейное произведение // Группа «Освобождение труда». М.: Л., 1925. Сб. 3. С. 352.

⁴ См. там же. С. 356—358.

Сергиевский, подошел к характеристике идеологии «Общества», хотя имел несравненно большие возможности для категорических суждений. Помимо указанных источников, он проанализировал часть материалов, вышедших из-под пера самих участников организации (Предисловие к изданию книги Луи Блана «О монархии и республике», обращение «От издателей» в журнале «Социалистическое знание», Предисловие и Примечания к переводам работ Ф. Энгельса, воззвание «Товарищи работники!»)¹, т. е. все то, что давало возможность судить об их социально-политических взглядах, об их отношении к учению Маркса и Энгельса. Автору были известны отзывы Ленина о работах Распопина, являвшегося одним из идейных вдохновителей «Общества»².

В статье, относящейся к 1931 г., Анатолийев выдвинул внутренне противоречивую точку зрения на теоретический уровень «Общества переводчиков и издателей». Отдавая дань социологическому упрощенчеству, столь распространенному в то время, он ставил уровень теоретических достижений революционной интеллигенции в прямую связь с ростом рабочего класса и уровнем его движения. Отсюда и следовал вывод: «Недостаточная зрелость русских рабочих определяла и неполноценность марксизма группы милитаристов»³. В их теоретических положениях Анатолийев усматривал «остатки мелкобуржуазного влияния» и отмечал, что при всей значительности работы по пропаганде марксизма они не дали «ясной классовой программы». Но, с другой стороны, автор видел в «милитаристах» не просто интеллигентов, ищущих иные пути, а новых людей, «поставивших себе ясные цели, сразу взявшихся за популяризаторскую работу основ научного социализма», «довольно видных проводников марксизма»⁴. Выпуск «Обществом» «Анти-Дюринга» явился для Анатолийева свидетельством «значительной теоретической зрелости» и марксистской подготовки «переводчиков и издателей». Он утверждал даже, что их практическая работа, активная пропаганда идей Маркса и Энгельса «полностью покрывает изъяны в их теоретической мысли»⁵.

¹ См.: Анатолийев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 101—112.

² См.: Анатолийев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы). С. 123.

³ Там же. С. 114—115.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Там же.

Противоречивость в суждениях Анатолийева была связана, видимо, с тем, что он не сразу нашел критерий для сопоставления и оценки теоретических уровней «Общества переводчиков и издателей» и группы «Освобождение труда». Первоначально автор исходил из убеждения, что члены «Общества» «раньше Плеханова, раньше и куда больше, нежели группа «Освобождение труда», сделали для марксизма и для рабочей печати...»¹. Чтобы обосновать этот навеянный, несомненно, Сергиевским ошибочный вывод, автор прибегнул к искажению взглядов Плеханова; усмотрев, в частности в его работе «Социализм и политическая борьба», «отклонение в сторону буржуазно-либеральных высказываний», проявление «опасной тенденции рассматривать рабочий класс простым придатком буржуазии».

Неверное истолкование некоторых положений «Наших разногласий» позволило Анатолийеву утверждать даже, что Плеханов «не твердо верил в возможность существования рабочей партии», ибо еще не отрешился будто бы «от мелкобуржуазных иллюзий того времени и своего народнического прошлого». В противовес этим надуманным положениям историк давал понять, что «Общество переводчиков и издателей» более четко понимало внутреннее положение страны, расстановку классовых сил, задачи организации рабочего класса и т. д. Особый акцент историк делал на том, что Плеханов стал убежденным социал-демократом в 1883 г., тогда как «милитаристы» и переводчики-издатели уже с конца 1881 г. и особенно в 1882 и 1883 гг. во всей своей деятельности значительно приближались к марксизму². И тем не менее автор затруднялся утверждать, «стали ли бы они убежденными социал-демократами» в дальнейшем³, если бы не произошел разгром «Общества» весной 1884 г.

Во второй статье Анатолийева (1933 г.) мы находим более выверенные суждения относительно идейного развития членов «Общества переводчиков и издателей», соотношения их взглядов с идеологией группы «Освобождение труда». Автор отмечал здесь, что на первых порах инициаторы «Общества» еще блуждали в поисках путей и критерия для своей деятельности⁴, сочетая в своих

¹ Анатолийев П. Из истории марксистской и рабочей печати России (80-е годы). С. 131.

² См. там же. С. 100, 109—111.

³ См. там же. С. 100.

⁴ См.: Анатолийев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 101.

взглядах стремление к познанию научного социализма и заговорщичество типа «пронунциаменто». Постепенно освобождаясь от влияния старой мелкобуржуазной идеологии, они пытались теоретически осмыслить задачи борьбы в настоящем. На этом пути они и обнаружили, по осторожному выражению автора, что ими было сделано «некоторое приближение к марксизму»¹. Анатолийев убедительно иллюстрировал это положение комментариями и примечаниями членов «Общества» к переводу работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»².

Более внимательный анализ документальных материалов о деятельности и связях «Общества переводчиков и издателей» с внутрироссийскими и зарубежными революционными кругами позволил Анатолийеву подойти весьма близко к истине в определении того места, которое по праву принадлежит ему в истории становления социал-демократического направления в России. Согласившись с мыслью Сергиевского о том, что члены «Общества» являлись сторонниками «того революционного направления, которое получило свое выражение, между прочим, в брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба», Анатолийев, по сути дела, отверг его вывод об их марксизме «без всяких примесей». Он писал: «Мы бы еще не назвали «переводчиков» марксистами: они только шли к марксизму, только приближались к воззрениям группы «Освобождение труда»³.

Этот основной вывод автора в условиях крайне сложной и трудной историографической ситуации того времени имел принципиальное значение: он основывался на ленинской оценке теоретического уровня программных документов группы «Освобождение труда» и уже в силу этого решительно противостоял волне субъективистских извращений идеологии последней. Отлично сознавая, что «целью отождествлять переводческую деятельность с принадлежностью к марксизму», автор признал безусловное идейное влияние плехановской группы на «переводчиков и издателей», как и готовность последних поддержать ее практические начинания, связанные с изданием «Библиотеки современного социализма»⁴.

П. И. Анатолийев впервые дал объективную оценку

¹ См.: Анатолийев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 94—95, 101.

² См. там же. С. 105—112.

³ Там же. С. 119.

⁴ См. там же. С. 125.

письма «К товарищам» и выяснил его значение для укрепления связей группы «Освобождение труда» с тяготевшими к марксизму революционными кружками в самой России, в том числе и с «Обществом переводчиков и издателей». Предисловие «переводчиков» к изданному ими письму «К товарищам» автор справедливо оценил как показатель «уже более значительного идеологического роста» участников организации¹.

Историк обоснованно отметил антинародовольческий крен в воззрениях «Общества», и это позволило ему вскрыть истинный смысл озлобленных нападок Л. Тихомирова в «Вестнике «Народной воли» на идеи письма «К товарищам»: один из вождей рассыпавшейся храмы «Народной воли» верно учуял, по словам автора, врага своей партии, растущего в недрах России, — тех, кто поднимал там знамя группы «Освобождение труда»².

Установление П. Анатолийевым самого факта наличия в России начала 80-х гг. революционных элементов, развитие которых закономерно вело к признанию идейно-политической платформы группы «Освобождение труда», свидетельствовало о том, что он решительно пересматривал свои первоначальные выводы относительно соотношения идейных уровней «Общества переводчиков и издателей» и группы Плеханова. За короткое время историк сумел преодолеть влияние схемы Сергиевского и встать на точку зрения тех историков, которые считали воззрения группы «Освобождение труда» самым последовательным для того времени выражением марксистских взглядов на первоочередные задачи революционного движения в России.

Вернемся, однако, к Н. Л. Сергиевскому, поскольку в сфере его научных интересов оказались и все другие, более значительные революционные образования 80-х гг. Из них особое внимание историка привлекла группа Благоева: здесь, по его мнению, лежали истоки идеологии марксистов первой половины 90-х гг., из которых «персонально... сложилось основное ядро РСДРП»³. Руководствуясь предвзятым тезисом о превосходстве идеологии «туземного марксизма» 80 — начала 90-х гг. над «заграничным» марксизмом группы «Освобождение труда», Сергиевский создал невообразимо путаную и невероятно

¹ См.: Анатолийев П. Общество переводчиков и издателей: (К истории марксизма в России). С. 118—119.

² См. там же. С. 123.

³ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 5.

противоречивую картину идейных, программно-тактических исканий «Партии русских социал-демократов». Именно в связи с этой стороной его исследования современники отмечали субъективизм автора, его склонность к поспешным обобщениям, к установлению генетических связей по тем или иным случайным признакам, к надуманным конструкциям, основанным на произвольном истолковании источников.

Последнее особенно важно учесть, ибо Сергиевский имел весьма странное представление о «критике источника». Он считал, что если в документе имеется несогласующаяся, противоречащая общему его смыслу часть, то она должна расцениваться как описка, недосмотр, фрагмент из первоначального текста и т. п. и, стало быть, отвергнута. Думается, что подобная «исследовательская методика» лежит в основе многих отступлений Сергиевского от исторической правды.

В Предисловии «От Истпарта» к его монографии отмечалось, что автор, выдвигая бесспорное положение о переходном характере многих народнических программ 80-х гг. и эволюционировании ряда народников того периода к марксизму, дал вместе с тем и спорные формулировки, которыми как бы стирал грань между народниками и русскими социал-демократами¹. Действительно, первоначальную идейно-политическую платформу группы Благоева Сергиевский почти целиком отождествил с идеологией так называемых «новых народников», «чернопередельцев второго призыва». Эта группа, писал он, «заимствовала на 9/10 свои воззрения от народников 80-х годов, или как их в свое время называли «новых народников»².

Основанием для этого вывода явилось неправильное представление о теоретических воззрениях и характере эволюции чернопередельчества. Как мы уже отмечали, Сергиевский проводил мысль об отказе последнего от основных постулатов русского «крестьянского социализма», сближал позиции чернопередельцев «второго призыва» с позднейшими взглядами П. Л. Лаврова, чьи программные и тактические положения, в свою очередь, тщательно подгонял под марксизм. Группа Благоева, по мнению автора, получила вполне определенное идейное наследство и, стало быть, «не представляла собой ничего

¹ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 259.

² См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 3.

³ Там же. С. 5.

нового, резко отличного от народничества 80-х годов»¹.

С точки зрения Сергиевского, группа Благоева — это один из «отпадающих от народничества пластов», находивших «выход к социализму не через крестьянство и общину, а через пролетариат»². Процесс этого «отпадения» он связывал с накоплением новых, марксистских идей в мировоззрении позднего народничества, которому «в этот период было легко переходить к марксизму, ибо в его мирозерцании было уже много элементов, родных марксизму»³. Действительная или мнимая (доказываемая порой с помощью превратного истолкования документов) переориентация пропагандистской деятельности народников с крестьянства на фабрично-заводских рабочих для Сергиевского была достаточным основанием, чтобы зачислить их в разряд социал-демократов. Он полагал, что тем самым революционеры вступали на путь социал-демократической практики, а затем уже начинали «подводить идейное, теоретическое обоснование, заимствуя... теорию у германской социал-демократии»⁴.

Поэтому группу Благоева Сергиевский считал социал-демократической, но полагал, что она «никак не может быть названа марксистской»⁵. Для того чтобы стать таковой, она должна была бы разрешить вопрос о путях приготовления условий для осуществления социалистического переворота. Благоевцы, подпав под влияние тезиса В. П. Воронцова о беспощенности русского капитализма, остановились будто бы в своем движении к марксизму и уклонились в сторону лассальянства, заимствовав у немецкого социалиста его учение о государстве⁶. Таким образом, имея «все данные стать марксистами», благоевцы не сумели, как и народники 80-х гг., порвать с тезисом Воронцова и сделать окончательные выводы, к которым они были «до смешного близки». «Нужно было сделать еще один шаг, — утверждал историк, — и марксистские выводы в полном объеме были бы налицо»⁷.

¹ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 17. См. также: Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 160—161.

² Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 177.

³ Там же.

⁴ Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). Л., 1928. С. 7.

⁵ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 86, 98.

⁶ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 55—57, 134.

⁷ Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 177—178.

В идейном развитии «Партии русских социал-демократов» Сергиевский намечал три периода. Первый — «лассальянский», когда взгляды группы бывших народников еще целиком укладывались в рамки чернопеределчества «второго призыва», или, иначе говоря, народничества «другого типа», отвергавшего «русский социализм», «самобытную» формулу развития, поставившего «формально приоритет рабочего перед крестьянством»¹. Второй — лассальянский, когда в связи с разработкой программы группа «определенно потянула к западноевропейскому социализму», когда в ее идеологии преобладали «испорченные» (т. е. приуроченные «к общему идейному народническому строю») идеи Лассаля наряду с лавризмом и некоторыми элементами научного социализма. Третий — поворотный от лассальянства к марксизму. Этот период, начавшийся с весны 1885 г., совпал с упадком деятельности группы². Очевидно, что эта жесткая схема, заключавшая в себе и некоторые правильные наблюдения, не давала ясного представления о внутренней логике идейного развития группы Благоева, о соотношении тех идейных компонентов, которые нашли отражение в первоначальном проекте разработанного ею к концу 1884 г. проекта программы.

Не случайно, что еще в 1924 г. Н. Л. Сергиевский считал возможным отвергнуть выдвинутое Благоевым в письме к Б. А. Гинзбургу (Д. Кольцову) от 23 февраля 1903 г. определение идеологии «Партии русских социал-демократов» как смеси марксизма с лассальянством и лавризмом. «Идеология группы, — писал он, — представляла собою не смесь марксизма с лассальянством и лавризмом, а не выдерживающее никакой критики, с точки зрения научного социализма, русифицированное лассальянство с лавристскими эклектическими пережитками»³. Позднее (в 1928 г.) автор вынужден был согласиться с наличием существенных элементов марксизма в программе благоевцев, но тем не менее утверждал, что «марксизм признавался ими лишь в принципе, лавризм определял лишь тактику, а лассальянство было совсем не правоверное»⁴. Так что же

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 24, 40.

² См. там же. С. 43; Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 14, 17.

³ Сергиевский Н. Л. Дмитрий Благоев в Петербурге (1880—1885 гг.) // Красная летопись. 1924. № 2. С. 46—47.

⁴ Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 16.

представляло собою их мирозерцание? — спрашивал Сергиевский. И отвечал: «...они были новыми народниками, заменявшими формулой западноевропейского развития отпавшую старую народническую формулу самобытного развития, и только»¹. Высказав эту мысль, логически вытекавшую из его несостоятельных взглядов на соотношение народничества и марксизма, Сергиевский в своей книге о благоевцах поставил все точки над «i»: он охарактеризовал их как «марксистов лавристского направления»². Так благоевцы, которых автор в 1926 г. называл «социал-демократами лассальянского уклона»³, в 1929 г. под его пером превратились в марксистов никогда не существовавшего лавристского направления вопреки его же собственному противопоставлению понятий «социал-демократизм» и «марксизм».

Связать суждения Сергиевского в нечто последовательное и стройное затруднительно, если не невозможно: они полны противоречий. С одной стороны, он утверждал, что благоевцы подошли к западноевропейскому социал-демократизму «именно по следам Маркса», с другой — доказывал, что Лассаля они знали лучше, чем Маркса. С одной стороны, говорилось, что благоевцы уверовали в тезис Воронцова об отсутствии в России базы для развития капитализма, с другой — заявлялось, что для них «не подлежало никакому сомнению, что русский капитализм рано ли, поздно ли в силу законов диалектики приведет к своему отрицанию»⁴. С одной стороны, доказывалось, что ряд важнейших теоретических вопросов благоевцы решали в духе теории Маркса и Энгельса, с другой — подчеркивалось, что в момент разработки своей программы «они до самостоятельного понимания Маркса... еще не дошли, а восприняли его лишь в интерпретации П. Л. Лаврова...»⁵. Подобные противоречия не могли, конечно, дать научной основы для предпринятого Сергиевским анализа программных документов группы Благоева.

Сергиевский не отрицал знакомство благоевцев с воззрениями группы «Освобождение труда». Казалось бы,

¹ Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 17.

² Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 175.

³ Сергиевский Н. Л. Народничество 80-х годов. С. 177.

⁴ Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 51.

⁵ Там же. С. 54.

тем самым он намечал реальный путь, который позволял выйти — или, вернее, выпутаться — из лабиринта созданных им противоречий, более четко обозначить действительный смысл идейных поисков Благоева и его товарищей после установления связей с плехановской группой. Но он, провозгласив конец лассальянского периода в идейной жизни блгоевцев и указав на их поворот к марксизму, неожиданно сосредоточил все свое внимание на программно-тактическом противоборстве двух групп. С помощью различных гипотетических предположений и произвольных толкований позиций группы «Освобождение труда» Сергиевский сделал попытку доказать недоказуемое: идейно-теоретическое превосходство и, следовательно, большую жизненность «марксистов лаврицкого направления» над марксизмом Плеханова.

Этому Сергиевский подчинил анализ основных программных документов группы Благоева (в том числе статей двух номеров газеты «Рабочий»), в которых он видел ценный комментарий к ее программе, опубликованной в 1918 г.¹ В своем анализе, наряду с отдельными правильными наблюдениями, автор допустил крупные ошибки, которые, вопреки его положению о переходном характере идеологии блгоевцев, повлекли за собой явную модернизацию их идейно-теоретических и политических представлений: отдельные стороны взглядов деятелей «Партии русских социал-демократов» подтягивались на уровень идей большевизма. Это не мешало Сергиевскому даже в 1930 г. утверждать, что он не считает блгоевцев «вполне сформировавшимися марксистами», ибо у них «была теоретическая сумятица в голове»². Трудно представить, как из «теоретической сумятицы» могло произрасти предвосхищение каких бы то ни было сторон учения Ленина.

Построения Сергиевского вызвали резкую и во многом справедливую критику со стороны Б. И. Пугачевского, В. И. Невского и некоторых других историков. Пугачевский, например, отметил целый ряд серьезных противоречий и ошибок Сергиевского в анализе программно-тактических взглядов блгоевцев. В частности, он отверг отчетливо проводившуюся исследователем тенденцию приписать им ясное понимание соотношения борьбы за демокра-

¹ См.: Сергиевский Н. Л. «Рабочий»: Газета партии русских социал-демократов (Группа Благоева). С. 5—6.

² Сергиевский Н. Письмо в редакцию // Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 258.

тию с борьбой за социализм. «До конца последовательно задачу сочетания борьбы за конечные цели и за свержение царизма,— отмечал Пугачевский,— разрешили большевики. Для своего же времени (1883—1894 гг.) правильно поставил и в основном правильно разрешил эту задачу Плеханов. Блгоевцы же не в состоянии были ни поставить как следует эту задачу, ни решить ее»³. В этой связи оппонент Сергиевского вскрыл несостоятельность той аргументации, с помощью которой последний модернизировал взгляды блгоевцев по важнейшим программным вопросам.

Б. И. Пугачевский убедительно показал путаницу суждений автора относительно представлений «Партии русских социал-демократов» на соотношение буржуазной и социалистической революции, в частности, на характер предстоящей революции, ее движущие силы, пути общественных преобразований⁴. По всем этим вопросам, отмечал Б. И. Пугачевский, Сергиевский действительно преувеличивал теоретическую зрелость блгоевцев: под его пером они из новонародников превратились в «большевиков», задолго до Ленина предвосхитивших его идеи (гегемония пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства и т. д.)⁵. Итоговый вывод Пугачевского гласил: «...Сергиевский не дал верной оценки взглядов блгоевской группы. Желание «модернизировать» народнические и лассальянские взгляды у блгоевцев, вплоть до сведения последних к большевистским лозунгам, вносит только вредную путаницу. Точно так же противопоставление блгоевской группы, как более последовательной и выдержанной, группе «Освобождение труда» только искажает, упрощает, вульгаризирует сложный процесс формирования марксизма в России и РСДРП»⁶.

Автор этого сурового, но в основном справедливого «приговора» изысканиям Сергиевского в области идейного развития «Партии русских социал-демократов» столь же справедливо упрекнул его в принижении роли Д. Благоева в разработке ее программно-тактических установок. Действительно, Сергиевский считал Благоева в теоретическом отношении менее подготовленным, нежели П. А. Латышева, который будто бы являлся «единствен-

³ Пугачевский Б. По поводу книги тов. Н. Л. Сергиевского «Партия русских социал-демократов. Группа Благоева» // Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 184—185.

⁴ См. там же. С. 186—187.

⁵ См. там же. С. 186.

⁶ Там же.

ным теоретиком» группы, творцом ее мирозерцания¹. Еще в 1924 г. он утверждал, что Благоев воспринял идеологию Латышева и Благославова, «был наименее последовательным благоевцем... ибо он вырывался за пределы идеологии группы в сторону утопизма и народовольческих иллюзий...». Автор особо подчеркивал, что до высылки в Болгарию (1885 г.) Благоев «марксистом... несомненно не был», что его марксизм начинается с заграничья². Б. Пугачевский отверг этот свойственный не одному только Сергиевскому взгляд, указав, что автор переоценил роль Латышева в группе и умалил значение Благоева как выразителя ее лучшей части³.

Суждения Пугачевского в известной мере перекликались с замечаниями В. И. Невского, который в 1928 г. опубликовал рецензию на предпринятую Сергиевским публикацию газеты «Рабочий». Рецензент отверг попытку Сергиевского генетически связать идеи благоевцев о союзе городских рабочих и крестьян с ленинским учением. «Союз рабочих и крестьян Ленина,— писал он,— это совсем не тот союз, который проповедовали благоевцы; ведь если отождествить эти две концепции, то придется признать, что ленинская концепция — народническая концепция»⁴. Соглашаясь с автором относительно идейной зависимости благоевцев от «новых народников» и Лаврова, Невский отметил немарксистский характер их взглядов на государство.

С точки зрения дальнейшего развития историографии социал-демократического движения вообще, группы Благоева в особенности, критические выступления Б. И. Пугачевского и В. И. Невского имели существенное значение: они наносили весомый удар по широко распространенной в то время тенденции установления идейной преемственности российского марксизма (а том числе и большевизма) от народничества, остро выдвигали требование строго научного подхода к вопросу соотношения, взаимодействия и взаимовлияния группы «Освобождение труда» с социал-демократическими (или тяготеющими к ним) организациями в самой России, указывали на проявления субъективизма, порождавшего надуманные

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. С. 161, 167.

² См.: Сергиевский Н. Дмитрия Благоев в Петербурге (1880—1885 гг.). С. 46, 51.

³ См.: Пролетарская революция. 1929. № 8—9 (91—92). С. 194.

⁴ Историк-марксист. 1928. Т. 10. С. 252.

схемы и гипотезы на основе произвольного истолкования источников.

Взгляды Н. Л. Сергиевского на идеологию «Партии русских социал-демократов» тогда же подверглись резкой критике «справа». Мы имеем в виду выступление Б. Николаевского, который еще в 1918 г. в предисловии к публикации программы благоевцев явно обнаруживал связь своих идей с меньшевистской апологетикой группы «Освобождение труда», хотя и в несколько завуалированной форме. Уже тогда, внося «поправку» в оценку взглядов «Партии русских социал-демократов», данную Благоевым, он подчеркивал, что элементы лавризма, и особенно лассальянства, играли в них более крупную роль, чем элементы научного социализма. Автор отвергал распространенную схему о «заграничном происхождении» русской социал-демократии и последующем «привнесении» ее в Россию. Он считал, что социал-демократизм, правда, в идеологически менее совершенных формах, но одновременно с появлением его в кружках эмиграции, нарождался и в России, органически вырастая из всего предшествующего развития революционного движения. Действовавшие в России группы революционеров-практиков шли к марксизму иным, самостоятельным путем, и лишь впоследствии, когда они смогли познакомиться с документами группы «Освобождение труда», эти пути слились на основе взглядов последней, «как стоявшей в теоретическом отношении неизмеримо выше действовавших в России групп»¹.

Центральным в статье Николаевского был вопрос о соотношении группы «Освобождение труда» с группой Благоева с точки зрения их реального вклада «в общее достояние формирующейся социал-демократической идеологии». Концепции Сергиевского он противопоставил тот взгляд, который возводил группу «Освобождение труда» в ранг творца «теории русского марксизма», «боевой теории русского пролетарского движения» — в том смысле, который исключал признание творческого развития и обогащения марксизма В. И. Лениным и представлял «марксизм Плеханова» единственно правильной теорией для всей «эпохи борьбы за ликвидацию абсолютизма» в России².

¹ Николаевский Б. Программа первого в России с.-д. кружка // Бюл. 1918. № 13 (кв. 7). С. 39—40.

² См.: Иванов В. (Николаевский Б.) Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.) // Катюга в ссылке. 1931. № 1 (74). С. 104—105.

Искусно используя методологические промахи, фактические ошибки и очевидные изъяны исследовательской методики Сергиевского, Николаевский доказывал, что благоевцы «теоретически не стояли на пролетарской классовой позиции», ибо их программно-тактические построения исключали посылку о классовой самостоятельности пролетариата¹. В целях обоснования этой прямолинейной постановки вопроса, не учитывавшей всей сложности идейного развития благоевцев, автор волюно или неволюно преувеличивал зависимость их идеологии от «самобытности» различных народнических течений послепервостовского периода, связывал их лассальянство с не изжитой еще надеждой «перескочить» капиталистическую стадию развития и т. д.²

Особенно упорно Николаевский настаивал на неспособности благоевцев отграничить буржуазно-демократическую революцию от социалистической (и в связи с этим найти теоретически правильное решение проблемы программы-минимум), провести классовую грань между пролетариатом и крестьянством. Но анализ всех этих вопросов, будучи нацеленным на опровержение попытки Сергиевского связать идеологию благоевцев с большевизмом, оказался однобоким: он свелся к доказательству того, что в основе мирозерцания благоевцев лежало будто бы «старое народничество»³.

На этой ложной основе оппонент Сергиевского резко противопоставил друг другу идейно-политические позиции «Партии русских социал-демократов» и группы «Освобождение труда». Он справедливо отвергал его точку зрения на характер взаимоотношений между ними, правильно констатировал большую зрелость и во многом определяющее влияние плехановской группы на идейное развитие благоевцев. Но при этом Николаевский, вполне основательно обвинявший Сергиевского в «тенденциозно-неправильной» трактовке позиций двух групп, сам был далеко не безгрешен в этом отношении: опираясь на позднейшие воспоминания В. Г. Харитонов, который считал группу Благоева социал-демократической лишь «по имени», по «внешней окраске», он фактически сводил на нет ее самостоятельные идейные искания и достижения.

¹ См.: Иванов Б. (Николаевский Б.) Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.). С. 84.

² См. там же. С. 85—94.

³ См. там же. С. 94.

Чем же, по мнению Николаевского, были благоевцы? «Людьми, хотевшими быть социал-демократами и действительно в своей практической деятельности пытавшимися найти новые пути, но еще далеко не порвавшими пуговину, которая соединяла их с народничеством, еще только начинавшими усваивать азы марксизма. Они были социал-демократами не на основе принятия марксистской теории, а от практического вывода, к которому их привел небольшой опыт революционной работы»¹. Это новое понятие — «социал-демократы от практического вывода» — явилось для Николаевского ключевым в подходе к вопросу о путях движения революционной интеллигенции к марксизму. Эти пути, по Николаевскому, были различны: если благоевцы (а затем и участники других социал-демократических кружков в России) шли к марксизму «от практического вывода», то Плеханов «ко всему подходил... от логики теоретических посылок»².

Это противопоставление не имело ни фактических, ни логических оснований. Оно понадобилось Николаевскому, пытавшемуся начисто игнорировать такой определяющий для судеб российского социал-демократического движения фактор, как творческое развитие марксистской теории В. И. Лениным уже с середины 90-х гг., чтобы «доказать», что в «основе всего здания русского марксизма» лежат работы Плеханова, что именно группа «Освобождение труда» была единственным первоучителем «многих поколений русских марксистов»³. Но это представление, политический смысл которого более чем прозрачен, к началу 30-х гг. звучало явным анахронизмом: исторически ограниченное видение Плехановым коренных проблем и перспектив российского революционного движения было уже в основном выяснено историко-партийной наукой, как и тот факт, что в идейной и организационно-практической подготовке нового периода в истории русской социал-демократии марксистские организации «утробного периода» сыграли, наряду с группой «Освобождение труда», весьма крупную роль.

Однако путь историков-марксистов к уяснению этого факта был противоречив и труден. Н. Л. Сергиевский еще в 1923 г. обратил внимание научной общественности на почти неизвестный в то время кружок П. В. Точисско-

¹ Иванов Б. (Николаевский Б.) Н. Л. Сергиевский как историк партии русских социал-демократов (1884—1887 гг.). С. 102.

² Там же. С. 105.

³ См. там же. С. 105—106.

го («Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых»), представляющий, по его словам, «исключительный исторический интерес». Но попытка автора определить место этой организации в развитии социал-демократического движения в стране оказалась неудачной: с одной стороны, верно отмечалось, что взгляды Точисского противостояли народофильству и, следовательно, указывали на идеологический перелом в тогдашних революционных сферах, а с другой — его идеология решительно противопоставлялась не только группе «Освобождение труда», но и группе Благоева.

Сергиевский признавал, что члены кружка Точисского читали «Наши разногласия», допускал, что именно плехановская группа натолкнула их на «марксистский путь», указывал на их связь с благоевцами. Но тем не менее подчеркивал, что Точисский «занял особую самостоятельную позицию», «пошел по самостоятельной дороге, его идеология была иная»¹ (выделено мной. — Р. Ф.). Спрашивается, какая же? «Самобытная марксистская идеология» — таков был не подкреплённый никакими аргументами ответ автора, и это наглядно отражало слабость его методологических позиций. Опираясь всего лишь на воспоминания А. Л. Брейтфуса, отчасти записанные им самим под диктовку последнего², и доклад Департамента полиции министру внутренних дел, Сергиевский отметил нечто «самобытное, необычное и своеобразное» в организационных принципах и тактике «Товарищества», усмотрев во всем этом «новую, самостоятельную от «группоосвобожденчества» межу». Как видим, мысль о принципиальной меже, разделяющей марксизм группы «Освобождение труда» и идеологию «туземных марксистов», столь рано овладевшая сознанием историка, базировалась на очень зыбкой источниковедческой базе.

В 1924 г. Сергиевский попытался подкрепить свои доводы указанием на то, что кружок Точисского был «экономистским» и в качестве такового противостоял группе «Освобождение труда» с ее «сугубым подчеркиванием политического момента»³. Это была совершенно неправомерная попытка найти корни «экономизма» 90-х гг.

¹ Сергиевский Н. Л. О кружке Точисского // Красная летопись. 1923. № 7. С. 340—341.

² Там же. Воспоминания А. Л. Брейтфуса были опубликованы в том же номере «Красной летописи» (С. 324—339).

³ См.: Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 113—114.

в рабочих организациях 70-х гг., а также в идеологии социал-демократических групп следующего десятилетия. Но надуманная версия Сергиевского давала ему возможность противопоставлять тактику группы «Освобождение труда» (крайне плохо, конечно, понятую) тактике «туземных» социал-демократов. Определив группу Точисского как промежуточную между благоевцами и брусневцами, автор утверждал, что ее руководитель отрицал будто бы тактику «революционирования рабочих» и заботился лишь об их развятии и внедрении в их среду знаний, для того чтобы «приготовить из них вождей, способных руководить планомерной и систематической борьбой с существующим строем»¹.

С этих позиций Сергиевский рассматривал и деятельность петербургской социал-демократической группы М. И. Бруснева (петербургский «Рабочий союз»). Опираясь почти исключительно на воспоминания участников группы (М. И. Бруснева, Л. Б. Красина, В. В. Святловского, В. Голубева и др.) и далеко не всегда критически подходя к ним, автор отнес их к «экономистам поневоле» на том основании, что пропаганда в кружках будто бы оставляла место лишь для борьбы на почве экономических требований. Отсюда и следовал вывод: работа брусневцев (как и других социал-демократических кружков Петербурга) «представляла культурническо-пропагандистский экономизм на всем протяжении периода с 1888 по 1892 г. и решительно отличалась от того, к чему призывала программа группы «Освобождение труда» 1887 г.»² (т. е. второй проект программы, относящийся к 1885 г.). Сергиевский явно недооценивал не только известные проявления активной политической деятельности группы Бруснева, но и тот факт, что она смыкалась с направлением группы «Освобождение труда» в решении основной задачи — пробуждения и развития классового самосознания пролетариата.

Из числа кружков и групп 80 — начала 90-х гг., составлявших в условиях самодержавной России исходную базу развития социалистической рабочей партии, пристальное внимание Сергиевского привлек «Федосеевский кружок» (т. е. несколько кружков в Казани, организованных центральной группой, во главе которой стояли Н. Е. Федосеев, А. А. Сания и другие марксисты). Работа над этим

¹ Сергиевский Н. Л. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. С. 120.

² Там же. С. 124—125.

сюжетом является важнейшим звеном в изысканиях историка, который на протяжении полутора лет (с января 1892 — до лета 1893 г.) имел почти ежедневные встречи с Н. Е. Федосеевым во Владимире¹ и, безусловно, испытал на себе сильное идейное влияние этого выдающегося деятеля раннего социал-демократического движения. Несомненно и то, что Федосеев посвятил Сергиевского в некоторые детали своего «казанского дела».

Тем не менее исследование казанского периода деятельности Федосеева и созданных им кружков представляло серьезные трудности в связи с безвозвратной утратой подлинных документов дознания, производившегося казанским ГЖУ. Опираясь главным образом на архивные дела Департамента полиции, Сергиевский в специальной статье восстановил не только общую картину дознания, но и все дальнейшее разбирательство по делу о казанском «Федосеевском кружке»². Эту большую статью он сам считал «совершенно самостоятельной и целостной работой», хотя она давала возможность лишь приблизительно представить характер организации и ее практической деятельности, установить инициаторов и руководителей, их идейно-политическую ориентацию.

Свои наблюдения по всем указанным аспектам Сергиевский обобщил в другой статье, увидевшей свет в 1924 г.³ Он установил, что дознание и следствие, проведенное царскими властями, основывалось на различных данных лишь по одному кружку (так называемому «троечан», уроженцев г. Троицка, продолжавших свое образование в Казани). Инициаторами создания и руководителями этого кружка были Федосеев и Санин — представители центрального кружка, который не был до конца раскрыт жандармами. В связи с этим возникали большие трудности для исследования идейного развития и практической деятельности всей организации. Тем не менее Сергиевский установил, что кружок Федосеева еще не конституировался, так как не успел выработать самостоятельную программу, хотя уже вполне определился в своем революционно-марксистском направлении⁴. В общих чер-

¹ См.: Сергиевский Н. Воспоминания о Н. Е. Федосееве, 1892—1895 гг. // Федосеев Николай Евграфович: Сб. воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 37.

² См.: Сергиевский Н. Федосеевский кружок 1888—1889 гг. // Красная летопись. 1923. № 7, 9.

³ Сергиевский Н. Л. Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? // Историко-революционный сборник. Т. 1. М.; Пг., 1924.

⁴ См. там же. С. 69—70.

тах было выяснено отношение Федосеева и других членов центрального кружка к господствующим народническим и народо-вольческим воззрениям, верно намечены мотивы обращения идейного руководителя организации к изучению реформы 1861 г. и судеб крестьянской общины, более или менее точно раскрыты практические меры по созданию необходимой литературной базы для расширения пропаганды марксистских идей и т. д.

Исследования Сергиевского, по сути дела, впервые раскрывали эту яркую сторону напряженной работы революционной мысли над выработкой социал-демократического мировоззрения в труднейших условиях политической реакции 80-х гг. Можно лишь сожалеть, что истолкование отдельных сторон этого сложного процесса историк подчинял своим неверным концептуальным установкам. Так, говоря о том, что Федосеев отвергал философское обоснование народничества, он приписывал ему отрицательное отношение не только ко взглядам Лаврова и Михайловского, но и к учению Чернышевского. Печать явной тенденциозности легла и на соображения историка об отношении Федосеева и других членов центрального кружка к программе группы «Освобождение труда». Здесь мы вновь встречаемся со странной попыткой отделить идейную жизнь казанского подполья от сколько-нибудь серьезного влияния плехановской группы, исключить произведения Плеханова из числа идейных источников становления Федосеева как марксиста. Автор не мог отрицать знакомства Федосеева с «Нашими разногласиями», но все-таки делал упор на предположении, что у него не было «группоосвободительской» литературы, что он знакомился с марксизмом непосредственно по произведениям Маркса и Энгельса¹. Признав факт обсуждения в кружке «троечан» второго проекта программы группы «Освобождение труда», историк сделал вывод, что его участники не примкнули к ней в связи с отрицательной позицией Федосеева. Не располагая фактическими данными, Сергиевский все-таки ставил вопрос о том, что же не удовлетворяло Федосеева в программе группы «Освобождение труда», и делал совершенно произвольное заключение: деятели последней в своем стремлении объединить все революционные направления составили будто бы «согласительную» программу, тогда как Федосеев решительно выступал «против всякого соглашательства», стоял

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 73.

за чистоту программы, имеющей в виду исключительно только пролетариат¹.

Несколько иначе Сергиевский решал этот вопрос в своих воспоминаниях о Федосееве, составленных еще в 1907 г. по просьбе Ольминского, но опубликованных лишь в 1923 г. По словам мемуариста, плехановская программа представлялась Федосееву «только основой», причем «недостаточно практической» и «слишком общей» в своей экономической части, в формулировке «рабочих требований». Надо полагать, эту точку зрения Федосеева автор относил уже к владимирскому периоду его деятельности, хотя и тогда, по его мнению, он «окончательно взгляда на эту часть требований... еще не установил»².

Неосновательно приписывая Федосееву «противопоставление марксизма социал-демократизму» как нечто вообще характерное для него³, Сергиевский утверждал, что он примирился с «группоосвобожденчеством» только по прочтении номеров «Социал-демократа» в 1893 г.⁴ Но в этом издании Плеханов развивал те же идеи, что и в середине 80-х гг., по ряду вопросов углублял их и шел дальше, и представляется невероятным, чтобы Федосеев в 1888—1889 гг. не сумел по достоинству оценить первые опыты применения метода Маркса к анализу социально-экономических и политических условий России.

Ошибочно полагая, что Федосеев и Санин в то время проводили марксистскую линию, отличную от позиций группы «Освобождение труда», Сергиевский возвел в ранг главного идеолога и руководителя всей организации казанских марксистов П. Н. Скворцова. Отсюда и следовал его итоговый вывод, что центр, направлявший всю деятельность марксистских кружков Казани и действовавший под идейным руководством Скворцова, «критически относился к группе «Освобождение труда», «отрицал фи-

¹ См.: Сергиевский Н. Л. Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 76—77. Некритически используя показания некоторых участников кружка «троечник», Сергиевский делал вывод, будто Федосеев отвергал необходимость пропаганды в каких бы то ни было других слоях народа, кроме рабочих.

² Сергиевский Н. Л. Воспоминания о Н. Е. Федосееве, 1892—1896 гг. С. 75.

³ Сергиевский разъяснял, что, по терминологии Федосеева, марксист — «это теоретик — идеолог рабочего класса, обязательно выходец не из рядов класса, социал-демократ — это практический борец, нождь рабочего класса, преимущественно выходец из того же класса» (см. в кн.: Федосеев Николай Елграфович: Один из пионеров революционного марксизма в России, М.: Пг., 1923, С. 74).

⁴ См.: Сергиевский Н. Л. Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 78.

лософский эклектизм «Группы» того времени в части о терроре и о российской интеллигенции в целом»¹. Эта неряшливая формулировка наглядно иллюстрирует причудливые «зигзаги мысли» историка, упорно отодвигавшего группу «Освобождение труда» от шедшего навстречу ей марксистского направления в самой России. Субъективизм Сергиевского во многом обесценивал ту часть его работ, которая касалась сложных путей формирования социал-демократического мировоззрения в специфических условиях России.

Следует, однако, учитывать, что в разработке этой проблематики Сергиевский во многом шел по целине. Будучи первооткрывателем и первым истолкователем многих ценнейших документов, он не мог избежать того, что теперь представляется нам целью ошибок и противоречий. Лавина архивных находок первостепенной значимости, опережая движение исследовательской мысли, властно раздвигала горизонты познания, заставляла безжалостно ломать не только устоявшиеся традиционные представления, но и едва намечавшиеся новые концепции и гипотезы. В этих условиях многие построения Сергиевского падали, не успев утвердиться, хотя в целом его творчество стимулировало изучение проблемы, вносило в научный процесс нечто объективно ценное и непреходящее — необходимые фактические данные, без которых невозможно было реально представить генезис социал-демократического движения в стране.

Свои наблюдения на этот счет Сергиевский обобщил в статье «К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б)»². Первой генетической клеткой, давшей определяющий толчок неудержимому развитию российской социал-демократии, автор считал «Северный союз русских рабочих». От него он тянул линию идеологической (а также и организационной) преемственности — через рабочую организацию «Народной воли» и «Черный передел» — к благоевской и брусневской группам. Справедливо отмечая факт вовлечения в деятельность народнических организаций части рабочих «Северного союза», Сергиевский ошибочно полагал, что рабочая группа «Народной воли» «по сути своей пропаганды приближалась к социал-демократизму», а партия «Черного передела» «сама превращалась в социал-демократическую»³. Но по-

¹ Сергиевский Н. Л. Так что же такое Федосеевский кружок 1888—89 гг.? С. 89.

² См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 3—25.

³ См. там же. С. 7, 9.

добная трактовка эволюции старых народнических партий не помешала ему установить связанные с их пропагандой в среде пролетариата определенные (в том числе и персональные) нити, ведущие к группе Благоева. Характерно, что теперь автор, вопреки своим прежним установкам, постепенное изменение идейного облика благоевцев связывал с их движением «к чистому марксизму».

Раскрывая сложнейшую картину внутренних связей революционного подполья, Сергиевский нащупал то «объединение практически работающих социал-демократов» («марксистский социал-демократический центр»: Г. М. и Ю. И. Родзевичи, Г. В. Петровский, Б. Ф. Лелевель и др.), которое являлось, видимо, первоначальным ядром будущей группы М. И. Бруснева. Автор установил связь Точисского с участниками этого центра, что и позволило внести новые важные штрихи в характеристику идеологии и практической деятельности «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Последнее представлялось ему вполне социал-демократическим, а Точисский характеризовался как законченный марксист¹. Картина вскрытых на основе изучения архивов департамента полиции и министерства юстиции революционных связей Точисского с группой Благоева и указанным центром произвела на Сергиевского сильное впечатление: он высказал мысль о том, что Точисский координировал свою деятельность с этими организациями. Более того, он допускал даже, что кружок Точисского, работавший сначала параллельно с благоевцами, во второй половине своей деятельности (в 1887—1888 гг.) перестал быть самостоятельной организацией, так как присоединился к общей работе «социал-демократического центра». Во всяком случае, автор категорически утверждал, что рабочая часть кружка Точисского, организовавшаяся еще в 1886 г., целиком вошла в группу Бруснева².

Н. Л. Сергиевский, таким образом, первым приоткрыл завесу над истоками петербургской социал-демократической группы М. И. Бруснева, указал на роль польских революционеров в формировании ее первоначального ядра, наметил пути дальнейшего изучения сложной проблемы складывания организационных форм марксистского направления в освободительном движении России.

Установление на документальной основе прямых прием-

¹ См.: Красная летопись. 1930. № 2 (35). С. 11—13.

² См. там же. С. 13, 17.

ственных связей социал-демократических организаций 80 — начала 90-х гг. друг с другом явилось важным достижением Сергиевского, значительным вкладом его в историографию раннего социал-демократического движения. К сожалению, идейная сторона этих связей была очерчена автором слишком общими, пунктирными штрихами, не позволяющими целостно представить всю сложность и многомерность мировоззренческих поисков революционной интеллигенции и передовых рабочих того времени. Делая упор на выяснении контактов между тяготеющими к марксизму тайными кружками, Сергиевский оставлял в тени неуклонно набиравший силу процесс идейного размежевания сторонников социал-демократического и различных народнических направлений, прежде всего народовольческого. А ведь именно здесь центр тяжести идейно-политической борьбы в недрах революционного подполья 80 — начала 90-х гг. Переход от народничества к марксизму совершался отнюдь не в рамках идейной трансформации народничества, как это представлялось Сергиевскому, а в ожесточенной борьбе марксистского направления, провозглашенного в 1883 г. группой «Освобождение труда», с народнической идеологией в любых ее модификациях.

Одновременно с Сергиевским историю социал-демократического движения в Казани изучал С. Лившиц. Свои изыскания, основанные на сведениях XIV тома «Обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи», материалах местных архивов и собранных им самим воспоминаниях участников движения, он еще в 1922 г. обобщил на страницах журнала Татбюро Истпарта «Пути революции»¹. Общий замысел автора, стремившегося «включить» возникшее в Казани марксистское направление в процесс его общероссийского развития, не был и не мог быть в то время реализован. Тем не менее скрупулезная работа над новыми источниками позволила ему наметить общие контуры фактической истории движения, его первых очагов. В этом, собственно, и состояла заслуга С. Лившица, поскольку в его «Очерках» освещение внутренней идейной жизни казанского революционного подполья второй половины 80 — начала 90-х гг. оказалось самым слабым местом.

Особенно наглядно это проявилось в оценке идеологии

¹ Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.) // Пути революции (Казань). 1922. № 1.

кружка Н. Е. Федосеева. Введенный в заблуждение официальными сведениями о кружке «троечник», автор рассматривал последний именно как «кружок Федосеева», хотя и высказывал догадку о существовании другого, более приближавшегося к марксизму революционного объединения. Но не эта ошибка, вполне выясненная Сергиевским уже в 1923 г., определила суждения Лившица об идейно-политическом облике кружка Федосеева. Следуя жандармской версии, историк отнес к числу программных документов, принятых кружком, гектографированное воззвание (за подписью: «От партии «Молодая Россия», Москва, 12 февраля 1886 года») и листок с пятью пунктами программного характера. Оба документа не имеют ничего общего с марксизмом. Первое представляет собой воззвание, густо окрашенное в тона позднего народофильства, выродившегося в чистый политический радикализм. По поводу же второго документа Федосеев, вообще отрицавший наличие у кружка программы, утверждал на допросе в октябре 1889 г., что это лишь «свод положений революционных программ», которые рассматривались его участниками. Лившиц признавал полное отсутствие в воззвании «Молодой России» «классовой идеологии пролетариата» и тем не менее делал вывод, что кружок Федосеева «был не социал-демократического типа и не народофильского, пожалуй, а скорее представлял собой переходную стадию между первым и вторым течениями»¹. Тем более странным было заключение автора, что кружок послужил «хорошей теоретической школой» для Федосеева, Санина и Григорьева, которые, по его словам, вскоре проявили себя убежденными социал-демократами².

В 1923 г., после появления в «Красной летописи» (№ 5 и 7) статьи Сергиевского, Лившиц пересмотрел свою точку зрения, заявив, что «кружок Федосеева — теперь уже не приходится в этом сомневаться — был определенно марксистским»³.

Важно отметить, что работа Лившица впервые знакомила читателей с состоянием социал-демократического движения в Казани в первой половине 90-х гг. Автор привел некоторые неизвестные ранее факты взаимоотношений и идейных столкновений крайне немногочисленных сторонников марксистского направления с народофиль-

¹ Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.). С. 96.

² См. там же. С. 97—98.

³ Пролетарская революция. 1923. № 8 (20). С. 56.

цами, очертил обстоятельства формирования марксистского кружка И. Х. Лаланца, более или менее подробно осветил деятельность кружка А. М. Стопани, сложившегося в конце 1892 г.¹ Автор показал, что характер этой деятельности отражал общие закономерности развития социал-демократического движения на подступах к соединению научного социализма с массовым рабочим движением.

Изучение казанского социал-демократического подполья логикой его исторически сложившихся революционных связей предопределило обращение историков к наиболее значительным средоточиям марксистского направления в различных городах Центрального промышленного района России. Особенно пристальное внимание привлек г. Владимир, где в 1892—1893 гг. отбывал ссылку, а затем тюремное заключение Н. Е. Федосеев, с деятельностью которого во многом связано утверждение последовательного социал-демократического движения в крае. В процессе работы по его изучению Владимирским Истпартом были собраны ценные архивные сведения, относящиеся к деятельности Федосеева в том первом владимирском социал-демократическом кружке, который под его руководством распространил свое влияние и на другие промышленные центры губернии. Эти сведения во второй половине 20-х гг. обобщил Н. П. Шаханов², чьи работы в известной мере обогатили сообщения мемуаристов об этой яркой странице раннего социал-демократического движения.

Характеризуя роль Н. Е. Федосеева в переходе радикальной молодежи Владимира от народофильства к марксизму, Шаханов справедливо писал, что его непродолжительная деятельность заложила фундамент для марксистской социал-демократической работы в регионе. Этот вывод автор подтвердил документированным анализом пропагандистской деятельности Федосеева и других членов владимирского социал-демократического кружка

¹ См.: Лившиц С. Очерки истории Казанской социал-демократии (1888—1916 гг.). С. 101—107.

² См.: Шаханов Н. П. Николай Евграфович Федосеев и его работа во Владимирской губернии (1892—1893 гг.) // Владимирская окружная организация РСДРП. Вып. 3. Владимир, 1927; *Его же: Н. Е. Федосеев под негласным надзором полиции во Владимире* // Спутник партиейца. (Владимир), 1928. № 5; *Его же: Письмо в редакцию* // Каторга и ссылка. 1929. № 6 (55); *Его же: Николай Евграфович Федосеев: Пионер революционного марксизма в России*. М., 1929.

среди рабочих в Орехово-Зуеве. Шаханов впервые внес в научный оборот принадлежавший перу Федосеева документ, получивший название «Программы действий рабочих». К сожалению, этот выдающийся памятник пропагандистской марксистской литературы начала 90-х гг. не был рассмотрен автором с той полнотой, какой он заслуживал не только для изучения взглядов Федосеева на задачи рабочего движения в России, но и для оценки его мировоззрения в целом.

Именно этот сюжет оказался наименее разработанным в исследованиях Шаханова; они давали лишь общее представление об идейном развитии Федосеева, хотя накопленный к тому времени источниковый материал открывал некоторые возможности для более полной характеристики его научной работы, его борьбы против идеологии либерального народничества, буржуазного либерализма, толстовства и других общественно-политических течений, противостоявших марксизму. Не уделив достаточного внимания этим вопросам, автор не сумел четко определить основные вехи формирования Федосеева как марксиста (окончательное утверждение его на марксистских позициях он отнес лишь к периоду Сольничегодской ссылки¹) и, следовательно, место этого выдающегося революционера в развитии русской марксистской мысли.

В рассматриваемый период были сделаны первые попытки изучения марксистских кружков и в ряде других городов Центра, а также Юга и Запада России. Но историографический процесс пока еще определялся здесь выявлением и накоплением различных материалов, причем, используя выражение М. Н. Покровского, в роли если не исследователей, то «передовых разведчиков», нащупывающих новые пути и для разрешения чисто специальных вопросов, выступали преимущественно сами участники социал-демократической пропаганды 80—90-х гг. Анализ созданной ими мемуарной литературы не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что именно она легла в основу первых опытов проникновения научной мысли в идейно-политическую жизнь пропагандистских кружков, исподволь готовивших почву для вступления всего движения в «период детства и отрочества».

Таким образом, крупная проблема формирования и развития кружков и групп марксистского направления

в России, поставленная историками-большевиками задолго до Октября 1917 г., в 20 — начале 30-х гг. привлекла пристальное внимание ряда советских ученых. Благодаря их усилиям впервые в исторической литературе приобрели более или менее отчетливые контуры революционные объединения, идейные поиски и практическая деятельность которых обозначили исторический поворот наиболее зрелой части передовой интеллигенции от идеологии крестьянской демократии к идеологии рабочего класса, к марксизму. В ходе изучения этого поворота был сделан шаг вперед в освоении ленинской концепции, в применении научной методологии к исследованию идеологических образований, эволюция которых — при всей сложности и противоречивости — отличалась большой динамичностью и целеустремленностью.

Но связанные с этим достижения серьезно подрывались распространением концепции спонтанной трансформации народнической идеологии в социал-демократизм, с одной стороны, и предвзято-негативистским отношением к Плеханову и его группе — с другой. Исследовательский опыт показал связь этих тенденций с недооценкой (а порой и игнорированием) ленинских взглядов на изучаемую проблему. Богатейшие по своему содержанию ленинские оценки «утробного периода» истории РСДРП еще не были изучены и обобщены в той мере, которая необходима для того, чтобы применение их к конкретному анализу идеологии первых социал-демократических организаций в стране стало достаточной гарантией от проявлений субъективистской тенденциозности, вульгарного социологизма и связанного с ним упрощенчества.

Воспроизведение истории становления и развития социал-демократического направления как исторически подготовленного и целостного процесса, органично связанного взаимозависимостью всех определяющих факторов выхода революционной мысли страны на принципиально новый уровень, оставалось задачей, которую еще предстояло решать.

¹ См.: Шаханов Н. П. Николай Евграфович Федосеев: Пионер революционного марксизма в России. С. 88.

КАЗАНСКИЙ И САМАРСКИЙ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА

...Не так-то легко проникнуть
в тайну гениальности этого человека...

Г. М. Кржижановский

Изучение раннего социал-демократического движения в России выдвинуло перед историко-партийной наукой специальную исследовательскую проблему — казанский и самарский периоды жизни и революционной деятельности В. И. Ленина.

Дооктябрьская (в том числе и большевистская) историография совершенно не затронула эту проблему¹. Ее разработка всецело связана с общим процессом развития советской историко-партийной науки, заложившей основу Ленинианы как ее самостоятельной отрасли. В период 1917-го — середины 1930-х гг. она нашла некоторое отражение в общих трудах по истории партии, в научно-популярных биографических очерках, призванных удовлетворить громадный интерес трудящихся масс к жизненному пути и учению В. И. Ленина, в крайне немногочисленных еще специальных исследованиях. В нашей литературе справедливо отмечалось, что если изучение жизни и деятельности участников революционного движения стало ведущим направлением биографических исследований, то биография В. И. Ленина — ведущей темой этого направления².

Определяющая роль в развитии этой темы, органично слившейся с формированием и поступательным движением всей историко-партийной науки, принадлежит Истпарту, Институту В. И. Ленина, Институту Маркса — Энгель-

са — Ленина при ЦК ВКП(б). Руководствуясь решениями партийных съездов, постановлениями ЦК партии, эти научные центры на протяжении 20 — первой половины 30-х гг. провели большую трудоемкую работу по собиранию, систематизации и исследованию различных материалов к научной биографии вождя революции³. Понятно, что на первых порах работа историков до крайности осложнялась отсутствием полновесной и надежной источниковой базы. Достаточно сказать, что лишь к 1924 г. на основе выявленных архивных и литературных данных были установлены и стали достоянием исследователей важнейшие факты жизни, политической и научно-литературной деятельности В. И. Ленина⁴. Составление же подробной хроники его жизни и деятельности Институт Ленина при ЦК ВКП(б) планировал закончить лишь в начале 30-х гг.⁵

Положение осложнилось тем, что в литературном наследии В. И. Ленина автобиографических материалов, относящихся к казанскому и самарскому периодам, очень мало. Автобиографическая заметка, написанная в 1917 г. и опубликованная лишь в 1927 г., осталась незаконченной⁶. В ней Ленин отметил даты и причины своего ареста в 1887 и 1895 гг. Важно упомянуть, что в период с середины 20-х до середины 30-х гг. историкам стала доступной большая часть заполненных Лениным в той или иной связи анкет, содержащих предельно кратко, но чрезвычайно ценные данные для суждений о начальном периоде его революционной деятельности⁷.

В 1923 г. были опубликованы написанные в декабре 1922 г. воспоминания Владимира Ильича о Н. Е. Федосееве, в которых он засвидетельствовал свое участие в одном из казанских марксистских кружков, а также факт относя-

¹ Подробно об этом см.: Савицкая Р. М. Разработка научной биографии В. И. Ленина // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 13—19; Воробьихин И. Г. Из истории создания научной биографии В. И. Ленина в СССР // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып. 1. Л., 1971.

² См.: Биография В. И. Ленина в датах и числах. Л., 1924; Аросов А. Я. Основные вехи жизни В. И. Ульянова (Ленина): Краткая выдержка из календаря жизни Владимира Ильича. Л., 1924.

³ См. в кн.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XVI партийному съезду. М., 1936. С. 40.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 21.

⁵ Две анкеты, заполненные Лениным в связи с перерегистрацией московской организации РКП(б) (1920 г.) в Всероссийской переноской членом партии (1922 г.), были факсимильно воспроизведены (правда, крайне небрежно) в брошюре «Личное дело» члена РКП(б) В. И. Ульянова-Ленина (М.; Л., 1926).

¹ Как биографические справки в дореволюционных энциклопедических словарях, так и первые марксистские работы по истории РСДРП не содержали никаких сведений о казанском и самарском периодах жизни и деятельности В. И. Ленина (см.: Волын М. С. Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине // Вопросы истории КПСС. 1970. № 7).

² См.: Баженов В. В. Биографические исследования в советской историографии (1917 — середина 30-х гг.) // Исторические записки. Т. 98. М., 1977. С. 239.

шейся к началу 90-х гг. переписки с ним (через посредство М. Г. Гопфенгауз) и ее общий смысл: она касалась «возникших тогда вопросов марксистского или социал-демократического мировоззрения»¹. Помимо важных фактических сведений, воспоминания Ленина о Федосееве заключают в себе суждения, имеющие методологическое значение для анализа развития социал-демократического направления в России.

Выдающееся значение в том же, методологическом, отношении для нашей темы имеет впервые опубликованная в 1924 г. заметка Ленина «Как чуть не потухла «Искра»?»², в которой он недвусмысленно выразил свое личное отношение к Г. В. Плеханову до знаменитого конфликта с ним в августе 1900 г. А. И. Ульянова-Елизарова, впервые давшая развернутый анализ этой заметки, справедливо отмечала, что она «исключительно интересна и неопценима для будущих биографов» Ленина³.

В 1924 г. впервые было опубликовано письмо В. И. Ленина А. М. Горькому от 25 февраля 1908 г., в котором содержится указание на один из важнейших аспектов его научно-теоретических интересов в рассматриваемый нами период. Вождь большевиков, по его собственным словам, следил «всегда за нашими партийными прениями по философии внимательно, — начиная с борьбы Плеханов против Михайловского и К⁰ в конце 80-х и до 1895 года...»⁴. Следует отметить, что первые крупные произведения Ленина, относящиеся к 1893—1895 гг., не только блестяще подтверждают это, но и дают исследователям самый надежный материал для понимания достигнутого им к 1893 г. идейно-теоретического уровня и, в частности, для научно-подхода к вопросу о месте, которое занимали марксистские труды Плеханова в его интеллектуальной биографии.

Некоторые автобиографические моменты содержались и в более поздних работах Ленина. Так, Н. К. Крупская в книге «Что делать?» находила не только «косвенное указание на влияние Чернышевского», но и отзвук преодоления молодым В. И. Ульяновым оваяния революционной романтикой традиций старой «Народной воли». Прочитав из Заключения к этой книге абзац, содержащий указание на развитие революционного мышления молодых участников социал-демократического движения 1894—1898 гг., на трудности отказа «от обаятельного впечатле-

ния... героической традиции» борьбы народовольцев⁵, Крупская утверждала: «Этот абзац — кусок биографии Владимира Ильича»⁶. Позднее «автобиографический характер» ленинских высказываний о народовольцах и народовольчестве отмечал Е. М. Ярославский, подчеркивая вместе с тем, что Ленин принадлежал к таким деятелям, «которые сумели устоять против... обаяния народовольцев, преодолеть его»⁷.

Историки партии хорошо понимали, что литературное наследие Ленина является основным источником для его научной биографии, одним из «главных источников для уразумения его роста...»⁸. Но применительно к интересующему нас периоду оно, как видим, не могло дать сколь-нибудь полной картины. Поэтому здесь, особенно на первых порах, остро ощущалась слабость источниковой базы⁹. Потребовалась целеустремленная работа научных центров партии, историков, энтузиастов-краеведов по ее формированию путем выявления документальных материалов в центральных и местных архивах, с одной стороны, создания корпуса воспоминаний — с другой.

На протяжении изучаемого периода были опубликованы основные документы, позволяющие поставить на твердую научную почву изучение жизненного пути Ленина с момента поступления его в Казанский университет до отъезда в Петербург в августе 1893 г.¹⁰ Но все они (в том числе и документы автобиографического характера) не давали почти никакого материала для изучения идейного развития молодого Ленина: его литературное наследие Поволжского периода не было найдено, хотя уже тогда из других источников было известно о принадлежавших ему работах, которые могли бы пролить свет на эту проблему (конспективные выписки и рефераты по книгам Маркса

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180—181.

² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1931. С. 40—41, 185.

³ Дискуссия о «Народной воле». С. 133.

⁴ См.: Быстрянский В. Ленин и история РКП(б) // Красная летопись. 1924. № 2 (11). С. 6.

⁵ См.: Бюллетень Истпарта. 1921. № 1. С. 10.

⁶ Эти документы различного характера впервые публиковались в периодических изданиях по мере их разыскания. В течение 1919—1929 гг. некоторые из них (полностью или частично) были опубликованы М. К. Корбутом (справку о них см. в кн.: Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. 2. С. 199). Ряд документов был опубликован П. Ф. Кудалли, М. Цвибаля, Э. Корольчука в журнале «Красная летопись» (1924, № 1, 2; 1925, № 1, 2). Специальная подборка документов была помещена в № 1 (62) журнала «Красный архив» за 1934 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 325.

² См. там же. Т. 4. С. 334—352.

³ Пролетарская революция. 1924. № 7 (38). С. 253.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 141.

и Энгельса, перевод «Манифеста Коммунистической партии», рефераты и статьи с критикой взглядов В. П. Воронцова, С. Н. Южакова, Н. К. Михайловского, Н. Ф. Даниельсона, отзывы и замечания на работы Н. Е. Федосеева, адресованные ему письма и т. п.)¹. Малая вероятность разыскания этих материалов выдвинула на первый план мемуарную литературу в качестве важнейшего первоисточника.

Основной комплекс наиболее авторитетных мемуарных свидетельств о казанском и самарском периодах жизни и деятельности Ленина сложился на протяжении 20 — середины 30-х гг. Фундаментальное место в этом комплексе заняли воспоминания А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Ульяновой, Д. И. Ульянова и Н. К. Крупской. Исключительная ценность оставленных ими свидетельств определяется не только уникальным информативным содержанием, но и личностными качествами самих мемуаристов — людей высокой принципиальности и кристальной честности. Ценным вкладом в мемуарную литературу о молодом Ленине явились также воспоминания участников революционного движения, которые в 1887—1893 гг. имели личное общение с ним (И. Х. Лалаянц, М. И. Семенов, М. П. Голубева, М. Г. Григорьев, С. И. Мицкевич, М. А. Сильвин и др.). Историкам стали доступны и воспоминания тех современников Ленина (как соратников, так и политических противников), которые встречались с ним в более поздние годы и затем воспроизвели как свои впечатления, так и кое-что из рассказанного им о своей жизни в Казани и Самаре.

Интенсивное накопление мемуарной литературы о Ленине вызывало острую потребность в ее источниковедческом анализе. Уже в 1925 г. Институт Ленина ставил задачу критически изучить, систематизировать и свести воедино накопившееся «громоздкое количество воспоминаний о Владимире Ильиче...»². Центром тяжести здесь был вопрос о степени их достоверности, поскольку в Ленину врывался, по меткому определению А. И. Ульяновой-Елизаровой, мутный поток мемуарной «хлестаковщины»³ — безответственно пропущенных в печать вымыс-

лов и прямых фальсификаций. Это, естественно, вызывало резкую реакцию со стороны широких партийных кругов и научной общественности. А. И. Ульянова-Елизарова еще в 1924 г. писала, что печатание «воспоминаний», не содержащих в себе ни грама истины, является «недопустимым невниманием к памяти Владимира Ильича...»⁴. XIII съезд РКП(б) обратил внимание ЦК на необходимость «настоячиво следить за тщательным изданием всех литературных произведений В. И. Ленина и всего, что печатается о Ленине»⁵.

Научная критика мемуарной литературы как важнейшей составной части биографических материалов о поволжском периоде жизни и деятельности Ленина развертывалась в тесном единстве с разработкой методологических и методических аспектов создания его научной биографии. В этом отношении велики заслуги Н. К. Крупской. Ее письма, отзывы и замечания на различные биографические материалы о Ленине заключают в себе целую систему взглядов, имеющих принципиальное значение для всей советской революционной биографистики.

Глубоко сознавая ответственность и сложность создания научной биографии Ленина, Крупская считала, что эта задача может быть решена лишь коллективными усилиями⁶. При этом она подчеркивала, что «нельзя писать биография по воспоминаниям», поскольку в них «много субъективного всегда»⁷. С большевистской принципиальностью Крупская отметала «свидетельства» многих мемуаристов, вольно или невольно искажавших образ Ленина, строго осуждала всевозможные элементы «интуитивной» фальши, «выдуманной отсебятины»⁸. Указывая, что в популярной биографии «не менее, чем в научной, недопустимы неверные исторические факты», она особо подчеркивала имеющую методологическое значение мысль: «Надо брать отношения между различными партийными группировками в их развитии, в зависимости от изменения исторической обстановки»⁹.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1970. Т. 1. С. 40, 46, 68, 73, 75 и др.

² КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 284.

³ См.: Крупская Н. К. Как писателям работать над биографией Ленина // Лит. газ. 1935. 24 января.

⁴ Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине // Красный архив. 1957. № 2. С. 31.

⁵ См. там же. С. 26, 29, 30—34 и др.

⁶ Новые документы Н. К. Крупской о жизни и деятельности В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 67—69.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1970. Т. 1. С. 40, 46, 68, 73, 75 и др.

² См. в кн.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Отчет XIV партийному съезду. М., 1925. С. 70.

³ См.: Письмо Ульяновой-Елизаровой в редакцию журнала «Смена» // Пролетарская революция. 1924. № 8—9 (31—32). С. 406.

От биографов Ленина Крупская требовала, чтобы его деятельность была дана на широком историческом фоне, в рамках конкретно-исторических условий и событий каждого этапа и, что особенно важно, с учетом внутренней диалектики развития его теоретической мысли и революционного дела во всех их связях и опосредствованиях. Все это, при неперменном условии выделения «главных исторических моментов», должно составлять, по мысли Крупской, «стержень популярной биографии Ильича» — «политически заостренной», всесторонне раскрывающей его роль как мыслителя, как стратега, как организатора, как вождя масс¹.

С этих позиций Крупская подвергала нелицеприятной критике отдельные биографические работы о Ленине, настаивая на необходимости избегать дискуссионных «перегибов палки», «давать факты архиверные», изображать «живого человека и живое его окружение». В этой связи она высказала еще одно важное суждение, направленное против внеисторического подхода к характеристике деятелей, работавших с Лениным в тот или иной период: «Нельзя исходить из того, что некоторые потом ушли к меньшевикам или стали уклонистами какими-нибудь, отошли от партии. Нельзя обезличивать окружение, надо уметь дать его»². По сути дела, Крупская последовательно утверждала принципы ленинской методологии в разработке революционной биографистики как источнике ценнейшего опыта и действенного средства воспитания масс.

Неуклонное следование этим принципам придает особую ценность воспоминаниям самой Крупской о Ленине. По собственному признанию, она мало писала «о детстве и молодости Ильича», поскольку познакомилась с ним лишь в феврале 1894 г.³ Но в данном случае она опиралась на его рассказы, что и сообщало всему написанному ею характер авторитетнейших свидетельств, в том числе и не нашедших отражения в других источниках. Разумеется, в воспоминаниях, специально посвященных различным сторонам деятельности Ленина более поздней поры, Крупская высказала немало суждений, имеющих важное значение для изучения казанского и самарского периодов его жизни (работа над усвоением учения Маркса и Энгельса, характер влияния Чернышевского, отношение к Плеханову и др.).

¹ См.: Красный архив. 1957. № 2. С. 32.

² Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 68.

³ См.: Красный архив. 1957. № 2. С. 34.

Взгляды Н. К. Крупской во многом перекликаются с суждениями М. С. Ольминского, возглавлявшего в 1920—1924 гг. Истпарт. В статьях, посвященных Ленину, в рецензиях на его биографии и воспоминания о нем Ольминский, руководствуясь марксистским учением о роли личности в истории, особо настаивал на необходимости изучения деятельности вождя большевистской партии в неразрывной связи с ее историей, с революционным движением в целом¹. Ольминскому принадлежат крупные заслуги в организации собирания и публикации документов Ленина, а также широкого круга других источников, относящихся к его деятельности.

Страстной поборницей исторической правды в освещении жизни и деятельности Ленина выступала А. И. Ульянова-Елизарова. Верность действительности и нерасторжимая связь жизни вождя с политической жизнью партии — таково было ее кредо в подходе к жизнеописанию Ленина². Она первой поставила вопрос о значении казанского и самарского периодов в его жизни, достоверно очертила контуры его духовного развития и первых шагов на арене общественно-политической борьбы.

Выступая в качестве редактора и рецензента целого ряда публикаций о Ленине, Ульянова-Елизарова решительно пресекала различные отступления от исторической правды. В 1923 г. она подвергла убийственной критике статью И. Чеботарева «Владимир Ильич», опубликованную в журнале «Юный пролетарий» (1922, № 1). Назвав статью «политически безграмотной», она выразила глубокое возмущение тем, что «редакция коммунистического журнала» поместила в своем органе «под видом жизнеописания своего вождя... перьяшливую белиберду!»³. В связи с этим Анна Ильинична внесла ряд ценных для характеристики Ленина-гимназиста уточнений. Тогда же в заметке «Примечания к статье т. Табейко» она обвинила последнего в том, что он не «просеял» воспоминания крестьян, на которые опирался, рассказывая о пребывании Ленина в д. Кокушкино, внесла существенные поправки в его суждения⁴.

¹ Подробнее об этом см.: Михайлова Н. М. Работа М. С. Ольминского над биографией В. И. Ленина и его литературным наследием // История и историки: Историографический ежегодник, 1979. М., 1982. С. 162.

² См.: Елизарова А. Образец того, как нельзя писать биографии // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 237—238.

³ Там же.

⁴ См.: Пути революции (Казань). 1923. № 3. С. 47—49.

В 1924 и 1925 гг. Ульянова-Елизарова выступила с рецензиями на первые два выпуска «Ленинского сборника». Она указала на ряд неточностей в помещенных здесь выдержках из подготовляемого Институтом Ленина «Календаря жизни Владимира Ильича», оспорила, в частности, указания на то, что в самарский период Ленин читал доклады в городах Поволжья, указав лишь на Н.-Новгород, где он действительно «читал свои рефераты» накануне приезда в Петербург¹. Весьма сурово рецензентка отозвалась о двух заметках А. Я. Аросева под рубрикой «Некоторые материалы к научной биографии В. И. Ленина»: «Первый шаг» и «Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре». В них она нашла «очень мало научности», подвергла критике некоторые выводы автора, внесла уточнения².

А. И. Ульянова-Елизарова одной из первых начала борьбу против искажения облика Ленина в воспоминаниях его политических противников. В 1924 г. она подвергла всесторонней критике воспоминания о Ленине одного из бывших лидеров «экономизма», К. М. Тахтарева, высказав при этом ряд ценных замечаний по методике использования и правилам публикации подобных источников³.

В конце 20-х гг. мемуарная литература о Ленине стала объектом специального научного рассмотрения. В 1929 г. И. С. Зильберштейн, характеризуя основные источники, использованные в его монтаже «Молодой Ленин в жизни и за работой»⁴, дал краткий обзор наиболее ценной мемуарной литературы, отсеяв одновременно явные апокрифы и свидетельства, которые были лишь контаминацией различных других воспоминаний. К сожалению, Зильберштейн не сумел провести свой анализ с достаточной глубиной: в его монтаже оказались отрывки из воспоминаний,

весьма сомнительных с точки зрения достоверности⁵. Несколько позднее, в 1930 г., Г. Тихомирнов, намечая методы работы над различными источниками научной биографии Ленина, указал на заведомо ложные свидетельства отдельных лиц, отметил типичные недостатки мемуарной литературы, различные небрежности в ее использовании, влекущие за собой искажение действительности⁶. Автор выделил посящие мемуарный характер работы Троцкого и Зиновьева, как «явно вредные по своему содержанию, умаляющие роль и значение Ленина...». В частности, он отметил недооценку Зиновьевым значения самарского периода в жизни и деятельности Владимира Ильича⁷.

В целом же источниковедческая работа над материалами к биографии Ленина в 20—30-х гг. велась очень слабо, что затруднило изучение поволжского периода жизни и деятельности Ленина, порой негативно отражалось на развитии историографии проблемы.

Первые биографические статьи о Ленине были написаны еще в апреле — мае 1917 г. Е. М. Ярославским, Н. К. Крупской и М. С. Ольминским⁸. С историографической точки зрения эти статьи важны для нас как первые подступы к реализации тех методологических и методических принципов революционной биографистики, которые нашли классическое выражение в биографических работах самого Владимира Ильича. Важно отметить, что в очерке Н. К. Крупской, отредактированном Лениным, впервые были намечены главные вехи его жизни и деятельности, что оказало значительное влияние не только на структуру более поздних биографических очерков о нем, но и на разработку проблемы в целом.

После Октябрьской революции, еще при жизни Ленина и в год его кончины появился целый ряд очерков о его жизни, борьбе и учении (А. Х. Митрофанова, Г. Е. Зиновьева, В. И. Невского, Н. Н. Попова и Я. А. Яковлева,

¹ См.: Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 256.

² См. там же. 1925. № 1 (36). С. 246—248.

³ См.: Елизарова А. Профессор-оппортунист о Ленине // Пролетарская революция. 1924. № 11 (34). С. 126—136. Большую работу по борьбе с лжемемуаристикой о Ленине вели М. И. и Д. И. Ульяновы. Весной 1936 г., например, они несколько недель просматривали «воспоминания», специально собранные объезжавшим поволжские города одним из сотрудников Профиздата. «Что это был за ужас,— писала М. И. Ульянова.— Боюсь точно указать процент выкинутого и зачеркнутого вами, но, вероятно, не ошибусь, определив его в 80—90%» (цит. по кн.: Маризтта Шаганим. Семья Ульяновых. М., 1963. С. 209).

⁴ Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. Л., 1929.

⁵ Книга, составленная И. С. Зильберштейном, не была выпущена в свет: Мария Ильинична и Анна Ильинична Ульяновы «настояли тогда перед Институтом Ленина, чтобы книга была задержана» (см. письмо М. И. Ульяновой к М. Шаганим от 22 сентября 1936 г. в кн.: Маризтта Шаганим. Семья Ульяновых. С. 209).

⁶ См.: Тихомирнов Г. К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина // Пролетарская революция. 1930. № 4 (99).

⁷ См. там же. С. 54, 60.

⁸ Ярославский Е. М. Владимир Ильич Ульянов // Социал-демократ (Якутск). 1917. 25 апреля. № 5; Крупская Н. К. Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии // Солдатская правда. 1917. 13 (26) мая; Ольминский М. С. О т. Ленине // Социал-

П. Н. Лепешинского, В. А. Карпинского, И. И. Ходоровского и других авторов)¹. Эти очерки, как и почти вся революционная персоналистика того времени, носили сугубо популярный характер. В освещении жизненного пути Ленина до 1893 г. они основывались почти исключительно на воспоминаниях. Некритическое восприятие их нередко приводило к различным ошибкам, которые, как отмечала А. И. Ульянова-Елизарова, чаще всего касались именно раннего периода деятельности Ленина². Некоторые авторы вообще не затрагивали этот период, тогда как другие лишь бегло характеризовали его в разделах о детских и юношеских годах Владимира Ильича, оставляя в стороне вопросы его идейного развития. Пожалуй, только П. Н. Лепешинский более пристально взглянул на эту сторону дела: казанский и самарский периоды жизни Ленина он определил как годы его «марксистского самоопределения». «...Есть основание думать, — писал автор, — что уже в 1891 г. он сформировал в общих чертах свое марксистское миро-созерцание»³.

В. В. Быстринский, из всех этих биографических очерков выделяя работы Лепешинского и Ярославского, справедливо писал, что биографии Ленина, «сколько-нибудь заслуживающей этого названия, мы не имеем, да и иметь не можем... Нет необходимых материалов и предварительных работ»⁴. Понятно, что через 5—6 лет указанные очерки уже представлялись устаревшими, не выдерживающими

демократ (Москва). 1917. 26 мая (8 июня). Общая оценка этих статей содержится в ряде работ советских историков: *Волын М. С.* Первая брошюра о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина // Вопросы истории КПСС. 1975. № 4; *Илларицкая Н. В.* Е. М. Ярославский — биограф В. И. Ленина // Из истории борьбы КПСС за победу социализма и коммунизма. Изд. МГУ, 1979. Ч. IX; *Милаилова Н. М.* Работа М. С. Ольминского над биографией Ленина и его литературным наследием // История и историки: Историографический ежегодник, 1979. М., 1982.

¹ *Митрофанов А. Х.* Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин: (Биографический очерк). М., 1918; *Зиновьев Г.* Ленин. Владимир Ильич Ульянов: Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918; *Новский В. И.* Владимир Ильич Ленин (Ульянов). М., Л., 1920; *Его же.* Ленин. М., 1924; *Ярославский Е. М.* Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин. М., 1918; *Его же.* Жизнь и работа В. И. Ленина, 22 апреля 1870 — 21 января 1924. М., 1924; *Карпинский В.* Что заповедал нам Ленин своей жизнью, работой и учением. М., Л., 1924; *Лепешинский П. Н.* Жизненный путь Ильича. Л., 1924; *Попов Н. Н., Яковлев Я. А.* Жизнь Ленина и ленинизм. М., 1924.

² См.: *Илларицкая Н. В.* Е. М. Ярославский — биограф В. И. Ленина. С. 55.

³ *Лепешинский П. Н.* Жизненный путь Ильича. С. 10.

⁴ *Быстринский В.* Обзор литературы о Ленине и ленинизме // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 191.

научной критики¹. Следует, однако, подчеркнуть, что при всех своих недостатках они были необходимым этапом на пути к созданию научной биографии Ленина: выполняя свое функциональное назначение, они стимулировали более углубленные изыскания, нацеленные на выяснение объективных и субъективных факторов его стремительного интеллектуального роста.

Но, с другой стороны, в очерки и статьи отдельных авторов, встречавшихся позднее с Лениным, приносились (с заведомо ложными ссылками на его собственные рассказы) такие элементы мемуарного характера, которые не имели ничего общего с действительностью. Так, Г. Е. Зиновьев писал: Ленин «рассказывал нам, как, слегка заразившись уже в Самаре марксистскими идеями, он ходил по Петрограду и разыскивал марксиста. Жив человек, отзовись! — звал тов. Ленин. Но «порода» марксистов была тогда крайне редка. Марксиста не было в Питере, его надо было искать днем с огнем»². Близкую, но столь же нелепую версию пропагандировал Л. Б. Каменев, также ссылавшийся на «рассказы» Ленина в качестве ее первоисточника. Он утверждал, будто Владимир Ильич только после того, как пришел к убеждению в правильности марксистской теории, «задался мыслью: есть ли еще где-либо в России группа лиц, которые пришли бы к такому же убеждению?». Игнорируя известные к тому времени факты, связанные с формированием теоретического комплекса, который Ленин называл «доктриной русского марксизма»³, Каменев относил его вступление на революционный путь к тому времени, когда «старые задачи и теории потерпели крах, а новых еще не родилось...»⁴.

О подобных курьезах можно было бы и не упоминать. Но в силу «авторитетности» имен их создателей и широчайшего распространения они закрепляли в сознании исследователей представления, позволяющие им вырывать процесс формирования мировоззрения Ленина из общего контекста движения революционной мысли страны к марксизму. А это создавало лишь дополнительные затруднения в разработке его научной биографии.

¹ См.: *Эдлингольц А.* Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова) // Пролетарская революция. 1929. № 1 (84). С. 245.

² *Зиновьев Г.* Ленин. Л., 1924. С. 11.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 352.

⁴ *Каменев Ю.* [Л. Б.]. История Коммунистической партии в России // Вестник жизни. 1919. № 3—4. С. 35—36.

Со времени основания Института Ленина (1923 г.) усилия советских историков в этом направлении тесно связаны с его координирующей деятельностью и более целеустремленной работой над теоретико-методологическим обеспечением исследования проблемы в целом. В 1930 г. В. В. Адоратский опубликовал большую статью «К вопросу о научной биографии В. И. Ленина»¹ и выступил со специальным докладом на первом Всесоюзном совещании по вопросам преподавания ленинизма, истории партии и Коминтерна². Отметив, что завершение Институтами Ленина третьего издания Сочинений вождя пролетарской революции выдвигает на первый план создание его научной биографии, Адоратский вновь подчеркнул чрезвычайную сложность и трудность этой задачи, поскольку ее решение предполагало не только жизнеописание Ленина и его деятельности как вождя, но и как ученого, как гениального теоретика пролетарской революции «в теснейшей связи с жизнью партии, со всей богатейшей по своему содержанию новой исторической эпохой»³.

Адоратский считал, что основным предметом научной биографии Ленина является его практическая и теоретическая деятельность и «непосредственно предшествующий ей подготовительный период»⁴. Таким подготовительным периодом он считал время жизни Ленина в Казани и Самаре (1887—1893 гг.) и определял его как «период предварительной подготовки и начала работы в нелегальных кружках»⁵. Изображение этого периода, по его мнению, обязывало историков дать, помимо всего прочего, «картину тех революционных идей (и их корней), которые оказали влияние на молодого Ленина»⁶.

Исходя из признания «предварительной эволюции Ленина» на пути к марксизму, Адоратский поставил связанные с нею и подлежащие изучению вопросы: Ленин и революционное народничество; Ленин и марксизм (изучение Маркса и Энгельса); Ленин и западноевропейское рабочее движение; Ленин и Плеханов⁷. В связи с этим

¹ Пролетарская революция. 1930. № 1 (96), 2—3 (97—98).

² Адоратский В. Научная биография В. И. Ленина // Вопросы преподавания ленинизма, история ВКП(б), Коминтерна. М., 1930.

³ Там же. С. 42—43.

⁴ Детские и отроческие годы Ленина (среда, семья, гимназия) Адоратский относил к «предпосылкам» его биографии (см.: Пролетарская революция. 1930. № 2—3 (97—98). С. 3).

⁵ Пролетарская революция. 1930. № 2—3 (97—98). С. 3.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ См.: Адоратский В. Научная биография В. И. Ленина. С. 45.

автор полагал, что при изучении периода 1887—1893 гг. «должен быть поставлен и разрешен вопрос — был ли специально народофильский период в развитии Ленина»¹, и если был, то каким путем, под влиянием чего и когда совершился его переход к марксизму. Характерно, что сам Адоратский в то время склонен был утвердительно отвечать на этот вопрос. Он отмечал, что еще в Казани на Ленина «несомненно оказали известное влияние имевшие там народофильцы»².

О позиции автора свидетельствует и сделанная им обобщающая формулировка интеллектуальных достижений и мировоззренческого развития Ленина в 1887—1893 гг.: он «проработал весь предшествующий революционный опыт, воспринял объективную революционную обстановку в России, пережил все искания русской революционной мысли (выделено мной. — Р. Ф.), о чем сам рассказывает в ряде своих произведений... проработал важнейшие произведения марксизма, в совершенстве усвоил метод Маркса»³. Адоратский указывал также на самостоятельное изучение Лениным русской истории и действительности и начало борьбы с народничеством. А это обнаруживало не только некоторую узость авторской оценки периода 1887—1893 гг. (лишь как подготовительного к практической и теоретической деятельности), но и шаткость его суждений о влиянии народофильцев на Ленина, о сохранении в его взглядах — даже в 1892—1893 гг. — «остатков народофильства»⁴.

Общий вывод Адоратского сводился к тому, что к концу рассматриваемого периода (т. е. к 1894 г.) Ленин был уже «зрелым теоретиком-марксистом». Именно 1894 год он считал «завершающим подготовительный период и началом нового периода», когда Ленин начал непосредственную работу в массовом пролетарском движении и выступил с крупными трудами, которые «свидетельствовали о его полной теоретической зрелости как марксиста»⁵.

¹ Пролетарская революция. 1930. № 2—3 (97—98). С. 10.

² Там же. Автор при этом ссылался на воспоминания Н. К. Крупской, замечание которой о том, что у Ленина «чувствовалась хорошая народофильская вилочка», осмыслил, видимо, слишком расширительно, распространяя в какой-то мере и на его общественно-политические взгляды. Н. К. Крупская имела в виду исключительно использование Лениным опыта народофильцев «по конспиративной части» (см.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1933. С. 10).

³ Адоратский В. Научная биография В. И. Ленина. С. 45.

⁴ См.: Пролетарская революция. 1930. № 2—3 (97—98). С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

Выдвинутые Адоратским положения отразили разработанные Институтом Ленина первоначальные установки по дальнейшему изучению проблемы. В той или иной мере они были реализованы авторами новых научно-популярных биографий Ленина, созданных в первой половине 30-х гг. Среди них следует выделить краткий очерк жизни и деятельности Ленина, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой по предложению издательства «Молодая гвардия»¹. Вторая глава этого очерка, посвященная казанскому и самарскому периодам жизни Владимира Ильича (наряду с печатавшимися на протяжении 20-х гг. воспоминаниями и специальными статьями автора), составила первооснову трактовок идейного развития Ленина в 1887—1893 гг. почти во всех других биографических работах того времени².

Вполне понятно, что авторы этих работ не ставили перед собой задачу исследовательского решения всех проблем, намеченных Адоратским. Но они не могли обойти проблему «Ленин и Плеханов», в которой для периода 1887—1893 гг. центральное место должен был занять вопрос о влиянии последнего на формирование марксистских воззрений Владимира Ильича. Имеющиеся источники (автобиографические свидетельства самого Ленина в его произведениях и письмах, воспоминания родных и близких) давали возможность объективно подойти к решению этого вопроса. Еще в апреле 1924 г. Н. К. Крупская выдвинула единственно правильную мысль о том, что до определенного времени Ленин видел в создателе группы «Освобождение труда» учителя, который «сыграл крупную роль в его развитии, «помог ему найти правильный революционный путь...»³. Позднее в своем отзыве на подготовленную П. М. Керженцевым биографию В. И. Ленина она писала: «Совершенно неверно дается характеристика группы «Освобождение труда», не освещается роль группы... в пред-

искровский период и отношении Ильича к Плеханову как к учителю, искажается оценка Лениным Плеханова. Насчет взглядов Плеханова на роль рабочего класса прямое искажение. Надо же помнить речь Плеханова на I конгрессе II Интернационала»⁴.

А. И. Ульянова-Елизарова также отмечала, что группа «Освобождение труда» (особенно Плеханов) «имела большое влияние на Владимира Ильича. Он познакомился еще в России с главными литературными произведениями Плеханова, очень уважал его и считал своим учителем»⁵. Плеханов, по словам Ульяновой-Елизаровой, «пользовался всегда большим авторитетом» в глазах Ленина, до конца 90-х гг. остававшегося «горячим рыцарем» группы «Освобождение труда»⁶. Одна только автобиографическая заметка «Как чуть не потухла «Искра»?», в которой Ленин признавал, что никогда в своей жизни он не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением, почтением и любовью, как к Плеханову⁷, не оставляет никаких сомнений в глубокой правоте Н. К. Крупской и А. И. Ульяновой-Елизаровой.

К сожалению, постепенно набравшее силу негативистское отношение к теоретической деятельности группы «Освобождение труда» все чаще и чаще предопределяло решение вопроса в духе вульгарного противопоставления друг другу Ленина и Плеханова — двух представителей революционного марксизма, чьи отношения вплоть до 1903 г. базировались на солидарности основных взглядов и тождестве практических задач⁸. Это проявилось, в частности, в очерке Е. М. Ярославского. Отмечая, что многие тогдашние революционеры признавали идейное руководство плехановской группы, автор концентрировал внимание на ее оторванности от России и отсутствии «прочных связей с работавшими в России товарищами». Из этого следовал неожиданный вывод: «Поэтому и взгляды этой группы на революционную работу в России далеко не были правильными»⁹. Понятно, что вопрос об отношении Ленина к Плеханову до 1895 г. (т. е. до установления личных

¹ *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин): Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1931. В основу этого очерка была положена биография Ленина, опубликованная ею еще в 1927 г. (Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 41, ч. 1. Стб. 304—326). В этой биографии Анна Ильинична в обобщенном виде изложила свой взгляд на развитие Ленина с детства, на «те влияния, которые обусловили создание его личности, его, так сказать, становление».

² *Сорин Вл.* В. И. Ленин, 1870—1924: Краткая биография. М.; Л., 1931; *Ярославский Ем.* Биография Ленина. М., 1934; *Керженцев П.* Жизнь Ленина. М., 1934.

³ *Крупская Н. К.* О Ленине: Сб. статей и выступлений. М., 1971. С. 20.

⁴ Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1964. № 2. С. 68.

⁵ *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин)... М., 1931. С. 24—25.

⁶ См.: *Ульянова-Елизарова А. И.* Воспоминания об Ильиче: Сб. статей с предисловием М. И. Ульяновой. М., 1934. С. 57, 103.

⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 343.

⁸ См. там же. С. 353.

⁹ *Ярославский Ем.* Биография Ленина. С. 19.

контактов с ним) Ярославский вообще не затронул, а следующие его революционные связи с группой «Освобождение труда» очертил в духе непримиримого идейно-политического противоборства (в том числе и в период совместной работы в «Искре») ¹.

В целом же в освещении жизни и деятельности Ленина в 1887—1893 гг. авторы указанных биографий опирались на более строгий отбор хорошо известных к тому времени фактов. Важно то, что за этим уже просматривалось единство советских историков во взглядах на значение казанского и самарского периодов жизни Ленина для формирования его марксистских взглядов, для подготовки к роли теоретика и вождя партии. В. Г. Сорин, вполне солидаризируясь с представлениями Ульяновой-Елизаровой, Адоратского и других историков, писал, что в Петербург осенью 1893 г. Ленин приехал «вполне сложившимся марксистом с цельным и законченным мировоззрением, превосходно владея марксистским методом и обладая огромной эрудицией» ². Этот вывод, ставший общим достоянием советских историков уже в начале 30-х гг., в известной мере был подготовлен общими трудами по истории партии, а также специальными научно-популярными и исследовательскими работами о жизни и деятельности Ленина в Казани и Самаре.

В наиболее документированном виде начало революционной деятельности В. И. Ленина было рассмотрено в ряде работ М. К. Корбуа ³. Основное внимание в них он уделил участию Ленина в политическом выступлении студентов Казанского университета 4 декабря 1887 г. Автор привлек к своему исследованию наряду с воспоминаниями архивные документы (в том числе департамента полиции), что позволило ему показать событие 4 декабря на фоне общероссийского студенческого движения и жизни разношерстных в идейном отношении кружков казанской молодежи и, что особенно важно, наметить нити, ведущие к первым связям Ленина в революционной среде.

Отвергая точку зрения В. М. Фриче, доказывавшего

чисто академический характер студенческого движения ⁴, Корбут оценивал последнее как «стоящее на полпути от академического к общеполитическому» ⁵, подчеркивал политический акцент студенческих требований и активную роль Ленина в событиях 4 декабря 1887 г. Автор уточнил и дополнил ценными сведениями опубликованный А. Аро-севым ⁶ список студентов, исключенных из университета вместе с Лениным, — материал, имеющий существенное значение для изучения состава студенческого кружка, в котором он недолго, но активно участвовал.

Следует отметить, что Корбут не избежал ошибок различного характера. Их источник (некритическое восприятие документов, некоторых положений из работ Зиновьева и Каменева о Ленине) еще в 1922 г. указала А. И. Ульянова-Елизарова на примере одной из его ранних статей ⁷.

Ценные наблюдения об участии Ленина в одном из федосеевских кружков Казани и, главное, о его отношении к литературному наследию Н. Е. Федосеева содержала статья Н. Л. Сергиевского ⁸. Рассказывая о судьбе этого наследия, автор отмечал, что Ленин, познакомившись с трудами Федосеева по рукописным спискам, заинтересовался ими и самим автором, вступил с ним в переписку. Здесь же он рассказал о прямом и действительном участии Ленина в попытке сохранения рукописей Федосеева и высказал догадку, что последний завещал их именно Владимиру Ильичу. Важно то, что Сергиевский, имевший в 1900 г. личную беседу с Лениным именно по поводу литературных работ Федосеева, зафиксировал его живейший интерес к научному творчеству выдающегося представителя ранней марксистской мысли.

Несколько позднее к изучению вопроса о связях Ленина с Федосеевым обратился И. С. Зильберштейн ⁹. Его интересовал прежде всего вопрос о хронологических рамках и содержании их переписки. Подчеркивая, что это один из

¹ См.: Фриче В. М. Высшая школа в конце века // История России в XIX в. Сб.: Гравит, 6. г. Т. 9. С. 153—154.

² Корбут М. К. Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин // Каторга и ссылка. 1931. № 8—9 (81—82). С. 14.

³ См.: Ленинский сб. II. С. 439—440.

⁴ Елизарова А. О жизни Владимира Ильича Ульянова-Ленина в Казани (1887—1889 гг.) // Пути революции (Казань). 1922. № 2. С. 6—7.

⁵ Сергиевский Н. Л. Владимир Ильич и литературное наследство Н. Е. Федосеева // Красная летопись. 1926. № 6 (21). С. 10—17.

⁶ Зильберштейн И. С. Некоторые вопросы биографии молодого Ленина // Каторга и ссылка. 1930. № 1 (62).

¹ См.: Ярославский Е. М. Биография Ленина. С. 20, 26.

² Сорин Вл. В. И. Ленин, 1870—1924: Краткая биография. С. 9.

³ Корбут Мих. В. И. Ульянов в Казанском университете // Новое дело (Казань). 1922. № 1; Его же: Студенческое движение в Казани в восьмидесятые годы и Ленин // Каторга и ссылка. 1929. № 7 (56); Его же: Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин // Каторга и ссылка. 1931. № 8—9 (81—82).

самых интересных и вместе с тем едва ли не самый неувязанный вопрос литературной деятельности молодого Ленина, автор попытался на основе всего накопленного в течение 20-х гг. материала установить общность их мировоззренческого развития и идейно-политических устремлений.

На основе анализа различных мемуарных свидетельств и личных бесед с Н. Л. Сергневским Зильберштейн пришел к выводу, что эпистолярная связь Ленина с Федосеевым установилась еще в последние месяцы пребывания Владимира Ильича в Самаре. К этому времени автор отнес, опираясь на свидетельства Сергневского, два несохранившихся письма Ленина Федосееву с критическим разбором книг Н. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» и английского историка Уильяма Эшли «Экономическая история Англии», а также — «с большой долей вероятности» — письма, содержащие его отзывы о двух главах федосеевского труда, посвященного изучению экономических условий, подготовивших падение крепостного права¹.

В утвердительном смысле Зильберштейн решал и вопрос о знакомстве членов самарского марксистского кружка Ленина — Лалайница — Скляренко с рукописями этих глав, одна из которых была посвящена вопросу о купчих землях крепостных, а вторая — характеристике последнего периода крепостного права по «Пошехонской старине» М. Е. Салтыкова-Щедрина². У автора не было никаких сомнений в том, что еще в Самаре Ленин начал разработку материалов, послуживших основой для систематической критики либерального народничества в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В связи с этим Зильберштейн высказал достаточно обоснованное предположение о том, что переписка Ленина с Федосеевым не прерывалась и после отъезда Владимира Ильича из Самары. Автор считал, что именно благодаря этому последний знал о полемике своего корреспондента с Михайловским, а Федосеев — о готовящемся выступлении Ленина против либеральных народников «с обстоятельной работой». Выдвигалось и предположение, что Ленин сумел переслать Федосееву первый выпуск этой работы, посвященный критике позиций Михайловского³.

В 1933 г. беллетризированный научно-популярный

¹ См.: Зильберштейн И. С. Некоторые вопросы биографии молодого Ленина. С. 12, 22.

² См. там же. С. 11—12.

³ См. там же. С. 17—19.

очерк о недолгом пребывании Ленина в Казанском университете опубликовал Ф. Ф. Раскольников. Следуя законам избранного жанра и широко используя накопившийся к тому времени разнообразный материал, автор живо обрисовал тот гнетущий общественно-политический фон, на котором развернулось антиправительственное выступление 4 декабря 1887 г., показал характер политических настроений и убеждений Ленина, его действительную роль в этом событии, ставшем для него «хорошей революционной школой...»¹.

Самарский период деятельности Ленина нашел некоторое отражение в «Очерках» В. И. Невского. Основываясь на вышедших к тому времени воспоминаниях (А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Семенова, А. М. Стопани и др.), он попытался выяснить его роль в повороте радикально настроенной молодежи Самары к учению революционной социал-демократии. Указывая на работу Ленина в кружках самарской молодежи, он отмечал, что она, несмотря на свои скромные масштабы, «имела огромное значение»: во-первых, потому, что уже тогда многие его взгляды по вопросам русской экономики и по применению основ учения Маркса и русской действительности, облеченные в форму научных статей и распространенные среди немногочисленных еще учеников, имели большое влияние на формирование их марксистского мировоззрения; во-вторых, потому, что, работая вместе с молодежью того времени, Ленин «сам проходил, так сказать, первоначальные стадии развития социал-демократии в России: с самого начала движения он, значит, был не только гениальным теоретиком его, но и практиком в полном смысле этого слова»². Этим выводом Невский отвергал распространяющуюся некоторыми историками и публицистами ошибочную версию, представляющую Ленина того времени, с одной стороны, одиночкой, чье мировоззренческое развитие шло вне связи с далеко зашедшим уже процессом распространения марксизма в России, а с другой — политическим деятелем-практиком, сосредоточившим свое внимание (в отличие от Плеханова) лишь на социально-политических вопросах³.

¹ Раскольников Ф. Ленин — студент // Молодая гвардия. 1933. № 9. С. 95—105.

² Невский В. И. Очерки по истории Российской Коммунистической партии. Ч. 1. С. 283—284.

³ См., например: Запорова Г. История Российской Коммунистической партии (большевиков). М.: Пр., 1923. С. 67—68.

В середине 20-х гг. попытку обобщения данных о жизни и деятельности Ленина в Самаре предпринял И. И. Блюменталь в брошюре, изданной Истпартом Самарского губкома РКП(б)¹. Автор исходил из признания большого значения этого периода в жизни Владимира Ильича, который, по его словам, за период с весны 1889 до осени 1893 г. проделал огромную работу по самообразованию, углубил и развил свое революционное мировоззрение, начал литературную работу и сделал первые шаги на практическом поприще. Скромно оценивая свой труд как «только первый, бледный и схематичный, набросок», Блюменталь справедливо сетовал на скудость документального и литературного материала, не только не дающего возможности восстановить картину постепенного идейного роста и развития Ленина, но очень неясно и туманно рисующего даже чисто внешней стороной его жизни в Самаре.

Тем не менее систематизация выявленных к тому времени документальных данных и свидетельств мемуарного характера (в том числе специально собранных работниками Самарского Истпарта) дала положительные результаты. Хотя автор и допустил ряд ошибок фактического характера (некоторые из них были исправлены А. И. Ульяновой-Елизаровой, снабдившей брошюру своими замечаниями), ему удалось представить самарский период жизни Ленина в более или менее цельном виде.

Определенный интерес представляет попытка Блюментала проследить мировоззренческое развитие Ленина. Решительным и окончательным толчком движения его мысли «в определенно марксистском направлении» явилось, по мнению автора, начало изучения «Капитала» Маркса, которое он относил, вслед за А. И. Ульяновой-Елизаровой, к осени 1888 г., когда Владимир Ильич возвратился из кокушкинской ссылки в Казань. А его жизнь в Самаре, куда он прибыл «во всеоружии... марксизма», — это годы дальнейшей «марксистской учебы», «заложившей основу его «блестящей марксистской теоретической подготовки»². Стремясь раскрыть мир духовных интересов Ленина, автор проанализировал приведенный в статье А. Кухарского список книг, взятых в Самарской публичной библиотеке по абонементу Ульяновой (вероятно, Анны Ильиничны)

за 1893 г.³ Хотя этот список заключал в себе лишь незначительную часть литературы, которая, несомненно, была доступна Ленину и изучена им в Самаре, Блюменталь с полным основанием утверждал, что он дает известное представление о серьезности и большой разносторонности умственных интересов Владимира Ильича⁴.

Следует отметить, что в разработке важнейшего вопроса о литературном наследии Ленина самарского периода Блюменталь проявил недостаточно критическое отношение к источникам и допустил явные ошибки (в частности, он категорически утверждал, что в Самаре были написаны второй и третий выпуски книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»)⁵. Не вполне удачной была и попытка автора решить вопрос о роли Ленина в повороте передовой самарской молодежи от народничества к марксизму, в создании первого марксистского кружка в Самаре. Он относил сближение Ленина с участниками кружков местной молодежи лишь ко второй половине его самарской жизни, а образование первой «марксистской группы» — лишь к весне 1893 г.⁶ Но важна была сама постановка вопроса, поскольку некоторые мемуаристы в то время склонны были вообще отрицать наличие оформленного марксистского кружка в Самаре⁷, недооценивать значение самарского периода теоретической и практической деятельности Ленина. Даже А. И. Ульянова-Елизарова к справедливому замечанию Блюментала о том, что очертания жизни Ленина в Самаре «рисуются крайне неясно, и много кропотливого труда потребуется, чтобы выяснить все подробности этой богатейшей по своему внутреннему содержанию жизни», сделала замечание: «Особенно многого и нельзя сказать. Читал, учился, дебатировал»⁸.

Это замечание не покажется странным, если учесть, что начало революционной деятельности Ленина А. И. Ульянова-Елизарова относала только к осени 1893 г., а годы его жизни в Самаре являлись, по ее мнению, «лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так

¹ Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. С примеч. А. И. Елизаровой. Самара, 1925.

² См. там же. С. 6, 16.

³ См.: Кухарский А. В. И. Ленин — читатель Самарской центральной библиотеки // Книгоноша. 1924. № 13 (44).

⁴ См.: Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре... С. 20.

⁵ См. там же. С. 20—21.

⁶ См. там же. С. 9.

⁷ См., например, воспоминания И. Х. Лалаева и М. А. Сильвина в сб.: В. И. Ленин в Самаре, 1889—1893. М., 1933. С. 32—33, 93.

⁸ Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре... С. 29.

широко». Но она признавала, что эти годы были «самыми важными, пожалуй, годами в жизни Владимира Ильича: в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия»¹.

Таким образом, изучение казанского и самарского периодов жизни и деятельности Ленина, развиваясь преимущественно в биографическом ключе, к середине 30-х гг. обозначило определенные достижения в освещении его первых шагов на поприще политической деятельности, в преодолении недооценки периода 1887—1893 гг. для формирования его теоретических и социально-политических взглядов. Все это, несомненно, стимулировало разработку новых историко-партийных проблем, расширяло и углубляло первоначальные представления о раннем социал-демократическом движении в стране. Историкографический процесс вполне подтвердил высказанную М. С. Ольминским еще в 1918 г. мысль о том, что, чем больше будет сделано в изучении Ленина «как литературного и политического деятеля», тем больше продвинется вперед знание истории нашей партии².

Наименее изученным оставался вопрос мировоззренческого развития Ленина. Важнейшие факторы, способствовавшие его духовному самоопределению и пробуждению его общественно-политического сознания, его научно-теоретические интересы, его собственные идейные искания и достижения — все это получило лишь контурные очертания, крайне слабо заполненные конкретным содержанием. Историки еще не сумели научно проанализировать всю совокупность доступных им источников, позволяющих проникнуть в лабораторию ищущей мысли Ленина, с той мерой глубины, которая позволяла бы осветить его путь к вершинам творческого марксизма в органической связи с конкретно-исторической обстановкой и состоянием общественно-политической мысли страны на рубеже 80—90-х гг., с общим процессом зарождения и утверждения нового мировоззрения на российской почве. Вопрос о выходе Ленина на уровень тех идейно-политических позиций, с которых он вслед за Плехановым выступил против всей системы народнических воззрений в середине 90-х гг., еще не был даже исследовательски поставлен, хотя очевидно,

что это могло пролить свет на важнейшие аспекты его мировоззренческого развития, — вопрос, который представляет большой интерес для научной разработки общей проблемы генезиса марксизма в России. Вполне понятно, что подлинно научное решение указанного вопроса в известной мере сковывалось крайне недостаточной разработанностью проблемы теоретического основания российской социал-демократии и — в определенной связи с этим — отчетливо наметившейся тенденцией исключить из числа важных факторов формирования марксистского направления в России теоретическое и программно-тактическое творчество группы «Освобождение труда», марксистские работы Плеханова 80 — начала 90-х гг.

¹ Елизарова А. Значение казанского и самарского периода для деятельности Владимира Ильича // Молодой большевик. 1925. № 1 (14). С. 34.

² См.: Ольминский М. Тов. Ленин // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 26.

...Мы имеем право знать всю истину,
приятна она нам или неприятна.
Это даже наш долг...

Р. Роллан

Рассмотренные в данной книге историографические факты нерасторжимо связаны с фактами истории. Поэтому в них нет ни академической степенности, ни унылого безразличия: на них лежит отсвет сложных идеологических и политических процессов переходного периода, в них легко улавливается лихорадочное биение пульса общественно-политической борьбы, эмоциональный накал идейных схваток вокруг проблемы, которая по сей день волнует умы обществоведов и вызывает острые споры. Уже один этот факт свидетельствует о том, что творческое наследие советских историков, работавших тогда над проблемой возникновения и развития социал-демократии в России, представляет большой не только собственно историографический, но и исторический интерес.

Это наследие — частица нашей духовной культуры. Взятое в совокупности, оно представляет, несомненно, значительное явление. Не потому, что заключает в себе какие-то выдающиеся и бесспорные достижения, — напротив, в этой первой «разведке боем» многое несет на себе печать методологического несовершенства, дискуссионности, скороспелости, незавершенности. Но необходимо признать, что это наследие ярко высвечивает существенные стороны формирования историко-партийной науки, основные тенденции ее развития, ее прорывы в совершенно неизученные области истории раннего социал-демократического движения. В борьбе с мелкобуржуазной историографией историки-марксисты выдвинули ряд принципиально новых подходов к теме. Огромный спектр их политически заостренных наблюдений и обобщений содержит в себе солидный позитивный «заряд», который вполне выдержал проверку временем и прочно вошел в историко-партийную науку.

Но и все то, что было тогда же или позднее опровергнуто или поставлено под сомнение, заслуживает пристального внимания. «Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоление точки зрения» в рабочем движении»¹. Распространяя эту глубокую мысль Ф. Энгельса на историческую науку, можно сказать: кто хочет понять современное состояние историографии истории партии, тот должен изучить и «преодоленные» взгляды на ее историческое прошлое. Тем более что не все ценное, оставленное историками переходного периода, мы сумели удержать и не от всего заведомо ошибочного и изжившего себя успели отказать.

Изучение движения общественной мысли страны к марксизму — составная часть первых шагов по реализации поставленной Лениным и подтвержденной решениями высших форумов РКП(б) ответственной общественно-политической задачи: научно осветить «действительный процесс образования пролетарской партии в России...»². Решение вопроса о значении «утробного периода» в этом процессе естественно выдвинулось на одно из первых мест в качестве необходимой предпосылки научной постановки всей проблематики раннего социал-демократического движения.

Работа советских историков в этом направлении с самого начала приобрела характер целеустремленного научного поиска, охватившего широкий круг методологических и конкретно-исторических проблем. На первых результатах этого поиска лежит печать полной открытости всякой правде, безусловной научной честности, высокой партийной и гражданской ответственности. За сравнительно короткое время с марксистских позиций были очерчены общие контуры социально-экономических условий и идейно-политических предпосылок возникновения марксизма в России; положено начало исследованию всего комплекса проблем перехода революционной мысли страны к научному мировоззрению, творческой разработке марксистской теории применительно к отечественным условиям; заполнены крупные бреши в прагматике социал-демократического движения 80 — начала 90-х гг.; достигнуты существенные результаты в анализе идеологии наиболее крупных социал-демократических кружков и групп; намечено решение воп-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 337.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 264.

росов их генезиса, взаимоотношений и идейной преемственности.

Первые результаты исследований в столь широком диапазоне носили еще фрагментарный характер; их предстояло синтезировать, «включить» в систему, отражающую закономерности возникновения нового идейного течения. При этом проблем ставилось больше, чем решалось, что было вполне естественно: лавинообразное расширение потока источников опережало исследовательский процесс. Малочисленная когорта историков была просто не в состоянии исследователски охватить и ввести их в научный оборот.

Горячее стремление осмыслить узловые проблемы становления и развития социал-демократии в стране имело своим следствием обилие наспех сконструированных концепций, создатели которых, сами того, возможно, не сознавая, «подверстывали» под них имеющийся фактический материал. Это, конечно, не могло обеспечить ни полноту, ни глубину видения исторической реальности во всем ее многообразии. Новые публикации документов опрокидывали эти концепции, рождали иные представления, открывали более широкие возможности. Стало очевидным, что претворение этих возможностей в действительность упирается не столько в отсутствие или недостаток фактов, сколько в методологию. Сама исследовательская практика со всей остротой выдвигала перед историко-партийной наукой задачу постижения и творческого применения теоретико-методологического богатства ленинской концепции истории партии.

Между тем факты свидетельствуют о том, что далеко не сразу историки осознали даже историографическое значение ленинских работ. Сложным оказался их путь к пониманию того, что взгляды Ленина на возникновение и развитие российской социал-демократии составляют диалектическое единство с его более широкими концептуальными обобщениями, позволяющими поставить это общественно-политическое явление огромного исторического значения в связь не только со всей историей освободительного движения в России, но и рассмотреть его в контексте международного революционного процесса.

На этом пути историко-партийная мысль столкнулась с серьезными трудностями, предопределившими глубокую противоречивость историографического процесса. Следует признать, что гениальные ленинские обобщения, охватывающие всю сумму проблем движения революционной мысли

страны к учению Маркса и Энгельса, основания российской социал-демократии, подготовки и создания марксистской партии, не были осмыслены во всей их масштабности и цельности, что только и могло в конечном счете обеспечить последовательное, действительно творческое воплощение их в практике конкретно-исторических исследований.

Это, как мы могли убедиться, не исключало определенных достижений: было положено многообещающее начало изучению методологического значения ленинских идей и оценок для разработки темы; началось освоение ленинской периодизации истории партии; достигнуты крупные успехи в овладении ленинской концепцией революционного народничества. По крайней мере, до конца 20 — начала 30-х гг. влияние идей Ленина на изучение темы в целом и особенно на утверждение их в решении отдельных проблем прослеживается с большей или меньшей определенностью. В этом, собственно, проявлялось постепенное осознание историками того, что изучение темы, имеющей многоплановый характер, возможно лишь на единой методологической основе и со строгим учетом взаимозависимости всех ее составных частей.

Но это был очень неровный и трудный процесс. При ближайшем рассмотрении мы оказываемся перед фактами, которые не оставляют места для «благополучных» обобщений, столь часто встречающихся в историографических трудах. Среди историков-марксистов на протяжении всего изучаемого отрезка времени не было единства взглядов по целому ряду кардинальных проблем (историческое место периода 1883—1893 гг. в генезисе РСДРП, идейные предшественники большевизма, теоретическое основание российской социал-демократии, идеология отдельных кружков и групп и т. д.). В ходе разработки этих проблем обнаружилось различное понимание основополагающих ленинских оценок, неадекватное истолкование и выборочное использование их для «подтверждения» путаных, заведомо искажающих историческую действительность умозрительных схем.

Для определенной степени исследовательского процесса, когда еще предстояло суммировать высказывания Ленина о раннем социал-демократическом движении, разногласия среди историков были неизбежны и естественны. Но этим суть дела не исчерпывается. Анализ литературы убеждает в том, что динамизм овладения ленинской концепцией и применения ее к исследованию раннего социал-демократического движения находился в обратном

отношении к тем новым общественно-политическим и историографическим условиям, которые складывались под влиянием культа личности Сталина. Эти условия определили глубокие негативные сдвиги в методологии дальнейшего изучения темы.

Факты свидетельствуют о том, что в созданную многолетними традициями большевизма интеллектуальную атмосферу подлинно творческих поисков в условиях коллективизма и товарищества уже с конца 20-х гг. врываются чуждые ленинскому стилю руководства наукой, несовместимые со здоровым научным процессом проявления групповой нетерпимости, подозрительности и вражды. Тем самым создавалась питательная среда для первых всходов беспринципного приспособленчества, нравственного релятивизма. Перед натиском властительных блюстителей «идейной чистоты» и мастеров «политизированных» оценок вынуждены были отступать от своих взглядов даже отдельные историки-большевики старого идейного и нравственного закала. Все это оказало сугубо деструктивное влияние на дальнейшую разработку ленинской концепции истории РСДРП и всей проблематики становления и развития марксизма в России.

Наименее разработанной и вместе с тем наиболее искаженной оказалась центральная для истории всего «утробного периода» и неразрывно связанная с деятельностью группы «Освобождение труда» проблема теоретического основания российской социал-демократии. Обоснованное Лениным и более или менее правильно осмысленное на первых порах основное содержание этой проблемы (выработка в приложении к России теории рабочего социализма, теории русских социал-демократов) было сведено к расплывчатому понятию «распространение марксизма». Это позволяло заслонять главную заслугу группы «Освобождение труда» ее издательской деятельностью, пересматривать идеологию основателей «русского марксизма» с помощью экстраполяции их позднейших меньшевистских воззрений на тот период, когда они твердо отстаивали основополагающие принципы революционного марксизма. Этот пересмотр породил невероятную мешанину произвольных, чуждых «историческому реализму» суждений, представляющих собой различные модификации одной и той же субъективистской установки — отлучить группу «Освобождение труда» от марксизма, превратить ее идеологию и политику в «доподлинный оппортунизм». Теоретические достижения марксистов 80 — начала 90-х гг. начи-

сто исключались, таким образом, из числа исторических предпосылок ленинского этапа в развитии марксизма.

Обозначившийся довольно рано крен в сторону субъективистского истолкования теоретической деятельности группы «Освобождение труда», ее вклада в борьбу за создание пролетарской партии нашел яркое выражение в исторических дискуссиях конца 20 — начала 30-х гг. Как мы уже могли убедиться, их результаты были далеко не однозначны, и было бы серьезной ошибкой видеть в них лишь отражение общего уровня историко-партийной науки того времени. В действительности дело обстояло гораздо сложнее. Справедливое само по себе признание относительности, исторической ограниченности уровня исторического познания в тот или иной отрезок времени в данном случае не объясняет, а лишь стыдливо прикрывает и оправдывает сознательное нарушение марксистско-ленинских методологических принципов во имя «обоснования» связанных с деятельностью Сталина субъективистских политических установок и оценок, возведенных, используя выражение А. И. Герцена, в ранг «канонизированных истин». Пересмотр мировоззрения группы «Освобождение труда», ее роли в становлении и развитии российского социал-демократического движения означал полный отказ от беспорочных ленинских оценок, отступление от завоеванных позиций, что вело к резкому понижению теоретического и методологического уровня исследовательской мысли до той черты, за пределами которой говорить о научном подходе к разработке проблемы было уже невозможно.

В годы застоя нашей исторической мысли авторы историографических трудов, как правило, избегали даже констатации такого рода зигзагов в исследовательской практике: они не укладывались в прокрустово ложе идеальной схемы неуклонного, поступательного, восходящего движения историко-партийной науки. В лучшем случае речь шла об отдельных ошибках, которые объяснялись некоторыми объективными и субъективными факторами — от указания на состояние источниковой базы до признания недостаточного знакомства того или иного историка с предметом своего исследования.

Все это, конечно, имело место, и все это исторически объяснимо. Но общая картина историографического процесса остается искаженной, если мы отвлечемся от того бесспорного, на наш взгляд, факта, что вторжение в историческую науку субъективистских начал серьезно подрывало впервые созданную марксистским учением возмож-

ность «строго научного отношения к историческим и общественным вопросам»¹. Идеалистическая природа субъективизма не замедлила проявиться не только в антиисторизме самого подхода к важнейшим идеологическим явлениям 80 — начала 90-х гг., но и в своеобразной регенерации оценок, с которыми в свое время выступали ревизионистские элементы, враждебные революционному крылу РСДРП вообще, группе «Освобождение труда» в частности.

На рубеже XIX—XX вв. Г. В. Плеханов писал: «Маркса и Энгельса чаще всего «критикуют» таким образом: сначала их немножко не поймут или исказят, а потом немножко поправят. И так поступают милостивые критики, а милостивые совсем уже не стесняются с ними: они бесцеремонно приписывают им ахинею, глубокомысленно заявляя, что надо уже покончить с марксовой «догмой»². Нечто подобное происходило с конца 20-х гг. и затем на протяжении десятилетий с критическим анализом теоретического наследия самого Плеханова. В процессе такой «критики», подчиненной конъюнктурным соображениям, и складывалась глумливо-безответственная тенденция противопоставления «плехановского марксизма», «неполноценного» будто бы с точки зрения «ортодоксального» марксизма, ленинизму.

Эта тенденция, единственным «основанием» которой служило грубейшее искажение воззрений Плеханова-марксиста, имела крайне отрицательные последствия для изучения всего раннего социал-демократического движения. Попытки свести к нулю роль группы «Освобождение труда» в создании «доктрины русского марксизма», являвшейся идейной базой начавшегося в середине 90-х гг. соединения научного социализма с рабочим движением, не оставляли места для научной постановки проблемы ленинского этапа в развитии марксизма. Указанная тенденция отнимала всякую возможность рассмотрения теоретических, программно-тактических достижений группы «Освобождение труда» в перспективе дальнейшего творческого развития марксизма В. И. Лениным. В итоге создавались ложные представления о соотношении «утробного периода» развития российской социал-демократии с последующими ступенями ее движения к созданию пролетарской партии нового типа.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136.

² Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 479.

Постепенное утверждение в научной практике авторитарно-догматического мышления привело к тому, что общая картина «действительного хода развития социал-демократии»¹ в России оказалась глубоко деформированной. Процесс ее «утробного» развития как политической партии обрисовался в виде какого-то инкубационного периода формирования оппортунистической идеологии. К середине 30-х гг. трезвые суждения отдельных историков, стремившихся следовать принципу историзма, заглушил голос тех, кто с помощью далеких от науки приемов подготовил закрепление этого представления в учебнике «История ВКП(б). Краткий курс» (1938 г.). Тем самым почти на четверть века «судьба» проблемы была предreshена: ее изучение застыло в догматических рамках идеалистического по своей «философии» учебника, отредактированного самим Сталиным в духе культа собственной личности.

Исследовательский опыт 20—30-х гг. преподносит, таким образом, жестокие уроки. Важнейший из них сводится к тому, что отступления от марксистско-ленинской методологии и нравственные компромиссы (вне зависимости от побуждений тех или иных авторов) имели для историко-партийной науки слишком тяжелые последствия для того, чтобы историография как наука могла служить инструментом их оправдания. Верно, что история и современность представляли перед исследователями в сложнейших противоречиях, а порой и в отталкивающих, устрашающих гримасах, но, как говорил Ленин, «...если истории случается проказничать, то это не оправдывает проказ мысли у того, кто берется за анализ этой истории»².

Историография, правдиво и честно вскрывающая живую диалектику научного процесса, — это не только инструмент самопознания исторической науки, но и ее память. Порой она безмерно горька и тяжела: значительная и, осмелимся сказать, лучшая часть тех, кто посвятил свои силы изучению первых ростков великого Марксова учения на интеллектуальной почве России, пополнили страшный мартиролог ученых, ставших невинными жертвами сталинского деспотизма. Трагичной была и судьба их творческого наследия, частью уничтоженного, а частью погребенного в спецхранах, недоступных для масс, которым оно предназначалось.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 388.

² Там же. Т. 8. С. 368.

Но «нельзя сделать небывшим того, что было...»¹. Решения XX съезда партии, постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» положили начало процессу огромного историко-культурного значения: полному возвращению народу всего того, что честно служило поиску исторической правды и, следовательно, утверждению идеалов Великого Октября. Новая общественно-политическая ситуация, сложившаяся в стране, дала сильный импульс изучению истории раннего социал-демократического движения. Выход из субъективистского тупика в разработке темы уже во второй половине 50 — начале 60-х гг. дал первые серьезные научные результаты. И хотя этот далеко не простой процесс был затем осложнен явлениями застоя в развитии общественной мысли, доминирующей тенденцией в нем, вопреки инерционному давлению антиисторических стереотипов, оставалось неуклонное расширение и углубление изучения темы, обогащение ее творческими знаниями на основе марксистско-ленинской методологии.

Сейчас уже можно с полной уверенностью сказать, что предопределенная решениями XXVII съезда КПСС перестройка исторической науки откроет новый этап в изучении всей проблематики зарождения марксизма в России, возникновения и развития российской социал-демократии как идейного течения. Эта многогранная проблематика включает в себе целый ряд сложных дискуссионных вопросов, разрешение которых возможно лишь с позиций нового мышления, свободного от субъективизма и догматизма.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамов Арк. 288
 Аваев Н. Н. 210
 Адоратский В. В. 70, 71, 106, 340—342, 344
 Акимов В. П. (Махновец) 240, 298
 Аксельрод Л. И. (Ортодокс) 139
 Аксельрод П. Б. 23, 62, 136, 137, 223, 258, 264, 271—275, 299, 300
 Александр III 23, 184, 298
 Алексеев П. А. 30, 187, 188
 Алексеева Г. Д. 120
 Амиантов Ю. Н. 115
 Анатолийев П. И. 301—305
 Андрухов Н. Р. 120
 Аптекман О. В. 95
 Аргунов П. А. 301
 Аржанов Ф. М. 113
 Аросев А. Я. 329, 336, 345
 Астров В. Н. 291
 Афанасьев Е. А. 295
 Афанасьев Ф. А. 295

Б

Баженов В. В. 328
 Базаров В. А. 132
 Бакуини М. А. 134, 136, 137, 179, 189—191, 207, 208, 223, 224, 236, 242, 247, 250
 Балабанов М. С. 221
 Бастралова М. С. 120
 Батнишев С. 107
 Батурия Н. Н. 94, 106, 115, 162, 167, 184—188, 211, 262
 Бауман Н. Э. 112
 Белинский В. Г. 17, 68, 130, 132, 136, 206
 Белоусова Г. А. 173

Белыев Е. А. 120
 Бердяев Н. А. 137
 Берштейн Э. 12, 45
 Биневич А. И. 115, 170
 Благошев Д. Н. 106, 113, 158, 160, 210, 234, 240, 243, 244, 264, 265, 290—292, 305—314, 316, 322
 Благославов В. Е. 312
 Блан Л. 219, 302
 Бланк А. 113
 Блинов Н. В. 10
 Блюменталь И. И. 348, 349
 Богданов Н. Д. 295
 Богданова Н. А. 115
 Боград-Плеханова Р. М. 139
 Богучарский В. Я. 136
 Бокль Г.-Т. 219
 Брейтфус А. Л. 294, 316
 Бруснев М. И. 106, 114, 160, 235, 293—295, 317, 322
 Бубнов А. С. 79, 83, 94, 100, 104, 110, 150—152, 156—159, 161, 162, 169, 210, 255, 258
 Булгаков С. Н. 168
 Бурмистрова Т. Ю. 111
 Быстрых Ф. 99, 262, 275—279
 Быстрицкий В. А. (Ватин) 69, 70, 73—75, 111, 149, 150, 331, 338

В

Ваганин В. 104, 144—148, 150—152, 224, 225, 236
 Валеев А. М. 113
 Васильев А. И. 115
 Викторов П. П. 232
 Владимирский М. Ф. 113
 Волли Б. М. 113

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 255.

Волин М. С. 70, 73—75, 83, 100,
101, 120, 328, 338
Волин Я. Р. 34, 60
Волк С. С. 10
Вольфсон С. Я. 94, 95, 219, 220
Воровский В. В. 42
Ворожков В. П. 268, 307, 309, 332
Ворохобкин И. Т. 329
Выгодский С. 285, 286

Г

Газганов Э. Я. 201, 202
Гегель Г. 206
Гетхана Э. Б. 201
Герасимова Н. И. 91, 92
Гершен А. И. 17, 135, 136,
206—208, 250, 357
Гинабург Б. А. (Кольцов Д.) 308
Гиппюс З. Н. 148
Голубев В. С. 317
Голубева М. П. 203, 332
Гонфенгауз М. Г. 330
Горбачев М. С. 125
Горев Б. И. 142, 143, 146, 182, 220,
221
Горин П. О. 201, 283
Городецкий Е. Н. 120
Горький А. М. 330
Греков Б. Д. 98
Григорьев М. Г. 324, 332
Гринфест С. Л. 301
Груздева В. П. 113
Гусаревич С. 115

Д

Даниельсон Н. Ф. 168, 332, 346
Деборин А. М. 144—146
Дейч Л. Г. 132, 139, 218—220,
223, 228, 298, 300, 301
Диброва С. С. 115
Дивильковский А. 70
Дивиницкий П. И. 131
Добролюбов Н. А. 136
Донской М. В. 5
Драпер Д.-В. 219
Дубровский С. М. 114
Дюринг Е. 219
Лядиченко В. В. 103

Е

Елизарова А. см. Ульянова-
Елизарова А. И.

Ж

Жебунев В. А. 231
Желтова Г. И. 120
Желябов А. И. 181, 211, 229, 233,
267
Жуйков Г. С. 102, 107—111, 113,
173

З

Зайчневский П. Г. 182—184, 187,
203
Заславский Д. О. 181
Засулун В. И. 62, 272, 274, 275
Земелен А. И. 79, 85, 116
Забер Н. И. 223, 224
Зильберштейн И. С. 106, 336, 345,
346
Зиновьев Г. Е. 94, 125, 143, 144,
162, 337—339, 345, 347
Злобин В. И. 116
Зомбарг В. 45
Зунделевич А. И. 231

И

Иванов Б. (Николаевский Б.)
115, 291, 313—315
Иванов Л. М. 102
Иванова Л. В. 73, 120
Изгоев А. С. 137
Иллерицкая Н. В. 115, 338
Иллерицкий В. Е. 102
Иовчук М. Т. 6, 111
Иорданский Н. И. 139, 140
Итенберг Б. С. 102, 103
Иштутин Н. А. 182

К

Казакевич Р. А. 102, 107, 111
Калеккина О. П. 102
Каменев Л. Б. 339, 345
Каменев Ю. см. Каменев Л. Б.
Караванова Е. П. 115
Карелина В. М. 294
Карпинский В. А. 337, 338
Каутский К. 145
Керженцев П. М. 342
Кин Д. Я. 115, 127, 202
Кирпотян В. Я. 196, 205—209,
245—251
Клаузин В. И. 73, 111
Клюжвик-Ветров И. С. 182
Клорин В. Г. 172, 173
Ковальченко И. Д. 101—103
Козьмин Б. П. 181, 182, 208

Комаров Н. С. 120
Комиссарова Л. И. 92
Конт О. 219
Конюшан Р. П. 70, 103
Корба А. П. 234
Корбут М. К. 106, 331, 344, 345
Корнятовский Н. А. 73
Королюк Э. А. 230, 231, 332
Костин А. Ф. 80—82
Котов В. Н. 105
Красин Л. Б. 317
Кретов Ф. Д. 85, 86
Кржижановский Г. М. 328
Кривенко С. Н. 168
Кривогуз И. М. 111
Критский Ю. М. 105—108
Крупская Н. К. 330—335, 337,
341—343
Куделли П. Ф. 332
Кузнецов Л. С. 85, 116
Кулаков А. А. 116
Кулишын Г. И. 5, 7
Курбатова И. Н. 102
Кухарский А. 348, 349
Кучкин А. П. 115

Л

Лавров П. Л. 182, 207, 243, 244,
292, 306, 309, 312, 319
Лалаянц И. Х. 325, 332, 346, 349
Лассаль Ф. 279, 292, 308, 309
Латышев П. А. 311, 312
Лелевель Б. Ф. 322
Лелевич Г. Л. 70—72
Ленин В. И. 4—7, 9, 10, 12—92,
96, 97, 99, 101, 103, 104, 106,
108, 110, 112, 113, 116, 118,
120—128, 130, 131, 134—137,
141—145, 147—153, 155—157,
159—161, 165, 167—170, 172—
176, 180, 182, 184—188, 190,
192—209, 214—216, 219, 232,
234, 235, 238, 250, 253, 254, 258,
259, 260, 265, 267, 269, 270,
272—287, 295, 296, 302, 310,
312, 313, 315, 328—350, 353—
356, 358—360
Леонова Л. С. 120
Лелешинский П. И. 104, 115, 167,
168, 188, 262, 337, 338
Лившиц С. 323—325
Лифшиц М. А. 6
Ломакин А. И. 197, 198
Лопатин Г. А. 231
Лось Ф. Е. 103

Луначарский А. В. 148
Лядов М. Н. 94, 162

М

Малаховский В. Ф. 201, 283, 284
Маркс К. 3, 5—7, 9, 12, 20, 23, 25,
27, 28, 30, 42, 45—48, 52, 57, 61,
63, 66, 70, 73, 74, 85, 86, 128,
135, 138, 142, 145, 149, 155, 178,
183, 189, 191—194, 207, 212,
218—221, 223—228, 231, 232,
234, 236, 239, 241, 245—247,
249, 253, 255, 256, 260, 279, 280,
284, 287, 292, 297, 301, 302, 309,
319, 320, 331, 334, 340, 341,
347, 348, 353, 355, 358, 359
Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.)
62, 136, 137
Мартынов А. С. 136, 137, 278
Маслов Н. Н. 69, 84, 85, 104, 105,
159, 173
Мельников Ю. Д. 235
Мешков О. В. 115
Мицк И. И. 115
Митин М. Б. 59
Митрофанов А. Х. 337, 338
Михайлова Н. М. 335, 338
Михайловский Н. К. 16, 46, 168,
207, 319, 330, 332, 346
Михеевич С. И. 182—186, 191,
202, 231, 281, 332
Мишуров В. В. 105—108
Моисеев П. А. 187, 213
Мороховец Е. А. 179
Москалев М. 107
Мочалов В. Д. 42, 87—90

Н

Найденко М. Е. 114
Наумов В. П. 10
Наумов Г. 138
Нафитов Р. И. 102, 113
Невский В. И. 70, 76—79, 83,
93—95, 98, 99, 104—106, 109—
111, 115, 122, 141, 142, 150,
159—162, 174, 212, 213, 232—
239, 255—258, 279, 290—297,
310, 312, 337, 338, 347
Нечаев С. Г. 180
Нечкина М. В. 83, 84, 95, 97—100,
102, 194, 195
Николаевский Б. см. Иванов Б.
Норинский К. М. 294, 295

О

Обморский В. П. 30, 235
 Овсянникова С. А. 102
 Ольминский М. С. 15, 161, 162,
 175, 320, 335, 337, 350
 Ольховский Е. Р. 92
 Орехов А. М. 102, 114
 Остроухова К. А. 115
 Оуэн Р. 201

П

Панкратова А. М. 98
 Паприц Е. Э. 301
 Паукова В. А. 102, 111
 Переверзев В. Ф. 208
 Перовская С. Л. 233
 Першина З. В. 103
 Пестель П. И. 178
 Петерсон А. Н. 213
 Петрашевский М. В. 178
 Петровский Г. В. 322
 Писарев Д. И. 208
 Плаханов Г. В. 5—8, 21, 23, 27,
 43, 45—53, 55, 56, 58—65, 67,
 71, 74, 77, 78, 81, 83, 84, 86—98,
 100—102, 104, 105, 107—111,
 123—126, 128—140, 142—
 153, 160, 163, 164, 166—
 169, 171, 173, 175, 181, 187, 188,
 194, 197, 198, 206, 207, 210—
 213, 216—231, 235—238, 240—
 243, 245—252, 254—272, 274,
 275, 277—288, 292, 297, 299,
 303—305, 310, 311, 313, 315,
 319, 320, 327, 330, 334, 340,
 343, 347, 350, 351, 358
 Пляний Младший — 9
 Победоносцев К. П. — 96
 Покровский М. Н. 69—71, 94—
 98, 106, 109, 111, 114, 115, 120,
 127, 130, 176—184, 193—196,
 203—205, 210, 211, 213, 218,
 226—230, 259—261, 277, 284,
 326
 Полевой Ю. З. 40, 85—87, 90, 102,
 103, 107, 108, 111, 113, 244
 Полонский В. П. 189—191
 Поляков Ю. А. 102
 Полянский Ф. Я. 102
 Пономарев Б. Н. 107
 Попов Н. Н. 104, 162—164, 171,
 337, 338
 Поташ М. 262

Потресов А. Н. 131—134, 136,
 137, 140, 143, 217, 218
 Присецкий И. Н. 233
 Прудон П.-Ж. 179, 180, 219, 247
 Пугачевский Б. И. 115, 240,
 310—312
 Пустарнаков В. Ф. 47

Р

Радичев А. Н. 16
 Радченко С. И. 295
 Ралуновский И. П. 285
 Ракитников Н. И. 135
 Раскольников Ф. Ф. 347
 Распопин В. Т. 240, 299, 300, 302
 Рахметов В. 99, 262, 271—275,
 279, 285
 Родбертус-Ягцов К. И. 219
 Родзевич Г. М. 322
 Родзевич Ю. И. 322
 Рожков Н. А. 111, 140—142, 221,
 222
 Роллан Р. 352
 Ртишев Ю. И. 115
 Рубакин Н. А. 63
 Рудницкая Е. Л. 103
 Румий В. см. Ваганян В.
 Рыклин Г. 169
 Рындяч А. Ф. 202, 281
 Рызанов Д. Б. 105, 145, 146, 160,
 193—195, 222—224, 257, 267
 Рыскин Н. Д. 92

С

Савельев С. Н. 115
 Савицкий Р. М. 103, 115, 329
 Салтыков-Щедрин М. Е. 346
 Санын А. А. 235, 297, 317, 318,
 320, 324
 Сарбей В. Г. 103
 Сафаров Г. И. 144
 Святловский В. В. 151, 317
 Седов М. Г. 200
 Сененев М. И. 332, 347
 Сен-Симон А.-Ж. 201
 Сергиевский Н. Л. 86, 98, 104,
 106, 109, 115, 208, 239—245,
 257, 262—271, 279, 297—301,
 303—324, 345, 346
 Серебрянский З. 115, 170
 Сидоров А. Л. 99
 Сидоров М. И. 111

Сильвин М. А. 332, 349
 Скворцов В. К. 113
 Скворцов П. Н. 235, 297, 320
 Склиренко А. П. 346
 Смирнова В. Н. 113
 Соколов О. Д. 114, 115, 177
 Сорин В. Г. 79, 104, 106, 342, 344
 Смирин Л. М. 103
 Сталин И. В. 8, 79, 100, 125—127,
 170, 173, 356, 357, 359
 Стеклов Ю. М. 189, 190, 192—197,
 202, 208, 210, 236, 238
 Стопаня А. М. 325, 347
 Струве П. Б. 77, 168
 Суворин А. С. 148
 Суэзов М. Г. 116
 Сутоцкий С. 107

Т

Табейко 335
 Тарле Е. В. 98
 Тарнопский К. Н. 59
 Татаров И. Л. 201, 281
 Тахтарев К. М. 336
 Теодорович И. А. 199—204, 208,
 279—282
 Тихомиров Г. 337
 Тихомиров Л. А. 305
 Тихонова З. Н. 115
 Ткачев П. Н. 137, 178, 180—184,
 186, 187, 203
 Ткаченко И. В. 85
 Точисский П. В. 106, 235, 293,
 294, 315—317, 322
 Трапезников С. П. 53
 Трапп 9
 Троицкий Н. А. 103
 Троицкий Л. Б. 124, 148, 337

У

Ульянов В. И. см. Ленин В. И.
 Ульянов Д. И. 332, 336
 Ульянова М. И. 332, 336, 337
 Ульянова-Елксарова А. И. 115,
 149, 330, 332, 333, 335—338,
 342—345, 347—350
 Усольцев Ф. 301

Ф

Федосеев Н. Е. 28, 106, 112, 113,
 235, 296, 297, 317—320, 324—
 326, 329—330, 332, 345, 346

Фейербах Л. 206
 Филиппов Р. В. 90, 92
 Фирсов Ф. И. 125
 Фомин В. А. 102, 111
 Фриче В. М. 344, 345
 Фурье Ш. 180, 201

Х

Халтурин С. Н. 30, 187, 188, 235
 Харитонов В. Г. 314
 Ходоровский Н. Н. 337—338

Ц

Цамутали А. Н. 90, 91, 111
 Цвибак М. 332
 Цинчук А. Г. 112, 113

Ч

Чагин Б. А. 102, 111, 112, 126
 Чеботарев И. Н. 335
 Черепнин Л. В. 102, 114
 Черкасов С. П. 115
 Чернобаев А. А. 10
 Чернов В. М. 135, 136
 Черномордик С. И. (Ларно-
 нов П.) 86, 100, 102, 105, 109,
 251, 262, 286, 287
 Чернышевский Н. Г. 17, 132, 135,
 136, 180, 192—198, 206—209,
 250, 254, 289, 319, 330, 334
 Чесноков В. И. 115

Ш

Шагинин М. 336, 337
 Шаханов Н. П. 325, 326
 Шейнбаат И. М. 116
 Шелавин К. Н. 94, 159, 162
 Шелгунов В. А. 294, 295
 Шелохаев В. В. 10
 Шестаков А. В. 83
 Шиллер Ф. 9
 Шилов А. А. 210
 Шитов Н. Ф. 111
 Шитман А. М. 111
 Штаммлер Р. 45

Э

Эйдельман Б. Л. 149
 Эйхенгольц А. 339

Энгельс Ф. 6, 9, 12, 20, 27, 28,
42, 45, 47, 48, 52, 63, 66, 70,
73, 78, 86, 90, 142, 145, 178,
183, 190—194, 201, 207, 220,
227, 234, 239, 241, 245, 246, 249,
253, 255, 287, 297, 301, 302, 304,
309, 319, 331, 334, 340, 353,
355, 358
Эшли У. 346

Ю

Южаков С. Н. 332

Я

Яковлев Я. А. 337, 338
Якубович П. Ф. 233
Якович Л. Ф. 240, 299—301
Ярославский Е. М. 100, 104, 109,
115, 127, 146, 152, 153, 164, 171,
172, 201, 282, 284, 331, 337, 338,
342—344

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	11
Глава 1. Первый период истории российской социал-демократии в ленинской концепции генезиса РСДРП	12
Глава 2. Российское социал-демократическое движение 1883—1893 гг. в советской историографической литературе	68
§ 1. Изучение ленинской концепции	—
§ 2. Историографические обзоры	93
Часть II. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1917 — СЕРЕДИНЫ 1930-х гг.	119
Глава 1. Идеино-политическая борьба вокруг вопроса о роли Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда» в российском революционном движении.	130
Глава 2. Российская социал-демократия 1883—1893 гг. в учебниках по истории партии	155
Глава 3. Дискуссия 20 — начала 30-х гг. о предшественниках революционной социал-демократии	175
Глава 4. Проблема перехода революционной мысли России на позиции научного социализма	216
Глава 5. Роль группы «Освобождение труда» в теоретическом основании российской социал-демократии	254
Глава 6. Изучение социал-демократических кружков и групп 80 — начала 90-х гг.	289
Глава 7. Казанский и самарский периоды жизни и деятельности В. И. Ленина	328
Послесловие	352
Указатель имен	361

Филиппов Рудольф Васильевич

ПИОНЕРЫ МАРКСИЗМА В РОССИИ. 1883—1893

Историкографический очерк

Редактор *О. Н. Лежнева*

Научно-справочная работа выполнена *Р. М. Гайдуллиной*

Художник *Г. В. Колоскова*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Н. А. Золотарева*

ИБ № 7915

Сдано в набор 18.08.88. Подписано в печать 24.02.89. А00024. Формат 84X108^{1/2}/ш. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л. 21,33. Тираж 9 тыс. экз. Заказ № 4057. Цена 1 р. 60 к.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Маусская па., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

89-3748/6

Ф-534

Филиппов Р.
Пионеры ...

89-3748/6